
**Вячеслав
СТЕПИН**

**ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И КУЛЬТУРА**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2011

ББК 60.033.11+63.3-7+71.0
С79

Научный редактор

А. С. Запесоцкий, академик Российской академии образования,
доктор культурологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Издание подготовлено при участии
Института философии РАН

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП,
протокол № 10 от 11.03.11

Степин В. С.

С79 Цивилизация и культура. — СПб. : СПбГУП, 2011. —
408 с. — (Классика гуманитарной мысли ; Вып. 3).

ISBN 978-5-7621-0612-2

В книге представлена новаторская концепция культуры выдающегося отечественного ученого, академика Российской академии наук В. С. Степина. Культура рассматривается как сложноорганизованная развивающаяся система надбиологических программ человеческой деятельности.

Особое внимание уделено научному поиску ответов на вопросы, являющиеся сегодня значимыми для российского общества: как нам обрести свое новое лицо в конкуренции с Западом? могут ли у нас быть созданы цивилизованный рынок и правовое государство? какова будет судьба уникального российского феномена — интеллигенции? куда идет человечество и что ждет Россию? Автор связывает поиск новых стратегий цивилизационного развития с базисными ценностями культуры.

Книга вышла в издательской серии СПбГУП, включающей сборники научных трудов наших современников — незаурядных представителей отечественного гуманитарного знания. Уровень этих трудов делает их классическими при жизни авторов и исключительно полезными в университетском образовании.

Предназначено для ученых, преподавателей, студентов, а также для широкого круга читателей.

ББК 60.033.11+63.3-7+71.0

ISBN 978-5-7621-0612-2

© Степин В. С., 2011

© СПбГУП, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ В. С. СТЕПИНА (А. С. Запесоцкий).....	7
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	16
Раздел I. КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН	
Глава 1. ОБРАЗ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ КАРТИНЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....	18
Человек и природа. «Неорганическое тело цивилизации».....	19
Социальные отношения. Макро- и микроструктура общества.....	27
Человеческая активность и программирующие функции культуры.....	37
Мировоззренческие универсалии как основание культуры.....	61
Глава 2. ТИПЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ.....	78
Понятие цивилизации. Традиционные и техногенная цивилизации.....	79
Человечество перед лицом глобальных опасностей.....	93
Глава 3. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАУКИ.....	101
Специфика научного познания.....	104
Генезис и развитие науки.....	120
Глава 4. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ... ..	163
Типы системных объектов и научные онтологии.....	165
Идеалы и нормы исследования и философские основания науки в разных типах научной рациональности.....	185
Глава 5. ФИЛОСОФИЯ КАК САМОСОЗНАНИЕ КУЛЬТУРЫ.....	208
Философия — рефлексия над основаниями культуры.....	208
Эвристические и прогностические функции философии в научном исследовании.....	219
Глава 6. НАУКА И РЕЛИГИЯ В ТЕХНОГЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГА.....	249
Глава 7. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПОИСК НОВЫХ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ.....	261

Раздел II. ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ	
Глава 1. МАРКСИЗМ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА	276
Лики марксизма	276
Теория, идеология, практика	280
Марксизм как порождение техногенной культуры	288
Глава 2. ВНОВЬ ПЫТАЕМСЯ ДОГНАТЬ ЗАПАД	303
Глава 3. ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА. РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ	312
Проблема построения цивилизованного рынка в свете российского менталитета	313
Исторические типы рынка и предпринимательства	316
Теория рационального выбора и архетипы массового сознания	320
О возможных стратегиях движения к цивилизованному рынку	326
Глава 4. ЦЕННОСТЬ ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ	330
Глава 5. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ	342
Интеллигенция в оппозиции бюрократии: социальные роли и функции	342
Интеллигенция в эпоху модернизаций	350
Глава 6. НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	371
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Пушкин в эпоху кинематографа и компьютерного письма	385
ЛИТЕРАТУРА	389
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИКА В. С. СТЕПИНА	399
ХРОНИКА ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА В. С. СТЕПИНА	405

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ В. С. СТЕПИНА

I

Книга выдающегося отечественного ученого-гуманитария, академика Российской академии наук Вячеслава Семеновича Степина продолжает серию «Классика гуманитарной мысли», которую выпускает в свет Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. Данный издательский проект имеет своей целью содействие вузовской профессуре, школьным учителям, а также студенчеству и старшеклассникам в приобщении к передовым достижениям современной российской науки.

Свобода слова, обретенная нашим обществом в постсоветское время, помимо очевидных благ, принесла с собой и ряд проблем. Одна из них — публикация лавины псевдонаучных текстов, в которых, как правило, тонут реальные вершины научной мысли. Номенклатура книг, издаваемых ежегодно в СССР, достигала к концу 1980-х годов 13 тысяч. В современной нам России этот объем увеличился почти в 10 раз. К сожалению, прирост достигнут за счет изданий более чем сомнительного качества. Если к этому прибавить море журнальных, газетных публикаций и учесть пространство Интернета, то следует признать, что задача отбора полезных текстов для педагога и, тем более, для учащегося становится все более непосильной. Увы, устроилось от решения этой задачи и государство. Средства массовой информации же теперь вместо популяризации достижений выдающихся отечественных ученых все чаще пропагандируют, навязывают населению всевозможных шарлатанов. По последним опросам ВЦИОМа, более 80 % населения не в состоянии назвать имя какого-либо российского ученого наших дней.

Между тем российская наука в последние десятилетия совершила новые взлеты. В том числе — гуманитарная наука. В нынешней публицистике нередко встречается утверждение, что гуманитарии

советского времени якобы сильно отстали от Запада «под гнетом тоталитарной системы», что западных философов, социологов и других ученых нам теперь никогда не догнать. Это, конечно, совершенно не соответствует действительности. К началу 1990-х годов отечественная гуманитарная наука подошла в расцвете сил, располагая целым рядом выдающихся по мировым меркам ученых и философов. Многие из них в постсоветское время опубликовали поистине выдающиеся работы. Вот только далеко не все из таких дошли до широкого читателя.

В связи с этим наш Университет и занялся отбором выдающихся трудов последнего 20-летия, недостаточно выделенных читателем из массива существующих публикаций. Мы надеемся, что книги этой серии постепенно составят многотомную хрестоматию, своеобразный экстракт гуманитарного знания, соответствующий задачам образовательных программ высших учебных заведений, а также задач школьных факультативов по философии, теории и истории культуры, литературоведению, обществоведению и др. Мы надеемся также, что проект «Классика гуманитарной мысли» реализует и свой просветительский потенциал. Ведь адресность книг серии не ограничивается только образовательными учреждениями, а включает и интеллигентных читателей разных возрастов и занятий, интересующихся гуманитарной проблематикой.

Конечно, выбор персоналий ученых, представленных в данной серии, определен главной идеей деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов — идеей воспитания через культуру, приобщения новых поколений россиян к ценностям науки. Авторы серии — выдающиеся личности современности, идущие в научном творчестве своим путем, невзирая на превратности конъюнктуры. К таким знаковым персоналиям российской науки с полным основанием следует отнести и Вячеслава Семеновича Степина.

Первые два тома данной серии были составлены как сборники работ выдающихся ученых, опубликованных в различных журналах и книгах. По этому же пути первоначально шла и подготовка данной книги. Однако, узнав о наших редакционных замыслах, Вячеслав Семенович предложил дополнительную шлифовку своих ранее изданных трудов о культуре, в результате чего и появился целостный текст «Цивилизация и культура», предлагаемый сегодня читателю. Публикации, составившие основу данной книги, в ней указаны.

Мы уверены, что книга «Цивилизация и культура» В. С. Степина будет востребована интеллектуалами, интересующимися актуальными сведениями с «переднего фронта» науки и равнодушными к судьбам культуры.

II

Академик Степин давно и широко известен во всем мире как выдающийся философ, мыслитель, ученый и организатор науки¹. Много лет он работает в Институте философии Российской академии наук, в настоящее время руководит Секцией философии, социологии, психологии и права РАН. Тем из читателей, кто захочет узнать об этой удивительной личности больше, можно порекомендовать книгу «Российская философия продолжается: из XX века в XXI»². Здесь же отметим, что наибольшее признание Вячеслав Семенович получил благодаря своим трудам по философии науки.

К примеру, при присуждении ему титула почетного доктора философии Университета города Карлсруэ в 1999 году в числе особых достижений отмечались: концепция конструктивности научного познания, развитие куновской идеи парадигмы, анализ динамики ценностей и социального резонанса, учет системных аспектов научной теории в формировании картины мира, развитие постнеклассической концепции науки. Речь шла также об осмыслении проблемы культурных универсалий в техногенных цивилизациях и постановке вопроса о детерминированности человеческого развития «социальными генами». В кругах специалистов самой известной книгой В. С. Степина является «Теоретическое знание»³. Этот фундаментальный труд издан за рубежом на английском и испанском языках.

Однако в последние годы выявилось еще одно достижение В. С. Степина — создание новаторской и исключительно перспективной теории культуры⁴. Интересно, что сам академик, судя по всему, никогда не задавался целью сформулировать собственную теорию культуры. Это у него получилось «само собой», в качестве «побочного продукта» реализации иных интересов, связанных с философией науки. Что, разумеется, не играет никакой роли при оценке значимости результата. В беседах со мной Вячеслав Семенович неоднократно утверждал: «В том, что я говорю о культуре, нет ничего нового. Об этом говорили и писали другие. Я только собрал все это вместе». С данным утверждением можно согласиться лишь отчасти. С таким же успехом можно было бы сказать, что Менделеев «всего лишь» поставил в таблицу

¹ Сведения о жизненном пути В. С. Степина содержатся в приложении.

² Российская философия продолжается: из XX века в XXI / под ред. Б. И. Пружинина. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. (Философия России второй половины XX в.)

³ Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003.

⁴ Запесоцкий А. С. Теория культуры академика В. С. Степина : лекция, прочитанные студентам СПбГУП в мае-сентябре 2010 года. СПб. : СПбГУП, 2010. (Избранные лекции Университета ; Вып. 115).

известные элементы или что Пушкин «всего лишь» расставил известные нам слова в строчки.

Дело в том, что культура — исключительно уникально сложный объект научного познания. При максимально широком подходе под культурой понимается все, что создано руками и разумом человека за всю историю человечества. Существует огромное количество подходов к пониманию феномена культуры, теорий и концепций, интерпретирующих различные грани ее бытия. Одних определений культуры уже к середине прошлого века было выявлено и описано более трехсот. По мере исторического развития человечества непрерывно усложняются как структура культуры и динамика протекающих в ее эволюции процессов, так и набор теорий, ее описывающих. Можно сказать, что одной из доминирующих тенденций развития различных отраслей социально-гуманитарного знания во второй половине XX века стал культуранализм. Это выразилось в том, что классические научные дисциплины становились все более «культурологичными», и в формировании культурологии как самостоятельной отрасли научного знания.

Такое развитие событий вызвало к жизни потребность в создании некоей обобщающей теории, синтезирующей все, сделанное ранее многими поколениями философов и ученых. Именно эта научная задача — задача невероятного масштаба — и оказалась решена В. С. Степиным. Его теория — своего рода многомерная «картина культуры» в глубине и динамике ее исторического развития. Разумеется, картина далеко не детальная, но содержащая важнейшие, узловые элементы конструкции, зримо и рационально сопрягающиеся и «работающие» в потоке времени. Представляется возможным охарактеризовать эту теорию как деятельностно-семиотическую.

Разумеется, взгляды Вячеслава Семеновича на культуру вызревали в стройную теорию постепенно. Основной фундамент степинской теории был сформирован уже в 1992 году в книге «Философская антропология и философия науки»¹. В конце 1990-х годов Институт философии РАН под руководством академика готовит к изданию «Новую философскую энциклопедию», удостоенную Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники за 2003 год. Этот труд включает написанную В. С. Степиным масштабную статью «Культура», содержательная, системная и стилистическая отточенность которой, несомненно, делает ее классической для культурологии. Различные аспекты своей теории ученый конкретизирует и в це-

¹ *Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М. : Высш. шк., 1992.*

лом ряде статей в академическом журнале «Вопросы философии»¹, в выступлениях на различных конгрессах, научных конференциях, Международных Лихачевских научных чтениях.

Все эти работы позволяют нам вычлнить ключевые положения теории культуры В. С. Степина.

Прежде всего в связи с этим следует сказать о новаторском подходе к самому понятию культуры. Академик Степин определяет культуру как систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях. Ученый отмечает, что эти программы представлены в культуре многообразием знаний, норм, навыков, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, гипотез, верований, целей, ценностных ориентаций и т. д. Они образуют исторически накапливаемый социальный опыт. Культура — своего рода собрание и хранилище этого опыта, передающегося от поколения к поколению. В ней отмирают одни и зарождаются другие программы человеческой активности, которые, воплощаясь в жизнь социума, порождают реальные изменения.

Здесь представляется уместным напомнить читателю важнейшие этапы понимания культуры в мировой науке «до Степина». Самый ранний — формирование представления о культуре как обо всем, что создано человеком; осмысление оппозиции «культура–природа». Следующий этап — осознание целостности культуры. Далее — постановка комплекса проблем, связанных, во-первых, с деятельностным характером бытия культуры; во-вторых, с ее ценностными аспектами; в-третьих, с особой ролью в культуре знаков, символов, образов. Думается, что степинская формулировка открывает новый этап. Строго говоря, определение Вячеслава Семеновича предоставляет специалистам и некоторый простор для полемики. Возможно, прав будет тот, кто заметит, что культура — нечто большее, чем система надбиологических программ, и что функции ее шире, чем обеспечение устойчивой жизнедеятельности социума и его развития. Однако это определение задает нам принципиально новый ракурс видения культуры, понимания ее сути.

С одной стороны, степинское определение культуры сочетает достоинства деятельностного, ценностного и семиотического подходов,

¹ *Степин В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 37–43; Он же. Конструктивные и прогностические функции философии // Там же. 2009. № 1. С. 5–10; Он же. Культура // Там же. 1999. № 8. С. 61–71; Он же. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Там же. 2006. № 2. С. 16–26.*

интегрирует в себе достоинства этих подходов, с другой — носит диалектический характер, с третьей — антропоцентрично, то есть ставит в центр системы координат человека, его развитие. Данное определение изначально связывает бытие и развитие культуры с жизнедеятельностью социума, его воспроизводством и развитием. Конечно, понятие программирования весьма широко распространено сегодня в разных областях человеческой деятельности. Но никто и никогда ранее не ставил так четко и масштабно вопрос о роли программирования в культуре в целом, о программирующей функции самой культуры как целостности, как это сделал академик В. С. Степин. Выводя слово «программа» с инструментальных задворков технологической сферы на авансцену формирования картины мира культуры, Вячеслав Семенович придал нашему видению этой картины новую глубину, новый формат.

Представление о надбиологических программах человеческой деятельности является одним из базовых для теоретических построений академика. Истоки этого представления нетрудно увидеть в работах классиков отечественной семиотической школы: Ю. М. Лотмана, М. К. Петрова и др. Однако, синтезируя деятельностный и семиотический подходы, Вячеслав Семенович существенно развивает представление о культуре как способе регулирования человеческой деятельности. Наряду с биологическим (генетическим) кодом, который закрепляет и передает от поколения к поколению биологические программы, существует и социокод, посредством которого передается от человека к человеку, от поколения к поколению развивающийся массив социального опыта. Творчески перенося на культуру подходы, давно существующие в технике и биологии, ученый создает новую методологию онтологизации мира культуры. Набор не совсем понятный как связанных между собою явлений начинает в нашем сознании по-иному сочетаться, образует новую иерархию и структуру, проявляет ранее невидимые или недостаточно изученные взаимосвязи.

В контексте степинского видения культуры на качественно ином уровне, чем раньше, осмыслиются кодирование социального опыта и коммуникация. Развитие культуры предстает и как выработка нового социального опыта, и как формирование новых кодовых систем, запечатляющих этот опыт, и как создание новых систем его трансляции — систем коммуникации. В связи с этим принципиально важно, что появление новых способов кодирования закрепляет изменения характера коммуникаций и способов включения индивида в социальные связи.

Культура, по Степину, предстает как сложная и непрерывно развивающаяся система надбиологических программ человеческой деятельности. В этой системе есть своя иерархия и используются различные социокоды. Ученый весьма детально конкретизирует различные уровни

существования этих программ, говоря об их временных пластах. По-новому здесь высвечивается и особая роль интеллигенции как генератора нового, селекционера лучшего и хранителя ценностей в культуре.

Культурные универсалии — еще одно ключевое понятие теории академика В. С. Степина. Если культура — самоорганизующаяся историческая система, то она не может состоять из равноценных элементов. Какие-то должны быть более важными, ключевыми, «отбирающими» и «выстраивающими» в систему все остальные. Какие же? Ученый дает нам интереснейший ответ на этот вопрос.

К существенному вкладу Вячеслава Семеновича в культурологию следует отнести и выделение им двух больших и связанных между собой блоков универсалий культуры. Именно через универсалии лежит путь к пониманию национальных и этнических особенностей различных культур, их специфики. В то же время выявление ученым трех взаимосвязанных функций универсалий культуры в человеческой жизнедеятельности расширяет наши представления о механизмах существования и развития культуры. Концепция универсалий имеет не только колоссальное теоретическое, но и огромное практическое значение, в том числе для управления развитием культуры и образованием. В сочетании с концепцией надбиологических программ она открывает путь к более глубокому пониманию нами процессов культурной преемственности, проблематике динамики развития культуры.

Следующий научный прорыв ученого связан с типологизацией культур, выделением в качестве основных традиционалистских и современных («техногенных») типов. В. С. Степин увидел более глубинные отличия культур, нежели национальные особенности. На базе своей концепции универсалий он весьма убедительно показал, чем различаются в традиционалистской и техногенной культурах понимание природы, человека, деятельности и санкционирующих деятельности ценностей, власти и т. д. Так сформировался раздел его теории, связанный с двумя основными типами цивилизационного развития. Далее академик проанализировал ситуацию, связанную с взаимодействием этих двух типов цивилизаций, и наметил возможные пути выхода из существующих кризисов мирового культурного развития.

Даже беглое перечисление различных положений теории культуры академика В. С. Степина показывает, что мы имеем дело с уникальным феноменом отечественной науки конца XX — начала XXI века. Без знания этой теории, видимо, современная профессиональная подготовка гуманитариев уже не может считаться достаточной. Работы Вячеслава Семеновича Степина о культуре, несомненно, относятся к числу классических научных трудов, что и позволяет нам выпустить его книгу в данной серии.

III

Книгу «Цивилизация и культура» Вячеслав Семенович открывает сжатым изложением своего понимания культуры, переформулируя в интересах читателя свои труды начала 1990-х годов. Ученый четко обозначает свою сверхзадачу: провести анализ основных тенденций и сценариев развития современной цивилизации, определить наиболее благоприятные пути устойчивого развития современной России. Вопрос о том, куда следует идти России, обретает ответ при исследовании более широкой реальности: куда идет человечество? При этом культурологический подход задает продуктивный ракурс для анализа.

В первом разделе автор рассматривает науку, философию и религию как достаточно автономные, но взаимосвязанные между собой совершенно определенным образом подсистемы культуры. Снабдив читателя достаточным для понимания дальнейшего хода мысли теоретическим аппаратом, академик переходит к анализу актуальнейшей сегодня проблемы глобализации и диалога культур.

Во втором разделе дается научный анализ вопросов, являющихся в последние 20 лет излюбленными для отечественной публицистики: стоит ли списывать марксизм в архивы истории, как нам обрести свое новое лицо в современной конкуренции с Западом, может ли у нас быть создан цивилизованный рынок и будет ли у нас сформировано правовое государство, какова будет судьба уникального российского феномена — интеллигенции?

И завершается данная книга блестящим экзерсисом академика на тему поэзии А. С. Пушкина, совершенно неожиданным образом демонстрирующим нам огромный потенциал степинской научной методологии.

Тексты, собранные в данной книге, рассеяны в основном по научным сборникам, вышедшим за последние 20 лет микроскопическими тиражами. Первоначально они предназначались автором для своей среды обитания — специалистов сугубо научного мира. Теперь они обретают иную жизнь, будучи адресованными пытливым умам совсем другого круга читателей. И в этом мне видится выполнение нашим Университетом своей просветительской миссии, исконной и очень важной для университетов.

В качестве комментария к данной книге представляется уместным высказать еще несколько соображений.

Хочется напомнить читателю известную притчу про изучение слона слепыми мудрецами: один прикоснулся к ноге, другой — к хоботу, третий подержался за хвост. В результате были сформулированы три

совершенно различных взгляда на слона: слон похож на столб, змею и веревку. Так вот: теория академика Степина позволяет увидеть культуру не со стороны «хвоста», более того, охватить ее взором в целом и в основном — пусть и в первом приближении. Прорисовка деталей — уже задача следующих исследователей. Достоинство степинской теории в том, что она предоставляет одновременно и надежную основу, и широкий простор для дальнейшего творческого поиска. И это — рациональная теория в самом высоком смысле рациональности.

Хочу обратить внимание нашей аудитории еще на два ее аспекта. Первый — простота изложения. Уже давно понятно, что избыточное наукообразие, перегруженность специальными терминами чаще всего призваны скрыть отсутствие значимого содержания. Настоящая, яркая теория в большинстве случаев может быть изложена просто. Работы академика о культуре не разочаровывают и в данном плане. И нам не может не imponировать их доступность даже для весьма молодого человека, только начинающего путь в науке. Второй аспект: думаю, что настоящий ученый может получать удовольствие от культурологических работ академика неоднократно, перечитывая их по мере собственного развития. Удовольствие от культурологических работ В. С. Степина можно получить, и будучи студентом, и будучи аспирантом, доцентом, профессором и академиком. Советую обратить внимание на то, сколь естественно в степинской картине культуры обретают свое новое место, новое звучание Кант, Гегель, Маркс, Вебер, Риккерт, Кассирер, Данилевский, Сорокин, Тойнби, Шпенглер, Леви-Строс, Маклюэн, Лосев, Бахтин, Гуревич, Библер, Петров... Старые идеи, трудно совместимые взгляды на культуру, формировавшиеся под различными социально-историческими ракурсами, вдруг создают в совокупности новую палитру красок культуры, обнаруживают новые грани смыслов. Желаю читателю самостоятельно поработать над их выявлением.

Книга «Цивилизация и культура» В. С. Степина продолжает замечательные традиции истории отечественной мысли, начиная с обобщения уже известного, но быстро переходя к научным трансформациям традиционных представлений, развитию их под новым углом зрения, открывая в итоге новое видение мира.

*А. С. Запесоцкий,
академик Российской академии образования,
доктор культурологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исторические перемены в жизни современной России определяются переходом от советского социализма ко второму российскому капитализму. Этот переход породил множество проблем, связанных с демократизацией общества и формированием рыночной экономики. Надежды получить быстрые позитивные результаты путем простого заимствования западного опыта не оправдались. И вновь, как это не раз случалось в переломные периоды нашей истории, возникают вопросы: куда идем, какое общество строим, что ждет Россию в будущем? Эти вопросы имеют сегодня не только локальное российское, но и общечеловеческое значение.

Современные перемены нашей жизни выпали на особую уникальную эпоху в истории человечества. Многочисленные кризисы, с которыми оно столкнулось во второй половине XX — начале XXI века, остро ставят проблему поиска новых стратегий цивилизационного развития. Из набора сценариев возможного будущего, среди которых немало катастрофических, человечеству предстоит отыскать наиболее благоприятные, обеспечивающие не только его выживание, но и устойчивое развитие. Но тогда проблема российской модернизации соединяется с более широким и более сложным комплексом проблем, связанных с определением путей развития человеческой цивилизации. Вопрос о том, куда идет Россия, становится особой частью более общего вопроса: куда идет человечество?

Поиск ответа на эти вопросы предполагает анализ основных тенденций и сценариев развития современной цивилизации. Задача эта чрезвычайно сложная, многоаспектная, требующая междисциплинарных исследований с участием не только социально-гуманитарных, но и естественных и технических наук.

Современные цивилизационные изменения определены множеством факторов: экономических, политических, технологических и т. п. Но, пожалуй, центральное место среди них занимают факторы культуры.

Развитие наук об обществе и культуре второй половины XX — начала XXI века достаточно четко зафиксировали программирующие функции культуры в человеческой жизнедеятельности. Постепенно выяснилось, что нет такой области деятельности, поведения и общения людей, нет таких социальных состояний, структур, институтов, которые бы возникали, воспроизводились и изменялись вне влияния культуры.

Культурологический подход задает особый ракурс обсуждения проблемы цивилизационных перемен. Он акцентирует внимание на роли ценностей и архетипов сознания, трансформация которых во многом определяет тот или иной тип цивилизационного развития человечества. Эти ценности проявляются во всех сферах культуры (науке, философии, религии, морали, искусстве, политическом и правовом сознании и др.). Несмотря на относительную автономию этих сфер, они когерентны между собой. Поэтому изменение базисных ценностей в одной сфере неизбежно отрезонирует в других. Поиск новых стратегий цивилизационного развития предполагает выяснение того, как происходит изменение базисных ценностей культуры, как влияют на этот процесс встреча и взаимодействие различных культур в современную эпоху глобализации.

Традиционная для философии и социально-гуманитарных наук проблематика цивилизации и культуры обретает сегодня особую актуальность и новое измерение.

Раздел I

КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН

Глава 1. ОБРАЗ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ КАРТИНЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ¹

Среди множества теоретических моделей разной степени общности, характеризующих различные стороны социальной жизни, ее состояние, структуры и институты, особое место занимают обобщенные представления о системной организации и динамике общества. Такие представления являются особой формой теоретического знания — научной картиной социальной реальности, которая представляет собой важнейший аспект общенаучной картины мира.

Картина социальной реальности не претендует на описание всех деталей социальной жизни людей. Она схематизирует многообразие социальных явлений и процессов, выделяя их предельно общие сущностные характеристики. Множество конкретных теорий и фактов различных социально-гуманитарных дисциплин постоянно соотносятся с картиной социальной реальности. В свою очередь она развивается под влиянием накапливаемого в науке эмпирического и теоретического материала. Чтобы осуществлялось такое развитие, картина социальной реальности должна быть открыта для критики.

В настоящее время существуют различные подходы к построению картины социальной реальности и различные версии этой картины. Они конкурируют между собой. Если использо-

¹ Новая редакция с изменениями и дополнениями главы «Познание. Общество. Культура» из кн.: *Степин В. С. Философская антропология и философия науки*. М., 1992; *Степин В. С. Философия и универсалии культуры*. СПб.: СПбГУП, 2000. (Golden Pages).

вать терминологию Т. Куна, то эту ситуацию можно охарактеризовать как конкуренцию парадигм. Однако их несовместимость не является абсолютной. В них можно выделить общее содержание. Во всех современных научных представлениях об обществе как целостной системе выделены три основных блока: а) экономика; б) система социальных связей людей и соответствующие социальные институты; в) культура.

Проблема состоит в выявлении взаимосвязей этих подсистем и их функций в социальной жизни. Подход к решению данной проблемы определен философско-антропологической концепцией отношения человека к миру.

Человеческая жизнедеятельность осуществляется на основе трех основных видов отношения человека к миру: а) отношение к природе и искусственно созданной человеком природной среде, в которой непосредственно протекает человеческая жизнь; б) отношение к другим людям, социальным коллективам; в) отношение к духовному миру, в котором аккумулируется как индивидуальный опыт человека, так и общественный исторический опыт поколений. Представление об обществе как целостной системе предполагает характеристику указанных трех основных сфер человеческого мира.

Человек и природа.

«Неорганическое тело цивилизации»

Человек является продуктом космической эволюции, он включен в природу в качестве особого компонента, и его жизнедеятельность предполагает непрекращающееся взаимодействие с окружающей природной средой. В отличие от животных, которые адаптируются к природной среде, потребляя ее в предметных формах, созданных самой природой в ходе естественной эволюции, человек целенаправленно изменяет природу, формируя необходимые для себя объекты и процессы, чаще всего не возникающие в ходе естественной эволюции природы и даже маловероятные для этой линии эволюции (хотя и не противоречащие законам природы).

Основой взаимодействия человека с природой является практическая деятельность, в процессе которой он присваивает

вещество и энергию природы, преобразуя их в формы, пригодные для своего потребления.

Чтобы целенаправленно изменять исходный материал природы, человеку необходимы особые средства, которые служат проводниками его воздействия на преобразуемый предмет и представляют собой усилители его естественных органов. Орудия и средства, применяемые в производственной деятельности (станки, машины, энергетические установки, компьютерные системы и т. п.), многообразные предметы бытовой техники — от простейших (стол, стул, нож, ложка, вилка, посуда) до более сложных, возникших на современном уровне развития цивилизации (телевизор, холодильник, персональный компьютер), гидростанции, заводы, дома и города, дороги и транспортные средства, — все это многообразие созданного человеком предметного мира (второй природы) функционально служит своеобразным продолжением и дополнением человеческого тела. Только благодаря постоянному взаимодействию с этим миром, его воспроизводству и развитию возможна человеческая жизнь. К. Маркс образно характеризовал этот мир освоенных человеком природных объектов как «неорганическое тело человека». Такая характеристика является не просто метафорой. Она выражает понимание человека как существа, бытие которого определено его особой телесностью, включающей два взаимосвязанных компонента: биологическую организацию человеческого тела и его «неорганическое тело».

Идею двухкомпонентной системы человеческой телесности развивали наряду с К. Марксом и другие мыслители эпохи первой промышленной революции и последующей индустриализации.

Американский естествоиспытатель и философ Бенджамин Франклин определял человека как животное, делающее орудия. Современник К. Маркса, немецкий философ техники Э. Капп разрабатывал концепцию созданной человеком предметной среды (второй природы) как особой экстериоризации органов человеческого тела. Простые орудия, согласно Каппу, представляют собой органопроекции (мотыга, кирка, лопата — искусственная рука с железной кистью, позволяющая копать и разрыхлять землю, молоток — железный кулак

и т. п.)¹. Но и более сложные технические устройства Капп рассматривает как усиление и дополнение естественных органов человеческого тела (телеграф как продолжение нервной системы, железные дороги — «сосудистая система общества», аналогичная системе кровообращения)².

Идеи Э. Каппа развивал также русский философ, инженер и священник Павел Флоренский. Он отмечал, что объекты создаваемого человеком предметного мира могут быть представлены в качестве своего рода проекций человеческого тела. К ним относятся в первую очередь технические устройства, усиливающие возможности человека: например, механические орудия и машины как усилители костно-мышечной системы человека, телескопы, микроскопы, звукоусилители, звукотрансляторы, выступающие проекциями органов зрения и слуха, музыкальные инструменты как органопроекции гортани. Дом, человеческое жилище П. Флоренский также рассматривает в качестве своеобразного продолжения и проекции тела человека. Дом трактуется им как «синтетическое орудие», объединяющее все орудия, которыми мы пользуемся в повседневной жизни. Он подобен человеческому телу, объединяющему различные по функциям органы. Части домашнего оборудования, согласно П. Флоренскому, выступают проекцией человеческих органов: водопровод соответствует кровеносной системе, электрические провода звонков и телефонов — нервной системе, печь и дымовая труба — легким и горлу и т. п.³

Во всех этих подходах материальное бытие человека не сводится только к функционированию его биологического тела как части естественной природной среды. Оно включает две взаимосвязанные компоненты: биологическое тело и систему его искусственных органов — фрагментов «второй природы» (искусственно созданной человеком среды), посредством которой он адаптируется к окружающей естественной природной среде.

Понимание человеческой телесности как двухкомпонентной системы позволяет в новом свете рассмотреть и само развитие человека⁴.

¹ Капп Э. Роль орудий в развитии человечества. М., 1925. С. 100–101.

² Там же. С. 122–123, 125.

³ См.: Флоренский П. Органопроекция // Декоративное искусство СССР. 1969. № 12. С. 41–42.

⁴ Рассмотрение эволюции человека и его истории с этих позиций было по-

Как известно, эволюция живых организмов связана с изменением их телесной организации, формированием новых органов и их новых функций, позволяющих адаптироваться к новым условиям природной среды. Человек, как и все живые организмы, приспособляясь к природе, изменяет свою телесную организацию. Но его тело состоит из двух компонентов. Лишь на ранних стадиях становления человека в процессе антропогенеза происходило совместное, взаимосвязанное развитие биологической организации человеческого тела и орудий труда как искусственных органов человека. Но затем, в отличие от эволюции животных, которые приспособляются к изменяющейся внешней среде путем изменения своей биологической организации, человек (после того как он сформировался в процессе антропогенеза как *Homo sapiens*) погружается в природную среду и расширяет спектр условий своего природного бытия за счет изменения и усложнения своего «неорганического тела» (его же биологическая организация при этом практически не меняется). Тем самым биоэволюция человеческого рода трансформируется в особый тип эволюции — историю человечества.

Сформированные в процессе антропогенеза естественные органы человека (рука, мозг, органы чувств и т. д.) приспособлены для постоянного и универсального контакта с предметами второй природы. Только контактируя с ними, индивид может включиться в трудовую и иные формы деятельности и стать частью общества. Эти контакты являются одним из условий социализации индивида.

«Неорганическое тело» человека, развивающееся в процессе человеческой истории, передается от поколения к поколению, наследуется социально. Переход от первобытного состояния и варварства к цивилизации характеризуется качественными усложнениями этого «тела». Оно все более выступает как продукт общественного разделения труда, и каждый индивид представляет его как исторически сложившееся «неорганическое тело цивилизации». И тогда, чтобы понять, как происходит развитие человека, необходимо выяснить, как развивается его неорганическое тело, как оно изменяется, вос-

следовательно проведено К. Марксом. Подробнее см. главу «Марксизм вчера, сегодня, завтра».

производится и усложняется. Условием такого воспроизводства и развития является обмен веществ между обществом и природой, который осуществляется как процесс производства материальных благ.

Ассимиляция объектов природы в этом процессе происходит путем вычленения из природного целого некоторых его фрагментов с последующим их синтезом в необходимый человеку предмет искусственной материальной среды. Создаваемый таким путем предмет предстает как некоторая организация элементов, то есть как системно организованный объект. В процессе исторического развития производства происходит усложнение системной организации объектов, создаваемых в качестве продуктов деятельности, что приводит к соответствующему усложнению неорганического тела цивилизации. В первую очередь это проявляется в изменении системной сложности технических устройств, поскольку среди продуктов производства важнейшее место занимают предметные комплексы, которые затем применяются в качестве искусственных органов человеческой деятельности. Изменение системной сложности техники составляет основу для последующего расширения канала потребления природы обществом, для перехода к созданию в производстве объектов новой, более сложной системной организации.

Таким образом, на различных этапах своего исторического развития общество осваивает фрагменты природы различной системной сложности¹.

На ранних этапах антропогенеза, в производстве эпохи палеолита, доминировали простые предметы (скребки, каменные и костные резцы, рубила), которые не разделялись на составные части. Любое отделение части от простого предмета разрушало его. Это была первая фаза исторического развития техники.

Вторая фаза этого развития была связана с появлением техники составных предметов. Она началась в эпоху неолита, но ее расцвет припал на эпоху становления и развития первых

¹ Дальнейшее изложение опирается на идеи Г. Н. Поварова об изменении системной сложности техники в процессе исторического развития цивилизации. См.: *Поваров Г. Н.* To Daidalo ptero (К познанию научно-технического прогресса) // Системные исследования. Ежегодник-1971. М., 1972.

сельских и городских цивилизаций древности. Составные предметы включают в качестве своих частей простые предметы, которые объединяются между собой путем непосредственного «геометрического» контакта, соединения одного предмета (части) с другим. Копье с каменным или железным наконечником, нож с деревянной или костяной ручкой, топор, а затем и более сложные технические устройства — корабль, повозка, каменные постройки, мосты, плотины и тому подобное — все это образцы техники составных предметов.

В последующие эпохи возникает качественно новая (третья) стадия техногенеза. В производстве начинают создаваться объекты, представляющие собой малые системы. После первой промышленной революции они начинают доминировать в технике. Эти системы характеризуются относительно небольшим числом элементов (порядка 10^1 – 10^3) и связями, основанными на силовых воздействиях. Изменение состояния какого-либо элемента детерминирует строго определенным образом состояние других элементов (малые системы характеризуются жесткой детерминацией, взаимодействие их элементов описывается лапласовской причинностью). Примерами таких объектов в технике являются паровые машины, станки эпохи первой промышленной революции, а также технические устройства конца XIX — начала XX столетия (например, двигатель внутреннего сгорания, электромотор и т. д.).

Во второй половине XX века в производстве начинают осваиваться объекты, системная сложность которых выше, чем у малых систем (четвертая стадия техногенеза). Это сложные динамические системы с числом элементов порядка 10^3 – 10^6 , характеризующиеся массовыми стохастическими взаимодействиями между элементами. Стохастические процессы отличаются случайными колебаниями в поведении системы. Сохранение целостности системы предполагает ее саморегуляцию, наличие прямых и обратных связей. Примерами таких объектов (саморегулирующихся систем) являются автоматические линии, системы управления ракетами и космическими кораблями, атомные электростанции, компьютерные системы обработки больших массивов деловой и научной информации и т. д.

На современном этапе обозначились контуры нового уровня системной сложности техники и в целом «неорганическо-

го тела цивилизации» (их можно оценить как начало пятой фазы техногенеза). Это техника и технологии сложных саморазвивающихся систем. Такие системы способны усложняться, развертывая начальную программу функционирования и развития.

Первые шаги на пути к технологическому освоению таких систем — современные тенденции робототехники, нацеленные на создание обучающихся автоматов, расширяющееся применение генной инженерии в биотехнологиях, создание усложняющихся компьютерных сетей и Всемирной паутины — Интернета. Этап развития форм техники саморазвивающихся систем, по-видимому, начнется после формирования технологического уклада, основанного на конвергентных (нано-, биоинформационных и когнитивных) технологиях.

Возникновение каждого нового уровня системной организации техники и в целом «неорганического тела цивилизации» оказывает воздействие на ранее сложившиеся уровни, но не отменяет их целиком. И на современном этапе технологического развития цивилизации воспроизводятся простые и составные предметы, простые и сложные системы как функциональное усиление биологических возможностей человека. Но эти объекты уже создаются из новых материалов и в рамках новых технологий. Они могут обладать новыми свойствами по сравнению с первыми историческими аналогами (рис. 1).

Переход к массовому освоению в производстве объектов каждого нового уровня системной организации соответствует технической революции и является ее главным показателем¹. В периоды таких революций происходит перестройка системной сложности техники и, в конечном счете, изменение сложности всего «неорганического тела цивилизации».

Каждая ступень этого изменения означает появление новых средств производства, которые, в свою очередь, предполагают развитие самого человека как субъекта производственной деятельности. В двухкомпонентной системе человеческого тела, ассимилирующего природные процессы, всегда сохраняется системная целостность, а поэтому изменение «неорганической компоненты» предполагает изменение функций индивидов, живой труд которых приводит

¹ Поваров Г. Н. Указ. соч. С. 7.

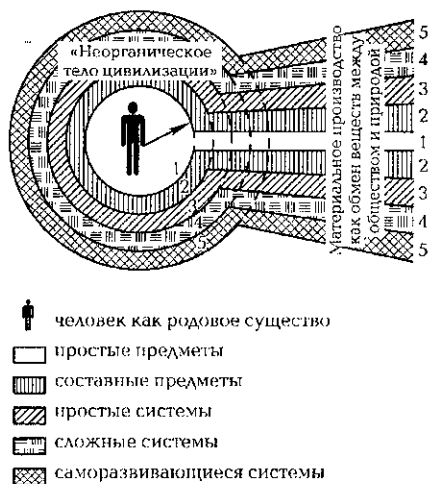

Рис. 1

в движение средства производства. Так, на стадии техники составного предмета человек должен осуществлять не только контрольно-информационные функции, но и функции двигательной установки, мускульные усилия которой обеспечивают воздействие орудия на обрабатываемый материал. Становление техники простых систем связано с передачей двигательных функций от человека машине. Но при этом значительно усложняются контрольно-информационные функции, которые сохраняются за человеком и превращают его в своего рода «следающую систему», управляющую работой машины. Техника сложных систем означает автоматизацию производства и передачу от человека к автомату контрольно-следающих функций. Вместе с тем на этой стадии от индивидов, функционирующих в системе «человек-автомат», требуются овладение все возрастающим объемом научно-технических знаний и умение применять их в процессе управления техникой.

Становление техники сложных саморазвивающихся систем усиливает роль творческого потенциала субъекта деятельности и всего многообразия знаний, необходимого для управления техникой.

Развитие искусственных органов человеческой деятельности и изменение функций самого человека в процессе производства шаг за шагом расширяют спектр регулируемых и контролируемых им природных процессов.

С биологической точки зрения современный человек мало чем отличается от человека эпохи неолита. Но если учесть организацию его «неорганического тела», то он имеет принципиально иной социально-исторический вид, приобретающий благодаря развитию искусственно создаваемой им предметной среды новые условия своего природного существования, иную, несравненно более широкую, чем у древнего человека, экологическую нишу.

Итак, первым важнейшим аспектом бытия человека и его отношения к миру является формирование и развитие «неорганического тела цивилизации», благодаря которому человек осуществляет свою производственную деятельность и формирует определенные условия своего природного существования.

Две взаимосвязанные компоненты материального существования человека (биологическое тело и «неорганическое тело цивилизации») образуют сложное и противоречивое целое. Они выступают результатом различных линий космической эволюции. Биологическая компонента является продуктом естественной эволюции биосферы, тогда как «неорганическое тело цивилизации» возникает и развивается как искусственно сконструированная деятельностью человека линия эволюции природных объектов. По мере развития возникает дивергенция этих двух линий, что проявляется в современном глобальном экологическом кризисе. Выход из него требует новых стратегий развития, которые могли бы обеспечить коэволюцию естественно возникающей природной среды и «второй природы», формируемой в процессе производственной деятельности людей.

Социальные отношения.

Макро- и микроструктура общества

Уже самый простой акт практической деятельности человека предполагает сложную систему его социальных связей и отношений. Допустим, некто взял лопату, вскопал ею грядку на огороде, затем с помощью пилы, топора, молотка и гвоздей

соорудил из досок изгородь. Все эти трудовые операции он проделал в одиночку, без посторонней помощи. Почему же тогда утверждается, что невозможна деятельность человека вне системы его отношения к другим людям?

Внимательный анализ показывает, что эти отношения здесь присутствуют. Они выступают условием и предпосылкой любых практических действий индивида. Когда он применял лопату, топор, пилу, когда с помощью молотка, гвоздей прибивал доски, тем самым он использовал овековеченный труд других людей — тех, кто добывал железную руду, выплавлял железо, изготавливал инструменты, продавал их. А тот, кто их приобрел, а затем использовал, сам должен был предварительно заниматься общественно полезным трудом, за который получал соответствующие денежные средства и на них приобретал необходимые ему инструменты.

В результате получается, что отдельно взятые акты трудовой деятельности любого индивида всегда включены в более широкую систему разделения труда и соответствующих общественных отношений.

И в практической деятельности, и в повседневном поведении человек постоянно контактирует с различными фрагментами «неорганического тела цивилизации», используя те или иные орудия труда, предметы быта, одежду, жилище и т. д. Присваивая для своего потребления эти предметы, индивид постоянно соотносится с другими людьми, включаясь в систему отношений собственности, распределения и общественного разделения труда.

Иначе говоря, отношение человека к объекту в процессе деятельности всегда предполагает его отношение к другому человеку. Это отношение может быть не только опосредованным, но и непосредственным, поскольку подавляющее большинство человеческих действий имеет коллективный характер.

В своей деятельности и поведении мы постоянно взаимодействуем с другими людьми, выполняя те или иные функции в коллективах, вступая в общение, реагируя на действия и поступки других людей. Каждый из нас состоит в сложной системе человеческих связей. Их наличие составляет второй компонент человеческой жизнедеятельности, определяющий наши действия и отношение к внешнему миру (рис. 2).

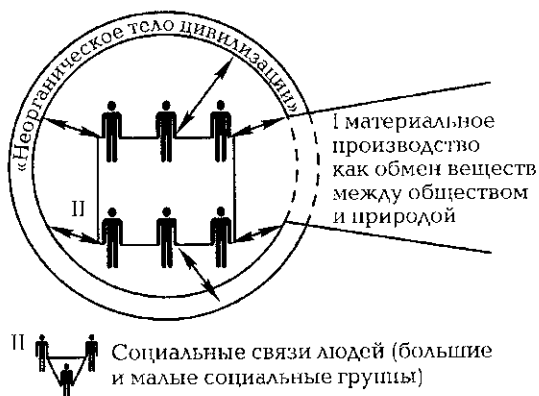

Рис. 2

Сложная мозаика социальных связей определенным образом структурирована. Наиболее простым и массовым ее элементом являются отношения людей в малых социальных группах.

Социальная группа как особая целостность образуется благодаря совместным действиям и поведенческим актам различных людей. На протяжении своей жизни человек включается во множество подобных групп: семья, школьный класс, производственные коллективы, различные неформальные группы и т. д. Все они образуют реальную сеть человеческих связей, в которую погружен тот или иной индивид.

Допустим, мы пришли на лекцию в студенческую аудиторию. И лектор, и студенты, слушающие лекцию, определенным способом согласуют свои действия и поступки, выступая в качестве целостной социальной группы. Эта целостность поддерживается некоторой системой норм общения и поведения, выполнением каждым членом этой группы определенной социальной роли. Лектор должен организовать общение аудитории таким образом, чтобы сосредоточить ее внимание на содержании лекции. Общение же слушателей между собой в основной части происходит как бы через лектора. Непосредственная вербальная коммуникация студентов в идеале исключается на время лекции, а практически (при хорошем проведении

лекционного занятия) должна быть сведена к минимуму. Роль слушателя предполагает его сосредоточение на излагаемом содержании и исключает различные посторонние занятия.

Когда эти нормы не соблюдаются, то социальная группа «лектор—аудитория» распадается на ряд относительно автономных малых групп со своими особенностями коммуникации. Допустим, лекция прошла с соблюдением всех необходимых норм и аудитория была единой социальной группой. Время лекции истекло, и эта группа перестала существовать. Между составлявшими ее индивидами устанавливаются новые связи, они включаются в новые социальные группы, требующие выполнения особых функций, а следовательно, и новых социальных ролей. В общественном транспорте они пассажиры, в магазине — покупатели, в общении между собой — друзья или собеседники, в кругу семьи у каждого из них есть свои отношения и обязанности.

Социальные связи и коммуникации между индивидами могут быть самыми разнообразными, столь же разнообразными могут быть образующиеся благодаря этим связям социальные группы. Прогуливающиеся влюбленные, партнеры, играющие в шахматы, футбольная команда, группа подростков во дворе дома, болельщики на стадионе, толпа на митинге — все эти социальные общности характеризуются своими нормами поведения и своим набором социальных ролей¹.

Человек буквально на протяжении одного дня своей жизни может входить в состав различных социальных групп, меняя свое место в системе связей с другими людьми. От него к другим как бы тянутся многочисленные нити социальных отношений. Часть из них обрывается через какой-то промежуток времени, некоторые же воспроизводятся на протяжении длительных отрезков его жизни.

Малые социальные группы составляют реальную сферу повседневных жизненных коммуникаций. Социальные связи внутри этих групп могут быть формально регламентируемыми: от жесткой регламентации типа уставных правил армейских подразделений до относительно гибких правил договорного характера в различных объединениях по интересам. Но боль-

¹ Идея социальных ролей как регулятивов поведения активно разрабатывалась в концепциях известных социологов XX столетия Т. Парсонса и Дж. Мидса.

шинство малых социальных групп регулируется неформальными, не явно принимаемыми нормами. Их усваивают через реальные образцы поведения, общения и деятельности, причем такое усвоение не обязательно должно быть осознанным. Подражая тем или иным образцам, люди включаются в выполнение определенных функциональных ролей в различных группах. Многие из таких ролей усваиваются с детства путем имитации в детских играх действий взрослых. Как подчеркивает американский социолог Т. Шибутани, большинство людей осознают те или иные роли только в необычайных обстоятельствах. «Если знакомый намеренно уклонился от приветствия, человек возмущается нанесенным оскорблением. Мать начинает осознавать свои прерогативы, когда ребенок отказывается ей повиноваться и таким образом бросает вызов ее авторитету. Тот факт, что негодование возникает именно при подобных обстоятельствах, означает, что некоторые невыполненные обязательства принимались как нечто само собой разумеющееся»¹.

Вообще социальные роли в малых группах не следует трактовать как нечто шаблонное, состоящее из стереотипных действий. Даже написанная роль в театральной пьесе требует от актера импровизации и таланта. В жизни же еще сложнее, поскольку детали поведения в каждой ролевой ситуации определяет сам человек. При этом он играет не одну, а множество ролей, выступая и соавтором, и актером тех многоликих пьес, в которых участвует часто на протяжении одного дня и которые составляют саму его реальную жизнь.

Сложная мозаика связей внутри социальных групп и между ними исторически изменчива, как исторически изменчивы и социальные роли, которые выражают нормы поведения и относительно устойчивые функциональные отношения между членами различных социальных групп.

Влюбленные являются влюбленными во все века. Но в их общении и поведении легко усмотреть разницу между, например, средневековыми рыцарскими отношениями, описанными Бальзаком любовными отношениями эпохи меркантилизма и деловых связей буржуазного общества XIX века и, допустим, поведением влюбленных в современных молодежных группах поклонников металлического рока.

¹ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 47.

В историческом развитии общества постоянно возникают новые типы социальных групп и уходят с исторической сцены те или иные общности индивидов, характерные для ранее господствовавшего стиля жизни. В эпоху капитализма исчезли, например, социальные группы странствующих рыцарей, средневековые цеха и гильдии и появились новые формы социальных объединений людей — мануфактуры, а затем фабричные производства, страховые общества, акционерные и спортивные общества, сообщества болельщиков и спортивные команды (профессиональные и любительские) и т. д.

Вся эта сеть жизненных коммуникаций индивидов, образуемая благодаря динамике и взаимодействию малых групп, имеет глубинную внутреннюю структуру. Ее представляют отношения людей друг к другу, складывающиеся в процессе их взаимодействия с фрагментами неорганического тела цивилизации, воспроизводства и развития этого тела во всей его системной сложности.

Отношения между людьми, возникающие в этом процессе, образуют фундаментальную структуру человеческого бытия. Вся эта система отношений — к средствам деятельности (формы собственности), к продуктам деятельности (формы распределения) и обмена результатами деятельности между людьми — в рамках сложившихся форм разделения общественного труда образует глубинную структуру социальных связей людей. Она выступает как макроструктура общества, представленная спецификой классовых, сословных, кастовых отношений и соответствующих им больших социальных групп. В систему социальных связей, выражающих макроструктуру общества, следует также включить систему национальных и этнических отношений. Соответственно в качестве больших социальных групп выступают также этнические общности и нации.

Макроструктура общества проявляется через его микроструктуру, определяя самые общие принципы отношений людей в малых группах: традиции и типичные для данного общества образцы социальных ролей.

Большие социальные группы не существуют вне и независимо от малых социальных групп. Оба аспекта структуры социальных связей людей взаимообусловлены, и в качестве независимых друг от друга их можно полагать только в абстракции.

Такие абстракции допустимы при построении конкретных социологических теорий и моделей, ориентированных на изучение отдельных аспектов подсистем социального целого. Но при построении системного образа этого целого — картины социальной реальности, в которой соответствующие абстракции обретают онтологический статус, — жесткое разделение и противопоставление микро- и макроструктуры контрпродуктивно.

Организация социальных связей, наиболее динамичная в аспекте микроструктуры (на уровне малых социальных групп) и относительно устойчивая в аспекте макроструктуры (уровень больших социальных групп), является продуктом исторического развития общества. Каждый индивид застаёт ее как объективно сложившуюся на определенном этапе такого развития социальную структуру. Он включается в нее в процессе социализации, выполняя определенные ролевые функции в различных общностях и социальных группах (в производственном коллективе, семье, в многообразных малых группах, характеризующих повседневный быт человека, и т. д.).

Человек не может жить вне системы отношений с другими людьми. Его бытие как общественного существа, необходимость его общения с другими, по-видимому, имеет глубокие генетические предпосылки. Предки человека были стадными существами, и их выживание требовало определенных способов совместного поведения. Детеныш обезьяны не может выжить вне стада. Для новорожденного ребенка его зависимость от других людей еще большая, если учесть, что он рождается абсолютно беспомощным (более длительный период его созревания в материнской утробе сделал бы роды невозможными вследствие прямохождения и характерной для человека анатомии тазовых сочленений). Вследствие этого генетические программы предрасположенности к общению имеют для выживаемости важнейшее значение. Грудные дети улыбаются в колыбели человеческому лицу, младенцы, лишённые в течение длительного времени физического контакта с другими людьми, погибают. Имеются экспериментальные данные, свидетельствующие о том, что резкое уменьшение эмоциональных контактов, вызванное отсутствием у человека некоторого необходимого разнообразия общения с другими людьми, может вызвать временный психоз или привести к другим психическим

нарушениям. Одинокое заключение, вырывающее человека из системы его общения с другими людьми в различных социальных группах, часто значительно тяжелее физических наказаний¹.

Врожденные программы задают некоторое поле, на котором могут возникать разнообразные связи и отношения индивидов. По-видимому, эти программы могут быть противоречивыми и не всегда сбалансированными.

Существует интересная гипотеза, выдвинутая генетиком В. П. Эфроимсоном, согласно которой врожденная предрасположенность человека к общению имеет альтруистическую окраску². Эта предрасположенность формировалась в процессе становления человека таким образом, что наиболее агрессивные особи, склонные к разрушению коммуникаций, необходимых для совместных действий в возникающих человеческих общностях, вычеркивались естественным отбором, хотя и довольно жестоким способом — вместе со своей популяцией (первобытным стадом), которую они взрывали изнутри агрессивным поведением и тем самым ослабляли в борьбе за выживание.

Вместе с тем у человека есть и альтернативные генетические программы, скрывающие опасность разрушения альтруистических отношений в человеческих сообществах. Как отмечал А. Кестлер, к сожалению, у человека нет генетического запрета на убийство себе подобных³ (программа такого запрета есть у большинства животных⁴).

Если бы подобная программа была выработана в процессе эволюции человека, многие способы поведения людей в различных социальных группах и многие социальные роли были бы невозможны (жертвоприношения в первобытных сообществах, массовые уничтожения пленных в кровопролитных войнах, геноцид, профессиональные функции палача и т. д.).

¹ См.: Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 1988. С. 8.

² Эфроимсон В. П. Родословная альтруизма // Новый мир. 1971. № 10.

³ Кестлер А. Человек — ошибка эволюции? // Диалоги. М., 1979. С. 142–147.

⁴ В турнирных схватках самцов — волков, кабанов, оленей и других — побежденное животное подставляет самое жизненно уязвимое место победителю, и сразу же срабатывает генетическая программа: победитель схватки останавливается и никогда не наносит смертельного удара.

Вообще мы еще недостаточно знаем об этом влиянии врожденных биологических программ на формирование связей людей в социальных группах. Этологи (ученые, изучающие поведение животных) обнаружили многие аналогии между поведенческими функциями особей в их стадных сообществах и некоторыми социальными ролями людей. Так, в популяциях крыс наблюдается определенное разграничение функций: вожак стаи не обязательно наиболее хитрый и сообразительный, но, как правило, самый сильный и агрессивный, часто имеет рядом с собой «серого кардинала» — умного, по крысиным меркам, и хитрого самца, который, уступая в силе вожаку, исподволь направляет его действия. Интересно, что после гибели вождя «серый кардинал» не стремится стать вожаком, а подыскивает на это место другого сильного самца из стаи, оставаясь при нем в своей роли.

Имеются многочисленные факты, свидетельствующие о ряде сходных черт поведения молодых самцов обезьяньего стада и подростков в различных социальных общностях. Встраивание в мир взрослых отношений даже в животных сообществах означает крутой перелом в жизни особи. Она сталкивается с сопротивлением взрослых самцов, которые отстаивают свое место в стадной иерархии, с трудностями освоения тех или иных ролевых функций в стаде. Отсюда возникают две генетические программы: а) отселение с образованием особых «молодежных» общностей; б) стремление к нестандартным поступкам, с тем чтобы обратить на себя внимание, выделиться и тем самым получить определенное преимущество перед другими молодыми конкурентами за то или иное место в стадной иерархии.

Как полагают этологи, эти две врожденные программы проявляют себя везде, где бы ни родились человеческие дети, — и в первобытном, и в современном цивилизованном обществе (этим объясняют стремление подростков к формированию особых сообществ и компаний со своими правилами общения, их бессознательно вызывающее поведение, экстравагантность молодежной моды и т. д.)¹.

Наличие биологических предпосылок социального поведения вовсе не означает, что социальные связи людей однозначно

¹ Дольник В. Рок рока // Знание — сила. 1988. № 4. С. 66–72.

выводятся из этих предпосылок. Они надстраиваются над биологическим базисом, во многом трансформируют его.

Отсутствие биологических запретов на убийство себе подобных не означает, что общество обречено на бессмысленное уничтожение людей. Выработка человечеством в ходе своей исторической эволюции норм нравственности и правовых регулятивов в определенной мере компенсирует отсутствие биологической программы запрета убийства. Социальные нормы, регулирующие действия и поступки людей в различных социальных группах, как правило, ограничивают проявление зоологического индивидуализма и своеволия. Без таких ограничений невозможны совместное бытие людей, их общение и их отношения как социальных индивидов. В этом смысле формирование социальных норм, ролей, образцов поведения по мере эволюции общества сложно взаимодействует с биологическими предпосылками человеческого бытия, испытывая их влияние, но и трансформируя это влияние, ограничивая его.

Чем выше восходит человек в своем историческом развитии по ступеням цивилизации, тем больше он поднимается над доминирующим влиянием непосредственных биологических стимулов регуляции своих отношений с другими людьми.

Начиная со своего рождения он постепенно включается в систему исторически сложившихся социальных связей и отношений. Его становление как человека определено их постоянным расширением и обогащением. В раннем детстве эти связи ограничены: семейные отношения, общение с другими детьми в различных социальных группах, чаще всего под контролем взрослых (прогулки, игры во дворе, коммуникации с воспитательницей и сверстниками в детском саду и т. д.). Они значительно увеличиваются и усложняются в школьном возрасте, особенно в процессе вхождения подростка в мир взрослых. Наконец, став взрослым, человек, как правило, включается в еще более многочисленные и разнообразные социальные связи. Он часто не только воспроизводит, но и меняет своими действиями и поступками отношения в социальных группах.

Личность определяется богатством ее социальных связей и отношений. Но это не означает, что человек жестко детерминирован той исторически сложившейся системой отношений, в которые он постепенно включался в процессе своего форми-

рования как личности. Он обладает свободой выбора, и эта свобода зависит не только от характера общества (тоталитарные режимы ее резко ограничивают, демократические — расширяют), но и от характера человеческой индивидуальности (сложного взаимодействия биологических предпосылок, накапливаемого общественного опыта и личного опыта, возникающего в результате включения индивида в различные отношения с другими людьми).

Неповторимая индивидуальность, автономность личности и невозможность ее существования вне исторически развивающейся системы социальных отношений составляют одну из важнейших диалектически противоречивых характеристик человека.

Обусловленность формирования личности сложившимися социальными отношениями позволяет говорить о типах личности, характерных для того или иного типа общества.

Приобщение человека к системе исторически сложившихся социальных отношений является необходимым условием его деятельности. Выступая же как субъект деятельности, он способен не только воссоздавать, но и изменять свои общественные отношения.

Человеческая активность и программирующие функции культуры

Человек — это не просто клеточка в целостном организме общества и тем более не винтик в динамической системе общественных связей. Он активное, деятельное существо, и только благодаря его активности воспроизводится и изменяется общество как целостный организм.

Основными формами человеческой активности выступают деятельность, поведение и общение. Деятельность характеризуется направленностью на преобразование объектов. Она определяет особенности человеческого бытия, его отличие от животного существования. В деятельности человек целенаправленно изменяет окружающий мир. Что же касается поведения, то оно характеризуется приспособлением к миру, адаптацией человека к уже сложившейся природной и социальной среде. Поведение свойственно и человеку, и животным.

Деятельность же присуща только человеку. Вместе с тем ее возникновение в процессе становления человека и общества трансформировало поведение: человеческие поведенческие акты могут быть целесообразными и осознанными.

Особый тип поведенческих реакций возникает в процессе непосредственного взаимодействия человека с другими людьми. Взаимная адаптация человека к человеку в непосредственных социальных контактах осуществляется как общение — коммуникативная связь индивидов, в ходе которой устанавливается понимание, необходимое для совместного поведения и деятельности.

В триаде основных форм человеческой активности деятельность играет особую роль. Благодаря ей не только воспроизводятся главные структуры социальной жизни (предметный мир человека, социальные отношения и институты), но и происходит преобразование этих структур в новые. В первом аспекте мы имеем дело с репродуктивной деятельностью, во втором — с продуктивной, обеспечивающей изменение и развитие различных подсистем общественной жизни и общества в целом.

Деятельность универсальна, в ней могут преобразовываться любые объекты — фрагменты природы, социальные институты, индивиды и состояния их сознания, знаковые объекты, фиксирующие те или иные феномены духовной жизни общества. Различая виды деятельности по их объектам и результатам (продуктам), выделяют два ее типа — материальную (практика) и духовную деятельность, каждая из которых реализуется в системе своих видов и подвидов. Многообразие проявлений общественной жизни предполагает многообразие видов деятельности.

Любой элементарный акт деятельности осуществляется как взаимосвязь следующих компонентов: субъекта деятельности с его целями, знаниями и навыками; операций целесообразной деятельности и объектов, включаемых в ходе этих операций в определенные взаимодействия. Объекты в свою очередь расчленяются по своим функциям на предмет (исходный материал) деятельности, средства (прежде всего орудия) деятельности и продукты, получаемые в результате преобразования предмета деятельности.

Структуру элементарного акта деятельности можно наглядно представить посредством следующей схемы (рис. 3)¹.

Рис. 3

Система различных видов человеческой деятельности складывается из дискретных актов преобразования объектов и превращения продуктов одной деятельности в компоненты другой.

Так, в материальном производстве изготовление того или иного конечного продукта требует сцепления разнообразных видов деятельности, каждый из которых распадается на ряд дискретных актов.

Возьмем достаточно типичный для современного производства пример — изготовление автомобилей на крупном заводе. Для производства каждого отдельного экземпляра нужно изготовление множества деталей в цехах завода или на смежных предприятиях, сборка этих деталей в узлы, сборка узлов и т. д. Чтобы с конвейера сошел очередной автомобиль, все эти акты деятельности должны быть воспроизведены. Аналогичным образом обстоит дело во всех сферах и областях человеческой деятельности. Продукты одной деятельности становятся затем компонентами другой, они могут стать исходными материалами (предметами) для другой деятельности (например, металл, выплавленный металлургами, превращается в исходный

¹ Основой этой схемы является предложенная Г. П. Щедровицким интерпретация Марксова анализа труда «в его простых и абстрактных моментах» (*Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 5*). Г. П. Щедровицкий выделил в этом анализе основные категории, представил их как характеристику любого вида деятельности и предложил наглядные схемы воспроизводства деятельности (См.: *Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 244, 263–267, 287–289*).

материал на машиностроительных предприятиях, пряжа превращается в предмет ткачества и т. п.). Средства деятельности также возникают как продукты предшествующего труда (любые орудия, станки, машины, используемые в производстве, являются продуктом других отраслей производства). И даже субъекты деятельности — люди, получившие определенные знания и навыки, во многом предстают как результат предшествующей деятельности (обучения и воспитания).

Таким образом, общественная жизнь людей во всем многообразии ее проявлений предполагает воспроизводство необходимых обществу видов и актов деятельности.

Но для того чтобы некоторая деятельность воспроизводилась, необходим определенный способ взаимодействия ее компонентов (субъекта, средств и преобразуемого объекта). Этот способ может быть рассмотрен как некоторая программа, реализующаяся в целесообразных действиях субъекта и определяющая внутреннюю организацию того или иного акта деятельности, равно как и сцепления этих актов в непрерывный процесс производства определенных продуктов (фрагментов материальной среды, социальных общностей, знаний, навыков и умений людей и т. п.).

Сохранение и передача от поколения к поколению указанных программ позволяют развертывать те необходимые обществу виды деятельности, которые обеспечивают воспроизводство различных подсистем и фрагментов человеческого мира.

Сходным образом можно рассматривать сложившиеся способы поведения и общения людей. В сложной мозаике актов поведения и общения можно выделить относительно устойчивые, повторяющиеся виды, которые необходимы для функционирования тех или иных социальных общностей и связей. Воспроизводство этих видов предполагает усвоение людьми определенных способов поведения и общения. Такие способы могут быть интерпретированы в качестве поведенческих программ, усваиваемых людьми и во многом определяющих канву их поступков в различных ситуациях социальной жизни.

Деятельность вместе с человеческими формами поведения и общения играет в жизни общества примерно такую же роль, что и обмен веществ в организме. Если их прекратить, то общество распадется, разрушится неорганическое тело цивили-

лизации, социальные общности и институты, связи и коммуникации людей. И подобно тому, как различные виды и типы биологических организмов выстраивают из ассимилируемого им вещества и энергии окружающей среды организацию своего тела, отдельные клетки и органы, так и различные типы и виды общества благодаря деятельности, поведению и общению людей воспроизводят себя, свою организацию. И подобно тому, как обмен веществ регулируется биологическими программами, заложенными в биологическом коде (ДНК, РНК), которые возникают в процессе эволюции и мутируют под влиянием внешней среды, также и деятельность, поведение и общение регулируются особыми программами. Но эти программы имеют не биологическую, а социальную природу, возникают и меняются в процессе исторического развития общества.

Что же представляют собой программы человеческой жизнедеятельности, как они существуют, где находятся и как передаются от человека к человеку?

Очевидно, что носителем их должен быть сам человек, иначе он не может стать субъектом деятельности, поведения и общения.

В схеме элементарного акта деятельности такая программа представлена на «табло сознания» субъекта деятельности.

Цель — это идеальный образ будущего результата деятельности. Цель отвечает на вопрос: «Что?» (что должно быть получено в качестве продукта деятельности). Что же касается ценности, то она отвечает на вопрос: «Для чего?» (для чего мы затеяли ту ли иную акцию, какие потребности она призвана удовлетворить, что ее оправдывает). Ценности и цели всегда взаимосвязаны, но ценность определяет «дерево целей».

Знания об исходном материале (предмете деятельности), об особенностях применяемых средств и необходимых операциях, а также навыки работы со средствами и осуществление действий (операций) также включены в программы деятельности в качестве их необходимых компонентов.

Аналогично можно выделить программы социального поведения и общения, компонентами которых выступают нормы, обычаи, ритуалы, социальные роли и тому подобное, обеспечивающие устойчивое воспроизводство тех или иных видов социальных связей.

Но здесь мы сразу сталкиваемся с определенной загадкой. Ведь соответствующие программы не являются врожденными, не передаются через механизмы биологической наследственности. Если бы они передавались таким способом, то человек от рождения имел бы определенные навыки поведения, профессиональные умения и знания, позволяющие ему осуществлять определенные формы деятельности. Но все это человек обретает прижизненно, усваивая соответствующие программы поведения и деятельности в процессе обучения и воспитания. Получается, что сами эти программы должны как-то существовать вне отдельно взятого индивида и передаваться от человека к человеку, от одного поколения к другому.

Люди могут мигрировать из одного вида деятельности в другой, но сама деятельность может сохраняться на протяжении длительного времени. Допустим, предприятие изготавливает определенные изделия, не изменяя их номенклатуру и технологию. В этом случае воспроизводятся соответствующие виды деятельности, несмотря на то что люди, работающие на этом предприятии, могут переходить на другое предприятие, уходить на пенсию; предприятие может пополняться новыми специалистами и т. п. Существуют народные ремесла, которые имеют многовековые традиции. На протяжении веков могут воспроизводиться некоторые стандарты поведения, обряды, национальные обычаи народов и т. д. Все это означает, что программы деятельности, поведения и общения сохраняются и передаются в обществе независимо от каждого отдельно взятого индивида.

Но тогда возникает парадоксальный вывод: эти программы должны одновременно существовать и в человеке, и вне его.

Разрешение этого противоречия состоит в том, что в человеческой жизнедеятельности возникает особый внебиологический способ кодирования социально значимой информации, необходимой для воспроизводства и целенаправленного изменения многообразных подсистем общественной жизни.

Наряду с биологическим, генетическим кодом (ДНК, РНК), который закрепляет и передает от поколения к поколению биологические программы, регулирующие взаимодействие организма с внешней средой, у человека существует еще одна кодирующая система — социокод, посредством которого фик-

сируются программы социального поведения, общения и деятельности.

Эти программы носят социальный характер. Они как бы надстраиваются над биологическими программами. И если биологические программы (инстинкты самосохранения, питания, половой инстинкт и т. д.) передаются через наследственный генетический код, то надбиологические программы деятельности, поведения, общения передаются в обществе как культурные традиции. И здесь необходимо ввести особое понятие (особый теоретический конструкт) — «культура», без которого невозможно построение современной картины социальной реальности.

Понятие «культура» развивалось по мере углубления знаний об обществе и человеке. Можно выделить три основных этапа исторического развития этого понятия. Первым было понимание культуры как всего созданного человеком. С ним была связана формулировка оппозиции: культура—натура. Второй — постановка проблемы соотношения культуры и деятельности, поскольку созданное человеком есть результаты его деятельности. В этом подходе постепенно возникло рассмотрение культуры как способа регуляции деятельности.

Дальнейшее развитие и уточнение этого подхода приводит к новому, третьему этапу понимания культуры.

Культура может быть определена как система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях.

Эти программы представлены многообразием знаний, предписаний, норм, навыков, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, верований, целей и ценностных ориентаций и т. д. В своей совокупности и исторической динамике они образуют накапливаемый и постоянно развивающийся социальный опыт. Культура хранит, транслирует этот опыт (передает его от поколения к поколению). В этой функции она выступает как традиция, как социальная память. Но культура способна также генерировать новые программы деятельности, поведения и общения людей, и часто задолго до того, как они внедряются в ткань социальной жизни, порождая социальные изменения. В этой функции культура предстает как творчество.

Условием как культурной традиции, так и творческих инноваций является закрепление и хранение возникающих надбиологических программ человеческой жизнедеятельности в знаковой форме. Эти программы существуют в культуре как сложноорганизованный и развивающийся набор семиотических систем (социокод). Многообразие развивающегося социального опыта предполагает многообразие различных кодов, закрепляющих и транслирующих этот опыт.

В семиотике (науке о знаках) в качестве знаковых образований рассматриваются любые природные или социальные явления, которые могут выступать в функции обозначения, закрепления определенного содержания — смыслов и значений, передающихся в процессе коммуникации.

Хранение и трансляция программ деятельности, поведения и общения связаны с применением самых различных знаков, различных способов кодирования накапливаемого социального опыта. В качестве знаковых (семиотических) систем могут выступать любые компоненты человеческой деятельности (ее продукты, становящиеся образцами, приобретающие символический смысл в определенных социальных ситуациях, орудия труда, несущие информацию о своем предназначении и возможных применениях, и т. п.).

В функции знаковых систем могут также выступать субъекты деятельности и поведения, когда их действия и поступки становятся предметом подражания. Мастер, который демонстрирует ученику те или иные приемы работы; индивиды и социальные группы, выступающие объектами подражания для других людей и групп; взрослый человек, поступки которого копирует ребенок, — все это особые семиотические системы, транслирующие программы поведения, общения и деятельности. В жизни мы постоянно включаемся в те или иные социальные связи, совершаем определенные поступки и действия, выполняем те или иные функции в производстве и вместе с тем в любой момент можем превратиться в трансляторов социального опыта, в знаки — носители образцов и норм, по которым другие люди будут строить свое поведение и деятельность.

Функционирование людей в качестве семиотических систем является древнейшим способом передачи социального опыта. В культурах первобытных обществ знания, навыки, обычаи

и нормы, адресованные различным возрастным группам (юношам, взрослым, старикам), фиксировались посредством особых имен, набор которых для каждой группы и каждого клана был строго ограничен. Присвоение имени воспринималось как акт нового рождения, а отношения между именами служили своеобразной матрицей для воспроизводства необходимых способов коллективного поведения и деятельности.

Индивидуальные особенности человеческого поведения должны были укладываться в рамки тех образцов и правил, которые закрепляло имя, а сам индивид своими действиями и поступками демонстрировал соответствующие программы поведения и деятельности, закрепленные за его именем¹.

В этом способе передачи социального опыта особую роль играли старейшины, хранившие традиции и выступающие своеобразными обучающими системами для молодежи.

Научение через показ, через демонстрацию действия или поступка всегда связано с функционированием людей в качестве знаковых систем, обеспечивающих закрепление и трансляцию социального опыта.

В современных обществах, как и в древности, можно найти множество проявлений этого способа кодирования образцов деятельности, поведения и общения. Кинозвезда, знаменитый бизнесмен, образцовый мастер на производстве, популярный политический деятель, знаменитый спортсмен, идолы эстрадной музыки и другие — все это люди, функционирующие в качестве семиотических систем, которые демонстрируют принятые в данном обществе образцы человеческой активности, идеалы социальных поступков и действий².

Эти люди живут в качестве символов общества или некоторой социальной группы, и принятые ими роли, так же как священные имена в первобытных обществах, требуют определенной публичной манеры поведения.

Функционирование людей в качестве знаковых систем породило многочисленные осознанные и неосознанные

¹ М. К. Петров выделил этот способ трансляции социального опыта, доминировавший на ранних стадиях человеческой истории, и обозначил его как лично-именной код социальности (См.: *Петров М. К. Язык, знак, культура*. М., 1991. С. 97–105).

² *Щедровицкий Г. П. О методе семиотического исследования знаковых систем // Семиотика и восточные языки. М., 1967. С. 42.*

символические жесты и поступки, набор которых специфичен для различных культур. Вытянутая прямо рука с растопыренными пальцами во многих ритуалах древних мифологических культур означала отпугивание нечистой силы. У арабов Передней Азии этот же жест означает проклятие¹.

Рукопожатие у большинства народов имеет символику дружеского расположения, но существуют культуры, где этот жест приобрел иной смысл. В традиционной Японии, например, считалось, что касание собеседника означает потерю самоконтроля и является выражением агрессии и недружелюбия. Поэтому в Японии рукопожатие используется редко, и чаще всего в общении с европейцами².

Многие поведенческие реакции играют роль социокультурных кодов, применяемых бессознательно. Например, мексиканцы и колумбийцы обычно во время разговора невольно приближаются друг к другу. Расстояние между лицами собеседников часто не превышает полуметра³. При такой манере общения психологические состояния и эмоциональные реакции легко передаются от одного собеседника к другому. Рапидная съемка обнаруживает, что чаще всего люди в таких ситуациях как бы воспроизводят мимику лица своего собеседника. Однако для североамериканцев и англичан наиболее удобная дистанция в полтора-два раза больше.

Когда мексиканец или колумбиец подходит, чтобы вступить в разговор с американцем, тот отодвигается, что часто воспринимается как знак недружелюбия. Дистанция между собеседниками является специфической семиотической системой, которая неявно закрепляет и передает определенную программу общения. Сама же программа выражает особенности соответствующей культуры: распространенные в ней системы обычаев, способы воспитания, ту или иную ценность автономии личности и т. п. Культура включает не только социально осознанное, но и социально бессознательное.

Важнейшим средством трансляции программ поведения, общения и деятельности является обыденный язык. Он позво-

¹ Байбури А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Л., 1990. С. 27.

² Там же. С. 32-33.

³ См.: Hall E. T. The language of space // Journal of the American Institute of Architects. 1961. Febr.

ляет описывать ситуации реальной жизни, фрагменты мира, образцы деятельности и таким способом фиксировать и транслировать накопленный социальный опыт. Но дескриптивная (описательная) функция языка не исчерпывает его применения в качестве социокода, закрепляющего и передающего программы поведения, общения и деятельности. Язык своей структурой задает определенный образ мира, способ фрагментации и синтеза его объектов. Это обстоятельство было подмечено и описано в концепции лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа. Проведя сравнительный анализ современных и архаических языков, они выявили связь между структурой языков и «мирами» человеческой жизнедеятельности, которые характерны для определенного типа социальности. «Факты свидетельствуют о том, — писал Э. Сепир, — что «реальный мир» в значительной мере бессознательно строится на языковых нормах данного общества»¹.

Конечно, можно возражать против абсолютизации лингвистической относительности, подчеркивая наличие инвариантных структур, обеспечивающих возможность перевода с одного языка на другой. Но это не отменяет самой идеи о программирующей роли языка в человеческой жизнедеятельности.

Например, в аналитическом, новоанглийском языке порядок слов скоррелирован со смыслом достаточно однозначно², чего нет во флексивных языках, к которым относится и русский. Флексивные языки обладают большей многозначностью отдельных взятых понятий и значительно большим влиянием порядка слов (допустимого правилами языка) на выражение смысла. Говорящий или пишущий всегда стоит здесь перед проблемой выбора, причем вариантов выбора у него значительно больше, чем в аналитических языках³.

В русском языке вследствие нежесткости смысла, закрепленного в понятиях, очень велик процент эмоционально окрашенных терминов. В английском языке оценочная окрашенность его словарного запаса значительно меньшая. Поэтому

¹ Сепир Э. Положение лингвистики как науки // История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 2. С. 177.

² См.: Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2. С. 432.

³ См.: Петров М. К. Указ. соч. С. 194.

объективная и безоценочная фиксация событий в русском языке вызывает больше трудностей, чем в английском. Но именно эти особенности русского языка послужили предпосылкой великой русской литературы¹.

В историческом развитии всех языков можно обнаружить наличие сленгов, языковых форм, выражающих специфику общения различных социальных групп. Ситуация Элизы Дулитл, персонажа из «Пигмалиона» Бернарда Шоу, хорошо иллюстрирует связь «сленговых» форм с образцами общения и поведения, свойственными определенным социальным группам. Стремление той или иной социальной группы выделить принятые в ней социальные роли, способы поведения и общения в качестве особых, отличных от других, часто выражается в способах речевой коммуникации. При дворе Людовика XIV дамы и кавалеры не должны были использовать простонародный язык: нельзя было сказать, например, «тарелка грязная», нужно было говорить «тарелка плохо себя ведет», слово «ноздри» заменялось словосочетанием «врата в мозг» и т. д.

К подобным по своим функциям особенностям речевой деятельности можно отнести бюрократический язык, уголовную «феню», «новояз» послереволюционной российской речи и т. д. Искажение общепринятого обыденного языка во всех этих ситуациях формирует особые программы общения и поведения, которые призваны отделить «своих» от «чужих» и обеспечить вхождение индивидов в корпоративную связь.

Наряду с естественным языком как средством коммуникации и передачи социального опыта в человеческой жизнедеятельности применяются и другие типы языков: язык науки, язык искусства (живописи, музыки, танца, архитектуры, кино и т. д.). Все они также могут быть рассмотрены в качестве семиотических систем, транслирующих жизненные смыслы, необходимые для воспроизводства и развития человеческой социальности.

Немаловажную роль в регуляции человеческого поведения и деятельности играют также различные конвенциональные сигналы и символы (например, сигналы и знаки, регулирующие уличное движение, символы государственного единения

¹ См.: *Кульчинский Г. Безъязыковая гласность // Век двадцатый и мир. 1990. № 9. С. 432.*

людей, такие как государственный флаг, герб, различные логотипы как символы корпоративной общности, современные рекламные бренды и т. п.).

Наконец, в функции семиотических систем, закрепляющих накопленный социальный опыт, могут выступать предметы созданной человеком «второй природы», фрагменты «неорганического тела цивилизации».

В этом смысле иногда говорят об орудиях труда, технике, предметах быта как о материальной культуре, противопоставляя им феномены духовной культуры (произведения искусства, философские, этические, политические учения, научные знания, религиозные идеи и т. п.). Однако такое противопоставление относительно, поскольку любые феномены культуры являются семиотическими образованиями. Предметы материальной культуры выполняют в человеческой жизни двоякую роль: с одной стороны, они служат практическим целям, а с другой, — выступают элементами социокода, средствами хранения и передачи смыслов и значений, регулирующих деятельность, поведение и общение. Только во второй своей функции они выступают в качестве феноменов культуры (Ю. Лотман).

Некоторые предметы созданной человеком «второй природы» могут обрести функцию мировоззренческих символов. В этом случае функция удовлетворять конкретные практические потребности как бы отходит на задний план и акцентируется их образно-символический смысл, определяющий понимание человеком мира. Так, например, в культуре XVII—XVIII веков механические часы стали восприниматься как символ устройства Вселенной: Бог создал мир как целостный механизм, который он однажды запустил (первотолчок), а дальше в мире все двигалось по законам механики.

Развитие культуры предстает, с одной стороны, как выработка новых смыслов и значений, регулирующих деятельность, поведение и общение людей, а с другой — как формирование новых кодовых систем, закрепляющих и транслирующих эти смыслы и значения.

Системы кодирования социального опыта исторически развиваются. Накопление нового опыта и увеличение его массива рано или поздно ставят проблему информационной

вместимости субъекта, что требует новых способов фрагментации и объединения накопленного опыта, который должен усваивать индивид¹. В свою очередь эта потребность стимулирует разработку и применение новых типов кодирования, обеспечивающих дифференциацию и интеграцию программ деятельности, поведения и общения, их передачу от поколения к поколению.

Канадский исследователь М. Маклюэн, подчеркивая связь между развитием систем кодирования социального опыта и ступенями цивилизационного прогресса, выделял в качестве особых этапов дописьменные общества, возникновение письменности, книгопечатание, появление СМИ, в том числе радио и телевидения. Продолжая этот ряд, несомненно, следует выделить в качестве особого этапа компьютерную стадию развития цивилизации.

Появление новых способов кодирования представляет собой не просто технические инновации. Оно закрепляет изменения характера коммуникаций и способов включения индивида в социальные связи, а следовательно, участвует в определении тех границ, в которых варьируются те или иные формы социального поведения и деятельности.

Сложно организованная система программ поведения, общения и деятельности, закрепленных в различных социокодах, составляет «тело» культуры. Индивидуальное развитие человека происходит благодаря усвоению транслируемого в культуре социального опыта. Программы деятельности, поведения и общения, сложившиеся в историческом развитии той или иной культуры, как бы накладываются на генетические программы человека.

Состыковка этих программ происходит в процессе социализации, обучения и воспитания. Для одних индивидов этот процесс протекает относительно безболезненно, у других он вызывает серьезные трудности.

В культуре различных народов существуют свои обычаи, привычки, традиции, короче говоря — многообразные регулятивы, определяющие допустимые формы инстинктивного поведения, в первую очередь такие, как инстинкт питания и половой инстинкт. Они по-разному воздействуют на форми-

¹ См.: Петров М. К. Указ. соч. С. 86–92, 100–104, 113–117, 155–156.

рование индивидуальной психики и, как показал З. Фрейд, иногда могут вызвать даже психические травмы.

Психический мир личности формируется как результат сложного взаимодействия надбиологических (социокультурных) и биологических (генетических) программ жизнедеятельности.

Различные типы социокодов активно влияют на развитие определенных функций и феноменов психики, генетически заложенных в возможностях человеческого мозга. Об этом свидетельствуют исследования функций правого и левого полушарий головного мозга и их развития под влиянием знаковых систем.

Правополушарные механизмы в нормальном функционировании специализируются на формировании целостных синтетических образов, тогда как аналитически-дифференцированное их расчленение обеспечивается в основном механизмами левого полушария.

Например, при восприятии текста правое полушарие распознает слова как целое, не расчленяя их на буквы, тогда как левополушарные механизмы воспринимают их, осуществляя побуквенный анализ.

Аналогично обстоит дело с восприятием произведений живописи и музыки: правополушарные механизмы воспринимают их как гештальты, целостные образы, а левое полушарие дифференцирует их как некоторую систему деталей.

Различные типы социокодов могут стимулировать преимущественное развитие тех или иных механизмов мозга.

Существует концепция, согласно которой традиционные восточные культуры, основанные на иероглифической письменности и системе синкретических образов, в большей степени развивают у ребенка механизмы правополушарного мышления, чем система передачи информации в новоевропейской культуре, основанная на алфавитном письме и системе логических доказательств¹.

Обучение под внешними воздействиями каждого из полушарий головного мозга происходит неравномерно. Лово- и правополушарные механизмы не только помогают друг другу,

¹ См.: *Иванов В. В.* Нейросемиотический подход к знаковым системам искусства // *Человек в системе наук.* М., 1989. С. 358–359.

но и конкурируют, и развитие одного может притормаживать другое.

В доречевой период развития ребенка доминируют правополушарные механизмы, но затем левополушарное воздействие начинает контролировать правое. В последующий период, когда дети овладевают речью, у многих из них пропадает способность к полноценному охвату зрительного пространства. Рисунки большинства детей в этот период изображают обычно отдельные, изолированные предметы и некоторые их детали, не связанные в единое целое пространственной перспективой¹.

Согласно современным гипотезам развитые структуры речи возникли в антропогенезе сравнительно поздно, по-видимому, у неандертальцев речь только зарождалась. Вполне допустимо, что именно развитием речевой практики и связанной с этим активизацией и доминированием левополушарных механизмов можно было бы объяснить ряд особенностей наскальной живописи при переходе от палеолита к неолиту, в которой начинает преобладать схематизация, а изображения предметов напоминают скорее чертеж, чем объемный рисунок.

После возникновения письменности и особенно алфавитного (неиероглифического) письма его освоение приводит к резкому усилению роли левополушарных механизмов и способствует развитию аналитических способностей мышления (разумеется, с учетом особенностей социализации каждого индивида и его генетических предрасположенностей).

В современной культуре развитие таких нетрадиционных типов передачи информации, как «компьютерное письмо», открывает новые возможности для дополняющего и поддерживающего друг друга развития лево- и правополушарных механизмов сознания. Компьютерная семиотика сочетает в себе уже ставший традиционным способ передачи информации посредством линейного, вытянутого в строку письма с потоком экранных изображений, передающих синтетические пространственные и временные образы, выраженные в устной речи, поведенческих реакциях, графиках и схемах, теле- и киномонтажных фразах и т. д. Этот сплав различных семиотических систем, свойственный современному компьютерному

¹ См.: Иванов В. В. Высшие формы поведения человека в свете проблемы доминантности полушарий // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 111.

языку, адресован как аналитическим, так и синтетическим механизмам мозга, требуя их интенсивной и взаимосогласованной работы.

При усвоении исторически накопленного культурного опыта, закрепленного в различных социокодах, осуществляется их перекодировка в состояния сознания и подсознания индивида.

Процесс такой перекодировки требует сочетания активности и адаптивности индивида, предполагает его творческие усилия при усвоении правил, регулятивов, образцов, норм, знаний и предписаний, принятых в культуре. Транслируемый в культуре социальный опыт, который осваивает индивид, выступает для него новым знанием (в широком смысле слова) и всегда является открытием. Только опираясь на этот опыт, человек оказывается способным к активной деятельности в различных сферах социальной жизни.

Любое изменение исторически сложившихся видов и форм деятельности обязательно должно сопровождаться изменениями в сфере культуры, появлением в ней семиотических систем, соответствующих новым программам социального общения, поведения и деятельности. За всеми случайностями, которые неизбежно сопровождают изменения культуры, стоят реальные запросы общества — потребности в трансформациях сложившихся стереотипов и способов человеческой деятельности. Такие потребности возникают как естественный результат социального развития, поскольку в процессе эволюции общества сложившиеся образцы деятельности каждый раз распространяются на новые ситуации, реализуются в новых условиях, что рано или поздно приводит к трансформации исходных образцов. Так, уже в простейших видах деятельности в сфере производства совершенствование орудий труда и появление новых материалов, предназначенных для обработки в тех или иных циклах производственного процесса, может сделать непригодным ранее применявшиеся здесь операции. В результате возникает потребность в отыскании новых операций (новых способов соединения орудий с материалом и приемов обработки материала). Все эти потребности отображаются в сознании человека в форме задач, решение которых должно обеспечить непрерывное протекание производственного процесса. И в этот

период даже случайно обнаруженные действия, приносящие нужный эффект, превращаются в новые образцы, по которым затем воссоздаются соответствующие виды производственной деятельности.

Аналогичным образом обстоит дело со всеми другими сферами деятельности людей. Потребности в их изменении и совершенствовании служат основной предпосылкой культурных инноваций. Последнее относится не только к формам деятельности, воссоздающим и изменяющим локальные социальные подсистемы, но и к глубинным структурам социальной жизни, которые определяют способ интеграции этих подсистем и форм деятельности и обеспечивают воспроизводство того или иного типа общества.

Таким образом, инновации в культуре являются условием изменений социальной жизни, но сами культурные инновации могут возникнуть только в результате человеческой активности. Человек, с одной стороны, выступает как творение культуры, поскольку усвоение им хранящихся в культуре эталонов, норм, традиций, знаний программирует его поведение и деятельность, обеспечивает его включение в многообразные социальные связи. С другой стороны, он — творец культуры, поскольку, решая поставленные обществом задачи, он способен, опираясь на почерпнутый из культуры прошлый социальный опыт, создавать новые эталоны, нормы, традиции, знания и таким путем порождать новые феномены и состояния культуры (рис. 4).

Процесс генерации новых феноменов культуры для наглядности и с известной долей условности можно изобразить посредством следующей идеализированной модели. Представим себе всю информацию, которая образует культуру общества на определенном этапе его исторического развития, записанной на некоторой информационной ленте, наподобие того, как записывались информационные программы в компьютерных системах до применения лазерных дисков. Знаки (состояния) на этой ленте будут представлять различные социокоды, необходимые для регуляции и воспроизведения соответствующих феноменов и подсистем социальной жизни.

Тогда рост информации на «ленте культуры» будет соответствовать появлению новых социокодов и их новых смыслов, что означает изменение и развитие культуры.

Рис. 4

Поскольку новые состояния и феномены культуры не возникают вне человеческого творчества, требуется ввести представление об информационных структурах, в которых реализуются состояния сознания и подсознания отдельных индивидов. Эти структуры представлены нейродинамическими кодами, возникающими в мозгу в результате отражения внутренних состояний организма и внешней (природной и социальной) среды. Их также можно условно изобразить в виде «информационной ленты», на которой записана вся индивидуально значимая информация каждой человеческой особи. Часть этой информации обеспечивает соматическую регуляцию, часть ее соответствует социальным аспектам жизнедеятельности индивида, его личному социальному опыту. Между «индивидуальной информационной лентой» и «лентой культуры» существуют прямые и обратные связи. Перекодировка информации из культуры на «индивидуальную ленту» предстает как обучение и воспитание индивида, его программирование предшествующим социальным опытом. В свою очередь, решая те или иные задачи в процессе деятельности, включаясь в различные социальные связи, реализуя свои цели, индивид приобретает новый опыт, который фиксируется в виде прироста информации на «индивидуальной ленте». Эта новая информация, возникшая

в результате актов индивидуального творчества, в ряде случаев может быть перекодирована и записана на «ленту культуры». Такая перекодировка означает появление в культуре новых семиотических образований, фиксирующих новую информацию. Тем самым индивидуальный опыт субъекта перерастает в социальный опыт и начинает активно воздействовать на поведение и деятельность других индивидов (см. рис. 5).

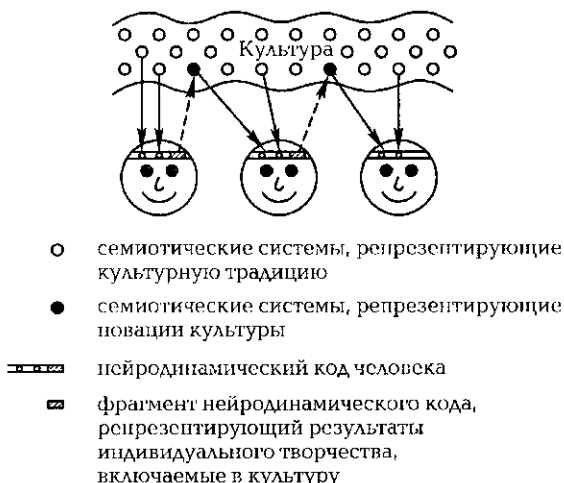

Рис. 5

Разумеется, не всякое состояние индивидуального опыта переносится на «ленту культуры». Во-первых, нужно, чтобы этот опыт был социально значимым, отвечал задачам, поставленным обществом. Во-вторых, новая информация, получаемая субъектом, должна быть оригинальной и не дублировать уже имеющиеся в культуре образования (повторное открытие дифференциального исчисления может быть открытием для индивида, но не для общества). В-третьих, процесс перекодировки новой информации, приобретенной индивидом, и ее «запись» на «ленту культуры» должны удовлетворять определенным, исторически сложившимся способам и нормам кодирования и трансляции социального опыта. Например, индивидуальное видение художника становится феноменом культуры лишь

тогда, когда оно выражено в системе соответствующего языка искусства, новая научная теория должна быть представлена в форме текста, удовлетворяющего принятым в науке стандартам изложения, и т. п.

Превращение личностных озарений и фантазий в культурные феномены всегда требует выражения состояний индивидуального сознания в исторически развивающихся формах языка, специфического для той или иной области культуры (науки, искусства, религии и т. п.). Процесс же такого выражения — это всегда муки творчества.

У С. Лема в книге «Сумма технологий» есть такой сюжет — человек, надышавшись веселящего газа, обрел некоторый личностный опыт, возможно, пережил эйфорию, и все это оформилось у него в нелепую фразу — «мазуки в скипидаре присеают». Сколько бы он эту фразу ни повторял, он не передаст никому своего внутреннего состояния, в культуре его «мазуки в скипидаре» не оставят никакого следа.

После того как новая социально значимая информация, выработанная в сфере индивидуального опыта, будет запечатлена в культуре, она начинает жить самостоятельной жизнью. Ее трансляция и воздействие на деятельность людей протекают независимо от воли и сознания ее творца. Часто идеи и образцы деятельности получают в культуре иной смысл, чем тот, который вкладывал в них сам создатель. Кроме того, феномены культуры могут неоднократно переосмысливаться в процессе их трансляции соответственно изменению социальных потребностей и задач. Историческое развитие общества связано со сменой культур, характерных для различных типов социальных организмов. Между ними существует преемственность. Отдельные элементы прошлых культур могут исчезнуть, некоторые — перейти в культуру нового общества. Среди них важнейшую роль играют культурные ценности, которые образуют феномены общечеловеческой культуры, включаемые в национальные культуры в процессе их взаимодействия.

Историческое развитие культуры делает ее сложноструктурированным образованием. В системе программ поведения, общения и деятельности, транслируемых в культуре и меняющихся в процессе ее исторического развития, можно выделить три уровня. Первый из них представлен реликтовыми

программами, которые являются своеобразными осколками прошлых культур, уже утративших ценность для общества новой исторической эпохи, но, тем не менее, они регулируют некоторые виды общения и поведения людей. К таким культурным феноменам относятся многие традиции и обычаи, уходящие корнями в прошлое человечества.

Например, по сей день у многих народов сохранились обычаи, связанные с определенными запретами и ограничениями на половые связи перед охотой, рыбной ловлей и другими коллективными хозяйственными работами. Такого рода обычаи представляют собой пережиток половых табу первобытной эпохи¹.

Аналогично можно интерпретировать многие обряды возрастных инициаций как отголосок ритуалов, регулировавших хозяйственную деятельность первобытного коллектива.

Второй слой культурных образований — это программы деятельности, поведения и общения, основное предназначение которых — обеспечить воспроизводство существующих форм социальной жизни. Часть этих культурных феноменов возникает как выражение запросов и потребностей общества. Другие формируются на предшествующих этапах социального развития и затем вписываются (подвергнувшись определенным изменениям) в новую общественную структуру.

Наконец, в системе культуры можно выделить третий уровень феноменов, который представлен совокупностью программ будущих, потенциально возможных видов и форм человеческой деятельности. Эти феномены культуры выражают ее прогностические функции. К ним могут быть отнесены фундаментальные научные открытия, содержащие в себе потенциально новые технологии будущего. Это авангард в искусстве, новые философские идеи, опережающие свой век и зачастую получающие мировоззренческую аппликацию в далеком будущем, это религиозные идеи, которые могут вначале преследоваться как ересь, но в будущем превратиться в массовое религиозное движение. Например, христианство возникло на периферии римской культуры и вначале преследовалось. Христиан убивали, скармливали диким зверям. И лишь на поздних этапах существования Римской империи христианство обрело

¹ См.: Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966. С. 287–289.

статус официальной религии. А после краха Римской империи эта религия стала основой тысячелетней христианской цивилизации эпохи Средневековья.

Так что в культуре всегда закладываются программы, адресованные будущему. Они в период их формирования еще не реализуются в массовой деятельности людей, не впечатываются в ткань социальной жизни. Но когда возникают условия для их реализации, тогда идеи, знания, идеалы, новые выразительные средства, ранее транслировавшиеся в культуре, приобретают особую силу, ценность и значимость. Они становятся центрами кристаллизации новых эталонов и норм деятельности, обеспечивая ее развитие и порождение ею соответствующих состояний социальной жизни.

Инновации культуры, выступая как предвестники будущих состояний жизни общества, вместе с тем оказывают активное воздействие на всю социальную сферу, в которой они возникают. Культура носит целостный характер, и ее новые феномены всегда влияют на уже сложившиеся образования. Возникающие культурные комплексы способны по-новому организовать уже существующие элементы культуры, внести изменения в сложившиеся формы и способы осмысления и переживания мира человеком и таким путем оказать обратное влияние на породившую их социальную практику.

Слои культуры, в которых «проектируются» возможные будущие состояния общества, возникают как выражение потребностей социального развития. Общественная жизнь предполагает не только воспроизводство тех или иных форм и видов деятельности, но и их изменение. И чем более динамично общество, тем активнее вырабатываются в культуре соответствующие идеи, проекты и образцы, обеспечивающие изменение и развитие сложившихся стереотипов социального поведения и действия. Создание такого рода культурных феноменов наиболее ярко выражает творческие способности человека.

В современной цивилизации складываются особые виды духовного производства, призванные генерировать в качестве продукта феномены «прогностического слоя культуры». Соответственно этому возникает профессиональная специализация индивидов, занятых в различных сферах духовного труда.

У нас их называют творческой интеллигенцией. В нее включаются не только люди искусства, но и те, кого называют научно-технической интеллигенцией.

Социальное развитие предполагает реализацию генерированных в культуре программ деятельности, поведения и общения, благодаря чему возникают новые виды деятельности, которые могут преобразовать как отдельные социальные подсистемы, так и общество в целом.

В процессе развития культуры и общества постоянно происходит миграция программ из третьего во второй уровень культурных образований, а некоторые программы второго уровня могут утратить свою социальную значимость, превратиться в реликтовые образования и даже исчезнуть из потока культурной трансляции.

Все многообразие культурных феноменов, несмотря на их динамичность и относительную самостоятельность, организовано в целостную систему. В ходе исторического развития эта система усложняется. В ней возникают относительно самостоятельные подсистемы, представляющие собой части сложного целого. В культуре современных обществ в качестве таких подсистем можно выделить мораль, религию, философию, политическое и правовое сознание, искусство, науку. Все они — результат исторического развития. В культуре архаических обществ многие из них либо находились в стадии зарождения, либо вообще отсутствовали. Так, например, политика и право формировались с возникновением государства. Как подчеркивал М. Маклюэн, в дописьменных обществах не было права, регуляция социальных отношений осуществлялась только на основе обычаев. Основы мировых религий, согласно К. Ясперсу, возникали в эпоху «осевого времени». Философия и наука появляются в культуре на этапе развития городских цивилизаций древности.

Все эти сферы, будучи подсистемами органической целостности культуры, взаимодействуют друг с другом и изменяются в процессе этого взаимодействия.

Их изменения подчиняются кооперативным эффектам, обнаруживая своего рода переключку, резонанс различных культурных феноменов. Эту особенность подмечал О. Шпенглер, подчеркивая, например, что существует глубинная связь

античного искусства, науки, философии и способа ведения дел на народном собрании в государствах-полисах. Целостность культуры отмечали Н. Данилевский и П. Сорокин, о ней писал А. Тойнби, характеризуя особенности каждого из выделенных им видов цивилизации.

Взаимообусловленность различных сфер культуры отмечали и наши известные ученые-гуманитарии Ю. М. Лотман и Д. С. Лихачев. «Культура, — писал Д. С. Лихачев, — представляет собой единство, целостность, в которой развитие одной стороны, одной сферы ее теснейшим образом связано с развитием другой. Поэтому “среда культуры”, или “пространство культуры” представляет собой нерасторжимое целое и отставание одной стороны неизбежно должно привести к отставанию культуры в целом. Падение гуманитарной культуры или какой-нибудь из сторон этой культуры (например, музыкальной) обязательно, хотя, может быть, и не сразу очевидно, скажется на уровне развития даже математики или физики»¹.

Но тогда возникает вопрос: что определяет системную целостность культуры?

В глубинных основаниях культуры можно выделить фундаментальные жизненные смыслы, базисные ценности, которые играют роль своего рода системных параметров, объединяющих все многообразие культурных феноменов в органическую целостность. Эти ценности и жизненные смыслы представлены мировоззренческими универсалиями (их именуют также категориями культуры, идеями, концептами), которые в своем сцеплении и взаимодействии задают обобщенный образ человеческого жизненного мира.

Мировоззренческие универсалии как основание культуры

Мировоззренческие универсалии — это категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта.

¹ Лихачев Д. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 360.

Категориальные структуры, обеспечивающие рубрификацию и систематизацию человеческого опыта, давно изучает философия. Но она исследует их в специфическом виде, как предельные общие понятия. В реальной же жизни культуры они выступают не только как формы рационального мышления, но и как категориальные формы, определяющие человеческое восприятие мира, его понимание и переживание. Их не следует отождествлять с философскими категориями, которые возникают как результат рефлексии над универсалиями культуры. Мировоззренческие универсалии могут функционировать и развиваться и вне философской рефлексии.

Категории культуры присутствуют уже в мышлении ребенка, когда он проходит первые стадии социализации. В детском возрасте есть период, когда ребенок задает взрослым надоедливые вопросы: почему ветер развеивает волосы, почему светит Луна, почему окна запотели? (В самом деле, у окон же нет потовых желез.) Все эти вопросы — свидетельство очень важного процесса формирования сознания: ребенок овладевает смыслами универсалии «причинность». Но философских знаний у него нет, и философских категорий в его сознании тоже нет.

В человеческой истории философия является относительно поздним феноменом культуры. Существовало немало культур, в которых не сложились более-менее развитые формы философского знания (Древний Египет, Вавилон и т. п.). Мировоззренческие универсалии были, а философские категории еще не возникли.

Можно выделить два больших и связанных между собой блока универсалий культуры. К первому относятся категории, которые фиксируют наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемых в человеческую деятельность. Они выступают в качестве базисных структур человеческого сознания и носят универсальный характер, поскольку любые объекты (природные и социальные), в том числе и знаковые объекты мышления, могут стать предметами деятельности. Их атрибутивные характеристики фиксируются в категориях «пространство», «время», «движение», «вещь», «свойство», «отношение», «количество», «качество», «мера», «форма», «содержание», «причинность», «случайность», «необходимость» и т. д.

Но кроме них в историческом развитии культуры формируются и функционируют особые типы категорий, посредством которых выражены определения человека как субъекта деятельности, структуры его общения, его отношения к другим людям и обществу в целом, к целям и ценностям социальной жизни. Они образуют второй блок универсалий культуры, к которому относятся категории «человек», «общество», «личность», «сознание», «добро», «зло», «красота», «вера», «надежда», «труд», «совесть», «справедливость», «свобода» и т. п.

Эти категории фиксируют в наиболее общей форме исторически накапливаемый опыт включения индивида в систему социальных отношений и коммуникаций. Между указанными блоками универсалий культуры всегда имеется взаимная корреляция, которая выражает связи между субъект-объектными и субъект-субъектными отношениями человеческой жизнедеятельности. Поэтому универсалии культуры возникают, развиваются и функционируют как целостная система, где каждый элемент прямо или косвенно связан с другими.

В системе универсалий культуры выражены наиболее общие представления об основных компонентах и сторонах человеческой жизнедеятельности: о месте человека в мире, о социальных отношениях, духовной жизни и ценностях человеческого мира, о природе и организации ее объектов и т. п. Эти представления выступают в качестве своего рода глубинных программ социальной жизни, которые предопределяют сцепление, воспроизводство и вариации всего многообразия более конкретных программ поведения, общения и деятельности, характерных для определенного типа социальной организации.

Содержание мировоззренческих универсалий достаточно сложно структурировано. В нем можно выделить три слоя смыслов. Первый из них — это всеобщее, то, что отличает человека от животного мира, что выступает своеобразным инвариантом различных культур и образует глубинные структуры любого человеческого сознания. Но этот слой содержания не существует в чистом виде, сам по себе. Он всегда сплавлен со вторым слоем смыслов, который репрезентирует специфику культуры исторически определенного типа общества, выражает особенности способов общения и деятельности людей,

хранения и передачи социального опыта, особенности принятой шкалы ценностей.

Именно этот слой смыслов характеризует национальные и этнические особенности каждой культуры, свойственное ей понимание пространства и времени, добра и зла, жизни и смерти и отношение к природе, труду, личности и т. д. Это определяет специфику различных культур. В свою очередь исторически особенное в универсалиях культуры всегда конкретизируется в огромном многообразии групповых и индивидуальных мировосприятий и миропереживаний. Это — третий слой содержания мировоззренческих универсалий.

Когда мы говорим о разных цивилизациях и культурах, то главным в анализе их различий выступает второй слой смыслов универсалий культуры. Одни и те же мировоззренческие универсалии в разных культурах могут иметь разную смысловую интерпретацию. Например, категории бытия и небытия есть во всех культурах. Но если сравнить понимание этих категорий, допустим, в даосистской традиции Древнего Китая и в традиции античного полиса, то обнаруживаются заметные несовпадения. Древние греки на уровне обыденного сознания воспринимали бытие и небытие в привычном для нас смысле. Бытие — это все существующее, а небытие — это отсутствие бытия. Но у древних китайцев можно обнаружить иное понимание: небытие — это вся полнота бытия. Бытие «ю» и отсутствие бытия «у» толковались как наличное и неналичное бытие. В «Дао дэ цзин» (IV–III вв. до н. э.) утверждается, что окружающий человека предметный мир («десять тысяч вещей Поднебесной») рождается в «ю», но «ю» рождается в «у» (небытии). Небытие предстает как потенциально возможное бытие, как еще неоформленное сущее. Вся полнота бытия потенциально содержится в порождающем его небытии.

В этой системе мышления мир предстает как постоянный круговорот превращения бытия в небытие, причем ситуации видимого, реального, вещного, движущегося бытия как бы выплывают из невидимого, покоящегося небытия и, исчерпав себя, опять погружаются в него. Небытие выступает как отсутствие вещей и форм, но в нем как бы скрыто все возможное богатство мира, все нерожденное, неставшее и неоформленное¹.

¹ См.: Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М., 1979. С. 63–79.

Со специфическими смыслами категорий бытия и небытия связаны особенности содержания других категорий культуры Древнего Китая. Особый статус в этой культуре обретает категория пустоты, которая выступает в качестве выражения небытия. Если в античном мире категория пустоты означала отсутствие вещей, то в Древнем Китае она осмысливалась как начало вещей. Согласно древнекитайской парадигме именно пустота определяет природу вещей. Представляя собой отсутствие всяких форм, она одновременно выступает как формообразующее начало вещей. В памятнике древнекитайской культуры «Дао дэ цзин» подчеркивается, что именно пустота, содержащаяся в вещи между ее частями, определяет полезность вещи и ее применимость — колесо создается благодаря особому соединению спиц, но применение колеса зависит от пустоты между ними; сосуды создаются из глины, «но употребление сосудов зависит от пустоты в них»; «пробивают двери и окна, чтобы сделать дом, но пользование домом зависит от пустоты в нем»¹.

В древнекитайской системе мировидения любое ситуационное событие воспринимается как выражение становления вещи или явления, их «выплывания» из небытия с последующим уходом в небытие. Поэтому в любом событии, в их смене и становлении, в фиксации их неповторимости дана истина мироздания. Она раскрывается не за счет проникновения в сущность путем ее вычленения в чистой аналитической форме, а за счет улавливания в каждом мимолетном явлении целостности бытия. Сущность мира не столько фиксируется в понятиях, где она отделена от явлений, сколько выражается в образах, когда через индивидуальность и ситуационность явлений просвечиваются неотделимые от них сущности.

Известный психолог К. Г. Юнг, сопоставляя европейский и древнекитайский способы мышления, писал: «То, что мы называем случайностью для этого своеобразного мышления, является, судя по всему, главным принципом, а то, что мы превозносим как причинность, не имеет почти никакого значения... Их, видимо, интересует сама конфигурация случайных событий в момент наблюдения, а вовсе не гипотетические причины, которые якобы обусловили случайность. В то время как западное мышление заботливо анализирует, взвешивает,

¹ Древнекитайская философия. М., 1972. Т. 1. С. 118.

отбирает, классифицирует, изолирует, китайская картина момента все сводит к незначительной детали, ибо все ингредиенты и составляют наблюдаемый момент... Этот любопытный принцип я назвал синхронностью, и он диаметрально противоположен нашей причинности»¹.

Мир в древнекитайской культуре уподобляется целостному, постоянно возобновляющемуся организму, где целое определяет свойство частей, а воссоздание целостности предполагает взаимную согласованность многообразия частей и элементов, резонанса событий, происходящих в мире. Человек, его социальная жизнь включены в этот мир, выступают его компонентами и подчинены кооперативным эффектам в непрерывно самовоспроизводящейся целостности мира.

В калейдоскопе событий мира как постоянного перехода от бытия к небытию есть внутренний закон, естественный порядок («дао»), уповать на который, жить в согласии с которым и означает найти истинный путь жизни.

«Дао» понимается не только как порядок природных явлений, но и одновременно как добродетель, истина, искренность. Это и естественный порядок, и тот путь, который должен пройти человек в своей жизни. Задача человека — всматриваться, вписываться в мир, не ломать установленный в нем порядок, а следовать ему.

Здесь нетрудно увидеть, что шкала социальных ценностей оказывается вплавленной в древнекитайские концепции Космоса.

Гармония человека и Космоса в этой культуре всегда понималась так, что созвучие человеческих поступков космическому порядку должно быть связано с минимальным проявлением человеческой активности (человек найдет путь истины, если он будет придерживаться середины, умеренности, следовать опыту старших и т. д.). Гармония достигается путем растворения личности в космическом целом. Ее поступки должны быть выражением космического целого, а не самовыражением.

Показательно, что античная культура также развивает в эту эпоху тему гармонии человека и мира, и категория гармонии,

¹ Цит. по: Григорьева Т. П. Человек и мир в системе традиционных китайских учений // Проблема человека в традиционных китайских учениях. М., 1983. С. 7.

соразмерности частей в рамках целого является фундаментальной для культуры древнегреческого полиса. Но смысловая ткань этой категории культуры уже иная. Гармония Космоса соразмерна гармонии самого человека. Человек понимается здесь не как растворяющийся в таинственном и непостижимом Космосе, а как особая выделенная его часть, выступающая мерой всех вещей.

Транслируя накопленный социальный опыт, передавая его из поколения в поколение, универсалии культуры обеспечивают воспроизводство определенного образа социальной жизни и соответствующих типов личности. Смыслы универсалий выступают в качестве своего рода глубинных программ, которые предопределяют сцепление, воспроизводство и вариации всего многообразия конкретных форм и видов поведения и деятельности, характерных для определенного типа социальной организации.

Для человека, сформированного соответствующей культурой, смыслы ее универсалий чаще всего выступают как нечто само собой разумеющееся, как презумпции, в соответствии с которыми он строит свою деятельность и которые он обычно не осознает в качестве глубинных оснований своего миропонимания и мироощущения.

На уровне обыденного сознания в повседневной жизни большинство людей не смогут, например, дать определение категории «справедливость». Но они понимают смысл этой категории и могут пояснить его на конкретных примерах человеческих поступков и действий.

Особенности категориальных смыслов, сложившиеся в культуре, предстают как свойственные данной культуре базисные ценности, с позиций которых люди оценивают те или иные поступки и действия, эмоционально переживают их. Культура не сводится только к состояниям общественного и индивидуального сознания, связанным с актами самосознания, но включает в свой состав также социально неосознанное, которое принадлежит не к биологическому, а к социальному наследованию. Неосознанными могут быть не только отдельные конкретные программы поведения и общения (такие как в примере интуитивного выбора пространственной дистанции общения индивидов), но и базисные смыслы и ценно-

сти, выраженные системой мировоззренческих универсалий. Различное понимание добра и зла, справедливости и свободы и тому подобного может приводить к различным и даже полярным неосознанным реакциям на одни и те же события у представителей разных культур. К. Юнг характеризовал бессознательные компоненты фундаментальных ценностей культуры как архетипы (бессознательные коллективные переживания), которые могут длительное время существовать как надличностные психические образования, управляющие индивидуальной психикой.

Типы миропонимания и мироощущения, свойственные разным типам общества, определены различным содержанием категорий, лежащих в основании культуры.

Универсалии культуры реализуются и развертываются не только в формах понятийно-мыслительного постижения объектов, но и в других формах духовного и практического освоения человеком мира. Именно последнее позволяет характеризовать их как квинтэссенцию накопленного опыта человечества, включая все формы этого опыта, а не только сферу его теоретической реализации. Универсалии обнаруживают себя во всех проявлениях духовной и материальной культуры (в обыденном языке, феноменах нравственного сознания, в художественном освоении мира, функционировании техники и т. д.).

Эти особенности функционирования универсалий можно проследить на конкретных примерах. Рассмотрим в качестве одного из них то, как выражались в различных сферах средневековой культуры специфические для данной исторической эпохи смыслы категории «пространство».

Мировоззренческая сущность универсалии «пространство» выражается не только в тех определениях, которые даны в работах естествоиспытателей и философских трактатах. Эта категория культуры прежде всего включена в ткань обыденного языка: когда мы применяем термины «здесь», «там», «дальше», «ближе», «верх», «низ», «граница», «место» и так далее, мы бессознательно пользуемся данной категорией, которая группирует и организует соответствующие смыслы слов.

Как универсалия культуры, пространство функционирует в произведениях искусства, в обыденных представлениях

человека о предметах окружающей среды, в перцептивном пространстве человеческого восприятия и т. д. Философская и естественно-научная экспликация этой категории предстает лишь как один из аспектов ее социокультурного смысла. Основные значения и смыслы категории пространства как универсалии культуры включены в качестве компонента в категориальный строй мышления того или иного исторического типа общества. Они всегда выступают в своем исторически конкретном облике, который задает не только осмысление и понимание, но и переживание мира человеком. В средневековой культуре пространство воспринималось как качественно различная система мест, каждое из которых имело особый символический смысл. Такое понимание согласовывалось со средневековой концепцией дуально организованного мироздания, в котором события микрокосма отображают макрокосм и имеют скрытое символическое значение, вложенное в мир «божьим промыслом», актом божественного творения.

Обыденное сознание средневековой эпохи выделяло особые «святые места», путешествие к которым искупает грехи, наделяло символическим смыслом участки земли, где расположены храмы, выделяло внутри этих храмов различные по своей значимости части пространства.

Для крестьянина, который родился и жил в определенной местности и всей жизнедеятельностью был связан с определенным участком земли, эти части пространства имели особый личностный смысл. Его сюзерен, владелец данной местности, также лично переживал свою сопричастность к ней как к своему родовому поместью, которое для него выступало не только источником доходов, но и было своеобразным символом, благодаря которому он получал сословные привилегии, включался в определенную корпоративную связь.

Весьма показательным для понимания того, как функционирует в обыденном сознании человека Средневековья категория пространства (со всеми специфичными для этой эпохи социально значимыми смыслами), является приведенное А. Я. Гуревичем свидетельство, что в обыденных языках этого исторического периода не встречается понятия пространства самого по себе, а термин «пространство» имеет значение

протяженности, промежутка, места, но не абстрактного пространства вообще¹.

Понимание пространства как системы качественно различных мест пронизывает и все искусство Средневековья. Средневековому мастеру казалось само собой разумеющимся, что можно изобразить в картине несколько разновременных событий, например из жития Христа или какого-либо святого. Все эти события сознание легко объединяло в единое изображение как своеобразную переключку, внутреннюю связь символов. Такая «литературно-новостовательная» живопись разительно отличается, например, от сложившегося в эпоху Возрождения отношения к картине как своеобразному «окну в мир», когда в пространстве изображаются только видимые в некоторый один и тот же момент времени предметы и их состояния². Символическое понимание пространственных мест присутствует и в своеобразной ранжировке значимости событий, изображаемых в средневековой картине. В ней разделяются верх и низ, чтобы вверху поместить предметы и события, тяготеющие по своей символике к небесным, а внизу — к земным ситуациям. Наконец, многочисленные исследования средневековой живописи показывают, что часто встречающееся несоответствие пропорций предметов переднего и заднего планов, обратная перспектива теснейшим образом связаны с теми смыслами, которые вкладывались в этот исторический период в категорию пространства.

Средневековая живопись видела свою цель прежде всего в раскрытии драматизма «встречи двух миров» — чувственного, зримого и сверхчувственного³. Поэтому особо значимые фигуры и события символически могли подчеркиваться нарушениями пропорций, но, тем не менее, воспринимались как расположенные в пространстве, поскольку символическое выделение пространственных частей компенсировало их перспективную несоотнесенность. Весьма интересна в этом плане дискуссия относительно причин и оснований, которые побуждали живописцев Средневековья широко применять обратную

¹ См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 82.

² См.: Дмитриева Н. М. Изображение и слово. М., 1962. С. 187–193.

³ См.: Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 79; см. также: Флоренский П. А. Обратная перспектива // Труды по знаковым системам. Тарту, 1967.

перспективу. Как показано в исследованиях Б. В. Раушенбаха, обратная перспектива — это не просто иллюзия и нарочитое искажение видимого, а реально воспринимаемое в перцепции пространство ближнего плана. В работах по психологии восприятия установлено, что человеческий глаз фиксирует близлежащие и удаленные предметы в разных геометрических образах: ближний план — в неевклидовом пространстве, а дальний — в евклидовом. Такое различие перцептивных пространств объясняется важностью (в плане биологического приспособления) большей детализации в отражении предметов, которые могут контактно взаимодействовать с телом. Неевклидова геометрия, в которой воспринимается предмет ближнего плана, соответствует обратной перспективе, а евклидова, дальнего плана, — линейной. Какое из этих пространств положить в основу изображения, определяется структурами сознания. Опираясь на эти идеи, можно предложить новую трактовку феномена обратной перспективы в средневековой живописи.

Если принять во внимание, что структуры сознания в каждую историческую эпоху заданы соответствующими смыслами мировоззренческих универсалий, то можно предположить, что именно эти смыслы ориентировали живописное видение на особую «переключку» предметов разных планов.

Различие между ренессансным пониманием картины как «окна в мир» и средневековыми восприятиями иконы — это различие в глубинных смыслах универсалий «пространства», которые, в свою очередь, корнями уходят в различное понимание места человека в мире. В эпоху Ренессанса сформировалось иное, чем в Средние века, представление о человеке. Он уже не воспринимался как «суденышко в бурных водах житейского моря», как «лампада на ветру», но все яснее представлялся в качестве активного существа, утверждающего божью волю в своих трудах и деяниях. Это новое понимание полагало человека выделенным из Универсума, исследующим и наблюдающим природные вещи как бы со стороны, дистанцированным от них. Такое разделение мира на природные объекты и дистанцированного от них познающего субъекта формировало особые установки сознания, при которых в процессе непосредственного зрительного восприятия начинает доминировать перспектива дальнего плана, связанная с дистанцированным созерцанием

объектов. Главным способом организации пространства в живописи Возрождения становится евклидова перспектива.

Но в отношении средневековой иконы все обстояло принципиально иначе. Культуре Средневековья была чужда идея оппозиции человека и природы. Созерцать со стороны макрокосм может только бог, но не человек. Икона никогда не воспринималась в этой культуре как «окно в мир», скорее наоборот, понималась как такое святое окошко, через которое Бог смотрит в человеческую душу. Общение с иконой означало установление контакта человеческой души, заключенной в телесную оболочку, с божественным духом. Вероятно, именно эта установка акцентировала структуры зрительного восприятия, которые включаются при отражении предметов ближнего плана, находящихся в зоне возможного непосредственного контакта с телом. Но тогда и иконописец, и общающийся с иконой человек могли реально видеть предметы, которые должны изображаться как расположенные на дальнем плане, в иной геометрии — как предметы ближнего плана, то есть в обратной перспективе.

Анализируя основные аспекты функционирования категории пространства в средневековой культуре, обратимся теперь к науке этого исторического периода. Здесь также выявляется выделенный статус понимания пространства как системы качественно особых мест.

Доминирующей космологической концепцией средневековой науки была геоцентрическая система Птолемея, слегка модифицированная в духе господствующих религиозных идей (в геоцентрическую модель, кроме сфер планет, Солнца и неподвижных звезд, включена сфера «эмпирея» как места обитания душ и ангелов).

Физика этой эпохи рассматривала движение тел в соответствии с аристотелевской концепцией: каждое тело стремится к своему месту. Мировоззренческая интерпретация санкционирует это видение как единственно возможную схему, добавляя в нее лишь оценочные моменты: тяжелые тела падают к Земле, поскольку они отягощены грешной материей, а легкие стремятся к «эмпирею», земные движения греховно не упорядочены, небесные же осуществляются по идеальным кругам.

Ломка всех этих смыслов категории пространства началась в эпоху Возрождения. Она была частью и началом более общего процесса трансформации всей системы универсалий средневековой культуры и становления иных мировоззренческих ориентиров, которые знаменовали переход к новому типу цивилизационного развития, связанному с утверждением капиталистических отношений. Эти трансформации охватывали все сферы культуры: философию, религию, нравственное, политическое и правовое сознание, науку и т. д.

Такое развитие кардинальных мировоззренческих идей как бы параллельно в различных областях культурного творчества объяснимо, если учесть особенности категориального мышления каждой культуры, то обстоятельство, что категории не локализованы в какой-то одной области бытия культуры, а пронизывают все сферы этого бытия. Поэтому преобразование категориальных смыслов, начавшееся под влиянием новых социальных потребностей в одной или нескольких сферах культуры, рано или поздно с неизбежностью отрезонирует в других.

По мере исторического развития общества может изменяться не только смысл универсалий культуры, но и сам их набор, организованный в целостную систему. Возникновение новых видов деятельности, поведения и общения может приводить к расщеплению первичных универсалий и формированию новых категорий, которые укореняются в культуре (например, расщепление характерной для архаических обществ категории «любовь-дружба» на две самостоятельные категории, появление в российской культуре наряду с категорией «правда» категории «истина»). Конкретные виды культуры отличаются своими основаниями, и не всегда можно обнаружить изоморфизм между системами универсалий различных культур.

Универсалии культуры одновременно выполняют по меньшей мере три взаимосвязанные функции в человеческой жизнедеятельности.

Во-первых, они обеспечивают своеобразную квантификацию и сортировку многообразного, исторически изменчивого социального опыта. Этот опыт рубрицируется соответственно смыслам универсалий культуры и стягивается в своеобразные кластеры. Благодаря такой «категориальной упаковке»

он включается в процесс трансляции и передается от человека к человеку, от одного поколения к другому.

Во-вторых, универсалии культуры выступают базисной структурой человеческого сознания, их смыслы определяют категориальный строй сознания в каждую конкретную историческую эпоху.

В-третьих, взаимосвязь универсалий образует обобщенную картину человеческого мира, то, что принято называть мировоззрением эпохи. Эта картина, выражая общие представления о человеке и мире, вводит определенную шкалу ценностей, принятую в данном типе культуры, и поэтому определяет не только осмысление, но и эмоциональное переживание мира человеком.

Во всех этих функциях смыслы универсалий культуры должны быть усвоены индивидом, стать внутренней канвой его индивидуального понимания мира, его поступков и действий. На этом уровне смыслы универсалий культуры конкретизируются с учетом групповых и индивидуальных ценностей. Причем даже в устойчивых состояниях социальной жизни универсалии культуры могут допускать очень широкий спектр конкретизаций, дополняться ценностями противоположных по интересам социальных групп и не утрачивать при этом своих основных смыслов.

Например, доминирующее в средневековой культуре представление о страдании как неизменном атрибуте человеческого бытия по-разному воспринималось господствующими классами и простолюдинами. Если первые усматривали в категории «страдание» преимущественно официальную церковно-религиозную доктрину наказания рода человеческого за первородное грехопадение, то вторые часто вкладывали в нее еще и определенный еретический смысл, полагая необходимость божьего наказания своих угнетателей уже в земной жизни, за грехи и отсутствие сострадания к униженным и оскорбленным.

В свою очередь стереотипы группового сознания специфически преломляются в сознании каждого индивида. Люди всегда вкладывают в универсалии культуры свой личностный смысл соответственно накопленному жизненному опыту. В результате в их сознании картина человеческого мира обретает личностную окраску и выступает в качестве их индивидуального

мировоззрения. С этих позиций уместно говорить об огромном множестве модификаций, которые свойственны каждой доминирующей в культуре системе мировоззренческих установок. Базисные убеждения и представления могут сочетаться, и часто противоречивым образом, с сугубо личностными ориентациями и ценностями, а весь комплекс индивидуальных убеждений — меняться на протяжении жизни¹. Для множества американцев эпохи рабовладения мировоззренческая презумпция «люди рождаются равными» соединялась с убеждением о справедливости рабовладения²; известные русские философы Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк в молодости увлекались идеями марксизма, а затем встали в оппозицию к нему.

Индивидуальная вариативность мировоззренческих установок является важной предпосылкой для изменения и развития фундаментальных смыслов универсалий культуры. Однако критическое отношение к ним отдельных личностей само по себе еще не вызывает автоматического изменения категориальной модели человеческого мира, лежащей в фундаменте культуры. Оно необходимо, но не достаточно для таких изменений. Оппозиционные идеи возникают в любую эпоху, но они могут не находить резонанса в массовом сознании и отторгаться им. И лишь на определенных стадиях социального развития эти идеи становятся очагами переплавки старых смыслов, которыми руководствуется большинство людей, живущих в том или ином типе общества.

Преобразование базисных смыслов универсалий культуры и соответственно изменение типа культуры всегда связаны с переломными этапами человеческой истории, ибо означают трансформацию не только образа человеческого мира, но и продуцируемых им типов личности, их отношения к действительности, их ценностных ориентаций.

Любая сложившаяся в культуре исторически определенная система универсалий и их смыслов сохраняется до тех пор, пока она обеспечивает воспроизводство, генерацию и сцепление необходимых обществу видов деятельности, поведения и общения.

¹ См.: Холтон Дж. Что такое антинаука // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 38.

² См.: Там же.

Изменение этих смыслов происходит тогда, когда они перестают выполнять свою трансляционную функцию, то есть когда они уже не позволяют ассимилировать новый, важный для людей социальный опыт, соединять его с традицией и передавать от поколения к поколению.

Такие эпохи постоянно возникают в процессе исторического развития цивилизации и культуры. Они являются результатом естественной социальной эволюции, которая сопровождается появлением новых форм и видов деятельности, изобретением ее новых средств и методов. Все это рано или поздно порождает потребности в новых типах мировоззренческих ориентаций, которые обеспечивали бы трансляцию опыта и переход к новым формам социальной жизни.

Перестройка категориальных структур сознания является необходимым условием такого перехода. Переустройство общества всегда связано с революцией в умах, с критикой тех ранее господствующих мировоззренческих ориентаций, которые уже исчерпали свои возможности в качестве глубинных программ человеческой жизнедеятельности.

Именно в такие эпохи в самых различных сферах культуры происходит интенсивная переоценка ценностей, смыслов мировоззренческих универсалий, ранее казавшихся очевидными и само собой разумеющимися.

Теперь можно подвести некоторые итоги. В результате анализа мы получили целостную модель социальной жизни, где базисные сферы человеческого бытия (воспроизводство и развитие неорганического тела цивилизации, социальных связей и отношений людей, культуры) оказываются скоррелированными друг с другом.

Динамика социального развития определяется не только изменениями в сфере производства, но и изменениями в культуре, прежде всего мутациями смыслов ее универсалий.

Изменение в сфере производства, связанное с изобретением новых орудий и средств деятельности, возникновение новых форм разделения труда, бесспорно, могут стимулировать изменения смыслов универсалий культуры, но только в том случае, когда новый, значимый для людей опыт начинает отторгаться той схемой его трансляции, которая задана универсалиями культуры. Тогда возникают разрывы в деятель-

ности и наступает эпоха поиска новых мировоззренческих смыслов.

Вместе с тем нельзя упускать из виду, что в смыслах универсалий, таких как «человек», «природа», «деятельность», «труд» и другие, закреплены определенные программы отношения к природе, которые задают весьма общие стратегии производственной деятельности человека. Ценность самих производственных инноваций и внимание к экономической жизни, характерные для современного цивилизационного развития, отнюдь не всегда и не везде были характерны для социальной жизни. Даже в античной цивилизации, от которой ведет свою родословную линия новоевропейской культурной традиции, вопросы хозяйственной жизни и технологического развития не были кардинальными проблемами социальной жизни и не занимали значимого места в шкале социальных ценностей, которое сегодня кажется для многих из нас чем-то само собой разумеющимся¹.

Не существует односторонней детерминации характера культуры способом производства, но имеются сложные корреляции и состыковки этих двух сфер человеческой жизнедеятельности. Их взаимодействие нужно описывать не в терминах поведения жестко детерминированных систем, а в терминах самоорганизации, прослеживая их прямые и обратные связи.

¹ См.: *Hosle V. Philosophie der ökologischen Krise. München, 1991. S. 27.*

Глава 2. ТИПЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ¹

Современная цивилизация находится на критическом этапе своего развития. Уже сегодня видны контуры совершенно нового человеческого мира, который формируется в противоречиях и напряжениях нашей эпохи. Происходящие изменения столь фундаментальны, что философы и футурологи не без основания сравнивают их с переходом общества от каменного века к железному. В самом деле, бурные изменения в сфере техники, технологии, научно-технический прогресс радикально обновляют предметную среду, в которой непосредственно протекает жизнедеятельность человека. Одновременно возникают совершенно новые формы кооперирования человеческого труда, новые типы коммуникаций, способы хранения и передачи информации, связи и отношения в человеческих сообществах, новые формы взаимодействия различных культурных традиций.

История человечества на наших глазах становится глобальной историей. Раньше она была историей отдельных народов, племен, регионов, историей отдельных, во многом автономных сфер культуры (науки, искусства, философии, религии и т. д.). Теперь она отчетливо превращается в глобальную и единую историю: то, что происходит в жизни отдельных стран и народов, воздействует на другие страны и народы; то, что происходит в одной сфере социальной жизни, сразу же отражается на всех остальных. Человечество во всех его основных измерениях становится интегральным целым при увеличивающемся разнообразии. Несомненно, слияние многочисленных

¹ Основой главы является материал работ: *Степин В. С.* Перспективы цивилизации: от культа силы к диалогу и согласию // *Этическая мысль : науч.-публицист. чтения.* 1991 / общ. ред. А. А. Гусейнова. М., 1992; *Степин В. С.* Философия и эпоха цивилизационных перемен // *Вопросы философии.* 2006. № 2.

подсистем и сфер социальной жизни, национальных традиций и культур, исторических ручейков в единый мощный поток есть прогресс, но столь же несомненно, что прогресс этот сопровождается негативными явлениями. За прогресс надо платить. Но вот вопрос: «Не высока ли цена?» Цена действительно оказалась высокой, если учесть, что современная цивилизация породила беспрецедентные глобальные кризисы.

Обострение этих кризисов ставит проблему поиска новых стратегий развития. Обычно этот поиск связывают с необходимостью изменить фундаментальные цели человеческой деятельности. Но за каждым набором целей стоят ценности. Они санкционируют тот или иной вид деятельности и его цели. И тогда проблема стратегии развития современной цивилизации трансформируется в проблему базисных ценностей ее культуры.

Анализируя тенденции современного цивилизационного развития, необходимо ответить на вопрос: «В чем заключается система базисных ценностей, которые определяют специфику современной цивилизации?» А для этого следует уточнить само понятие цивилизации и ввести представление о типах цивилизационного развития.

Понятие цивилизации.

Традиционные и техногенная цивилизации

Понятие «цивилизация» применяется во многих смыслах. Важно, на мой взгляд, выделить три основных. Первый из них обозначает совокупность достижений человечества, которые характеризуют выделение человека из животного мира и его восхождение по ступеням социального развития. В этом значении под цивилизационными достижениями понимается, прежде всего, развитие, системное усложнение и расширение «второй природы» — мира созданных человеком предметов и процессов, который непосредственно окружает его и обеспечивает его выживание в природе. В этом смысле говорят о цивилизационных достижениях как о технико-технологических инновациях, таких как изобретение колеса, паровой машины, автомобиля, самолета, освоение электричества, атомной энергии. Кроме них есть цивилизационные достижения, которые обеспечивают регуляцию социальных связей и отношений

людей. Изобретение письменности, возникновение права, рынок и деньги, демократия, права человека — тоже цивилизационные достижения.

Второе значение понятия «цивилизация» характеризует особый тип общества, возникающий на определенной ступени исторического развития, когда происходит переход от первобытного состояния к первым сельским и городским цивилизациям древности. В основе этого понимания лежит целостное системное видение общества с особенностями его культуры, ее базисных ценностей, социальных отношений и институтов, способа взаимодействия с природой, типов личностей и образа жизни, которые воспроизводятся в процессе существования цивилизации. В этом значении употреблял термин «цивилизация» А. Тойнби, когда выделял в истории человечества различные виды цивилизаций. В рамках этого второго смысла цивилизация воспринимается как особый социальный организм, который характеризуется спецификой его взаимодействия с природой, особенностями социальных связей и культурной традиции. Подчеркну, что в этом подходе цивилизация и культура никак не противопоставляются друг другу. Любая цивилизация предполагает особый тип культуры. И только благодаря этому типу культуры она и воспроизводится.

И наконец, есть третий смысл термина «цивилизация». Например, О. Шпенглер считал, что цивилизация и культура противоположны. В этом случае под цивилизацией понимаются технологические и технические изобретения, а под культурой — базисные ценности и состояния духовного мира человека. И тогда фиксируется, что прогресс в технике и технологии не приводит автоматически к моральному прогрессу, наоборот, иногда даже связан с моральным регрессом. В этом смысле часто говорят, что цивилизация и культура не совпадают, что это — разные аспекты социальной истории. Такое противопоставление, я полагаю, уместно только в очень узких рамках, например когда обсуждаются проблемы кризиса современной цивилизации и соответственно современной культуры. Вот тут можно говорить о том, что цивилизация, в основе которой лежит технический и технологический прогресс, и культура как духовное развитие человека не совпадают и даже могут быть противоположны друг другу.

В дальнейшем, когда будем говорить о цивилизациях и типах цивилизационного развития, я буду использовать термин «цивилизация» во втором смысле, то есть рассматривать ее как некоторый целостный социальный организм, предполагающий определенный тип культуры.

Представление об обществе как целостном организме имеет давнюю традицию. В европейской культуре в эпоху становления социально-гуманитарных наук начиная с XIX века его можно встретить уже у Огюста Конта. Подход к человеческой истории как к эволюции социальных организмов прослеживается у Герберта Спенсера. Эту идею отстаивал и Карл Маркс, рассматривая общество как сложную развивающуюся органическую целостность. Аналогия с эволюцией биологических организмов при таком подходе широко используется в социально-историческом анализе. Конечно, всякие аналогии имеют свои границы. Но в то же время они позволяют многое прояснить и даже найти новые пути осмысления социальных процессов.

Существует многообразие разных видов социальных организмов, как существует многообразие биологических видов, и подобно тому, как живые организмы взаимодействуют между собой и адаптируются к природным условиям, различные виды общества также взаимодействуют с природой и друг с другом.

В развитии человечества, после того как оно преодолело стадию варварства и дикости, существовало множество цивилизаций — конкретных видов общества, каждое из которых имело свою самобытную историю. Известный философ и историк А. Тойнби выделил и описал 21 цивилизацию. Все они могут быть разделены на два больших класса, соответственно типам цивилизационного прогресса — на традиционные и техногенную цивилизации.

Техногенная цивилизация является довольно поздним продуктом человеческой истории. Долгое время эта история протекала как взаимодействие традиционных обществ. Лишь в XV—XVII столетиях в европейском регионе сформировался особый тип развития, связанный с появлением техногенных обществ, их последующей экспансией на остальной мир и изменением под их влиянием традиционных обществ. Некоторые из этих

традиционных обществ были просто-напросто поглощены техногенной цивилизацией; пройдя через этапы модернизации, они превращались затем в типичные техногенные общества. Другие, испытав на себе прививки западной технологии и культуры, тем не менее, сохраняли многие традиционные черты, превратившись в своего рода гибридные образования.

Различия традиционной и техногенной цивилизации носят радикальный характер.

Традиционные общества характеризуются замедленными темпами социальных изменений. Конечно, в них также возникают инновации, как в сфере производства, так и в сфере регуляции социальных отношений, но прогресс идет очень медленно по сравнению со сроками жизни индивидов и даже поколений. В традиционных обществах может смениться несколько поколений людей, заставляя одни и те же структуры общественной жизни, воспроизводя их и передавая следующему поколению. Виды деятельности, их средства и цели могут столетиями существовать в качестве устойчивых стереотипов. Соответственно в культуре этих обществ приоритет отдается традициям, образцам и нормам, аккумулирующим опыт предков, канонизированным стилям мышления. Инновационная деятельность отнюдь не воспринимается здесь как высшая ценность, напротив, она имеет ограничения и допустима лишь в рамках веками апробированных традиций. Древняя Индия и Китай, Древний Египет, государства мусульманского Востока эпохи Средневековья и другие — все это традиционные общества. Этот тип социальной организации сохранился и до наших дней: многие государства третьего мира сохраняют черты традиционного общества, хотя их столкновение с современной западной (техногенной) цивилизацией рано или поздно приводит к радикальным трансформациям традиционной культуры и образа жизни.

Что же касается техногенной цивилизации, которую часто обозначают расплывчатым понятием «западная цивилизация», имея в виду регион ее возникновения, то это особый тип социального развития и особый тип цивилизации¹. Ее определяющие признаки в известной степени противоположны

¹ Этот тип развития в современной философской и социально-политической литературе иногда обозначают как цивилизацию проекта «Модерн».

ны характеристикам традиционных обществ. Когда техногенная цивилизация сформировалась в относительно зрелом виде, то темп социальных изменений стал возрастать с огромной скоростью. Можно сказать, что экстенсивное развитие истории здесь заменяется интенсивным; пространственное существование — временным. Резервы роста черпаются уже не за счет расширения культурных зон, а за счет перестройки самих оснований прежних способов жизнедеятельности и формирования принципиально новых возможностей. Самое главное и действительно эпохальное, всемирно-историческое изменение, связанное с переходом от традиционного общества к техногенной цивилизации, состоит в возникновении новой системы ценностей. Ценностью считается сама инновация, оригинальность, вообще новое (в известном смысле символом техногенного общества может считаться Книга рекордов Гиннеса: в отличие, скажем, от семи чудес света, Книга рекордов Гиннеса наглядно свидетельствует, что каждый индивид может стать единственным в своем роде, достичь чего-то необычного, и она же как бы призывает к этому; семь чудес света, напротив, призваны были подчеркнуть завершенность мира и показать, что все грандиозное, действительно необычное уже свершилось).

Техногенная цивилизация началась задолго до компьютеров и даже задолго до паровой машины. Ее преддверием можно назвать развитие античной культуры, прежде всего культуры полисной, которая была особым типом традиционалистской культуры. Она подарила человечеству два великих изобретения — демократию и теоретическую науку, первым образцом которой была евклидова геометрия. Эти два открытия — в сфере регуляции социальных связей и в способе познания мира — стали важными предпосылками для будущего, принципиально нового типа цивилизационного прогресса.

Второй и очень важной вехой стала традиционалистская культура европейского Средневековья с особым пониманием человека как созданного по образу и подобию Бога; с культом человекобога и культом любви человека к человекобогу, к Христу; с культом человеческого разума, способного понять и постигнуть тайну божественного творения, расшифровать те письмена, которые Бог заложил в мир, когда он его создавал.

Последнее обстоятельство необходимо отметить особо: целью познания как раз и считалась расшифровка промысла Божьего, плана божественного творения, реализованного в мире, — страшно еретическая мысль с точки зрения традиционных религий. Но это все — преддверие.

Впоследствии, в эпоху Ренессанса, происходит восстановление многих достижений античной традиции, но при этом ассимилируется и идея богоподобности человеческого разума. И вот с этого момента закладывается культурная матрица техногенной цивилизации. Эта матрица завершает свое оформление в эпохи Реформации и Просвещения и затем определяет все последующее развитие техногенной цивилизации. Последняя проходит три стадии развития: сначала — прединдустриальную, потом — индустриальную и, наконец, вступает в постиндустриальную.

Важнейшей основой ее жизнедеятельности является прежде всего развитие техники, технологии, причем не только путем стихийно протекающих инноваций в сфере самого производства, но и за счет генерации все новых научных знаний и их внедрения в технико-технологические процессы. Так возникает тип развития, основанный на ускоряющемся изменении природной среды, предметного мира, в котором живет человек. Изменение этого мира приводит к активным трансформациям социальных связей людей. В техногенной цивилизации научно-технический прогресс постоянно меняет способы общения, формы коммуникации людей, типы личности и образ жизни. В результате возникает отчетливо выраженная направленность прогресса с ориентацией на будущее.

Для культуры техногенных обществ характерно представление о необратимом историческом времени, которое течет от прошлого через настоящее в будущее. Отметим для сравнения, что в большинстве традиционных культур доминировали иные понимания: время чаще всего воспринималось как циклическое, когда мир периодически возвращается к исходному состоянию. В традиционных культурах считалось, что золотой век уже пройден, он позади, в далеком прошлом. Герои прошлого создали образцы поступков и действий, которым следует подражать. В культуре техногенных обществ иная ориентация. В них идея социального прогресса стимулирует ожидание

перемен и движение к будущему, а будущее полагается как рост цивилизационных завоеваний, обеспечивающих все более счастливое мироустройство.

Техногенная цивилизация существует чуть более 300 лет, но она оказалась весьма динамичной, подвижной и очень агрессивной: она подавляет, подчиняет себе, переворачивает, буквально поглощает традиционные общества и их культуры — это мы видим повсюду, и сегодня этот процесс идет повсеместно. Такое активное взаимодействие техногенной цивилизации и традиционных обществ, как правило, оказывается столкновением, которое приводит к гибели последних, к уничтожению многих культурных традиций, по существу, к гибели этих культур как самобытных целостностей.

Традиционные культуры не только отесняются на периферию, но и радикально трансформируются при вступлении традиционных обществ на путь модернизации и техногенного развития. Чаще всего эти культуры сохраняются только фрагментарно, в качестве исторических рудиментов. Так произошло и происходит с традиционными культурами восточных стран, осуществивших индустриальное развитие; то же можно сказать и о народах Южной Америки, Африки, вставших на путь модернизации, — везде культурная матрица техногенной цивилизации трансформирует традиционные культуры, преобразуя их смысложизненные установки, заменяя их новыми мировоззренческими доминантами.

Эти мировоззренческие доминанты складывались в культуре техногенной цивилизации еще на прединдустриальной стадии ее развития, в эпоху Ренессанса, Реформации, а затем и европейского Просвещения.

Они выражали кардинальные мировоззренческие смыслы: понимания человека, мира, целей и предназначения человеческой жизнедеятельности.

Первой и главной характеристикой техногенной культуры было понимание человека как активного существа, которое находится в деятельностном отношении к миру. Деятельность человека должна быть направлена вовне, на преобразование и переделку внешнего мира, прежде всего природы, которую человек должен подчинить себе. В свою очередь, внешний мир рассматривался как арена деятельности человека, как если бы

мир и был предназначен для того, чтобы человек получал необходимые для себя блага, удовлетворял свои потребности. Конечно, это не означает, что в новоевропейской культурной традиции не возникали другие, в том числе и альтернативные, мировоззренческие идеи.

Техногенная цивилизация в самом своем бытии определена как общество, постоянно изменяющее свои основания. Поэтому в ее культуре активно поддерживается и ценится постоянная генерация новых образцов, идей, концепций. Лишь некоторые из них могут реализовываться в сегодняшней действительности, а остальные предстают как возможные программы будущей жизнедеятельности, адресованные грядущим поколениям. В культуре техногенных обществ всегда можно обнаружить идеи и ценностные ориентации, альтернативные доминирующим ценностям. Но в реальной жизнедеятельности общества они могут не играть определяющей роли, оставаясь как бы на периферии общественного сознания и не приводя в движение массы людей.

Идея преобразования мира и подчинения человеком природы была доминантой в культуре техногенной цивилизации на всех этапах ее истории, вплоть до нашего времени. Если угодно, эта идея была важнейшей составляющей того «генетического кода», который определял само существование и эволюцию техногенных обществ. Что же касается традиционных обществ, то здесь деятельностное отношение к миру, которое выступает родовым признаком человека, понималось и оценивалось с принципиально иных позиций.

Нам долгое время казалась очевидной активистская мировоззренческая установка. Однако ее трудно отыскать в традиционных культурах. Свойственный традиционным обществам консерватизм видов деятельности, медленные темпы их эволюции, господство регламентирующих традиций постоянно ограничивали проявление деятельностно-преобразующей активности человека. Поэтому сама эта активность осмысливалась скорее не как направленная вовне, на изменение внешних предметов, а как ориентированная вовнутрь человека, на самосозерцание и самоконтроль, которые обеспечивают следование традиции¹.

¹ В культурологических исследованиях уже отмечалось, что существуют два типа культур: ориентированные на предметно-активистский способ жиз-

Принципу преобразующего деяния, сформулированному в новоевропейской культуре, можно противопоставить в качестве альтернативного принцип древнекитайской культуры «у-вэй». Хотя «у-вэй» дословно означает «недеяние», он не воспринимался как отказ от действия, но провозглашал идеал минимального действия, основанного на чувстве ритмов мира.

Этот принцип исключал стремление к целенаправленному преобразованию природной и социальной среды, требовал самоконтроля и самодисциплины индивида, адаптирующегося к среде. Принцип «у-вэй» охватывал практически все главные аспекты жизнедеятельности человека. В нем было выражено определенное осмысление специфики и ценностей земледельческого труда, в котором многое зависело от внешних, природных условий и который постоянно требовал приноравливаться к этим условиям.

Но принцип «у-вэй» был и особым способом включения индивида в сложившийся традиционный порядок общественных связей, ориентируя человека на такое включение в социальную среду, при котором свобода и самореализация личности достигалась в основном в сфере самоизменения, но не изменения сложившихся социальных структур.

Ценности техногенной культуры задают принципиально иной вектор человеческой активности. Преобразующая деятельность рассматривается здесь как главное предназначение человека. Деятельностно-активный идеал отношения человека к природе распространяется затем и на сферу социальных отношений, которые также начинают рассматриваться в качестве особых социальных объектов, которые может целенаправленно преобразовывать человек. С этим связан культ борьбы, революций как локомотивов истории. Стоит отметить, что марксистская концепция классовой борьбы, социальных революций как способа решения социальных проблем возникла в контексте ценностей техногенной культуры.

С пониманием деятельности и предназначения человека тесно связан второй важный аспект ценностных и мировоззренческих

недеятельности и на автокоммуникацию, интроспекцию и созерцание (см., например: *Лотман Ю. М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6). Культуры техногенных обществ явно тяготеют к первому типу, а культуры традиционных обществ — ко второму.

ориентаций, который характерен для культуры техногенного мира, — понимание природы как упорядоченного, закономерно устроенного поля, в котором разумное существо, познавшее законы природы, способно осуществить свою власть над внешними процессами и объектами, поставить их под свой контроль. Надо только изобрести технологию, чтобы искусственно изменить природный процесс и поставить его на службу человеку, и тогда укрощенная природа будет удовлетворять человеческие потребности во все расширяющихся масштабах.

Что же касается традиционных культур, то в них мы не встретим подобных представлений о природе. Природа понимается здесь как живой организм, в который встроено человек. Но она не воспринимается как обезличенное предметное поле, управляемое объективными законами. Само понятие закона природы, отличного от законов, которые регулируют социальную жизнь, было чуждо традиционным культурам.

В свое время известный философ и науковед М. К. Петров предложил своеобразный мысленный эксперимент: как посмотрел бы человек, воспитанный в системе ценностей традиционной цивилизации, на идеалы новоевропейской культуры. Ссылаясь на работу С. Поуэла «Роль теоретической науки в европейской цивилизации», он приводил свидетельства миссионеров о реакции китайских мудрецов на описания европейской науки. «Мудрецы нашли саму идею науки абсурдной, поскольку, хотя повелителю Поднебесной и дано устанавливать законы и требовать их исполнения под угрозой наказания, исполнять законы и подчиняться им дано лишь тем, кто способен эти законы “понять”, а “дерево, вода и камни”, о которых толкуют мистификаторы-европейцы, очевидно этим свойством “понятливости” не обладают: им нельзя предписывать законы и от них нельзя требовать их исполнения»¹.

Характерный для техногенной цивилизации пафос покорения природы и преобразования мира порождал особое отношение к идеям господства силы и власти. Это третий важный аспект матрицы техногенной культуры. В традиционных культурах власть и сила понимались, прежде всего, как непосредственная власть одного человека над другим. В патриархальных обществах и азиатских деспотиях власть и господ-

¹ Петров М. К. Указ. соч. С. 130.

ство распространялись не только на подданных государя, но и осуществлялись мужчиной, главой семьи над женой и детьми, которыми он владел так же, как царь или император — телами и душами своих подданных.

В техногенном мире также можно обнаружить немало ситуаций, в которых господство осуществляется как сила непосредственного принуждения и власти одного человека над другим. Однако отношения личной зависимости перестают здесь доминировать и подчиняются новым социальным связям. Их сущность определена всеобщим обменом результатами деятельности, приобретающими форму товара.

Власть и господство в этой системе отношений предполагают владение и присвоение товаров (вещей, человеческих способностей, информации как товарных ценностей, имеющих денежный эквивалент).

В результате в культуре техногенной цивилизации происходит своеобразное смещение акцентов в понимании предметов господства силы и власти — от человека к произведенной им вещи. В свою очередь эти новые смыслы легко соединяются с идеалом деятельностно-преобразующего предназначения человека.

Сама преобразующая деятельность расценивается как процесс, обеспечивающий власть человека над предметом, господство над внешними обстоятельствами, которые человек призван подчинить себе.

Человек должен из раба природных и общественных обстоятельств превратиться в их господина, и сам процесс этого превращения понимался как овладение силами природы и социального развития. Характеристика цивилизационных достижений в терминах силы («производительные силы», «сила знания» и т. п.) выражала установку на обретение человеком все новых возможностей, позволяющих расширять горизонт его преобразующей деятельности.

Изменяя путем приложения освоенных сил не только природную, но и социальную среду, человек реализует свое предназначение творца, образователя мира.

Идеал творческой, суверенной, автономной личности занимает одно из приоритетных мест в системе ценностей техногенной цивилизации. Это понимание личности можно

зафиксировать в качестве четвертой характеристики техногенной культуры.

Мы, родившиеся и живущие в техногенном мире, часто воспринимаем это как нечто само собой разумеющееся. Но человек традиционного общества не принял бы этих ценностей. В традиционном обществе личность реализуется только через принадлежность к какой-либо определенной корпорации, будучи элементом в строго определенной системе корпоративных связей. Если человек не включен в какую-нибудь корпорацию, он не личность.

В техногенной же цивилизации возникает особый тип автономии личности: человек может менять свои корпоративные связи, он жестко к ним не привязан, может и способен очень гибко строить свои отношения с людьми, включаться в разные социальные общности, а часто и в разные культурные традиции.

Как подчеркивал М. К. Петров, поскольку индивид, формирующийся в лоне новоевропейской культуры и социальности, жестко, от рождения, не связан с семейно-корпоративной традицией передачи профессионального и социального опыта, то это было бы воспринято человеком традиционного общества как признак явной ущербности европейца, которому с детства «прививают вздорную мысль о том, что он способен стать всем, и, когда европеец взрослеет, включается в специализированную деятельность, он до конца жизни остается разочарованным человеком, носителем несбыточных и, естественно, несбывшихся надежд, озлобления и зависти к ближним, которые, по его мнению, заняты как раз тем, чем лучше их мог бы заняться он сам. Ни в юности, ни в зрелые годы европеец не знает ориентиров собственной жизни, не в состоянии понять ее цели, безрассудно мечется от одной специальности к другой, всю жизнь что-то осваивает...»¹

Этот мысленный эксперимент, предложенный М. К. Петровым, можно продолжить, но уже поменяв систему отсчета, и посмотреть на систему ценностей традиционных культур глазами человека техногенной культуры. Тогда привязанность человека традиционного общества к строго определенным, консервативно воспроизводящимся видам деятельности и его жесткая принадлежность от рождения до смерти к некой

¹ Петров М. К. Указ. соч. С. 134–135.

корпорации, клану или касте будет восприниматься людьми, воспитанными в новоевропейской культуре, как признак несвободы, отсутствие выбора, растворения индивидуальности в корпоративных отношениях, подавления в человеке творческих, индивидуальных начал. Может быть, это отношение в несколько обостренной форме выразил А. Герцен, написав о традиционных восточных обществах, что человек здесь не знал свободы и «не понимал своего достоинства: оттого он был или в прахе валяющийся раб, или необузданный деспот»¹.

Стабильность жизни традиционных обществ с позиций этой системы жизненных смыслов оценивается как застой и отсутствие прогресса, которым противостоит динамизм западного образа жизни. Вся культура техногенных обществ, ориентированная на инновации и трансформацию традиций, формирует и поддерживает идеал творческой индивидуальности.

Обучение, воспитание и социализация индивида в новоевропейской культурной традиции способствуют формированию у него значительно более гибкого и динамичного мышления, чем у человека традиционных обществ. Это проявляется и в более сильной рефлексивности обыденного сознания, его ориентации на идеалы доказательности и обоснования суждений, и в традиции языковых игр, лежащих в основании европейского юмора, и в насыщенности обыденного мышления догадками, прогнозами, предвосхищениями будущего как возможными состояниями социальной жизни, и в его пронизанности абстрактно-логическими структурами, организующими рассуждение.

Все эти особенности функционирования сознания в разных типах культур детерминированы свойственными данным культурам глубинными жизненными смыслами и ценностями.

В культуре техногенных обществ система этих ценностей базируется на идеалах креативной деятельности и творческой активности суверенной личности. И только в этой системе ценностей научная рациональность и научная деятельность обретают приоритетный статус.

Этот статус доминирующей ценности науки выступает пятым важнейшим компонентом культурной матрицы техногенных обществ. Особая значимость научно-технического взгляда

¹ Герцен А. И. Письма об изучении природы. М., 1946. С. 84.

на мир определена тем, что научное познание мира является условием для его преобразования в расширяющихся масштабах. Оно создает уверенность в том, что человек способен, раскрыв законы природы и социальной жизни, регулировать природные и социальные процессы в соответствии со своими целями.

Поэтому в новоевропейской культуре и в последующем развитии техногенных обществ категория научности обретает своеобразный символический смысл. Она воспринимается как необходимое условие процветания и прогресса. Ценность научной рациональности и ее активное влияние на другие сферы культуры становятся характерным признаком жизни техногенных обществ.

Рассмотренная система ценностей определяет главные особенности культуры техногенных обществ. Она выступает их своеобразным геномом, культурно-генетическим кодом, в соответствии с которым эти общества воспроизводятся и развиваются.

Техногенные общества сразу же после своего возникновения начинают воздействовать на традиционные цивилизации, заставляя их видоизменяться. Иногда эти изменения становятся результатом военного захвата, колонизации, но чаще — итогом процессов догоняющей модернизации, которую вынуждены осуществлять традиционные общества под давлением техногенной цивилизации. Так, например, Япония после реформ Мэйдзи встала на путь техногенного развития. Таков был и путь России, которая испытала несколько модернизационных эпох, основанных на трансплантации западного опыта. Наиболее крупные из них — реформы Петра I и Александра II. Преобразования в нашей стране после Октябрьской революции также можно рассматривать как особый вид догоняющей модернизации. Она была ответом на исторический вызов — провести ускоренную индустриализацию страны. Советский социализм и западный капитализм более полувека конкурировали как два различных варианта, две стратегии развития техногенной цивилизации.

Вступив в фазу постиндустриального развития, техногенная цивилизация начала новый цикл своей экспансии в различные страны и регионы планеты. Техногенный тип развития в значительно большей степени, чем традиционалистский,

унифицирует общественную жизнь. Наука, образование, технологический прогресс и расширяющийся рынок порождают новый образ мышления и жизни, преобразуя традиционные культуры. И то, что мы сегодня называем процессом глобализации, является продуктом экспансии именно техногенной цивилизации. Она внедряется в различные регионы мира, прежде всего через технико-технологическую экспансию, вызывая целые эпохи модернизации традиционных обществ, переводя их на рельсы техногенного развития. Модернизация перерастает в современные процессы глобализации.

Техногенная цивилизация дала человечеству множество достижений. Научно-технологический прогресс и экономический рост привели к новому качеству жизни, обеспечили возрастающий уровень потребления, медицинского обслуживания, увеличили среднюю продолжительность жизни. Большинство людей связывало с прогрессом этой цивилизации надежды на лучшее будущее. Еще полвека назад мало кто полагал, что именно техногенная цивилизация приведет человечество к глобальным кризисам, когда оно окажется буквально на пороге самоуничтожения.

Человечество перед лицом глобальных опасностей

Что показал XX век? Он начался с мировой войны, которая потрясла всех гуманистов и одним махом перечеркнула гуманистические идеалы. Но все дикости этой войны превратились в «детские игрушки» по сравнению с ужасами следующей — Второй мировой войны, которая началась всего через 20 лет после окончания Первой и заставила думать о злобещей, апокалипсической закономерности исторического развития. Конец Второй мировой войны — изобретение и применение атомного оружия — стал началом новой конфронтации различных систем, гонки вооружений и выходом на такой ее виток, когда человечество зримо обнаружило возможности самоуничтожения.

До XX столетия человечество жило и развивалось, осознавая себя бессмертным. В столкновениях, конфликтах и войнах могли исчезнуть государства, погибнуть отдельные народы и культуры, но все же человечество оставалось и продолжало

свою историю. Теперь же возникла парадоксальная ситуация: наращивание силы, технологической мощи человечества привели его к такому состоянию, когда оно не только не может реализовать изначальные претензии всестороннего господства над обстоятельствами, а, напротив, окончательно попадает во власть обстоятельств, становится заложником орудий массового уничтожения, которые оно само же изобретает. Так, во второй половине XX века возникла проблема выживания человечества в условиях, когда научно-технический прогресс создает все более широкое поле возможностей для принципиально нового развития военной техники и оружия массового уничтожения.

Но, как выяснилось, это только одна из глобальных проблем, порожденных развитием техногенной цивилизации и поставивших под угрозу сами основы человеческого бытия.

Второй, не менее важной проблемой стало нарастание в конце XX века глобального экологического кризиса. Старая парадигма, будто природа — бесконечный резервуар ресурсов для человеческой деятельности, оказалась неверной. Человек сформировался в рамках биосферы — планетарной экосистемы, возникшей в ходе космической эволюции.

Биосфера представляет собой не просто окружающую среду, которую можно рассматривать как поле для преобразующей деятельности человека, а выступает единым целостным организмом, в который включено человечество в качестве специфической подсистемы. Деятельность человека вносит постоянные изменения в динамику биосферы, и на современном этапе развития техногенной цивилизации масштабы человеческой экспансии в природу таковы, что они начинают разрушать глобальную экосистему планеты.

Сегодня поддержание стандартов западного образа жизни приводит ко все более усиливающейся антропогенной нагрузке на биосферу. На долю 5 % населения Земли, живущих в США, выпадает около 45 % мировых энергетических затрат и свыше 2/3 выбросов, загрязняющих среду (подсчеты проведены с учетом деятельности транснациональных корпораций, контролируемых США).

Биосфера планеты уже не справляется с загрязнением. При нынешнем антропогенном давлении и явно недостаточ-

ном уровне природоохранных мер биосфера могла бы самовосстанавливаться только при населении планеты не более 500 млн человек. Это столько, сколько жило на Земле в эпоху Возрождения. А уже сейчас нас более 6 млрд.

Экологический кризис протекает в режиме с обострением. На уровне обыденного сознания нет понимания опасности таких режимов. Есть такая популярная задачка: пруд зарастает ряской каждый день вдвое быстрее, чем в предыдущие дни. За два месяца пруд зарос наполовину. За сколько времени он зарастет полностью? Правильный ответ — за один день! В этот последний день существования наполовину заросшего пруда его чистая поверхность исчезнет. Это пример режима с обострением.

Но человечество не особенно заботится о завтрашнем дне. Все хотят повышения уровня потребления сегодня. А среди немногих, кто задумывается над последствиями, немало тех, кто надеется, что дети и внуки что-нибудь придумают, получив в наследие деградирующую биосферу планеты.

И наконец, еще одна (третья по счету, но не по значению!) глобальная опасность — это обостряющийся антропологический кризис.

Он имеет множество проявлений и тенденций. Одной из главных среди них выступают опасности изменения генофонда человечества. Возрастают мутагенных факторов вследствие прямого воздействия загрязненной среды (химические и радиоактивные воздействия) и косвенного (через появление все новых видов болезнетворных микробов и вирусов) приводит к опасным изменениям генетической основы человека. Биологи и медики пишут о растущих повреждениях генотипических структур человека, сформированных миллионами лет эволюции. Действие природных факторов сохранения генофонда (естественный отбор) в человеческом обществе резко ограничено, а социальные процессы, которые можно интерпретировать как выполняющие функцию отбора, например войны, действуют в противоположном направлении. В войнах гибнет большое количество здоровых молодых людей, не оставляющих потомства. Более того, современные генетические исследования выявили факты неблагоприятного мутагенного воздействия некоторых ранений на генетические структуры человеческого организма.

Вторым значительным индикатором антропологического кризиса является возрастающее давление на человека стрессовых нагрузок. Современная жизнь с быстроменяющимися социальными ситуациями, нестабильностью, обостренной конкуренцией в любых областях деятельности погружает человека в чередование стрессовых состояний. Перенапряжения ведут к росту не только сердечно-сосудистых, онкологических, но и психических болезней. За последние годы такое тяжелое психическое заболевание, как депрессия, выходит на одно из первых мест среди наиболее распространенных болезней конца XX — начала XXI века. Чтобы избежать угнетенных состояний психики, люди все чаще прибегают к применению различных психотропных средств. Как отмечает Ф. Фукуяма в своей книге «Наше постчеловеческое будущее» (М., 2004), 10 % всего населения США принимают антидепрессант прозак или его аналоги. Если взять только взрослое, работоспособное население, то процент людей, принимающих этот антидепрессант, удваивается. Это фармакологическое средство повышает самооценку, блокирует неконтролируемую агрессию, формирует уверенность в себе, направленную на достижение цели и борьбу с конкурентами. Однако, как выясняется, такого рода лекарства имеют побочные воздействия, приводящие к ослаблению и потере памяти, сексуальным расстройствам, повреждениям мозга.

Третьей группой факторов, обостряющих антропологический кризис, выступают современные тенденции к переконструированию биологической основы человека. Они обозначились в русле достижений генетики и разработки новых биотехнологий. Расшифровка генома человека в принципе открывает возможности не только лечить наследственные заболевания, но и усилить те или иные его способности (умственные и физические). Ведутся разработки по внедрению микрочипов, обеспечивающих лучшее функционирование нервной системы человека. Уже осуществляются операции по трансплантации в мозг силиконовых чипов, обеспечивающих восстановление функций, утраченных в связи с болезнью Паркинсона.

Все эти начавшиеся эксперименты над биологической составляющей человеческой жизни имеют далеко идущие последствия. Этот путь ведет не только к позитивным резуль-

татам лечения различных болезней, но и открывает опасные перспективы коренного изменения генетики человека. Уже введено в обиход понятие «постчеловек», хотя и не всегда четко определяемое, но включающее в качестве составных смыслов идею изменения биологической основы человека. Возникает соблазн «планомерного» генетического совершенствования созданного природой «антропологического материала», приспособливая его ко все новым социальным нагрузкам. Уже высказаны идеи генетического формирования идеального солдата, идеального работника, который мог бы работать на опасных производствах, идеального спортсмена, который выведет мировые рекорды на запредельный для человека уровень. Достижения научно-технического прогресса формируют все новые средства, позволяющие воздействовать на глубинные генетические структуры, управляющие воспроизводством человеческого тела. Но, получив в свое распоряжение подобные средства, человечество обретет нечто равнозначное атомной энергии — по возможным последствиям. Как известно, первым таким последствием была не атомная электростанция, а атомная бомба, сброшенная на Хиросиму. При современном уровне нравственного развития всегда найдутся «экспериментаторы» и добровольцы для экспериментов, которые могут сделать реалии совершенствования биологической природы человека лозунгом политической борьбы и амбициозных устремлений.

Уже сегодня ведутся исследования, ставящие целью добиться, например, повышения уровня гемоглобина в крови как наследуемого признака. То, что сейчас карается у спортсменов как кровяной допинг, может превратиться в генетически сконструированное свойство организма (изготовление будущих олимпийских чемпионов). Вполне возможно, что этот проект будет реализован, хотя на первых порах он будет весьма дорогостоящим. Но развитие технологий может привести к их удешевлению. И тогда откроются самые разнообразные социальные перспективы. Например, не исключено выращивание новых поколений людей с иным кислородным обменом, чем их предки. А дальше каким-нибудь политикам или экономистам придет в голову, что уже не нужно тратить средства на охрану окружающей среды. Дешевле вырастить новое поколение людей, которые будут жить при загрязнении

воздушной среды. Какие сверхприбыли могут тогда извлекать корпорации! Такого рода сюжет для фантастического рассказа вполне может стать реальностью. Проекты создают люди, и очень часто благие намерения в реальной жизни оборачиваются антиутопиями.

Сегодня возможности генетического изменения человека сопрягаются с не менее опасными перспективами манипуляций с его психикой. Современные исследования мозга обнаруживают структуры, воздействия на которые могут порождать галлюцинации, вызывать отчетливые картины прошлого, которые переживаются как настоящие, изменять эмоциональные состояния человека и т. п. И уже появились добровольцы, применяющие на практике методику многих экспериментов в этой области: например, в мозг вживляют десятки электродов, которые позволяют с помощью слабого электрического раздражения вызывать необычные психические состояния, устранять сонливость, давать ощущение бодрости и т. п. В принципе такого рода исследования открывают новые возможности в лечении психических заболеваний. Но, как всегда в истории человечества, в новых технологиях таятся и опасности их применения в тех или иных политических целях. В данном случае это могут быть цели политического контроля над психикой человека.

Техногенная цивилизация открывает новые зоны риска. Нет никаких оснований считать, что изменение генетического аппарата человека, усиливающее ту или иную его способность, будет иметь только благоприятные последствия.

Системная целостность генетических факторов человеческого бытия вовсе не гарантирует, что при перестройке какого-то одного гена, программирующего определенные свойства будущего организма, не произойдет искажения других свойств. Но есть еще и социальная составляющая человеческой жизнедеятельности. Нельзя упускать из виду, что человеческая культура глубинно связана с человеческой телесностью и первичным эмоциональным строем, который ею продиктован. Предположим, что известному персонажу из антиутопии Оруэлла «1984» удалось бы реализовать мрачный план генетического изменения чувства половой любви. Для людей, у которых исчезла бы эта сфера эмоций, уже не имеют смысла ни Байрон,

ни Шекспир, ни Пушкин, для них выпадут целые пласты человеческой культуры. Биологические предпосылки — это не просто нейтральный фон социального бытия, это почва, на которой вырастала человеческая культура и вне которой невозможны были бы состояния человеческой духовности.

Обострение глобальных кризисов, порожденных техногенной цивилизацией, ставит вопрос: «Можно ли выйти из этих кризисов, не меняя базисной системы ценностей техногенной культуры?»

Я исхожу из того, что эту систему ценностей придется менять, что преодоление глобальных кризисов потребует изменения целей человеческой деятельности и ее этических регулятивов. А радикальное изменение ценностей означает переход от техногенной цивилизации *к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному.*

Существуют различные трактовки постиндустриального общества. Обычно его рассматривают как простое продолжение, особый этап техногенного развития. В этом случае не ставится проблема изменения базисных ценностей, речь идет только о тех переменах, которые вносят новые технологии в образ жизни, социальные коммуникации, отношения между государствами. В русле такого подхода возникла интерпретация устойчивого развития как пролонгации сегодняшнего технологического прогресса с некоторыми природозащитными ограничениями. При сегодняшних тенденциях глобализации эта трактовка ведет к осуществлению пресловутой концепции «золотого миллиарда».

Но возможна иная точка зрения и иная стратегия глобальных цивилизационных перемен. С этой точки зрения постиндустриальное развитие не является простым продолжением техногенной цивилизации. Его, скорее, следует интерпретировать как переход к новому типу цивилизационного развития.

Любой новый тип цивилизационного развития требует выработки новых ценностей, новых мировоззренческих ориентиров. Необходим пересмотр прежнего отношения к природе, идеалов господства, ориентированных на силовое преобразование природного и социального мира, необходима выработка

новых идеалов человеческой деятельности, нового понимания перспектив человека.

В этом контексте возникает вопрос и о приоритетных для техногенной цивилизации ценностях науки и научно-технического прогресса.

Существуют многочисленные антисциентистские концепции, возлагающие на науку и ее технологические применения ответственность за нарастающие глобальные проблемы. Крайний антисциентизм с его требованиями ограничить и даже затормозить научно-технический прогресс, по существу, предлагает возврат к традиционным обществам. Но на этих путях в современных условиях невозможно решить проблему обеспечения постоянно растущего населения элементарными жизненными благами.

Выход состоит не в отказе от научно-технического развития, а в придании ему гуманистического измерения, что, в свою очередь, ставит проблему нового типа научной рациональности, включающей в себя в явном виде гуманистические ориентиры и ценности¹.

В связи с этим возникает целая серия вопросов. Как возможно включение в научное познание внешних для него ценностных ориентаций? Каковы механизмы этого включения? Не приведет ли к деформациям истины и жесткому идеологическому контролю за наукой требование соизмерять ее с вненаучными социальными ценностями? Имеются ли внутренние, в самой науке вызревающие предпосылки для ее перехода в новое состояние? И как это новое состояние скажется на судьбах научного знания, его относительной автономии и социальной ценности?

Это действительно кардинальные вопросы. Ответ на них предполагает исследование особенностей научного познания, его генезиса, выяснения того, как могут исторически изменяться типы научной рациональности и каковы современные тенденции такого изменения.

¹ Подробнее см.: Фролов И. Т., Юдин Б. Г. Этика науки: проблемы и дискуссии. М., 1986; Фролов И. Т. О человеке и гуманизме. М., 1989.

Глава 3. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАУКИ¹

Не будет преувеличением сказать, что подавляющее большинство цивилизационных изменений двух последних столетий обязано науке. Технологический прогресс XX века, приведший в развитых странах Запада и Востока к новому качеству жизни, основан на применении научных знаний. Наука не только революционизирует сферу производства, но и оказывает влияние на многие другие сферы человеческой деятельности, начиная регулировать их, перестраивая их средства и методы.

Наука оказывает огромное влияние на формирование личности. Через систему образования, которое ориентировано прежде всего на усвоение научных знаний, она создает особый тип человеческого сознания. Мировоззренческие образы природы, общества, человеческой деятельности, мышления и тому подобного во многом складываются под влиянием представлений научной картины мира, с которыми мы знакомимся в процессе обучения математике, естественным и социально-гуманитарным наукам. Но этим не исчерпывается воздействие науки на сознание людей. Образцы научного рассуждения активно влияют на логику нашего мышления, утверждая особый тип аргументации и обоснования знаний. Это обстоятельство было выявлено психологами и культурологами при сравнительном анализе сознания людей, воспитанных в разных культурных традициях.

Так, в 1930-е годы в исследованиях известного психолога А. Р. Лурия, которые проводились в рамках научной

¹ Основой являются разделы: «Специфика научного познания», «Генезис научного познания» главы I кн.: *Степин В. С. Теоретическое знание*. М., 2003.

экспедиции в Среднюю Азию, было установлено, что большинство представителей традиционалистских групп, не знакомых с наукой, испытывали большие затруднения при решении задач, требующих формального рассуждения по схеме силлогизма. Например, спрашивалось: «Берлин — город Германии, в Германии нет верблюдов, есть ли в Берлине верблюды?» Согласно правилам логики правильный ответ должен быть отрицательным («нет»). Но большинство испытуемых (жителей кишлаков) отвечали: «Наверное, есть». Обосновывали они свой ответ тем, что если Берлин большой город, то в него мог прийти туркмен или таджик с верблюдом. В их сознании доминировала логика ситуативного практического рассуждения, которое предполагает постоянный контроль со стороны обыденного опыта и не выходит за рамки этого опыта. Показательно, что молодые люди в тех же кишлаках, которые прошли курс школьного обучения элементарной математике и началам естественных наук, относительно легко решали подобные задачи.

Позднее по методике А. Р. Лурия американские психологи М. Коул и С. Скрибнер провели исследования традиционалистских групп в Либерии и получили подобные результаты¹. Мы чаще всего даже не представляем, что и опосредованно, через предметный мир, овециествляющий научные знания, и непосредственно, через усвоение этих знаний, наука особым способом развивает наше мышление.

Разумеется, отсюда не следует, что познавательная деятельность человека сводится к науке. Мы познаем мир в разных формах. Существует не только научное, но и обыденное познание, философское, художественное (высшим воплощением которого является искусство), религиозно-мифологическое освоение мира. Наука как особый вид познавательной деятельности взаимодействует с другими формами этой деятельности. Это взаимодействие проявляется и в самом процессе научных открытий, и в процедурах их включения в культуру, и, наконец, во влиянии науки на все другие формы человеческого познания.

По мере своего развития научное знание дифференцируется. Формируются новые дисциплины, которые оказывают воздействие на ранее сложившиеся науки, возникают интегративные связи между науками и междисциплинарные исследования.

¹ Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977.

В процессе развития науки не только происходит накопление нового знания, но и перестраиваются ранее сложившиеся представления о мире. В этом процессе изменяются все компоненты научной деятельности: изучаемые ею объекты, средства и методы исследования, особенности научных коммуникаций, формы разделения и кооперации научного труда и т. п.

Даже беглое сравнение современной науки и науки предшествующих эпох обнаруживает разительные перемены. Ученый классической эпохи (от XVII до начала XX в.), допустим, Ньютон или Максвелл, вряд ли бы принял идеи и методы квантовомеханического описания, поскольку он считал недопустимым включать в теоретическое описание и объяснение ссылки на наблюдателя и средства наблюдения. Такие ссылки воспринимались бы в классическую эпоху как отказ от идеала объективности. Но Бор и Гейзенберг — одни из творцов квантовой механики — напротив, доказывали, что именно такой способ теоретического описания микромира гарантирует объективность знания о новой реальности. Иная эпоха — иные идеалы научности.

В наше время изменился и сам характер научной деятельности по сравнению с исследованиями классической эпохи. На место науки небольших сообществ ученых пришла современная «большая наука» с ее почти производственным применением сложных и дорогостоящих приборных комплексов (типа крупных телескопов, современных систем разделения химических элементов, ускорителей элементарных частиц), с резким увеличением количества людей, занятых в научной деятельности и обслуживающих ее; с крупными объединениями специалистов разного профиля, с целенаправленным государственным финансированием научных программ и т. п.

Меняются от эпохи к эпохе и функции науки в жизни общества, ее место в культуре и взаимодействие с другими областями культурного творчества. Уже в XVII веке возникающее естествознание заявило свои претензии на формирование в культуре доминирующих мировоззренческих образов. Обретая мировоззренческие функции, наука стала все активнее воздействовать на другие сферы социальной жизни, в том числе и на обыденное сознание людей. Ценность образования, основанного на усвоении научных знаний, стала восприниматься как нечто само собой разумеющееся.

Во второй половине XIX столетия наука получает все расширяющееся применение в технике и технологии. Сохраняя свою культурно-мировоззренческую функцию, она обретает новую социальную функцию — становится производительной силой общества.

Прошлый век может быть охарактеризован как все расширяющееся использование науки в самых различных областях социальной жизни. Наука начинает все активнее применяться в различных сферах управления социальными процессами, выступая основой квалифицированных экспертных оценок и принятия управленческих решений. Соединяясь с властью, она реально начинает воздействовать на выбор тех или иных путей социального развития. Эту новую функцию науки иногда характеризуют как превращение ее в социальную силу. При этом усиливаются мировоззренческие функции науки и ее роль как непосредственной производительной силы.

Но если меняются сами стратегии научной деятельности и ее функции в жизни общества, то возникают новые вопросы. Будут ли и дальше меняться облик науки и ее функции в жизни общества? Каких изменений можно ожидать в системе самой научной деятельности и во взаимодействии ее с другими сферами культуры на очередном цивилизационном переломе?

Очевидно, первым шагом на пути решения этих проблем должен стать анализ специфики науки, выявление тех инвариантных признаков, которые устойчиво сохраняются при исторической смене типов научной рациональности.

В каждую конкретную историческую эпоху эти признаки могут соединяться с особенными, свойственными именно данной эпохе характеристиками научного познания. Но если исчезнут инвариантные признаки науки, отличающие ее от других форм познания (искусства, обыденного познания, философии, религиозного постижения мира), то это будет означать исчезновение науки.

Специфика научного познания

Главные отличительные признаки науки

Интуитивно кажется ясным, чем отличается наука от других форм познавательной деятельности человека. Однако чет-

кая экспликация специфических черт науки в форме признаков и определений оказывается довольно сложной задачей. Об этом свидетельствуют многообразие дефиниций науки, непрекращающиеся дискуссии по проблеме демаркации между ней и другими формами познания.

Научное познание, как и все формы духовного производства, в конечном счете необходимо для того, чтобы регулировать человеческую деятельность. Различные виды познания, будучи феноменами культуры, по-разному выполняют эту роль, и анализ этого различия является необходимым условием для выявления особенностей научного познания.

Чтобы выявить эти особенности, обратимся еще раз к схеме структурных характеристик элементарного акта деятельности (рис. 6).

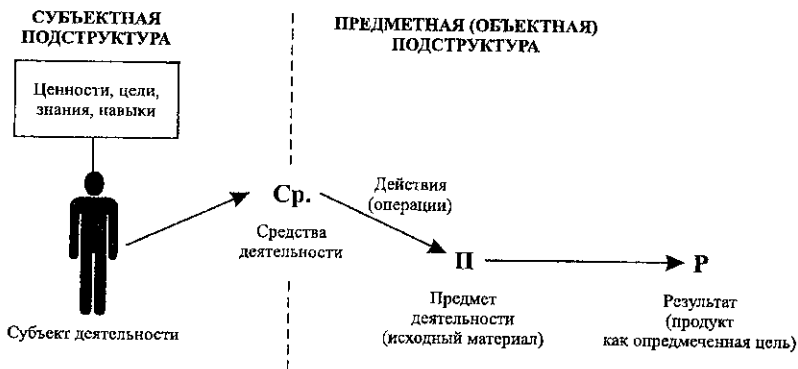

Рис. 6

Правая часть этой схемы изображает предметную структуру деятельности — взаимодействие средств с предметом деятельности и превращение его в продукт благодаря осуществлению определенных операций. Левая часть представляет субъектную структуру, которая включает субъекта деятельности (с его целями, ценностями, знаниями операций и навыками), осуществляющего целесообразные действия и использующего для этой цели определенные средства деятельности. Средства и действия могут быть отнесены и к объектной, и к субъектной структурам, поскольку их можно рассмотреть двояким

образом. С одной стороны, средства могут быть представлены в качестве искусственных органов человеческой деятельности. С другой — они могут рассматриваться в качестве естественных объектов, которые взаимодействуют с другими объектами. Аналогичным образом операции могут представать в разных рассмотренных и как действия человека, и как естественные взаимодействия объектов.

Поскольку деятельность универсальна, в функции ее предметов могут выступать не только фрагменты природы, преобразуемые в практике, но и люди, «свойства» которых меняются при их включении в различные социальные подсистемы, а также сами эти подсистемы, взаимодействующие в рамках общества как целостного организма. Тогда в первом случае мы имеем дело с «предметной структурой» изменения человеком природы, а во втором — с «предметной структурой» практики, направленной на изменение социальных объектов. Человек с этой точки зрения может выступать и как субъект деятельности, и как объект, на который направлены практические действия.

На ранних стадиях развития общества субъектная и предметная стороны практической деятельности не расчленяются в познании, а берутся как единое целое. Познание отображает способы практического изменения объектов, включая в характеристику последних цели, способности и действия человека. Такое представление об объектах деятельности переносится на всю природу, которая рассматривается сквозь призму осуществляемой практики.

Известно, например, что в мифах древних народов силы природы всегда уподобляются человеческим силам, а ее процессы — человеческим действиям. Первобытное мышление при объяснении явлений внешнего мира неизменно прибегает к их сравнению с человеческими поступками и мотивами¹. Лишь в процессе длительной эволюции общества познание начинает исключать антропоморфные факторы из характеристики предметных отношений. Важную роль в этом процессе

¹ Подтверждением тому служит огромный этнографический материал. Бушмены, например, объясняют возникновение огня вследствие трения таким образом: «Если дерево долго тереть, оно потеет, дымится и сердится — вспыхивает». Подробнее см.: Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия. Л., 1961. С. 31–35.

сыграло историческое развитие практики, и прежде всего совершенствование средств и орудий труда.

По мере усложнения орудий те операции, которые ранее непосредственно производились человеком, начинали «овецествляться», выступая как последовательное воздействие одного орудия на другое и лишь затем на преобразуемый объект. Тем самым свойства и состояния объектов, возникающие благодаря указанным операциям, переставали казаться вызванными непосредственными усилиями человека, а все больше выступали в качестве результата взаимодействия самих природных предметов. Так, если на ранних стадиях цивилизации перемещение грузов требовало мускульных усилий, то с изобретением рычага и блока, а затем простейших машин можно было заменить эти усилия механическими. Например, с помощью системы блоков можно было уравновесить большой груз малым, а прибавив незначительный вес к малому грузу, поднять большой груз на нужную высоту. Здесь для подъема тяжелого тела не нужно усилий человека: один груз самостоятельно перемещает другой.

Подобная передача человеческих функций механизмам приводит к новому представлению о силах природы. Раньше силы понимались только по аналогии с физическими усилиями человека, а теперь начинают рассматриваться как механические силы. Приведенный пример может служить аналогом того процесса «объективизации» предметных отношений практики, который, по-видимому, начался уже в эпоху первых городских цивилизаций древности. В этот период познание начинает постепенно отделять предметную сторону практики от субъективных факторов и рассматривать данную сторону как особую, самостоятельную реальность. Такое рассмотрение практики является одним из необходимых условий для возникновения научного исследования.

Наука ставит своей конечной целью предвидеть процесс преобразования предметов практической деятельности (объект в исходном состоянии) в соответствующие продукты (объект в конечном состоянии). Это преобразование всегда определено сущностными связями, законами изменения и развития объектов, и сама деятельность может быть успешной только тогда, когда она согласуется с этими законами. Поэтому основная

задача науки — выявить законы, в соответствии с которыми изменяются и развиваются объекты.

Применительно к процессам преобразования природы эту функцию выполняют естественные и технические науки. Процессы изменения социальных объектов исследуются общественными науками. Поскольку в деятельности могут преобразовываться самые различные объекты — предметы природы, человек (и состояния его сознания), подсистемы общества, знаковые объекты, функционирующие в качестве феноменов культуры, и тому подобное, — постольку все они могут стать предметами научного исследования.

Ориентация науки на изучение объектов, которые могут быть включены в деятельность (либо актуально, либо потенциально — как возможные объекты ее будущего преобразования), и их исследование как подчиняющихся объективным законам функционирования и развития составляет первую главную особенность научного познания.

Эта особенность отличает его от других форм познавательной деятельности человека. Так, например, в процессе художественного освоения действительности объекты, включенные в человеческую деятельность, не отделяются от субъективных факторов, а берутся в своеобразной «склейке» с ними. Любое отражение предметов объективного мира в искусстве одновременно выражает ценностное отношение человека к предмету. Художественный образ — это такое отражение объекта, которое содержит отпечаток человеческой личности, ее ценностных ориентаций, которые впадают в характеристики отражаемой реальности. Исключить это взаимопроникновение — значит разрушить художественный образ. В науке же особенности жизнедеятельности личности, создающей знания, ее оценочные суждения не входят непосредственно в состав порождаемого знания (законы Ньютона не позволяют судить о том, что любил и что ненавидел Ньютон, тогда как, например, в портретах кисти Рембрандта запечатлена личность самого Рембрандта, его мироощущение и его личностное отношение к изображаемым социальным явлениям; портрет, написанный великим художником, всегда выступает и как автопортрет).

Наука ориентирована на предметное и объективное исследование действительности. Сказанное, конечно, не означает,

что личностные моменты и ценностные ориентации ученого не играют роли в научном творчестве и не влияют на его результаты.

Процесс научного познания обусловлен не только особенностями изучаемого объекта, но и многочисленными факторами социокультурного характера.

Рассматривая науку в ее историческом развитии, можно обнаружить, что по мере изменения типа культуры меняются стандарты изложения научного знания, способы видения реальности в науке, стили мышления, которые формируются в контексте культуры и испытывают воздействие самых различных ее феноменов. Это воздействие может быть представлено как включение различных социокультурных факторов в процесс генерации собственно научного знания. Однако констатация связей объективного и субъективного в любом познавательном процессе и необходимость комплексного исследования науки в ее взаимодействии с другими формами духовной деятельности человека не снимают вопроса о различии между наукой и этими формами (обыденным познанием, художественным мышлением и т. п.). Первой и необходимой характеристикой такого различия является признак объективности и предметности научного познания.

Наука в человеческой деятельности выделяет только ее предметную структуру и все рассматривает сквозь призму этой структуры. Как царь Мидас из известной древней легенды — к чему бы он ни прикасался, все обращалось в золото, — так и наука, к чему бы она ни прикоснулась, все для нее предмет, который живет, функционирует и развивается по объективным законам.

Здесь сразу же возникает вопрос: «А как быть с субъектом деятельности, с его целями, ценностями, состояниями его сознания?» Все это принадлежит к компонентам субъектной структуры деятельности, но ведь наука способна исследовать и эти компоненты, потому что для нее нет запретов на исследование каких-либо реально существующих феноменов. Ответ на эти вопросы довольно простой: да, наука может исследовать любые феномены жизни человека и его сознания, она может исследовать и деятельность, и человеческую психику, и культуру, но только под одним углом зрения — как особые

предметы, которые подчиняются объективным законам. Субъектную структуру деятельности наука тоже изучает, но как особый объект. А там, где наука не может сконструировать предмет и представить его «естественную жизнь», определяемую его сущностными связями, и кончаются ее притязания. Таким образом наука может изучать все в человеческом мире, но в особом ракурсе и с особой точки зрения. Этот особый ракурс предметности выражает одновременно и безграничность и ограниченность науки, поскольку человек как самостоятельное, сознательное существо обладает свободой воли, и он не только объект, он еще и субъект деятельности. И в этом его субъектном бытии не все состояния могут быть исчерпаны научным знанием, даже если предположить, что такое всеобъемлющее научное знание о человеке, его жизнедеятельности может быть получено.

В этом утверждении о границах науки нет никакого анти-сциентизма. Просто это констатация бесспорного факта, что наука не может заменить собой всех форм познания мира, всей культуры. И все, что ускользает из ее поля зрения, компенсируют другие формы духовного постижения мира — искусство, религия, нравственность, философия.

Изучая объекты, преобразуемые в деятельности, наука не ограничивается познанием только тех предметных связей, которые могут быть освоены в рамках наличных, исторически сложившихся на данном этапе развития общества типов деятельности. Цель науки заключается в том, чтобы предвидеть возможные будущие изменения объектов, в том числе и те, которые соответствовали бы будущим типам и формам практического изменения мира.

Как выражение этих целей в науке складываются не только исследования, обслуживающие сегодняшнюю практику, но и слои исследований, результаты которых могут найти применение только в практике будущего. Движение познания в этих слоях обусловлено уже не столько непосредственными запросами сегодняшней практики, сколько познавательными интересами, через которые проявляются потребности общества в прогнозировании будущих способов и форм практического освоения мира. Например, постановка внутринаучных проблем и их решение в рамках фундаментальных теоретических

исследований физики привели к открытию законов электромагнитного поля и предсказанию электромагнитных волн, к открытию законов деления атомных ядер, квантовых законов излучения атомов при переходе электронов с одного энергетического уровня на другой и т. п. Все эти теоретические открытия заложили основу для будущих способов массового практического освоения природы в производстве. Через несколько десятилетий они стали базой для прикладных инженерно-технических исследований и разработок, внедрение которых в производство, в свою очередь, революционизировало технику и технологию — появились радиоэлектронная аппаратура, атомные электростанции, лазерные установки и т. д.

Крупные ученые, создатели новых, оригинальных направлений и открытий, всегда обращали внимание на эту способность теорий потенциально содержать в себе целые созвездия будущих новых технологий и неожиданных практических приложений.

К. А. Тимирязев по этому поводу писал: «Несмотря на отсутствие в современной науке узко утилитарного направления, именно в своем, независимом от указки житейских мудрецов и моралистов, свободном развитии она явилась, более чем когда-либо, источником практических, житейских применений. То поразительное развитие техники, которым ослеплены поверхностные наблюдатели, готовые признать его за самую выдающуюся черту XIX века, является только результатом не для всех видимого небывалого в истории развития именно науки, свободной от всякого утилитарного гнета. Разительным доказательством тому служит развитие химии: была она и алхимией и ятрохимией, на послугах и у горного дела, и у аптеки, и только в XIX веке, “веке науки”, став просто химией, то есть чистой наукой, явилась она источником неисчислимых приложений и в медицине, и в технике, и в горном деле, пролила свет и на стоящие в научной иерархии выше ее физику и даже астрономию, и на более молодые отрасли знания, как, например, физиологию, можно сказать, сложившуюся только в течение этого века»¹.

Сходные мысли высказывал один из создателей квантовой механики французский физик Луи де Бройль. «Великие

¹ Тимирязев К. А. Сочинения. М., 1939. Т. 8. С. 17.

открытия, — писал он, — даже сделанные исследователями, которые не имели в виду никакого практического применения и занимались исключительно теоретическим решением проблем, быстро находили затем себе применение в технической области. Конечно, Планк, когда он впервые написал формулу, носящую теперь его имя, совсем не думал об осветительной технике. Но он не сомневался, что затраченные им огромные усилия мысли позволят нам понять и предвидеть большое количество явлений, которые быстро и во все возрастающем количестве будут использованы осветительной техникой. Нечто аналогичное произошло и со мной. Я был крайне удивлен, когда увидел, что разработанные мной представления очень быстро находят конкретные приложения в технике дифракции электронов и электронной микроскопии»¹.

Нацеленность науки на изучение не только объектов, преобразуемых в сегодняшней практике, но и тех объектов, которые могут стать предметом массового практического освоения в будущем, является второй отличительной чертой научного познания. Эта черта позволяет разграничить научное и обыденное, стихийно-эмпирическое познание и вывести ряд конкретных определений, характеризующих природу науки. Она позволяет понять, почему теоретическое исследование выступает определяющей характеристикой развитой науки.

Научное и обыденное познание

Стремление изучать объекты реального мира и на этой основе предвидеть результаты его практического преобразования свойственно не только науке, но и обыденному познанию, которое вплетено в практику и развивается на ее основе. По мере того как развитие практики опредмечивает в орудиях функции человека и создает условия для элиминации субъективных и антропоморфных наслоений при изучении внешних объектов, в обыденном познании появляются некоторые виды знаний о реальности, в общем-то сходные с теми, которые характеризуют науку.

Зародышевые формы научного познания возникли в недрах и на основе этих видов обыденного познания, а затем отпочко-

¹ Бройль Л. де. По тропам науки. М., 1962. С. 223.

вались от него (наука эпохи первых городских цивилизаций древности). С развитием науки и превращением ее в одну из важнейших ценностей цивилизации ее способ мышления начинает оказывать все более активное воздействие на обыденное сознание. Это воздействие развивает содержащиеся в обыденном, стихийно-эмпирическом познании элементы объективно-предметного отражения мира.

Способность стихийно-эмпирического познания порождать предметное и объективное знание о мире ставит вопрос о различии между ним и научным исследованием. Признаки, отличающие науку от обыденного познания, удобно классифицировать сообразно той категориальной схеме, в которой характеризуется структура деятельности (прослеживая различие науки и обыденного познания по предмету, средствам, продукту, методам и субъекту деятельности).

Тот факт, что наука обеспечивает сверхдальнее прогнозирование практики, выходя за рамки существующих стереотипов производства и обыденного опыта, означает, что она имеет дело с особым набором объектов реальности, не сводимых к объектам обыденного опыта. Если обыденное познание отражает только те объекты, которые в принципе могут быть преобразованы в наличных исторически сложившихся способах и видах практического действия, то наука способна изучать и такие фрагменты реальности, которые могут стать предметом освоения только в практике далекого будущего. Она постоянно выходит за рамки предметных структур наличных видов и способов практического освоения мира и открывает человечеству новые предметные миры его возможной будущей деятельности.

Эти особенности объектов науки делают недостаточными для их освоения те средства, которые применяются в обыденном познании. Хотя наука и пользуется естественным языком, она не может только на его основе описывать и изучать свои объекты. Во-первых, обыденный язык приспособлен для описания и предвидения объектов, вплетенных в наличную практику человека (наука же выходит за ее рамки); во-вторых, понятия обыденного языка нечетки и многозначны, их точный смысл чаще всего обнаруживается лишь в контексте языкового общения, контролируемого повседневным опытом. Наука же не может положиться на такой контроль, поскольку

она преимущественно имеет дело с объектами, не освоенными в обыденной практической деятельности. Чтобы описать изучаемые явления, она стремится как можно более четко фиксировать свои понятия и определения.

Выработка наукой специального языка, пригодного для описания ею объектов, необычных с точки зрения здравого смысла, является необходимым условием научного исследования. Язык науки постоянно развивается по мере ее проникновения во все новые области объективного мира. Причем он оказывает обратное воздействие на повседневный, естественный язык. Например, термины «электричество», «холодильник» когда-то были специфическими научными понятиями, а затем вошли в повседневный язык.

Наряду с искусственным, специализированным языком научное исследование нуждается в особой системе средств практической деятельности, которые, воздействуя на изучаемый объект, позволяют выявить возможные его состояния в условиях, контролируемых субъектом. Средства, применяемые в производстве и в быту, как правило, не пригодны для этой цели, поскольку объекты, изучаемые наукой, и объекты, преобразуемые в производстве и повседневной практике, чаще всего отличаются по своему характеру. Отсюда необходимость специальной научной аппаратуры (измерительных инструментов, приборных установок), которые позволяют науке экспериментально изучать новые типы объектов.

Научная аппаратура и язык науки выступают как выражение уже добытых знаний. Но подобно тому, как в практике ее продукты превращаются в средства новых видов практической деятельности, так и в научном исследовании его продукты — научные знания, выраженные в языке или о вещественные в приборах, становятся средством дальнейшего исследования.

Таким образом, из особенностей предмета науки мы получили в качестве своеобразного следствия отличия в средствах научного и обыденного познания.

Спецификой объектов научного исследования можно объяснить далее и основные отличия научных знаний как продукта научной деятельности от знаний, получаемых в сфере обыденного, стихийно-эмпирического познания. Последние чаще всего не систематизированы; это скорее конгломерат

сведений, предписаний, рецептов деятельности и поведения, накопленных на протяжении исторического развития обыденного опыта. Их достоверность устанавливается благодаря непосредственному применению в наличных ситуациях производственной и повседневной практики. Что же касается научных знаний, то их достоверность уже не может быть обоснована только таким способом, поскольку в науке преимущественно исследуются объекты, еще не освоенные в производстве. Поэтому нужны специфические способы обоснования истинности знания. Ими являются экспериментальный контроль за получаемым знанием и выводимость одних знаний из других, истинность которых уже доказана. В свою очередь процедуры выводимости обеспечивают перенос истинности с одних фрагментов знания на другие, благодаря чему они становятся связанными между собой, организованными в систему.

Таким образом, мы получаем характеристики системности и обоснованности научного знания, отличающие его от продуктов обыденной познавательной деятельности людей.

Из главной характеристики научного исследования можно вывести также и такой отличительный признак науки при ее сравнении с обыденным познанием, как особенность метода познавательной деятельности. Объекты, на которые направлено обыденное познание, формируются в повседневной практике. Приемы, посредством которых каждый такой объект выделяется и фиксируется в качестве предмета познания, вплетены в обыденный опыт. Совокупность таких приемов, как правило, не осознается субъектом в качестве метода познания. Иначе обстоит дело в научном исследовании. Здесь уже само обнаружение объекта, свойства которого подлежат дальнейшему изучению, составляет весьма трудоемкую задачу. Например, чтобы обнаружить короткоживущие частицы — резонансы, физики осуществляют эксперименты по рассеиванию пучков частиц и затем применяют сложные расчеты. Обычные частицы оставляют следы-треки в фотоэмульсиях или в камере Вильсона, резонансы же таких треков не оставляют. Они живут очень короткое время (10^{-22} с) и за этот промежуток времени проходят расстояние меньше размеров атома. В силу этого резонанс не может вызвать ионизацию молекул фотоэмульсии (или газа в камере Вильсона) и оставить наблюдаемый след. Однако, когда

резонанс распадается, возникающие при этом частицы способны оставлять следы указанного типа. На фотографии они выглядят как набор лучей-черточек, исходящих из одного центра. По характеру этих лучей, применяя математические расчеты, физик определяет наличие резонанса. Таким образом, для того чтобы иметь дело с одним и тем же видом резонансов, исследователю необходимо знать условия, в которых появляется соответствующий объект. Он обязан четко определить метод, с помощью которого в эксперименте может быть обнаружена частица. Вне метода он вообще не выделит изучаемого объекта из многочисленных связей и отношений предметов природы. Чтобы зафиксировать объект, ученый должен знать методы такой фиксации. Поэтому в науке изучение объектов, выявление их свойств и связей всегда сопровождается осознанием метода, посредством которого исследуется объект. Объекты всегда даны человеку в системе определенных приемов и методов его деятельности. Но эти приемы в науке уже не очевидны, не являются многократно повторяемыми в повседневной практике приемами. И чем дальше наука отходит от привычных вещей повседневного опыта, углубляясь в исследование «необычных» объектов, тем яснее и отчетливее проявляется необходимость в создании и разработке особых методов, в системе которых наука может изучать объекты. Наряду со знаниями об объектах наука формирует знания о методах. Потребность в развертывании и систематизации знаний второго типа приводит на высших стадиях развития науки к формированию методологии как особой отрасли научного исследования, призванной целенаправленно направлять научный поиск.

Наконец, стремление науки к исследованию объектов относительно независимо от их освоения в наличных формах производства и обыденного опыта предполагает специфические характеристики субъекта научной деятельности. Занятия наукой требуют особой подготовки познающего субъекта, в ходе которой он осваивает исторически сложившиеся средства научного исследования, обучается приемам и методам оперирования с этими средствами. Для обыденного познания такой подготовки не нужно, вернее, она осуществляется автоматически, в процессе социализации индивида, когда у него формируется и развивается мышление в процессе общения с культурой,

и включения индивида в различные сферы деятельности. Занятия наукой предполагают наряду с овладением средствами и методами также и усвоение определенной системы ценностных ориентаций и целевых установок, специфичных для научного познания. Эти ориентации должны стимулировать научный поиск, нацеленный на изучение все новых и новых объектов независимо от сегодняшнего практического эффекта от получаемых знаний. Иначе наука не будет осуществлять свою главную функцию — выходить за рамки предметных структур практики своей эпохи, раздвигая горизонты возможностей освоения человеком предметного мира.

Две основные установки науки обеспечивают стремление к такому поиску: самоценность истины и ценность новизны.

Любой ученый принимает в качестве одной из основных установок научной деятельности поиск истины, воспринимая истину как высшую ценность науки. Эта установка воплощается в целом ряде идеалов и нормативов научного познания, выражающих его специфику: в определенных идеалах организации знания (например, требования логической непротиворечивости теории и ее опытной подтверждаемости), в поиске объяснения явлений, исходя из законов и принципов, отражающих сущностные связи исследуемых объектов, и т. д.

Не менее важную роль в научном исследовании играет установка на постоянный рост знания и особую ценность новизны в науке. Эта установка выражена в системе идеалов и нормативных принципов научного творчества (например, запрете на плагиат, допустимости критического пересмотра оснований научного поиска как условия освоения все новых типов объектов и т. д.).

Ценностные ориентации науки образуют фундамент ее этоса, который должен усвоить ученый, чтобы успешно заниматься исследованиями. Великие ученые оставили значительный след в культуре не только благодаря совершенным ими открытиям, но и благодаря тому, что их деятельность была образцом новаторства и служения истине для многих поколений людей. Всякое отступление от истины в угоду личным, своекорыстным целям, любое проявление беспринципности в науке встречало у них беспрекословный отпор.

В науке в качестве идеала провозглашается принцип, что перед лицом истины все исследователи равны, что никакие прошлые заслуги не принимаются во внимание, если речь идет о научных доказательствах.

Малоизвестный служащий патентного бюро А. Эйнштейн в начале XX века дискутировал с известным ученым Г. Лоренцем, доказывая справедливость своей трактовки введенных Лоренцем преобразований. В конечном счете именно Эйнштейн выиграл этот спор. Но Лоренц и его коллеги никогда не прибежали в этой дискуссии к приемам, широко применяемым в спорах обыденной жизни, — они не утверждали, например, неприемлемость критики теории Лоренца на том основании, что его статус в то время был несоизмерим со статусом еще неизвестного научному сообществу молодого физика Эйнштейна.

Не менее важным принципом научного этоса является требование научной честности при изложении результатов исследования. Ученый может ошибаться, но не имеет права подтасовывать результаты, он может повторить уже сделанное открытие, но не имеет права заниматься плагиатом. Институт ссылок как обязательное условие оформления научной монографии и статьи призван не только зафиксировать авторство тех или иных идей и научных текстов. Он обеспечивает четкую селекцию уже известного в науке и новых результатов. Вне этой селекции не было бы стимула к напряженным поискам нового, в науке возникли бы бесконечные повторы пройденного и в конечном счете было бы подорвано ее главное качество — постоянно генерировать рост нового знания, выходя за рамки привычных и уже известных представлений о мире.

Конечно, требование недопустимости фальсификаций и плагиата выступает как своеобразная презумпция науки, которая в реальной жизни может нарушаться. В различных научных сообществах может устанавливаться различная жесткость санкций за нарушение этических принципов науки.

Рассмотрим один пример из жизни современной науки, который может служить образцом непримиримости сообщества к нарушениям этих принципов.

В середине 1970-х годов в среде биохимиков и нейрофизиологов громкую известность приобрело так называемое дело Галлиса, молодого и подающего надежды биохимика, который

в начале 1970-х годов работал над проблемой внутримозговых морфинов. Им была выдвинута оригинальная гипотеза о том, что морфины растительного происхождения и внутримозговые морфины одинаково воздействуют на нервную ткань. Галлис провел серию трудоемких экспериментов, однако не смог убедительно подтвердить эту гипотезу, хотя косвенные данные свидетельствовали о ее перспективности. Опасаясь, что другие исследователи его обгонят и сделают это открытие, Галлис решил на фальсификацию. Он опубликовал вымышленные данные опытов, якобы подтверждающие гипотезу.

«Открытие» Галлиса вызвало большой интерес в сообществе нейрофизиологов и биохимиков. Однако его результаты никто не смог подтвердить, воспроизводя эксперименты по опубликованной им методике. Тогда молодому и уже ставшему известным ученому было предложено публично провести эксперименты на специальном симпозиуме в 1977 году в Мюнхене под наблюдением своих коллег. Галлис в конце концов был вынужден сознаться в фальсификации. Сообщество ученых отреагировало на это признание жестким бойкотом. Коллеги Галлиса перестали поддерживать с ним научные контакты, все его соавторы публично отказались от совместных с ним статей, и в итоге Галлис опубликовал письмо, в котором он извинился перед коллегами и заявил, что прекращает занятия наукой¹.

В идеале научное сообщество всегда должно отторгать исследователей, уличенных в умышленном плагиате или преднамеренной фальсификации научных результатов в угоду каким-либо житейским благам. К этому идеалу ближе всего стоят сообщества математиков и естествоиспытателей, но у гуманитариев, например, поскольку они испытывают значительно большее давление со стороны идеологических и политических структур, санкции к исследователям, отклоняющимся от идеалов научной честности, значительно смягчены.

Показательно, что для обыденного сознания соблюдение основных установок научного этики совсем не обязательно, а подчас даже и нежелательно. Человеку, рассказавшему политический анекдот в незнакомой компании, не обязательно

¹ Факты приведены в статье «Мимикрия в науке» (Техника и наука. 1983. № 4. С. 31–32).

ссылаться на источник информации, особенно если он живет в тоталитарном обществе.

В обыденной жизни люди обмениваются самыми различными знаниями, делятся житейским опытом, но ссылки на автора этого опыта в большинстве ситуаций просто невозможны, ибо этот опыт анонимен и часто транслируется в культуре столетиями.

Наличие специфических для науки норм и целей познавательной деятельности, а также специфических средств и методов, обеспечивающих постижение все новых объектов, требует целенаправленного формирования ученых-специалистов. Эта потребность приводит к появлению «академической составляющей науки» — особых организаций и учреждений, обеспечивающих подготовку научных кадров.

В процессе такой подготовки будущие исследователи должны усвоить не только специальные знания, приемы и методы научной работы, но и основные ценностные ориентиры науки, ее этические нормы и принципы.

Итак, при выяснении природы научного познания можно выделить систему отличительных признаков науки, среди которых главными являются: а) установка на исследование законов преобразования объектов и реализующие эту установку предметность и объективность научного знания; б) выход науки за рамки предметных структур производства и обыденного опыта и изучение ею объектов относительно независимо от сегодняшних возможностей их производственного освоения (научные знания всегда относятся к широкому классу практических ситуаций настоящего и будущего, который никогда заранее не задан). Все остальные необходимые признаки, отличающие науку от других форм познавательной деятельности, могут быть представлены как зависящие от указанных главных характеристик и обусловленные ими.

Генезис и развитие науки

Характеристики развитых форм научного познания во многом намечают пути, на которых следует искать решение проблемы генезиса теоретического знания как феномена культуры.

Преднаука и развитая наука

В истории формирования и развития науки можно выделить две стадии, которые соответствуют двум различным методам построения знаний и двум формам прогнозирования результатов деятельности. Первая стадия характеризует зарождающуюся науку (преднауку), вторая — науку в собственном смысле слова. Зарождающаяся наука изучает преимущественно те вещи и способы их изменения, с которыми человек многократно сталкивался в производстве и обыденном опыте. Он стремился построить модели таких изменений с тем, чтобы предвидеть результаты практического действия. Первой и необходимой предпосылкой для этого было изучение вещей, их свойств и отношений, выделенных самой практикой. Эти вещи, свойства и отношения фиксировались в познании в форме идеальных объектов, которыми мышление начинало оперировать как специфическими предметами, замещающими объекты реального мира¹. Эта деятельность мышления формировалась на основе практики и представляла собой идеализированную схему практических преобразований материальных предметов. Соединяя идеальные объекты с соответствующими операциями их преобразования, ранняя наука строила таким путем схему тех изменений предметов, которые могли быть осуществлены в производстве данной исторической эпохи. Так, например, анализируя древнеегипетские таблицы сложения и вычитания целых чисел, нетрудно установить, что представленные в них знания образуют в своем содержании типичную схему практических преобразований, осуществляемых над предметными совокупностями.

В таблицах сложения каждый из реальных предметов (это могут быть животные, собираемые в стадо, камни, складываемые для постройки, и т. д.) замещался идеальным объектом «единица», который фиксировался знаком I (вертикальная черта). Набор предметов изображался здесь как система единиц

¹ Идеальный объект представляет в познании реальные предметы, но не по всем, а лишь по некоторым, жестко фиксированным признакам. Поскольку такая фиксация осуществляется посредством замещения указанных признаков знаками, постольку идеальный объект выступает как смысл существующего знака. Идеальный объект представляет собой упрощающий и схематизированный образ реального предмета.

(для «десятков», «сотен», «тысяч» и так далее в египетской арифметике существовали свои знаки, фиксирующие соответствующие идеальные объекты). Оперирование с предметами, объединяемыми в совокупность (сложение), и отделение от совокупности предметов или их группы (вычитание) изображались в правилах действия над «единицами», «десятками», «сотнями» и т. д. Прибавление, допустим, к пяти единицам трех единиц производилось следующим образом: изображался знак III (число «три»), затем под ним писалось еще пять вертикальных черточек IIIII (число «пять»), а затем все эти черточки переносились в одну строку, расположенную под двумя первыми. В результате получалось восемь черточек, обозначающих соответствующее число. Эти операции воспроизводили процедуры образования совокупностей предметов в реальной практике (реальное практическое образование и расчленение предметных совокупностей было основано на процедуре добавления одних единичных предметов к другим).

Используя такого типа знания, можно было предвидеть результаты преобразования предметов, характерные для различных практических ситуаций, связанных с объединением предметов в некоторую совокупность.

Такую же связь с практикой можно обнаружить в первых знаниях, относящихся к геометрии. Геометрия (*греч.* гео — земля, метрия — измерение) в самом первичном смысле термина обнаруживает связь с практикой измерения земельных участков. Древние греки заимствовали первичные геометрические знания у древних египтян и вавилонян. Земледельческая цивилизация Древнего Египта основывалась на возделывании плодородных земель в долине Нила. Участки земли, которыми владели различные сельские общины, имели свои границы. При разливах Нила эти границы заносились речным илом. Их восстановление было важной задачей, которую решали особые государственные чиновники. Очертания участков и их размеры изображались в чертежах на папирусе. Такие чертежи были моделями земельных участков, и по ним восстанавливались их границы.

Кроме восстановления границ земельных участков, существовали практические потребности вычисления их площадей. Это породило новый класс задач, решение которых требовало

оперирования с чертежами. В этом процессе были выделены основные геометрические фигуры — треугольник, прямоугольник, трапеция, круг, через комбинации которых можно было изображать площади земельных участков сложной конфигурации. В древнеегипетской математике были найдены способы вычисления площадей основных геометрических фигур, и эти знания стали применяться не только при измерении земельных участков, но и при решении других практических задач, в частности при строительстве различных сооружений.

Операции с геометрическими фигурами на чертежах, связанные с построением и преобразованиями этих фигур, осуществлялись с помощью двух основных инструментов — циркуля и линейки. Этот способ до сих пор является фундаментальным в геометрии. Характерно, что он выступает в качестве схемы реальных практических операций. Измерение земельных участков, а также сторон и плоскостей создаваемых сооружений в строительстве осуществлялось с помощью туго натянутой мерной веревки с узлами, обозначающими единицу длины (линейка), и мерной веревки, один конец которой закреплялся кольшком, а стержень (кольшек) на другом ее конце прочерчивал дуги (циркуль). Перенесенные на действия с чертежами, эти операции предстали как построения геометрических фигур с помощью циркуля и линейки.

Способ построения знаний путем абстрагирования и схематизации предметных отношений наличной практики обеспечивал предсказание ее результатов в границах уже сложившихся способов практического освоения мира. Однако по мере развития познания и практики наряду с отмеченным способом в науке формируется новый способ построения знаний. Он знаменует переход к собственно научному исследованию предметных связей мира.

Если на этапе преднауки как первичные идеальные объекты, так и их отношения (соответственно смыслы основных терминов языка и правила оперирования с ними) выводились непосредственно из практики и лишь затем внутри созданной системы знания (языка) формировались новые идеальные объекты, то теперь познание делает следующий шаг. Оно начинает строить фундамент новой системы знания как бы «сверху» по отношению к реальной практике и лишь после этого, путем

ряда опосредований, проверяет созданные из идеальных объектов конструкции, сопоставляя их с предметными отношениями практики.

При таком методе исходные идеальные объекты черпаются уже не из практики, а заимствуются из ранее сложившихся систем знания (языка) и применяются в качестве строительного материала при формировании новых знаний. Эти объекты погружаются в особую «сеть отношений», структуру, которая заимствуется из другой области знания, где она предварительно обосновывается в качестве схематизированного образа предметных структур действительности. Соединение исходных идеальных объектов с новой «сеткой отношений» способно породить новую систему знаний, в рамках которой могут найти отображение существенные черты ранее не изученных сторон действительности. Прямое или косвенное обоснование данной системы практикой превращает ее в достоверное знание.

В развитой науке такой способ исследования встречается буквально на каждом шагу. Так, например, по мере эволюции математики числа начинают рассматриваться не как прообраз предметных совокупностей, которыми оперируют в практике, а как относительно самостоятельные математические объекты, свойства которых подлежат систематическому изучению. С этого момента начинается собственно математическое исследование, в ходе которого из ранее изученных натуральных чисел строятся новые идеальные объекты. Применяя, например, операцию вычитания к любым парам положительных чисел, можно было получить отрицательные числа (при вычитании из меньшего числа большего). Открыв для себя класс отрицательных чисел, математика делает следующий шаг. Она распространяет на них все те операции, которые были приняты для положительных чисел, и таким путем создает новое знание, характеризующее ранее не исследованные структуры действительности. В дальнейшем происходит новое расширение класса чисел: применение операции извлечения корня к отрицательным числам формирует новую абстракцию — «мнимое число». И на этот класс идеальных объектов опять распространяются все те операции, которые применялись к натуральным числам.

Описанный способ построения знаний утверждается не только в математике. Вслед за нею он распространяется на сферу естественных наук. В естествознании он известен как метод выдвижения гипотетических моделей с их последующим обоснованием опытом.

Благодаря новому методу построения знаний наука получает возможность изучить не только те предметные связи, которые могут встретиться в сложившихся стереотипах практики, но и проанализировать изменения объектов, которые в принципе могла бы освоить развивающаяся цивилизация. С этого момента кончается этап преднауки и начинается наука в собственном смысле. В ней наряду с эмпирическими правилами и зависимостями (которые знала и преднаука) формируется особый тип знания — теория, позволяющая получить эмпирические зависимости как следствие из теоретических постулатов. Меняется и категориальный статус знаний — они могут соотноситься уже не только с осуществленным опытом, но и с качественно иной практикой будущего, а поэтому строятся в категориях возможного и необходимого. Знания уже не формулируются только как предписания для наличной практики, они выступают как знания об объектах реальности «самой по себе», и на их основе вырабатывается рецептура будущего практического изменения объектов.

Поскольку научное познание начинает ориентироваться на поиск предметных структур, которые не могут быть выявлены в обыденной практике и производственной деятельности, оно уже не может развиваться, опираясь только на эти формы практики. Возникает потребность в особой форме практики, которая обслуживает развивающееся естествознание. Такой формой практики становится научный эксперимент.

Поскольку демаркация между преднаукой и наукой связана с новым способом порождения знаний, проблема генезиса науки предстает как проблема предпосылок собственно научного способа исследования. Эти предпосылки складываются в культуре в виде определенных установок мышления, позволяющих возникнуть научному методу. Их формирование является результатом длительного развития цивилизации.

Культуры традиционных обществ (Древнего Китая, Индии, Древнего Египта и Вавилона) не создавали таких предпосылок.

Хотя в них возникло множество конкретных видов научного знания и рецептур решения задач, все эти знания и рецептуры не выходили за рамки преднауки.

Переход к науке в собственном смысле слова был связан с двумя переломными состояниями развития культуры и цивилизации. Во-первых, с изменениями в культуре античного мира, которые обеспечили применение научного метода в математике и вывели ее на уровень теоретического исследования, во-вторых, с изменениями в европейской культуре, произошедшими в эпоху Возрождения и перехода к Новому времени, когда собственно научный способ мышления стал достоянием естествознания (главным процессом здесь принято считать становление эксперимента как метода изучения природы, соединение математического метода с экспериментом и формирование теоретического естествознания).

Нетрудно увидеть, что речь идет о тех мутациях в культуре, которые обеспечивали в конечном итоге становление техногенной цивилизации. Развитая наука утвердилась именно в этой линии цивилизационного развития, но исторический путь к ней не был простым и прямолинейным. Отдельные предпосылки и пробы развертывания научного метода неоднократно осуществлялись в разных культурах. Некоторые из них сразу попадали в поток культурной трансляции, другие же как бы отодвигались на периферию, а затем вновь получали второе дыхание, как это случилось, например, с многими идеями Античности, воссозданными в эпоху Ренессанса.

Для перехода к собственно научной стадии необходим был особый способ мышления (видения мира), который допускал бы взгляд на существующие ситуации бытия, включая ситуации социального общения и деятельности, как на возможное проявление сущности (законов) мира, которая способна реализоваться в различных формах, в том числе весьма отличных от уже осуществившихся.

Такой способ мышления не мог утвердиться, например, в культуре кастовых и деспотических обществ Востока эпохи первых городских цивилизаций (где начиналась преднаука). Доминирование в культурах этих обществ канонизированных стилей мышления и традиций, ориентированных прежде всего на воспроизведение существующих форм и способов деятель-

ности, накладывало серьезные ограничения на прогностические возможности познания, мешая ему выйти за рамки сложившихся стереотипов социального опыта. Полученные здесь знания о закономерных связях мира, как правило, сращивались с представлениями об их прошлой (традиция) либо сегодняшней практической реализации. Зачатки научных знаний вырабатывались и излагались в восточных культурах главным образом как предписания для практики и не обрели еще статуса знаний о естественных процессах, развертывающихся в соответствии с объективными законами¹.

Духовная революция Античности

Для того чтобы осуществился переход к собственно научному способу порождения знаний, с его интенцией на изучение необычных с точки зрения обыденного опыта предметных связей, необходим был иной тип цивилизации с иным типом культуры. Такого рода цивилизацией, создавшей предпосылки для первого шага по пути к собственно науке, была демократия античной Греции. Именно здесь происходит мутация традиционных культур и здесь социальная жизнь наполняется динамизмом, которого не знали земледельческие цивилизации Востока с их застойно-патриархальным круговоротом жизни. Хозяйственная и политическая жизнь античного полиса была пронизана духом состязательности² — все конкурировали между собой, проявляя активность и инициативу, что неизбежно стимулировало инновации в различных сферах деятельности.

Нормы поведения и деятельности, определившие облик социальной действительности, вырабатывались в столкновении интересов различных социальных групп и утверждались во многом через борьбу мнений равноправных свободных индивидов на народном собрании. Социальный климат полиса снимал с нормативов деятельности ореол нерушимого сверхчеловеческого установления и формировал отношение к ним как к изобретению людей, которое подлежит обсуждению и улучшению по мере необходимости³. На этой основе складывались представления о множестве форм действительности,

¹ См.: *Нейгебауэр О.* Точные науки в древности. М., 1968.

² См.: *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции. М., 1985.

³ См.: *Кессиди Ф. Х.* От мифа к логосу. М., 1972. С. 18-20.

о возможности других, более совершенных форм по сравнению с уже реализовавшимися. Это видение можно обозначить как идею «вариабельного бытия», которая получила свое рациональное оформление и развитие в античной философии. Оно стимулировало разработку целого спектра философских систем, конкурирующих между собой, вводящих различные концепции мироздания и различные идеалы социального устройства.

Развертывая модели «возможных миров», античная философия, пожалуй, в наибольшей степени реализовала в эту эпоху эвристическую функцию философского познания, что и послужило необходимой предпосылкой становления науки в собственном смысле слова.

Именно в философии впервые были продемонстрированы образцы теоретического рассуждения, способные открывать связи и отношения вещей, выходящие за рамки обыденного опыта и связанных с ним стереотипов и архетипов обыденного сознания. Так, при обсуждении проблемы части и целого, единого и множественного античная философия подходит к ней теоретически, рассматривая все возможные варианты ее решения: мир бесконечно делим (Анаксагор), мир делится на части до определенного предела (атомистика Демокрита и Эпикура) и, наконец, совершенно невероятное с точки зрения здравого смысла решение — мир вообще неделим (бытие едино и неделимо — элеаты).

Обоснование элеатами (Парменид, Зенон) этой необычной идеи поставило ряд проблем, касающихся свойств пространства, времени и движения. Из принципа неделимости бытия следовала невозможность движения тел, так как тело — это часть (фрагмент) мира, а его движение представляет собой изменение его положения (места) в пространстве в различные моменты времени. Движение тел невозможно, если неделим мир, неделимы пространство и время. Но это противоречило наблюдаемым фактам движения тел.

На эти возражения известный древнегреческий философ Зенон ответил рядом контраргументов, получивших название апорий Зенона. В них доказывалось, что с позиций теоретического разума представление о движении тел приводит к парадоксам. Например, апория «Стрела» демонстрировала

следующий парадокс: в каждый отдельный момент времени летящая стрела может быть рассмотрена как покоящаяся в некоторой точке пространства. Но сумма покоев не дает движения, а значит, летящая стрела покоится. В других апориях Зенон выявляет парадоксы, связанные с представлениями о бесконечной делимости пространства. Например, в апории «Ахиллес» утверждалось, что самый быстрый бегун Ахиллес не догонит черепаху, так как сначала ему нужно пробежать половину дистанции между ним и черепахой, а она за это время отползет на некоторое расстояние, затем Ахиллесу придется преодолевать половину новой дистанции — и вновь черепаха отползет на определенное расстояние, и так до бесконечности.

Самое интересное, что в этих на первый взгляд весьма экзотических рассуждениях были поставлены проблемы, к которым потом на протяжении более двух тысячелетий не раз возвращалась философская и научная мысль. В преддверии возникновения механики мыслители позднего Средневековья обсуждали вопрос, можно ли говорить о движении тела в точке пространства. Если движение характеризуется скоростью, а скорость — это путь, деленный на время, то в точке не может быть скорости, поскольку точка — это нулевое расстояние, а ноль, деленный на t , дает ноль. Значит, движущееся тело в точке покоится.

После возникновения механики Галилея в процессе поисков обобщающей теории механических движений (завершившихся механикой Ньютона) пришлось вновь решать эту проблему в связи с обоснованием понятия мгновенной скорости. Поставленная философией проблема трансформировалась в конкретно-научную. Ее решение было получено благодаря развитию в математике теории пределов и методов дифференциального и интегрального исчисления, примененных в физике.

Показательно также, что впервые сформулированные Зеноном парадоксы бесконечной делимости пространства были осмыслены позднее как проблема сопоставления бесконечных множеств. В апории «Ахиллес» (и других апориях) по существу было выявлено, что любой путь (отрезок), если его рассматривать как бесконечно делимый, предстает как бесконечное множество точек, а любая часть этого пути также является бесконечным множеством точек и с этих позиций может быть

приравнена к целому. Как справедливо отмечал историк науки А. Койре, эта проблема почти через два с половиной тысячелетия стала одной из фундаментальных в математике. Над ней размышляли великие математики Бернард Больцано и Георг Кантор, и она в значительной степени стимулировала современную разработку теории множеств.

Конечно, во времена эллистов все эти эвристические возможности философского познания, открывающего проблемы науки будущего, не были известны. Но важно то, что в философии этого времени возникали образцы теоретического рассуждения, которые ориентировались не столько на очевидности чувственного опыта, сколько на сущее, данное разуму. И здесь предпочтение отдавалось как раз теоретическому размышлению, которое способно выходить за рамки здравого смысла своего времени, стереотипов, выработанных в системе ограниченной повседневной практики.

В традиционных обществах Востока такого рода теоретические функции философии реализовались в урезанном виде. Генерация нестандартных представлений о мире в философских системах Индии и Китая осуществлялась спорадически, совпадая с периодами крупных социальных катаклизмов (например, период «сражающихся царств» в Древнем Китае). Но в целом философия тяготела к идеологическим конструкциям, обслуживающим традицию. Например, конфуцианство и брахманизм были философскими системами, которые одновременно выступали и как религиозно-идеологические учения, регулирующие поведение и деятельность людей. Что же касается Древнего Египта и Вавилона, в которых был накоплен огромный массив научных знаний и рецептов деятельности, относящихся к этапу преднауки, то в них философское знание в лучшем случае находилось в стадии зарождения. Оно еще не отпочковалось от религиозно-мифологических систем, которые доминировали в культуре этих обществ.

Принципиально иную картину дает социальная жизнь античного полиса. Особенности этой жизни создавали намного более благоприятные условия для реализации теоретических функций философии.

Античная философия продемонстрировала, как можно планомерно развертывать представление о различных типах

объектов (часто необычных с точки зрения наличного опыта) и способах их мысленного освоения. Она дала образцы построения знаний о таких объектах. Это поиск единого основания (первоначал и причин) и выведение из него следствий (необходимое условие теоретической организации знаний). Эти образцы оказали бесспорное влияние на становление теоретического слоя исследований в античной математике.

Идеал обоснованного и доказательного знания складывался в античной философии и науке под воздействием социальной практики полиса. Восточные деспотии, например, не знали этого идеала. Знания вырабатывались здесь кастой управителей, отделенных от остальных членов общества (жрецы и писцы Древнего Египта, древнекитайские чиновники и т. д.), и предписывались в качестве непререкаемой нормы, не подлежащей сомнению. Условием приемлемости знаний, формулируемых в виде предписаний, были авторитет их создателей и наличная практика, построенная в соответствии с предложенными нормативами. Доказательство знаний путем их выведения из некоторого основания было излишним (требование доказанности оправдано только тогда, когда предложенное предписание может быть подвергнуто сомнению и когда может быть выдвинуто конкурирующее предписание).

Ряд знаний в математике Древнего Египта и Вавилона, по-видимому, не мог быть получен вне процедур вывода и доказательства. М. Я. Выгодский считает, что, например, такие сложные рецепты, как алгоритм вычисления объема усеченной пирамиды, были выведены на основе других знаний¹. Однако в процессе изложения знаний этот вывод не демонстрировался. Производство и трансляция знаний в культуре Древнего Египта и Вавилона закреплялись за кастой жрецов и чиновников и носили авторитарный характер. Обоснование знания путем демонстрации доказательства не превратилось в восточных культурах в идеал построения и трансляции знаний, что наложило серьезные ограничения на процесс превращения «эмпирической математики» в теоретическую науку.

В противоположность восточным обществам греческий полис принимал социально значимые решения, пропуская их

¹ См.: *Выгодский М. Я.* Арифметика и алгебра в Древнем мире. М., 1967. С. 237.

через фильтр конкурирующих предложений и мнений на народном собрании. Преимущество одного мнения перед другим выявлялось через доказательство, в ходе которого ссылки на авторитет, особое социальное положение индивида, предлагающего предписание для будущей деятельности, не считались серьезной аргументацией. Диалог велся между равноправными гражданами, и единственным критерием была обоснованность предлагаемого норматива. Этот сложившийся в культуре идеал обоснованного мнения был перенесен античной философией и на научные знания. Именно в греческой математике мы встречаем изложение знаний в виде теорем: «дано — требуется доказать — доказательство». Но в древнеегипетской и вавилонской математике такая форма не была принята, здесь мы находим только нормативные рецепты решения задач, излагаемые по схеме: «Делай так!», «Смотри, ты сделал правильно!»

Характерно, что в античной философии разработка методов постижения и развертывания истины (диалектики и логики) протекала как отражение мира сквозь призму социальной практики полиса. Первые шаги к осознанию и развитию диалектики как метода были связаны с анализом столкновения в споре противоположных мнений (типичная ситуация выработки нормативов деятельности на народном собрании). Что же касается логики, то ее разработка в античной философии началась с поиска критериев правильного рассуждения в ораторском искусстве, и выработанные здесь нормативы логического следования были затем применены к научному рассуждению.

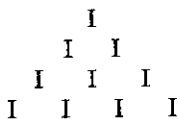
Применение образцов теоретического рассуждения к накопленным на этапе преднауки знаниям математики постепенно выводили ее на уровень теоретического познания. Уже в истоках развития античной философии были предприняты попытки систематизировать математические знания, полученные в древних цивилизациях, и применить к ним процедуру доказательства. Так, Фалесу, одному из ранних древнегреческих философов, приписывается доказательство теоремы о равенстве углов основания равнобедренного треугольника (в качестве факта это знание было получено еще в древнеегипетской и вавилонской математике, но оно не доказывалось в качестве

теоремы). Ученик Фалеса Анаксимандр составил систематический очерк геометрических знаний, что также способствовало выявлению накопленных рецептов решения задач, которые следовало обосновывать и доказывать в качестве теорем.

Важнейшей вехой на пути создания математики как теоретической науки были работы пифагорейской школы. Ею была создана картина мира, которая хотя и включала мифологические элементы, но по основным своим компонентам была уже философско-рациональным образом мироздания. В основе этой картины лежал принцип: началом всего является число. Пифагорейцы считали числовые отношения ключом к пониманию мироустройства. И это создавало особые предпосылки для возникновения теоретического уровня математики. Задачей становилось изучение чисел и их отношений не просто как моделей тех или иных практических ситуаций, а самих по себе, безотносительно к практическому применению. Ведь познание свойств и отношений чисел теперь представало как познание начал и гармонии Космоса. Числа представляли как особые объекты, которые пужно постигать разумом, изучать их свойства и связи, а затем уже, исходя из знаний об этих свойствах и связях, объяснить наблюдаемые явления. Именно эта установка характеризует переход от чисто эмпирического познания количественных отношений (познания, привязанного к наличному опыту) к теоретическому исследованию, которое, оперируя абстракциями и создавая на основе ранее полученных абстракций новые, осуществляет прорыв к новым формам опыта, открывая неизвестные ранее вещи, их свойства и отношения.

В пифагорейской математике наряду с доказательством ряда теорем, наиболее известной из которых является знаменитая теорема Пифагора, были осуществлены важные шаги к соединению теоретического исследования свойств геометрических фигур со свойствами чисел. Связи между этими двумя областями возникающей математики были двухсторонними. Пифагорейцы стремились не только использовать числовые отношения для характеристики свойств геометрических фигур, но и применять к исследованию совокупностей чисел геометрические образы. Так, число «10», которое рассматривалось как совершенное число, завершающее десятки натурального ряда,

соотносилось с треугольником, основной фигурой, к которой при доказательстве теорем стремились свести другие геометрические фигуры. Соотношение числа «10» и равностороннего треугольника изображалось следующей схемой:

Здесь первый ряд соответствует «1», второй — «2», третий — числу «3», четвертый — числу «4», а сумма их дает число «10» ($1 + 2 + 3 + 4 = 10$).

Нужно сказать, что связь геометрии и теории чисел обусловила постановку перспективных проблем, которые стимулировали развитие математики и привели к ряду важных открытий. Так, уже в античной математике при решении задачи числового выражения отношения гипотенузы к катетам были открыты иррациональные числа. Исследование «фигурных чисел», продолжающее пифагорейскую традицию, также получило развитие в последующей истории математики.

Разработка теоретических знаний математики проводилась в античную эпоху в тесной связи с философией и в рамках философских систем. Практически все крупные философы Античности — Демокрит, Платон, Аристотель и другие — уделяли огромное внимание математическим проблемам. Они придали идеям пифагорейцев, отягощенным многими мистико-мифологическими наслоениями, более строгую рациональную форму. И Платон, и Аристотель, хотя и в разных версиях, отстаивали идею, что мир построен на математических принципах, что в основе мироздания лежит математический план. Эти представления стимулировали как развитие собственно математики, так и ее применение в различных областях изучения окружающего мира. В античную эпоху уже была сформулирована идея о том, что язык математики должен служить пониманию и описанию мира. Как подчеркивал Платон: «Дemiург (Бог) постоянно геометризует», то есть геометрические образцы выступают основой для постижения Космоса. Развитие теоретических знаний математики в антич-

ной культуре достойно завершилось созданием первого образца научной теории — евклидовой геометрии. В принципе ее построение, объединившее в целостную систему отдельные блоки геометрических задач, решаемых в форме доказательства теорем, знаменовало превращение математики в особую, самостоятельную науку.

Вместе с тем в Античности были получены многочисленные приложения математических знаний к описаниям природных объектов и процессов. Прежде всего это касается астрономии, где были осуществлены вычисления положения планет, предсказания солнечных и лунных затмений, предприняты смелые попытки оценить размеры Земли, Луны, Солнца и расстояний между ними (Аристарх Самосский, Эратосфен, Птолемей). В античной астрономии были созданы две конкурирующие концепции строения мира: гелиоцентрические представления Аристарха Самосского (предвосхитившие последующие открытия Коперника) и геоцентрическая система Гиппарха и Птолемея. И если идея Аристарха Самосского, предполагавшая круговые движения планет по орбитам вокруг Солнца, столкнулась с трудностями при объяснении наблюдаемых перемещений планет на небесном своде, то система Птолемея, с ее представлениями об эпициклах, давала весьма точные математические предсказания наблюдаемых положений планет, Луны и Солнца. Основная книга Птолемея «Математическое построение» была переведена на арабский язык под названием «Аль-магисте» (великое) и затем вернулась в Европу как «Альмагест», став господствующим трактатом средневековой астрономии на протяжении четырнадцати веков.

В античную эпоху были сделаны также важные шаги в применении математики к описанию физических процессов. Особенно характерны в этом отношении работы великих эллинистических ученых так называемого александрийского периода (ок. 300–600 гг. н. э.) — Архимеда, Евклида, Герона, Паппа, Птолемея и др. В этот период возникают первые теоретические знания механики, среди которых в первую очередь следует выделить разработку Архимедом начал статики и гидростатики (развитая им теория центра тяжести, теория рычага, открытие основного закона гидростатики и разработка проблем устойчивости и равновесия плавающих тел и т. д.). В александрийской

науке был сформулирован и решен ряд задач, связанных с применением геометрической статики к равновесию и движению грузов по наклонной плоскости (Герон, Папп); были доказаны теоремы об объемах тел вращения (Папп), открыты основные законы геометрической оптики — закон прямолинейного распространения света, закон отражения (Евклид, Архимед).

Все эти знания можно расценить как первые теоретические модели и законы механики, полученные с применением математического доказательства. В александрийской науке уже встречаются изложения знаний, не привязанные жестко к натурфилософским схемам и претендующие на самостоятельную значимость.

До рождения теоретического естествознания как особой, самостоятельной и самоценной области человеческого познания и деятельности оставался один шаг, а именно — соединить математическое описание и систематическое выдвигание тех или иных теоретических предположений с экспериментальным исследованием природы. Но именно этого последнего шага античная наука сделать не смогла.

Она не смогла развить теоретического естествознания и его технологических применений. Причину этому большинство исследователей видят в рабовладении — использовании рабов в функции орудий при решении тех или иных технических задач. Дешевый труд рабов не создавал необходимых стимулов для развития солидной техники и технологии, а следовательно, и обслуживающих ее естественно-научных и инженерных знаний¹.

Действительно, отношение к физическому труду как к низшему сорту деятельности и усиливающееся по мере развития классового расслоения общества отделение умственного труда от физического порождают в античных обществах своеобразный разрыв между абстрактно-теоретическими исследованиями и практически-утилитарными формами применения научных знаний. Известно, например, что Архимед, прославившийся не только своими математическими работами, но и приложением их результатов в технике, считал эмпирические и инженерные знания «делом низким и неблагородным»

¹ См.: *Doods E. K. The Greeks and the irrational*. Berkley, 1951; см. также: *История античной диалектики*. М., 1972. С. 61–63.

и лишь под давлением обстоятельств (осада Сиракуз римлянами) вынужден был заниматься совершенствованием военной техники и оборонительных сооружений. Архимед не упоминал в своих сочинениях о возможных технических приложениях своих теоретических исследований, хотя и занимался такими приложениями. По этому поводу Плутарх писал, что Архимед был человеком «возвышенного образа мысли и такой глубины ума и богатства по знанию», что, «считая сооружение машин низменным и грубым, все свое рвение обратил на такие занятия, в которых красота и совершенство пребывают не смешанными с потребностью жизни»¹.

Но не только в этих, в общем-то внешних по отношению к науке, социальных обстоятельствах заключалась причина того, что античная наука не смогла открыть для себя экспериментального метода и использовать его для постижения природы. Описанные социальные предпосылки в конечном счете не прямо и непосредственно определяли облик античной науки, а влияли на нее опосредованно, через мировоззрение, выражавшее глубинные менталитеты античной культуры.

Возникновение естествознания

Важно зафиксировать, что сама идея экспериментального исследования неявно предполагала наличие в культуре особых представлений о природе, о деятельности и познающем субъекте, которые не были свойственны античной культуре, но сформировались значительно позднее, в культуре Нового времени. Идея экспериментального исследования полагала субъекта в качестве активного начала, противостоящего природной материи, изменяющего ее вещи путем силового давления на них. Природный объект познается в эксперименте потому, что он поставлен в искусственно созданные условия, и только благодаря этому проявляет для субъекта свои невидимые сущностные связи. Недаром в эпоху становления науки Нового времени в европейской культуре бытовало широко распространенное сравнение эксперимента с пыткой природы, посредством которой исследователь должен выведать у нее сокровенные тайны.

¹ См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1961. Т. 1. С. 393.

Природа в этой системе представлений воспринимается как особая композиция качественно различных вещей, которая обладает свойством однородности. Она предстает как поле действия законосообразных связей, в которых как бы растворяются неповторимые индивидуальности вещей.

Все эти понимания природы выражались в культуре Нового времени категорией «натура». Но у древних греков такого понимания не было. У них универсалия «природа» выражалась в категориях «фюсис» и «Космос». «Фюсис» обозначал особую, качественно отличную специфику каждой вещи и каждой сущности, воплощенной в вещах. Это представление ориентировало человека на постижение вещи как качества, как оформленной материи, с учетом ее назначения, цели и функции. Космос воспринимался в этой системе мировоззренческих ориентаций как особая самоцельная сущность со своей природой. В нем каждое отдельное «физически сущее» имеет определенное место и назначение, а весь Космос выступает в качестве совершенной завершенности¹.

Как отмечал А. Ф. Лосев, нескончаемое движение Космоса представлялось античному мыслителю в качестве своеобразного вечного возвращения, движения в определенных пределах, внутри которых постоянно воспроизводится гармония целого, и поэтому подвижный и изменчивый Космос одновременно мыслился как некоторое скульптурное целое, где части, дополняя друг друга, создают завершенную гармонию. Поэтому образ вечного движения и изменения сочетался в представлениях греков с идеей шарообразной формы (Космос почти всеми философами уподоблялся шару)². А. Ф. Лосев отмечал глубинную связь этих особых смыслов универсалии «природа» с самими основаниями полисной жизни, в которой разнообразие и динамика хозяйственной деятельности и политических интересов различных социальных групп и отдельных граждан соединялись в целое гражданским единством свободных жителей города-государства³. В идеале полис представлялся как единство в многообразии, а реальностью такого единства

¹ См.: Ахутин А. В. Понятие «природа» в Античности и в Новое время. М., 1988. С. 164.

² См.: Лосев А. Ф. Античная философия истории. М., 1977. С. 14–18.

³ См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 1963. Т. 1 : Ранняя классика. С. 21–22.

полагался Космос. Природа для древнего грека не была обезличенным неодушевленным веществом, она представлялась живым организмом, в котором отдельные части — вещи — имеют свои назначения и функции. Поэтому античному мыслителю была чужда идея постижения мира путем насильственного препарирования его частей и их изучения в несвободных, несвойственных их естественному бытию обстоятельствах. В его представлениях такой способ исследования мог только нарушить гармонию Космоса, но не в состоянии был обнаружить эту гармонию. Поэтому постижение Космоса, задающего цели всему «физически сущему», может быть достигнуто только в умозрительном созерцании, которое расценивалось как главный способ поиска истины.

Знание о природе (фюсис) древние греки противопоставляли знанию об искусственном (тэхне). Античности, как и сменившему ее европейскому Средневековью, было свойственно резкое разграничение природного, естественного и технического, искусственного. Механика в античную эпоху не считалась знанием о природе, а относилась только к искусственному, созданному человеческими руками. И если мы расцениваем опыты Архимеда и его механику как знание о законах природы, то в античном мире оно относилось к «тэхне», искусственному, а экспериментирование не воспринималось как путь познания природы.

Теоретическое естествознание, опирающееся на метод эксперимента, возникло только на этапе становления техногенной цивилизации. Проблематика трансформаций культуры, которые осуществлялись в эту эпоху, активно обсуждалась в философской и культурологической литературе¹. Не претендуя на анализ этих трансформаций во всех аспектах, отметим лишь, что их основой стало новое понимание человека и человеческой деятельности, которое было вызвано процессами великих преобразований в культуре переломных эпох — Ренессанса и перехода к Новому времени. В этот исторический период в культуре складывается отношение к любой деятельности, а не только

¹ Из отечественных исследований отметим работы: Ахутин А. В. История принципов физического эксперимента. М., 1976; Библер В. С. Мышление как творчество. М., 1978; Гайденок П. П. Эволюция понятия науки (XVII—XVIII вв.). М., 1987; Косарева Л. М. Социокультурный генезис науки Нового времени. М., 1989; и др.

к интеллектуальному труду, как к ценности и источнику общественного богатства.

Это создает новую систему ценностных ориентаций, которая начинает просматриваться уже в культуре Возрождения. С одной стороны, утверждается, в противовес средневековому мировоззрению, новая система гуманистических идей, связанная с концепцией человека как активно противостоящего природе в качестве мыслящего и деятельного начала. С другой стороны, утверждается интерес к познанию природы, которая рассматривается как поле приложения человеческих сил. Уже в эпоху Возрождения начинает складываться новое понимание связи между природным, естественным и искусственным, создаваемым в человеческой деятельности. Традиционное христианское учение о сотворении мира Богом получает здесь особое истолкование. По отношению к божественному разуму, который создал мир, природа рассматривается как искусственное. Деятельность же человека истолковывается как своеобразное подобие в малых масштабах актов творения. И основой этой деятельности полагается подражание природе, распознавание в ней разумного начала (законов) и следование осмысленной гармонии природы в человеческих искусствах — науке, художественном творчестве, технических изобретениях. Ценность искусственного и естественного уравнивается, а разумное изменение природы в человеческой деятельности выступает не как нечто противоречащее ей, а как согласующееся с ее естественным устройством. Именно это новое отношение к природе было закреплено в категории «натура», что послужило предпосылкой для выработки принципиально нового способа познания мира: возникает идея о возможности ставить природе теоретические вопросы и получать на них ответы путем активного преобразования природных объектов.

Новые смыслы категории «природа» были связаны с формированием новых смыслов категорий «пространство» и «время», что также было необходимо для становления метода эксперимента. Средневековые представления о пространстве как качественной системе мест и о времени как последовательности качественно отличных друг от друга временных моментов, наполненных скрытым символическим смыслом, были препятствием на этом пути.

Как известно, физический эксперимент предполагает его принципиальную воспроизводимость в разных точках пространства и в разные моменты времени. Понятно, что физические эксперименты, поставленные в Москве, могут быть повторены в Лондоне, Нью-Йорке и в любой другой точке пространства. Если бы такой воспроизводимости не существовало, то и физика как наука была бы невозможна. Это же касается и воспроизводимости экспериментов во времени. Если бы эксперимент, осуществленный в какой-либо момент времени, нельзя было бы принципиально повторить в другой момент времени, никакой опытной науки не существовало бы.

Но что означает это, казалось бы, очевидное требование воспроизводимости эксперимента? Оно означает, что все временные и пространственные точки должны быть одинаковы в физическом смысле, то есть в них законы природы должны действовать одинаковым образом. Иначе говоря, пространство и время здесь полагаются однородными.

Однако в средневековой культуре человек вовсе не мыслил пространство и время как однородные, а полагал, что различные пространственные места и различные моменты времени обладают разной природой, имеют разный смысл и значение.

Такое понимание пронизывало все сферы средневековой культуры — обыденное мышление, художественное восприятие мира, религиозно-теологические и философские концепции, средневековую физику и космологию и т. п. Оно было естественным выражением системы социальных отношений людей данной эпохи, образа их жизнедеятельности¹.

В частности, в науке этой эпохи оно нашло свое выражение в представлениях о качественном различии пространства земного и небесного. В мировоззренческих смыслах средневековой культуры небесное всегда отождествлялось со «святым» и «духовным», а земное — с «телесным» и «греховным». Считалось, что движения небесных и земных тел имеют принципиальное различие, поскольку эти тела принадлежат к принципиально разным пространственным сферам.

Радикальная трансформация всех этих представлений началась уже в эпоху Возрождения. Она была обусловлена

¹ Подробнее см.: *Гуревич А. Я.* Указ. соч. С. 26; см. также: *Степин В. С.* О прогностической природе философского знания // *Вопросы философии.* 1986. № 4. С. 39–53.

многими социальными факторами, в том числе влиянием на общественное сознание Великих географических открытий, усиливающейся миграцией населения в эпоху первоначального накопления, когда разорившиеся крестьяне сгонялись с земли, разрушением традиционных корпоративных связей и размытием средневекового уклада жизни, основанного на жесткой социальной иерархии.

Показательно, что новые представления о пространстве возникали и развивались в эпоху Возрождения в самых разных областях культуры: в философии (концепция бесконечности пространства Вселенной у Д. Бруно), в науке (система Коперника, которая рассматривала Землю как планету, вращающуюся вокруг Солнца, и тем самым уже стирала резкую грань между земной и небесной сферами), в области изобразительных искусств, где возникает концепция живописи как «окна в мир» и где доминирующей формой пространственной организации изображаемого становится линейная перспектива однородного евклидова пространства.

Все эти представления, сформировавшиеся в культуре Ренессанса, утверждали идею однородности пространства и времени, и тем самым создавали предпосылки для утверждения метода эксперимента и соединения теоретического (математического) описания природы с ее экспериментальным изучением. Они во многом подготовили переворот в науке, осуществленный в эпоху Галилея и Ньютона и завершившийся созданием механики как первой естественно-научной теории.

Показательно, что одной из фундаментальных идей, приведших к ее построению, была сформулированная Галилеем эвристическая программа — исследовать закономерности движения природных объектов, в том числе и небесных тел, анализируя поведение механических устройств (в частности, орудий Венецианского арсенала).

В свое время Нильс Бор высказал мысль, что новая теория, которая вносит переворот в прежнюю систему представлений о мире, чаще всего начинается с «сумасшедшей идеи». В отношении галилеевской программы это вполне подошло бы. Ведь для многих современников это была действительно сумасшедшая идея — изучить законы движения, которым подчиняются небесные тела, путем экспериментов с механическими ору-

диями Венецианского арсенала. Но истоки этой идеи лежали в предыдущем культурном перевороте, когда были преодолены прежние представления о неоднородном пространстве мироздания, санкционировавшие противопоставление небесной и земной сфер.

Кстати, продуктивность галилеевской программы была продемонстрирована в последующий период развития механики. Традиция, идущая от Галилея и Гюйгенса к Гуку и Ньютону, была связана с попытками моделировать в мысленных экспериментах с механическими устройствами силы взаимодействия между небесными телами. Например, Гук рассматривал вращение планет по аналогии с вращением тела, закрепленного на нити, а также тела, привязанного к вращающемуся колесу. Ньютон использовал аналогию между вращением Луны вокруг Земли и движением шара внутри поллой сферы.

Характерно, что именно на этом пути был открыт закон всемирного тяготения. К формулировке Ньютоном этого закона привело сопоставление законов Кеплера и получаемых в мысленном эксперименте над аналоговой механической моделью математических выражений, характеризующих движение шара под действием центробежных сил¹.

Теоретическое естествознание, возникшее в эту историческую эпоху, предстало в качестве второй (после становления математики) важнейшей вехи формирования науки в собственном смысле этого слова.

Формирование технических и социально-гуманитарных наук

В качестве последующих исторически значимых этапов, определивших развитие науки и ее функции в культуре, можно выделить становление *технических* и *социально-гуманитарных наук*. Их становление в качестве особых подсистем опытной науки (наряду с естествознанием) также имело социокультурные предпосылки. Оно происходило в эпоху вступления техногенной цивилизации в стадию индустриализма и знаменовало обретение наукой новых функций — быть производительной и социальной силой.

¹ См.: Розенфельд Л. Ньютон и закон тяготения // У истоков классической науки. М., 1968. С. 64–94.

К концу XVIII — началу XIX столетий наука окончательно становится бесспорной ценностью цивилизации. Она все активнее участвует в формировании мировоззрения, претендуя на достижение объективно истинного знания о мире, и вместе с тем все отчетливее обнаруживает прагматическую ценность, возможность постоянного и систематического внедрения в производство своих результатов, которые реализуются в виде новой техники и технологии. Примеры использования научных знаний в практике можно обнаружить и в предшествующие исторические периоды, что давало импульсы к осмыслению практической значимости науки (вспомним известное изречение Бэкона «знание — сила»). И все же использование результатов науки в производстве в доиндустриальные эпохи носило скорее эпизодический, чем систематический характер.

В конце XVIII — первой половине XIX века ситуация радикально меняется. К. Маркс справедливо отмечал, что «научный фактор впервые сознательно и широко развивается, применяется и вызывается в таких масштабах, о которых предшествующие эпохи не имели никакого понятия»¹. Индустриальное развитие поставило достаточно сложную и многоплановую проблему: не просто спорадически использовать отдельные результаты научных исследований в практике, но обеспечить научную основу технологических инноваций, систематически включая их в систему производства.

Именно в этот исторический период начинается процесс интенсивного взаимодействия науки и техники и возникает особый тип социального развития, который принято именовать научно-техническим прогрессом. Потребности практики все отчетливее обозначали тенденции к постепенному превращению науки в непосредственную производительную силу. Внедрение научных результатов в производство в расширяющихся масштабах становилось основной характеристикой социальной динамики, а идея социального прогресса все отчетливее связывалась с эффективным технологическим применением науки.

Важную роль в развитии науки, в частности в формировании новых отраслей знания, сыграло развитие крупной машинной индустрии, пришедшей на смену мануфактурному производ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 47. С. 556.

ству. Не случайно в тех странах, где капитализм приобретал более развитые формы, наука получала преимущества в развитии. Внедрение ее результатов в производство все чаще рассматривалось как условие получения прибыли производителями, как свидетельство силы и престижа государства. Ценность науки, ее практическая полезность, связанная с извлечением дивидендов, отчетливо начинала осознаваться теми, кто вкладывал средства в проведение исследований.

Расширяющееся применение научных знаний в производстве формировало общественную потребность в появлении особого слоя исследований, который бы систематически обеспечивал приложение фундаментальных естественно-научных теорий к области техники и технологии. Как выражение этой потребности между естественно-научными дисциплинами и производством возникает своеобразный посредник — научно-теоретические исследования технических наук¹.

Их становление в культуре было обусловлено по меньшей мере двумя группами факторов. С одной стороны, они утверждались на базе экспериментальной науки, когда для формирования технической теории оказывалось необходимым наличие своей «базовой» естественно-научной теории (во временном отношении это был период XVIII–XIX вв.). С другой стороны, потребность в научно-теоретическом техническом знании была инициирована практической необходимостью, когда при решении конкретных задач инженеры уже не могли опираться только на приобретенный опыт, а нуждались в научно-теоретическом обосновании создания искусственных объектов, которое невозможно осуществить, не имея соответствующей технической теории, разрабатываемой в рамках технических наук².

Технические науки не являются простым продолжением естествознания, прикладными исследованиями, реализующими концептуальные разработки фундаментальных естественных наук. В развитой системе технических наук имеется свой слой как фундаментальных, так и прикладных знаний, и эта

¹ О становлении технических наук и их месте в культуре см.: *Горохов В. Г. Методологический анализ научно-технических дисциплин*. М., 1984; *Иванов Б. И., Чешев В. В. Становление и развитие технических наук*. Л., 1977; *Чешев В. В. Техническое знание как объект методологического анализа*. Томск, 1981; и др.

² *Иванов Б. И., Чешев В. В. Указ. соч.* С. 97, 108.

система имеет специфический предмет исследования. Таким предметом выступает техника и технология как особая сфера искусственного, создаваемого человеком и существующего только благодаря его деятельности.

С точки зрения современных представлений об эволюции Вселенной возникновение человека и общества открывает особую линию эволюции, в которой формируются объекты и процессы, чрезвычайно маловероятные для природы, практически не могущие в ней возникнуть без целенаправленной человеческой активности. Природа не создает ни колеса, ни двигателя внутреннего сгорания, ни ЭВМ на кристаллах — все это продукты человеческой деятельности. Вместе с тем все созданные человеком предметы и процессы возможны только тогда, когда порождающая их деятельность соответствует законам природы.

Идея законов природы выступает тем основанием, которое, сохраняя представление о специфике естественного и искусственного, связывает их между собой. Сама же эта идея исторически сформировалась в качестве базисного мировоззренческого постулата и ценности в эпоху становления техногенной цивилизации. Она выражала новое понимание природы и места человека в мире, отличное от представлений, свойственных большинству традиционных культур. Неразрывно связанное с этой мировоззренческой идеей представление об относительности разделения искусственного и естественного было одной из предпосылок не только становления естествознания, но и последующего формирования технических наук.

Первые образцы научных технических знаний, связанных с применением открытых естествознанием законов при создании новых технологий и технических устройств, возникли уже на ранних стадиях развития естественных наук. Классическим примером может служить конструирование Х. Гюйгенсом механических часов. Х. Гюйгенс опирается на открытые Галилеем законы падения тел, создает теорию колебания маятника, а затем воплощает эту теорию в созданном техническом устройстве¹. Причем между теоретическими знаниями механики (законом падения тел и законом колебания идеального маятника), с одной стороны, и реальной конструкцией маятниковых часов — с другой, Гюйгенс создает особый слой

¹ Подробнее см.: Философия техники: история и современность. М., 1977.

теоретического знания, в котором знания механики трансформируются с учетом технических требований создаваемой конструкции. Этот слой знания (разработанная Гюйгенсом теория изохронного качания маятника как падения по циклоиде, обращенной вершиной вниз) можно интерпретировать в качестве одного из первых образцов локальной технической теории. Что же касается систематической разработки технических теорий, то она началась позднее, в эпоху становления и развития индустриального машинного производства. Его потребности, связанные с тиражированием и модификацией различных технических устройств, конструированием их новых видов и типов стимулировали формирование и превращение инженерной деятельности в особую профессию, обслуживающую производство. В отличие от технического творчества в рамках ремесленного труда, эта деятельность ориентировала на систематическое применение научных знаний при решении технических задач. Развитие инженерной деятельности в XIX и XX веках привело к дифференциации ее функций, выделению в относительно самостоятельные специализации проектирования, конструирования и обслуживания технических устройств и технологических процессов. С развитием инженерной деятельности усложнялось научное техническое знание. В нем сформировались эмпирический и теоретический уровни; наряду с прикладными техническими теориями возникли фундаментальные. Их становление было стимулировано не только прогрессом естествознания, но, прежде всего, потребностями инженерной практики. Характерным примером в этом отношении может служить формирование теории машин и механизмов. Первые шаги к ее созданию были сделаны еще в эпоху первой промышленной революции и были связаны с задачами конструирования относительно сложных машин (подъемных, паровых, ткацких, прядильных и т. д.). Их разработка основывалась на использовании в качестве базисных компонентов так называемых «простых машин» (блок, ворот, винт, рычаг и т. п.), исследование которых было важным исходным материалом открытия законов механики (программа Галилея). Но в процессе конструирования выяснялось, что работа большинства сложных машин предполагает преобразование движения с изменением его характера, направления

и скорости. Поэтому главная проблема состояла не столько в выделении «простых машин» в качестве компонентов сложных, сколько в разработке теоретических схем их состыковки и преобразования присущих им типов движения¹. Потребности решения этой проблемы постепенно привели к созданию вначале отдельных теоретических моделей, а затем и фундаментальной теории машин и механизмов. Разработка последней была завершена в первой половине XX века (В. А. Ассур, В. В. Добровольский, И. И. Артоболевский)². Характерной ее особенностью стало не только создание методов расчета существующих типов машин и механизмов, но и предсказание принципиально новых типов, еще не применявшихся в практике (подобно тому, как периодическая система элементов, созданная Д. И. Менделеевым, предсказала существование еще не открытых химических элементов, фундаментальная теория машин и механизмов предсказывала принципиально новые семейства механических устройств, до ее создания неизвестных практическому конструированию).

Возникая на стыке естествознания и производства, технические науки все яснее обозначали свои специфические черты, отличающие их от естественно-научного знания. Они обретали свое предметное поле, формировали собственные средства и методы исследования, свою особую картину исследуемой реальности, то есть все то, что позволяет говорить о становлении определенной научной дисциплины.

Сформировавшись, технические науки заняли прочное место в системе развивающегося научного знания, а технико-технологические инновации в производстве все в большей мере стали основываться на применении результатов научно-технических исследований. И если раньше наука, как отмечал Дж. Бернал, мало что давала промышленности, то с утверждением технических наук ситуация изменилась. Они не только стали обеспечивать потребности развивающейся техники, но и опережать ее развитие, формируя схемы возможных будущих технологий и технических систем.

¹ Подробнее см.: *Горохов В. Г. Указ. соч. С. 46; Философия техники: история и современность. С. 132–139; Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М., 1996. С. 346–347.*

² *Горохов В. Г. Указ. соч. С. 51–53.*

Технические науки вместе с техническим проектированием начиная с середины XIX столетия стали выступать связующим звеном между естественно-научными дисциплинами, с одной стороны, и производственными технологиями — с другой.

Эпоха индустриализма создала предпосылки не только для возникновения технических дисциплин в качестве особой области научного знания. В этот же исторический период начинает складываться система социально-гуманитарных наук. Как и другие науки, они имели свои истоки еще в древности, в накапливаемых знаниях о человеке, различных способах социального поведения, условиях воспроизводства тех или иных социальных общностей. Но в строгом смысле слова социальные и гуманитарные науки конституировались в XIX столетии, когда в культуре техногенной цивилизации отчетливо оформилось отношение к различным человеческим качествам и социальным феноменам как к объектам управления и преобразования. Отношение к любым исследуемым явлениям и процессам как к объектам является одним из обязательных условий научного способа познания, в том числе и социально-гуманитарного. Поэтому его предпосылками было формирование практик и типов дискурса, в которых человек, его качества, его деятельность и социальные связи предстают в качестве особых объектов целерационального действия. Именно в эпоху индустриализма объектно-предметное отношение к человеку и человеческим общностям становится доминирующим в техногенной культуре. В это время окончательно оформляется приоритетный статус «отношений вещной зависимости», которые подчиняют себе и ограничивают сферу «отношений личной зависимости», выступавших основой организации социальной жизни в традиционных обществах. Главным фактором такой смены социально-культурных приоритетов стало всеохватывающее развитие товарно-денежных отношений, когда капиталистический рынок превращал различные человеческие качества в товары, имеющие денежный эквивалент. К. Маркс одним из первых проанализировал процессы и социальные последствия опредмечивания человеческих качеств в системе отношений развитого капиталистического хозяйства. Он интерпретировал эти процессы как отчуждение, порождающее неподвластные человеку социальные силы и превращающее людей в объекты

социального манипулирования. Сходные мысли позднее развивал Г. Зиммель. Отталкиваясь от идей Маркса, он разработал свою философскую концепцию денег, в которой главное внимание уделялось социально-психологическим аспектам денежных отношений, их влиянию на духовную жизнь людей. Деньги рассматривались Зиммелем не только как феномен экономической жизни общества, но как универсальный способ обмена, определяющий характер отношений и общения в самых различных областях человеческой жизнедеятельности. Зиммелем была высказана мысль о знаково-символической роли денег и их функционировании как особого культурного феномена, опосредующего отношения людей¹.

Комментируя книгу Зиммеля «Философия денег», современный французский психолог Серж Московичи писал: «Зиммель не открыл деньги. Тем не менее он первым охватил во всей полноте философию культуры, рожденной ими, и первым сформулировал целостную теорию их власти». Эта власть проявлялась в самых различных сферах человеческого бытия. Она фиксировала дистанцию между предметом и потребляющим его человеком. Именно благодаря деньгам как посреднику не только материальные предметы, но и духовные сущности, идеи и ценности становятся миром столь же автономным и объективным, как и мир физический. Деньги «раздробляют и стерилизуют, как нечто мешающее им, тот тип человеческих связей, в основе которого лежит смесь чувств и интересов, превращают личные отношения в безличные, при которых человек становится вещью для другого человека»².

И еще на одно свойство денег Зиммель обращает особое внимание: на их способность превращать индивидуально неповторимые вещи, состояния, человеческие качества в количественные, калькулируемые объекты.

После работ Маркса и Зиммеля эта идея была развита М. Вебером в рамках его концепции духа капитализма. Вебер особо подчеркивал роль идеала целерационального действия в ста-

¹ Позднее, уже во второй половине XX века, эту мысль развивал Т. Парсонс, рассматривая деньги как особый код культуры, «специализированный язык», а обращение денег — как «отправление сообщений» (*Parsons T. Systems analysis; social systems // International Encyclopedia of the Social Science. N. Y., 1968*).

² *Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998. С. 398, 423, 455.*

новлении и функционировании новой цивилизации, зародившейся в эпоху Ренессанса и Реформации. Этот идеал предполагал особый тип рациональности, основанной на принципах объективности, законодательного регулирования, планирования и расчета. Новая рациональность включалась в самые различные области человеческой жизнедеятельности, организуя экономику, право, науку, искусство, повседневную жизнь людей.

Отношение к человеку как к предмету рациональной регуляции характеризовало огромное многообразие практик, сложившихся в историческую эпоху становления и развития технологичной цивилизации. В знаменитых исследованиях М. Фуко, посвященных формированию клиники, истории тюрьмы, истории сексуальности, достаточно убедительно показано, что во всех этих на первый взгляд мало связанных между собой сферах человеческой жизни реализовался некоторый общий принцип «знания-власти». Человек выступал здесь как предмет, который нужно исследовать и рационально регулировать. Фуко показывает, как это отношение проявлялось в исторически возникающей организации надзора и контроля в тюрьмах, в системе обезличенного наказания от имени закона, в правилах внутреннего распорядка тюрем, больниц, учебных заведений, в самой их архитектуре и планировке внутреннего пространства. К этому же классу феноменов, выступающих в качестве своеобразных культурных символов «знания-власти», Фуко относит: практику медицинского обследования, основанную на осмотре тела, которое предстает как объект, открытый для наблюдения; практику тестирования и медицинской документации; публичное обсуждение проблем сексуальности; периодические смотры-экзамены в учебных заведениях, когда власть заставляет человека-объекта публично демонстрировать себя и т. п. Такого рода практики и дискурсы формировали и закрепляли новое отношение к индивиду как к объекту наблюдаемому, описываемому и регулируемому определенными правилами. Соответствующие смыслы укоренялись в мировоззренческих универсалиях культуры, в понимании человека и его социального бытия, создавая предпосылки для возникновения социально-гуманитарных наук. Как подчеркивает Фуко, с того момента, «когда “норма” заняла место “предка”, а мера

соответствия норме — место статуса, когда место индивидуальности человека известного заняла индивидуальность человека вычислимого, в этот момент и стало возможным формирование наук о человеке, ибо именно тогда была запущена новая технология власти и новая политическая анатомия тела»¹.

Возникновение социально-гуманитарных наук завершало формирование науки как системы дисциплин, охватывающей все основные сферы мироздания: природу, общество и человеческий дух. Наука обрела привычные для нас черты универсальности, специализации и междисциплинарных связей. Экспансия науки во все новые предметные области, расширяющееся технологическое и социально-регулятивное применение научных знаний сопровождалось изменением институционального статуса науки. В конце XVIII — первой половине XIX столетия возникает дисциплинарная организация науки с присущими ей особенностями трансляции знаний, их применением и способами воспроизводства субъекта научной деятельности.

Институциональная организация науки и ее историческая эволюция

Развитие естественно-научного, технического, а вслед за ними и социально-гуманитарного знания вызвало резкий рост научной информации. Наука конца XVIII — первой половины XIX века характеризовалась увеличением объема и разнообразия научных знаний, углубляющейся дифференциацией видов исследовательской деятельности и усложнением их взаимосвязей. Все это приводило к изменениям институциональных форм научного познания. Складывалась ситуация, при которой ученому все труднее было овладеть накопленной научной информацией, необходимой для успешных исследований. Если воспользоваться терминологией М. К. Петрова, можно сказать, что для конкретного человека достаточно отчетливо определились новые пределы «информационной вместимости», связанные как с физиологическими, так и с ментальными ограничениями человека².

¹ Цит. по: Сокулер З. А. Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко // *Философия науки*. М., 1998. Вып. 4. С. 182.

² Петров М. К. Указ. соч. С. 73, 92.

Век энциклопедистов постепенно уходил в прошлое. Чтобы профессионально владеть научной информацией, необходимо было ограничить сферы исследования и организовать знания в соответствии с возможностями «информационной вместимости» индивида. Все это с неизбежностью вело к специализации знания. Исследователь постепенно становился специалистом в одной, порой достаточно узкой области знания, становясь «сторонним наблюдателем» в других сферах исследования и не претендуя на всеобъемлющее знание. Нарастающая специализация способствовала оформлению предметных областей науки, приводила к дифференциации наук, каждая из которых претендовала не на исследование мира в целом и построение некой обобщенной картины мира, а стремилась вычленить свой предмет исследования, отражающий особый фрагмент или аспект реальности.

Фрагментация мира сопровождалась своеобразным расщеплением ранее синкретической деятельности ученого-исследователя на множество различных деятельностей, каждая из которых осуществлялась особым исследователем в соответствии с принципом «информационной вместимости». То, что раньше осуществлял отдельный мыслитель, теперь предполагает усилия коллективного субъекта познания. Отсюда возникала необходимость в поиске новых форм трансляции знания в культуре, а также новом типе воспроизводства субъекта научной деятельности.

В науке XVII столетия главной формой закрепления и трансляции знаний была книга (манускрипт, фолиант), в которой должны были излагаться основополагающие принципы и начала «природы вещей». Она выступала базисом обучения, дополняя традиционную систему непосредственных коммуникаций «учитель-ученик», обеспечивающих передачу знаний и навыков исследовательской работы от учителя его ученикам. Одновременно она выступала и главным средством фиксации новых результатов исследования природы.

Перед ученым XVII столетия стояла весьма сложная задача. Ему недостаточно было получить какой-либо частный результат (решить частную задачу), в его обязанности входило построение целостной картины мироздания, которая должна найти свое выражение в достаточно объемном фолианте. Ученый был

обязан не просто ставить отдельные опыты, но заниматься натурфилософией, соотносить свои знания с существующей картиной мира, внося в нее соответствующие изменения. Так работали все выдающиеся мыслители этого времени — Галилей, Ньютон, Лейбниц, Декарт и др.

В то время считалось, что без обращения к фундаментальным основаниям нельзя дать полного объяснения даже частным физическим явлениям. Не случайно Декарт в письме к Мерсенну писал: «Я охотно ответил бы на Ваши вопросы, касающиеся пламени свечи и других подобных вещей, но предвижу, что никогда не смогу достаточно удовлетворительно сделать это до тех пор, пока Вы не ознакомитесь со всеми принципами моей философии»¹.

Однако по мере развития науки и расширения поля исследовательской деятельности все настоятельнее формировалась потребность в такой коммуникации ученых, которая обеспечивала бы их совместное обсуждение не только конечных, но и промежуточных результатов, не только «вечных» проблем, но и конечных и конкретных задач. Как ответ на этот социальный запрос в XVII столетии возникает особая форма закрепления и передачи знаний — переписка между учеными. Письма, которыми они обменивались, как правило, содержали не только сведения бытового характера, но включали в себя и результаты исследования, и описание того пути, которым они были получены. Тем самым письма превращались в научное сообщение, излагающее результаты отдельных исследований, их обсуждение, аргументацию и контраргументацию. Систематическая переписка велась на латыни, что позволяло сообщать свои результаты, идеи и размышления ученым, живущим в самых разных странах Европы. Так возникает особый тип сообщества, которое избрало письмо в качестве средства научного общения и объединило исследователей Европы в так называемую «Республику ученых» (*La Republique des Lettres*). Переписка между учеными выступала не только как форма трансляции знания, но служила еще и основанием выработки новых средств исследования. В частности, полагается, что мысленный эксперимент получил свое закрепление в качестве

¹ Цит. по: Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983. С. 303.

осмысленного исследовательского приема именно благодаря переписке ученых, когда в процессе описания реального предмета он превращался в идеализированный объект, не совпадающий с действительным предметом¹.

Способы общения между исследователями и формы трансляции знания, возникшие в XVII столетии, обеспечивали успешное развитие наук этой исторической эпохи, но по мере накопления объема научной информации потребовалось их изменение.

Уже во второй половине XVII столетия постепенно началось углубление специализации научной деятельности. В различных странах образуются сообщества исследователей-специалистов, часто поддерживаемые общественным мнением и государством. Примером может служить сообщество немецких химиков — одно из первых национальных дисциплинарно ориентированных объединений исследователей, сложившееся в Германии к концу XVIII столетия. Как пишет по этому поводу историк науки К. Хуфбауэр: «в конце XVIII столетия германские химики образовали единое сообщество... Они стали относиться друг к другу как к необходимым коллегам и основным арбитрам во всем, что касается научной истины и личных достижений». Коммуникации между исследователями осуществляются уже на национальном языке (а не на латыни), и в них сочетаются как личные коммуникации, так и обмен результатами исследований благодаря публикации отдельных сообщений в журнале «Химические анналы». Этот журнал сыграл особую роль в объединении немецких химиков, позволив интенсивно вести обсуждения проблем на его страницах, побуждая немецких химиков «рассматривать друг друга в качестве основной аудитории», все более «ощущая свою солидарность»².

Примерно такой же процесс характеризовал формирование сообществ специалистов в других областях разрастающегося массива научного знания.

Ученые уже не ограничивались только перепиской между собой и публикацией книг-фолиантов как основного продукта

¹ Философия эпохи ранних буржуазных революций. С. 296, 300–301.

² Hufbauer K. The formation of German chemical community (1720–1795). Berkeley, 1982. P. 1, 62, 95.

их научной деятельности. Переписка постепенно утрачивает свой прежний статус одного из основных объединителей исследователей, а «Республика ученых» заменяется множеством национальных дисциплинарно ориентированных сообществ. Внутренняя коммуникация в этих сообществах протекает значительно интенсивнее, чем внешняя.

Место частных писем, выступающих как научное сообщение, занимает статья в научном журнале. Статья приобретает особую значимость: в отличие от книги, она является меньшей по объему, в ней не требуется излагать всю систему взглядов, поэтому время выхода ее в свет сокращается. Но в ней не просто фиксируется то или иное знание, она становится необходимой формой закрепления и трансляции нового научного результата, определяющего приоритет исследователя. Для того чтобы новое знание вошло в культуру, необходимо его объективировать, закрепить в тексте, который был бы доступен самым различным исследователям. Статья успешно решает эту задачу. В этом процессе все более широкое применение находят национальные языки. Прежний язык научного общения — латынь — постепенно уступает место общедоступному национальному языку, который благодаря специальным терминам, особой системе научных понятий трансформируется (модифицируется) в язык научной коммуникации. Он дает возможность все более широкому кругу исследователей ознакомиться с полученными научными результатами и включить их в состав собственных исследований.

В отличие от письма, ориентированного на конкретного человека, зачастую лично знакомого автору, статья была адресована анонимному читателю, что приводило к необходимости более тщательного выбора аргументов для обоснования выдвигаемых положений. Статья не сразу приобрела все эти необходимые характеристики. Лишь к середине XIX столетия (период интенсивного оформления дисциплинарной организации науки) статья обрела те функции, в которых она предстает в современном научном сообществе: с одной стороны, она выступает как форма трансляции знания, предполагая преемственную связь с предшествующим знанием, поскольку ее написание предполагает указание на источни-

ки (институт ссылок), с другой — является заявкой на новое знание¹.

Появление статьи как новой формы закрепления и трансляции знаний было неразрывно связано с организацией и выпуском периодических научных журналов. Первоначально они выполняли особую функцию объединения исследователей, стремясь показать, что и кем делается, но затем наряду с обзорами стали публиковать сведения о новом знании, и это постепенно стало их главной функцией.

Научные журналы становились своеобразными центрами кристаллизации новых типов научных сообществ, возникающих рядом с традиционными объединениями ученых. В этот исторический период многие ранее возникшие академические учреждения дополняются новыми объединениями, со своими уставами, в которых определялись цели науки. В отличие от «Республики ученых», где складывались неформальные отношения между учеными, такие сообщества были формально организованы, в них обязательно были предусмотрены еженедельные заседания, наличие уставов, определяющих жизнедеятельность данных учреждений и т. д.

Показательно, что в уставах академий обращалось внимание не только на необходимость теоретических разработок, но и на практическое внедрение результатов научных исследований. Это был существенный аргумент, которым ученые стремились добиться поддержки со стороны правительства².

В конце XVIII — первой половине XIX века в связи с увеличением объема научной, научно-технической информации наряду с академическими учреждениями, возникшими в XVII столетии (Лондонское королевское общество — 1660 г., Парижская академия наук — 1666 г., Берлинская академия наук — 1700 г., Петербургская академия — 1724 г. и др.), начинают складываться различного рода новые ассоциации ученых, такие как Французская консерватория (хранилище) технических искусств и ремесел (1795), Собрание немецких естествоиспытателей (1822), Британская ассоциация содействия прогрессу (1831) и др.

¹ Прайс Д. Малая наука, большая наука // Наука о науке. М., 1966. С. 339–340.

² Там же. С. 337.

Исследователи, работавшие в различных областях знания, начинают объединяться в научные общества (физическое, химическое, биологическое и т. п.). Новые формы организации науки порождали и новые формы научных коммуникаций. Все чаще в качестве главной формы трансляции знания выступают научные журналы, вокруг которых ученые объединялись по интересам.

Тенденция к специализации служила объективной основой, при которой ученый уже не ставил (или не мог поставить) задачу построения целостной картины мироздания. Все чаще в его обязанности входило решение отдельных задач, «головоломок» (Т. Кун).

Ситуация, связанная с ростом объема научной информации и пределами «информационной вместимости» субъекта, не только существенно трансформировала формы трансляции знания, но и обострила проблему воспроизводства субъекта науки. Возникла необходимость в специальной подготовке ученых, когда на смену «любителям науки, вырастающим из подмастерьев, приходил новый тип ученого как тип университетского профессора»¹.

Не случайно в данный период все более широкое распространение приобретает целенаправленная подготовка научных кадров, когда повсеместно развивается сеть новых научных и учебных учреждений, в том числе и университеты. Первые университеты возникли еще в XII–XIII веках (Парижский — 1160 г., Оксфордский — 1167 г., Кембриджский — 1209 г., Падуанский — 1222 г., Неапольский — 1224 г., и т. д.) на базе духовных школ и создавались как центры по подготовке духовенства. Длительное время в преподавании главное внимание уделялось проблеме гуманитарного знания. Однако в конце XVIII — начале XIX века ситуация меняется. Постепенно начинает осознаваться необходимость в расширении сети учебных предметов. Именно в этот исторический период большинство существующих и возникающих университетов включают в число преподаваемых курсов естественно-научные и технические дисциплины. Открывались и новые центры подготовки специалистов, такие как известная Политехническая школа в Париже (1795), в которой преподавали Лагранж, Лаплас, Карно, Кариолис и др.

¹ *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1956. С. 308.

Растущий объем научной информации привел к изменению всей системы обучения. Возникают специализации по отдельным областям научного знания, и образование начинает строиться как преподавание групп отдельных научных дисциплин, обретая ярко выраженные черты дисциплинарно-организованного обучения. В свою очередь это оказало обратное влияние на развитие науки, и в частности на ее дифференциацию и становление конкретных научных дисциплин.

Процесс преподавания требовал не просто знакомства слушателей с совокупностью отдельных сведений о достижениях в естествознании, но и систематического изложения и усвоения полученных знаний.

Систематизация по содержательному компоненту и совокупности методов, с помощью которых были получены данные знания, стала рассматриваться как основа определенной научной дисциплины, отличающая одну совокупность знаний (научную дисциплину) от другой¹. Иначе говоря, систематизация знаний в процессе преподавания выступала как один из факторов формирования конкретных научных дисциплин.

Специальная подготовка научных кадров (воспроизводство субъекта науки) оформляла особую профессию научного работника. Наука постепенно утверждалась в своих правах как прочно установленная профессия, требующая специфического образования, имеющая свою структуру и организацию.

XX век принес новые перемены в институциональном статусе науки. В эту эпоху возникает так называемая «большая наука». Резко возрастает число занятых в науке профессиональных исследователей. К началу XIX столетия в мире насчитывалось около 1 тыс. ученых, к началу XX века их численность составляла уже 100 тыс., а к концу XX столетия — 5 млн чел. После Второй мировой войны удвоение числа людей, занятых в науке, происходило в Европе за 15 лет, в США — за 10 лет, в СССР — за 7 лет.

Усиливается специализация научной деятельности. К концу XX века в науке насчитывалось уже более 15 тыс. дисциплин. Возникают крупные исследовательские коллективы (НИИ, национальные лаборатории, исследовательские центры), которые

¹ Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М., 1980. С. 60.

сосредоточиваются только на решении исследовательских задач в соответствующей области знания. Время кустарей-одиночек, делающих научные открытия, давно прошло. Это не значит, что открытия становятся анонимными и не имеют своих авторов. Речь идет о том, что самим открытиям предшествует работа исследовательских коллективов над определенными задачами и проблемами, без которой открытия могли бы не состояться.

В «большой науке» возникает разнообразие типов научных сообществ. Официально функционирующие коллективы сочетаются с неформальными. Последние возникают и действуют как «незримые колледжи» (термин, введенный американским историком науки Д. Прайсом), в которых исследователи, работающие над определенной проблемой по интересам, поддерживают информационные контакты, обмениваются результатами и обсуждают их. «Незримые колледжи» могут возникать как в рамках того или иного отдельного крупного исследовательского коллектива (НИИ, университет), так и в качестве объединения исследователей, работающих в разных коллективах, разных городах и регионах. По подсчетам Д. Прайса, в «незримом колледже» благодаря большей частоте информационных контактов и работе по интересу производительность труда ученых выше, чем в формально фиксированных сообществах. Но возможности неформальных объединений ограничены. Они не обладают необходимой материальной базой для исследования. Поэтому их эффективность проявляется только в их симбиозе с формально фиксированными коллективами (НИИ, университетами, национальными лабораториями и исследовательскими центрами).

Сегодня исследования в большинстве наук требуют серьезных финансовых затрат. Например, современные эксперименты в физике элементарных частиц используют весьма дорогостоящие ускорители. Ускоритель ЦЕРН (Европейского центра ядерных исследований) в Женеве установлен на 100-метровой глубине под поверхностью Земли, в двух взаимосвязанных кольцеобразных тоннелях длиной более 20 км. Его обслуживает особая электростанция и мощная сеть компьютеров, обрабатывающая экспериментальную информацию. Работа на таком экспериментальном устройстве осуществляется по заранее со-

ставленным планам, посменно различными исследовательскими группами. Само сооружение таких установок требует огромных затрат, оцениваемых в миллиарды долларов. Аналогично обстоит дело с работой таких приборов, как, допустим, мощные телескопы, выводимые на околоземную орбиту для наблюдения за дальними галактиками и другими космическими объектами. Их изготовление, доставка на орбиту, компьютерная обработка получаемых данных в соответствующих лабораториях на Земле суммарно исчисляются уже сотнями миллионов и даже миллиардами долларов. В не меньшей степени это относится и к таким формам «космического эксперимента», как фотографирование поверхности дальних планет или бомбардировка ядра кометы с целью выяснить его состав.

Наука становится областью специального финансирования. В рыночной экономике в этом процессе участвуют как фирмы и корпорации (преимущественно инвестирующие те прикладные исследования и разработки, которые дают технологические результаты, внедряемые в производство и сферу услуг), так и государство. Оно играет доминирующую роль в финансировании фундаментальных исследований. Вложения в науку в технологически развитых странах постоянно растут. В США расходы на науку в 1950 году составляли 3 млрд долларов, в 1960 — 13 млрд, а в 2000 — уже 228 млрд долларов (примерно 2,5 годовых бюджета России). «Национальные затраты человеческой энергии и денег, — пишет Д. Прайс, — неожиданно превратили науку в одну из решающих отраслей национальной экономики»¹.

Эти слова были сказаны в 1962 году. Через полвека технологически развитые страны продемонстрировали, что именно продукция наукоемких производств и прямая торговля высокими технологиями, воплощающими достижения науки, являются основным источником наращивания общественного богатства. Производительная сила науки обрела новые измерения в современных процессах формирования и развития экономики знания.

Рост научного знания выступает одним из важнейших факторов динамизма современной цивилизации, характерных для нее тенденций постоянного изменения и обновления.

¹ Прайс Д. Указ. соч. С. 285.

Современная дисциплинарно-организованная наука с четырьмя основными блоками научных дисциплин — математикой, естествознанием, техническими и социально-гуманитарными науками — характеризуется внутридисциплинарными и междисциплинарными механизмами порождения знаний, которые обеспечивают ее систематические прорывы в новые предметные миры. Эти прорывы каждый раз открывают новые возможности для технико-технологических инноваций в самых различных сферах человеческой жизнедеятельности. Поэтому исследование механизмов роста знаний в их исторической эволюции важно для понимания не только самой науки, но и цивилизационных изменений, которые она постоянно порождает.

Глава 4. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ¹

В 1989 году в журнале «Вопросы философии» была опубликована моя статья, в которой я предложил различение классической, неклассической и постнеклассической рациональности. После этого прошло двадцать лет. Понятие «постнеклассика» постепенно укоренилось в философском дискурсе, и сегодня его применяют при характеристике различных форм и видов познавательной деятельности. Но, как это часто бывает, при расширении понятия не всегда принимается во внимание системная связь критериев «постнеклассики», отличающих ее от других типов рациональности.

Применительно к науке можно выделить три основных критерия. Они соответствуют, с одной стороны, деятельностному подходу, а с другой — структуре оснований науки, выявленных в рамках этого подхода.

С позиций деятельности научное познание может быть охарактеризовано посредством связей и отношений между осваиваемым объектом, субъектом деятельности, а также используемыми им средствами и операциями деятельности.

Все основные компоненты деятельности (объект—средства и операции—субъект) образуют целостность, и радикальное изменение одного из них предполагает изменение других.

В основаниях научного знания эта связь выражена корреляциями и своеобразной когерентностью между основными блоками (подсистемами) оснований науки: 1) научными картами мира; 2) идеалами и нормами науки; 3) ее философско-мировоззренческими основаниями.

¹ Основой главы является статья: *Степин В. С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // *Постнеклассика: философия, наука, культура* : коллектив. моногр. / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб., 2009.

Соответственно критериями типов рациональности выступают: 1) особенности системной организации исследуемых объектов и типов картины мира; 2) особенности средств и операций деятельности, представленных идеалами и нормами науки; 3) особенности ценностно-целевых ориентаций субъекта деятельности и рефлексии над ними, выраженные в специфике философско-мировоззренческих оснований науки.

Первым критерием различения классической, неклассической и постнеклассической рациональности является тип системной организации осваиваемых объектов. Для освоения объектов, организованных как простые системы, достаточно классической рациональности. Неклассический тип рациональности обеспечивает освоение сложных саморегулирующихся систем, постнеклассический — сложных, саморазвивающихся систем.

Каждый из этих типов системных объектов представлен в научном знании соответствующим кластером специальных научных картин мира (дисциплинарных онтологий) и общенаучной картиной мира. Эти картины задают системно-структурное видение предмета научного исследования и тем самым репрезентируют представления о том или ином типе системной организации изучаемых объектов.

Вторым критерием выступает различие в обобщенной схеме метода деятельности. Она фиксирует особенности средств и операций (действий) с изучаемым объектом. Каждый новый тип системных объектов предполагает соответствующую ему схему метода познавательной деятельности. Эта схема представлена в структуре оснований науки особым пониманием идеалов и норм исследования: идеалов объяснения и описания, доказательности и обоснования, идеалов строения и построения научного знания. При переходе к освоению нового типа систем происходят трансформации такого понимания. Для классической, неклассической, постнеклассической рациональности характерны различные интерпретации идеалов и норм научности.

Наконец, в качестве третьего критерия различия типов рациональности можно выделить особенности ценностно-целевых структур субъекта деятельности. Эти структуры детерминированы двояким образом. С одной стороны, они долж-

ны соответствовать типу системного объекта, знание о котором должна выработать наука соответствующей исторической эпохи, а с другой — соответствовать принятым в культуре этой эпохи доминирующим ценностям.

Разные типы системных объектов требуют различного уровня рефлексии над ценностно-целевыми структурами деятельности. Эти типы рефлексии инкорпорированы в комплекс философско-мировоззренческих оснований науки. Последние обеспечивают обоснование научных картин мира и нормативных структур науки соответствующей исторической эпохи. Изменение типа рефлексии над ценностно-целевыми структурами исследования выражено в соответствующих изменениях философско-мировоззренческих оснований науки. Оно выступает важной характеристикой становления нового типа научной рациональности (классики, неклассики, постнеклассики).

Рассмотрим более детально каждый из этих взаимосвязанных критериев.

Типы системных объектов и научные онтологии

Видение предмета исследования на каждом исторически определенном этапе развития науки репрезентировано системой научных онтологий (научных картин мира), которые вводят представление о главных системно-структурных характеристиках исследуемых объектов. Это: а) специальные научные картины мира (дисциплинарные онтологии); б) обобщающие их образы природы и общества, представленные естественно-научной и социально-научной картинами мира; в) и наконец, особая форма синтеза научного знания, общенаучная картина мира, которая задает обобщенное представление о неживой, живой природе, обществе и человеке.

Я не буду останавливаться на более детальной характеристике этих типов научной картины мира, их отличиях от опирающихся на них конкретных теорий, их связях с теоретическими схемами, образующими ядро каждой из таких теорий, их связях с опытными фактами. Все эти сюжеты подробно проанализированы в моих работах¹.

¹ См., например: *Степин В. С.* Теоретическое знание. М., 2000. Гл. 3.

Отмечу лишь тот важный аспект в проблематике научных картин мира, что эти картины задают некоторую обобщенную матрицу системного видения, понимания и осмысления исследуемых объектов. Все, что укладывается в эту матрицу, становится предметом эмпирических и теоретических исследований. Общие системные характеристики изучаемых объектов конкретизируются в процессе таких исследований посредством получения новых фактов, построения теоретических моделей и формулировки конкретных законов.

Все эти познавательные ситуации можно совокупно обозначить как функционирование картины мира в качестве исследовательской программы.

Эта программа включает не всегда осознаваемые исследователем образы того или иного типа систем. Они выражены посредством представлений о базисных элементах исследуемой реальности и типологии образуемых из них более сложных объектов, о характере их взаимодействия и типе причинных связей, о пространственно-временных структурах реальности.

Онтологии и категориальные структуры классической рациональности

Возьмем механическую картину мира, которая начиная с XVII века более двух столетий доминировала в науке. В ней полагалось, что фундаментом мироздания являются неделимые корпускулы (атомы), из которых построены все тела (жидкие, твердые, газообразные). Взаимодействие атомов и тел осуществляется путем мгновенной передачи сил (дальнодействие) и подчиняется жесткой детерминации (лапласовская трактовка причинности). Процессы взаимодействия атомов и тел протекают в абсолютном пространстве с течением абсолютного времени.

Если механическую картину мира рассмотреть с позиций системного подхода, то в ней обнаруживаются характерные черты представлений об объектах как простых (малых) системах. Предполагается, что свойства системы однозначно определяются свойствами составляющих ее элементов, элемент вне системы и внутри нее обладает одними и теми же свойствами (отсутствует идея системного качества, характеризующего целостность системы, его несводимости к сумме частей). Вещь

(тело, корпускула) рассматривается как нечто первичное по отношению к процессу. Процесс — это силовое взаимодействие корпускул и тел. Причинность редуцирована к лапласовской детерминации. Пространство и время рассматриваются как внешние по отношению к системе (объекту). Полагается, что движение и взаимодействие тел никак не сказываются на характеристиках пространства и времени.

Эти смыслы, определяющие понимание и освоение простых систем, выражены в соответствующей категориальной сетке («часть» и «целое», «вещь» и «процесс», «взаимодействие» и «причинность», «пространство» и «время»). Они организовывали кластер модификаций механической картины мира. И даже такие альтернативные ей представления о мироздании, как электродинамическая картина мира, утвердившаяся в физике после создания Д. Максвеллом теории электромагнитного поля, не выходили за рамки представлений о простых системах.

Электродинамическая картина мира (с учетом достижений лоренцевой теории электронов) постулировала в качестве фундаментальных субстанций мировой эфир (состоянием которого рассматривались электромагнитные поля) и атомы, включая их особую субстанциональную форму — атомы электричества (электроны). В рамках этих представлений выдвигалась также гипотеза о гравитации как особом состоянии эфира. Эфир представлялся механической средой, в которой передаются силы. Полагалось, что взаимодействие атомов и полей как состояний эфира подчиняется лапласовской причинности и развертывается в абсолютном пространстве с течением абсолютного времени. Принципиальная схема видения реальности как простой системы здесь сохранялась.

Сталкиваясь с более сложным типом системной организации объектов, наука вначале рассматривала их сквозь призму уже сложившихся онтологий и категориальной сетки, соответствующей простым системам. Но постепенно обнаруживалась неадекватность традиционных представлений. Накапливались факты, не укладывающиеся в их рамки, возникали парадоксы при попытках объяснения новых фактов. Эти ситуации характеризуются в терминологии Т. Куна как аномалии и кризисы, выступающие преддверием научных революций.

Саморегулирующиеся системы и онтологии неклассической науки

Аномалии и кризисы подготавливали переход к новым системным образам реальности, которые постепенно укоренились в различных областях науки.

В физике это была эпоха разработки квантово-релятивистских представлений. В ходе создания квантовой механики обнаружились ограничения при использовании для описания микромира фундаментальных понятий классической механики. Характеристики объектов микромира не укладывались в рамки представлений о механических системах.

Микрообъекты обладают дуальными корпускулярно-волновыми свойствами. При описании их взаимодействий обнаружились ограничения на совместное использование привычных в классической физике величин координаты и импульса, энергии и времени (соотношение неопределенности). Обнаружились изменения свойств элементарных частиц при их включении в более сложные микрообъекты (атомное ядро, атом, молекула). При включении в состав ядра масса нуклонов (протонов и нейтронов) меньше их массы в свободном состоянии. Дефект массы соответствует энергии связи нуклонов в ядре. Здесь наблюдается свойственное сложным системам проявление системного качества целого. Аналогичные особенности соотношения части и целого наблюдаются и при включении электронов в состав атома. В этом случае на состояния свободного электрона налагаются ограничения (принцип Паули). Заполнение электронных оболочек зависит не только от свойств отдельного электрона, но и от состояний всей их системы в атоме.

Квантово-механическое описание многочастичных объектов открыло многообразные проявления когерентного, кооперативного поведения частиц, когда их совместное действие обнаруживало свойства, не присущие отдельно взятым частицам (сверхпроводимость, сверхтекучесть, когерентное электромагнитное излучение).

Выяснилось далее, что классическое понимание причинности как лапласовского детерминизма недостаточно для описания нового типа процессов. Оно должно быть дополнено вероятностной причинностью. Расширение понятия причинности

сопровождалось напряженными дискуссиями. Были многочисленные попытки ввести в интерпретацию квантовой механики идею скрытых параметров, сохранявшую традиционное понимание причинности в качестве базисной категории. Но оппонирующие суждения Н. Бора каждый раз фиксировали принципиальную неустранимость вероятностных представлений в квантово-механическом описании. Базисными оказывались представления о вероятностной причинности.

Релятивистская физика внесла позже серьезные коррективы в те идеи и образы пространства и времени, которые были развиты в физике применительно к исследованию простых (механических) систем. В специальной теории относительности из картины мира были элиминированы представления об абсолютном пространстве и времени. После работ Г. Минковского обоснованная А. Эйнштейном относительность пространственных и временных интервалов была связана с инвариантностью пространственно-временного интервала. В зависимости от скорости движения инерциальных систем отсчета относительно друг друга этот интервал по-разному расщепляется на свои составляющие — отдельно пространственный и отдельно временной интервал. Здесь неявно обозначилась идея различения внутреннего и внешнего пространства физических систем.

В развитии биологии XX века также обнаруживалась потребность в новой категориальной структуре, обеспечивающей понимание и осмысление исследуемых объектов. Отчетливо проявилась фундаментальная характеристика сложных систем, к которым принадлежат биологические объекты, — наличие системных качеств целого, полностью нередуцируемых к свойствам образующих их элементов. Так, в многоклеточных организмах специализация клеток определена их связями с другими клетками. Было обнаружено, что в процессе эмбрионального развития в геноме клетки активизируются отдельные участки в зависимости от клеточного окружения. Благодаря этому клетки специализируются и системно образуют соответствующие органы.

С разработкой представлений о надорганизменных системах живого (популяция, биогеоценоз, биосфера) идея несводимости целого к простой сумме составляющих его элементов также получала многочисленные подтверждения.

В биогеоценозах возникают взаимные адаптации популяций, подчиненные целостности биогеоценоза. Вне этой целостности многие популяции не смогут существовать. Наиболее тесные взаимодействия могут образовывать симбиозы, в которых одна часть невозможна без другой. Учение В. Вернадского о биосфере также выявляло ее особую целостность, нередуцируемую к совокупности свойств составляющих ее биогеоценозов.

Возникали новые представления о причинности. Концепция мутаций как случайных изменений, меняющих генетические программы, коррелировала с идеей вероятностной причинности.

Наконец, можно констатировать, что при описании процессов воспроизводства и адаптации биологических систем были обозначены особенности биологического пространства и времени. Формировалось представление о внутренних пространственно-временных характеристиках биологических систем, не редуцируемых к внешнему физическому пространству-времени.

Все эти изменения в категориальных смыслах, не укладывающиеся в узкие рамки представлений о простых механических системах, требовали новых синтезирующих образцов системной организации объектов.

Такие образы вошли в арсенал научных средств благодаря разработке идей кибернетики и развитию теории систем. Выяснились особенности сложных саморегулирующихся систем и их принципиальное отличие от простых систем. Сложные системы дифференцированы на подсистемы, в которых осуществляется стохастическое взаимодействие элементов. В этих системах функционально выделен блок обработки информации и управления, которое осуществляется на основе прямых и обратных связей. Воспроизводство системы выступает как саморегуляция, которая обеспечивает сохранение небольшого набора системных параметров, определяющих целостность системы.

Представления о сложных системах позволили объединить в единую категориальную сетку ранее выявленные категориальные смыслы, не укладывающиеся в рамки механической парадигмы. Категории вещи и процесса предстали как относительно различимые. Если в механической картине мира вещи (тела) выступали как нечто первичное, как субстрат,

а процессы интерпретировались как воздействие одной вещи (тела) на другую посредством передачи сил, то в новой системе представлений любая вещь представляла как процессуальная система, самовоспроизводящаяся в результате взаимодействия со средой и благодаря саморегуляции.

Категории части и целого также обрели новые смыслы. Включение элементов (частей) в систему и их свойства внутри системы определяются характером ее целостности. В сложных системах целое обладает особым системным качеством, нередуцируемым к свойствам составляющих его частей. Оно не только зависит от свойств составляющих частей, но и определяет эти свойства.

Применительно к сложным системам происходит расширение понимания причинности. Лапласовская детерминация дополняется вероятностной причинностью. В процессах саморегуляции наличие обратных связей приводит к обратному воздействию следствия на порождающую его причину — возникает циклическая причинность.

Наконец, в понимание пространства и времени входит различение внутреннего и внешнего пространства системы и их характеристик.

Новые смыслы категорий соединялись с новыми наглядными образами системной организации объектов. Такие образы играют важную роль в формировании научной картины мира. Она всегда претендует на особую роль в культуре в качестве научно обоснованного видения реальности. И ее принятие культурой определено не только дискуссиями специалистов, но и более широкими возможностями ее понимания, которые обеспечивают ее включение в культуру. Такое понимание предполагает аналогии, ассоциации, наглядные образы объектов, уже освоенных в человеческой деятельности.

Как известно, в эпоху формирования механической картины мира широко использовалась аналогия: мир устроен как часы. Уподобление Вселенной механическому устройству, которое вызывало в эту эпоху всеобщее восхищение, во многом облегчало понимание и принятие культурой эпохи XVII—XVIII столетий механической картины мира.

В культуре середины XX века, с развитием кибернетики и освоением сложных систем в технике, возникли новые

паттерны — образы самоорганизующихся автоматов. Кибернетическая парадигма выявляла аналогии между ними и функционированием биологических и социальных систем. Все это открывало новые перспективы перестройки научных картин мира. Как подчеркивал один из создателей кибернетики Н. Винер, прежнее видение мира как механической системы должно уступить место новому. «...С точки зрения кибернетики мир представляет собой некий организм, закрепленный не настолько жестко, чтобы незначительное изменение в какой-либо его части сразу же лишало его присущих ему особенностей, и не настолько свободный, чтобы всякое событие могло произойти столь же легко и просто, как и любое другое. Это мир, которому одинаково чужда окостенелость ньютоновской физики и аморфная податливость состояния максимальной энтропии или тепловой смерти, когда уже не может произойти ничего по-настоящему нового. Это мир Процесса, а не окончательного мертвого равновесия, к которому ведет Процесс, и это вовсе не такой мир, в котором все события заранее предопределены вперед установленной гармонией, существовавшей лишь в воображении Лейбница»¹.

В этих высказываниях Н. Винера был дан своеобразный эскиз общенаучной картины мира, основанный на представлениях о сложных системах. Но для превращения этого эскиза в развитую общенаучную онтологию необходимо было конкретизировать ее, перестроив с позиций представлений о саморегулирующихся системах картины реальности (онтологии) ключевых естественно-научных и социально-гуманитарных дисциплин.

Некоторые шаги в этом направлении были сделаны в 1940–1960-х годах в биологии. И. Шмальгаузеню была развита одна из перспективных версий видоизменения сложившейся картины биологической реальности с учетом представлений о сложных саморегулирующихся системах. Шмальгаузен представил в качестве таких систем основные типы биологических объектов, образующих мир живых организмов — одноклеточные и многоклеточные организмы, популяции и биогеоценозы. «Все биологические системы, — писал И. Шмальгаузен, — характеризуются большей или меньшей способностью к само-

¹ Винер Н. Я — математик. М., 1964. С. 314.

регуляции, то есть гомеостазису. С помощью авторегуляции поддерживается само существование каждой данной системы, ее состав и структура с ее характерными внутренними связями и закономерные преобразования всей системы в пространстве и времени. Гомеостатическими системами являются, конечно, прежде всего, отдельные особи каждого вида организмов, затем популяция как система особей одного вида, характеризующаяся своим составом и структурой с особыми взаимосвязями ее элементов, и, наконец, биогеоценоз, обладающий также определенным составом и структурой со своими, подчас очень сложными взаимосвязями»¹. «Механизмы контроля и регуляции, — писал далее И. И. Шмальгаузен, — понятны, различны в разных системах. Однако общие принципы регуляции могут во всех этих случаях рассматриваться под одним углом зрения в свете учения о регулирующих устройствах»². Взаимодействие основных структурных единиц живого — организмов, популяций и биоценозов — было рассмотрено под углом зрения передачи и преобразования информации и процессов управления.

Рассматривая каждую особь в качестве сложного сообщения, перекодировующего генетическую информацию молекулярного уровня в набор фенотипических признаков, Шмальгаузен представил ее как целостный информационный блок, а специфическую для каждой особи индивидуальную активность в биогеоценозе рассмотрел как средство передачи обратной информации³.

Все эти трансформации картины биологической реальности стимулировали ряд новых конкретных теоретических открытий. Подход Шмальгаузена позволил сформулировать новый для биологии принцип группового отбора, выявить роль соревнования популяций друг с другом как условия создания и поддержания надорганизменных систем (вида и биогеоценоза)⁴. Концепция Шмальгаузена объясняла также многие факты помехоустойчивости передачи наследственной информации,

¹ Шмальгаузен И. И. Кибернетические вопросы биологии. Новосибирск, 1968. С. 103.

² Там же.

³ Там же. С. 147.

⁴ Берг Р. Л., Ляпунов А. А. Предисловие // Шмальгаузен И. И. Кибернетические вопросы биологии. С. 13.

открывая новые возможности применения в биологии математических методов.

Примерно в этот же исторический период возникли плодотворные попытки применить идеи теории сложных систем к анализу социальных процессов. В русле этого подхода возникло направление, получившее в американской социологии название «системная теория». Н. Луман выделяет в этом направлении две отдельные области: структурный функционализм и концепцию Т. Парсонса¹. Основные творческие усилия в обеих областях были направлены на исследование процессов воспроизводства социальных систем, анализа их саморегуляции.

Наиболее интересной и развитой с позиций представлений о сложных саморегулирующихся системах была концепция Т. Парсонса. Вслед за К. Марксом и М. Вебером Т. Парсонс рассматривает действия людей как главный фактор процессуальности социальной системы и ее воспроизводства. Разнообразие действий предстает на каждом этапе воспроизводства системы как набор ее базисных элементов. Выбор целей и средств для каждого конкретного вида действий хотя и включает элементы случайности, но вместе с тем обусловлен свойствами социальной системы как целого. Пространство выбора для каждого конкретного случая ограничено. Оно допускает вариации средств и целей только в определенных рамках. Эти рамки заданы исторически сложившейся системой ценностей, норм и образцов (паттернов) действий. Они выступают в качестве информационных кодов, в соответствии с которыми осуществляется воспроизводство социальной жизни.

Т. Парсонс особое внимание уделяет образцам, которые реализуются в системе социальных ролей. Акторы действия выступают носителями набора социальных ролей, и эти роли иницируют действия по определенным образцам. Сам же образец может многократно использоваться различными акторами, а поэтому должен сохраняться. Т. Парсонс особо выделяет функцию сохранения латентного образца как условия воспроизводства социальной системы. Эту функцию выполняет культура, которая, как отмечал Т. Парсонс, кибернетически управляет социальной системой².

¹ См.: Луман Н. Введение в системную теорию. М., 2007. С. 12.

² Parsons T. Action Theory and the Human Condition. N. Y., 1978. P. 362, 374.

Парсонс рассматривает культуру как особую подсистему общества, которая, включая в себя ценности, нормы и образцы, регулирует действия и поступки людей. Далее он выделяет в системе общества еще две основных подсистемы — экономику и социально-политическую подсистему. Функция первой из них состоит в адаптации к внешней среде. Функция второй — в обеспечении интеграции общества.

Как подчеркивает Парсонс, реализация целей деятельности порождает консумматорное состояние (состояние удовлетворения). В сложной системной совокупности действий по отношению к целостности социальной системы консумматорная функция предстает как достижение такого системного согласования действий, которое обеспечивает социальную интеграцию индивидов и социальных групп.

Адаптация к внешней среде и консуммация выступают своего рода контролирующими обратными связями над комплексами действий. Задача экономики состоит в организации действий, обеспечивающих адаптацию к среде. Задача политики — в выработке и принятии решений, которые создают условия для разнообразия действий, обеспечивающих воспроизводство внутренней интеграции общества.

Таким образом, Т. Парсонс, развивая идеи К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето и используя идеи кибернетики и системного анализа, предложил картину социальной реальности как сложной, саморегулирующейся системы. Важным аспектом этой картины были представления об открытости саморегулирующейся социальной системы и о ее воспроизводстве благодаря кодам социальной информации и управлению, учитывающему обратное влияние результатов деятельности на целостное состояние социальной системы.

Идеи открытости и процессуальности сложных системных объектов нашли свою дальнейшую разработку в 1960–1980-х годах. Эти разработки системной теории часто именуют концепциями кибернетики второго порядка. Здесь особое внимание уделялось взаимодействиям открытой системы и среды и операциям, которые обеспечивают воспроизводство системы.

В этом ключе чилийские нейрофизиологи Ф. Варела и У. Матурана развивали свою концепцию аутопоэзиса саморегулирующихся систем, согласно которой воспроизводство системы

осуществляется не за счет внешних воздействий, а посредством элементов (операций), произведенных в самой системе, внутренних для нее. Этот же подход Н. Луман применил при исследовании функциональной устойчивости социальных систем, предложив в качестве основных внутренних операций, обеспечивающих воспроизводство социальной системы, процессы коммуникации индивидов.

Все эти трансформации дисциплинарных онтологий и общенаучной картины мира были характерны для неклассической науки. Дальнейшее развитие этих представлений потребовало учета фактора эволюции. Наиболее очевидным это было по отношению к биологическим и социальным системам. Но предпосылки для нового видения складывались и в науках о неживой природе — физике, космологии и химии.

Категориальные структуры и картина мира в постнеклассической науке

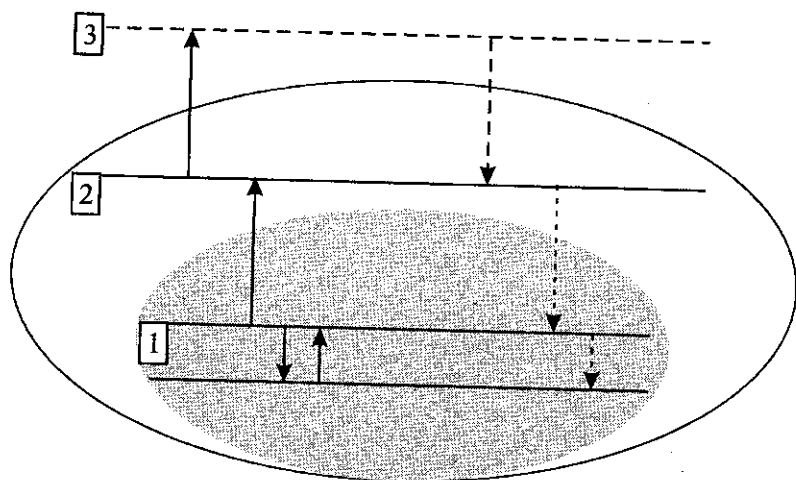
Идеи эволюции активно осваивались наукой уже в XIX столетии. XX век придал этим идеям новое измерение. От феноменологического описания эволюции был осуществлен переход к ее структурному описанию. Включение такого подхода в концепцию саморегулирующихся систем трансформировало ее в новую систему представлений. Эти представления можно интегрально охарактеризовать как переход к видению объектов исследования в качестве саморазвивающихся систем. В связи с этим важно провести различие саморегулирующихся и саморазвивающихся систем.

Концепция саморазвития включает представления о саморегуляции, но не сводится к ним. Саморазвивающиеся (исторически развивающиеся) системы представляют собой более сложный тип системной организации.

Этот тип системных объектов характеризуется развитием, в ходе которого происходит переход от одного вида саморегуляции к другому. Саморазвивающимся системам присуща иерархия уровневой организации элементов, способность порождать в процессе развития новые уровни. Причем каждый такой новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего систе-

ма обретает новую целостность. С появлением новых уровней организации система дифференцируется, в ней формируются новые, относительно самостоятельные подсистемы. Вместе с тем перестраивается блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей.

Все эти изменения структуры саморазвивающихся систем по мере появления в них новых уровней организации и перестройки их прежних оснований можно изобразить посредством следующей схемы.

1. Исходная саморегуляция.
2. Новый тип саморегуляции, основанный на трансформации предшествующих уровней иерархии системы.
3. Потенциально возможный уровень организации при продолжении развития системы как возможность нового типа саморегуляции.

На каждом этапе своей исторической эволюции саморазвивающаяся система сохраняет свою открытость, обмен веществом, энергией и информацией с внешней средой. Но характер этой открытости меняется со сменой типа самоорганизации, адаптирующей систему к окружающей среде. Изменения же типа самоорганизации — это качественные трансформации

системы. Они предполагают фазовые переходы. На этих этапах прежняя организованность нарушается, рвутся внутренние связи системы, и она вступает в полосу динамического хаоса.

На этапах фазовых переходов возникает спектр возможных направлений развития системы. В некоторых из них может произойти упрощение системы, ее разрушение и гибель в качестве сложной самоорганизации. Но возможны и сценарии возникновения новых уровней организации, переводящие систему в качественно новое состояние саморазвития.

Сегодня познавательное и технологическое освоение сложных саморазвивающихся систем начинает определять стратегию переднего края науки и технологического развития. К таким системам относятся биологические объекты, рассматриваемые не только в аспекте их функционирования, но и в аспекте развития; объекты современных нано- и биотехнологий и, прежде всего, генетической инженерии; системы современного проектирования, когда берется не только та или иная технико-технологическая система, но еще более сложный развивающийся комплекс: человек — технико-технологическая система, плюс экологическая система, плюс культурная среда, принимающая новую технологию, и весь этот комплекс рассматривается в развитии. К саморазвивающимся системам относятся современные сложные компьютерные сети, предполагающие диалог человек-компьютер, Всемирная паутина — Интернет. Наконец, все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем.

К исследованию таких систем во второй половине XX века вплотную подошла и физика. Долгое время она исключала из своего познавательного арсенала идею исторической эволюции. Но во второй половине XX века возникла иная ситуация. С одной стороны, развитие современной космологии (концепция Большого взрыва и инфляционная теория развития Вселенной) привело к идее становления различных типов физических объектов и взаимодействий. Появилось представление о возникающих в процессе эволюции различных видах элементарных частиц и их взаимодействий как результата расщепления некоторого исходного взаимодействия и последующей его дифференциации. С другой стороны, в разработку идеи эво-

люсионных объектов внесла свой вклад термодинамика неравновесных процессов (И. Пригожин) и синергетика. Взаимовлияние всех этих направлений исследования постепенно инкорпорирует в систему физического знания представления о самоорганизации и развитии.

Сложные саморазвивающиеся системы требуют для своего освоения особой категориальной сетки. Категории части и целого включают в свое содержание новые смыслы. При формировании новых уровней организации происходит перестройка прежней целостности и появление новых параметров порядка. Иначе говоря, необходимо, но недостаточно зафиксировать наличие системного качества целого. Следует дополнить это понимание идей изменения видов системной целостности по мере развития системы.

В сложных саморегулирующихся системах появляется новое понимание объектов как процессов взаимодействия. Представление о сложных системах как процессах постоянного обмена веществом, энергией и информацией с внешней средой, когда система воспроизводится в качестве своеобразного инварианта в варьируемых взаимодействиях, необходимо, но уже недостаточно. Усложнение системы в ходе развития, связанное с появлением новых уровней организации, выступает как смена одного инварианта другим, как процесс перехода от одного типа саморегуляции к другому. Возникают два смысла процессуальности объекта (системы). Эта процессуальность проявляется в двух аспектах: и как саморегуляция, и как саморазвитие, как процесс перехода от прежнего типа саморегуляции к новому.

Освоение саморазвивающихся систем предполагает новое расширение смыслов категории «причинность». Она связывается с представлениями о превращении возможности в действительность. Возникает целевая причинность, понятая в двух смыслах: во-первых, как характеристика саморегуляции и воспроизводства системы в устойчивых состояниях, когда сохранение главных системных параметров управляет поведением системы и ее реакцией на воздействие среды; во-вторых, как характеристика направленности развития. Эту направленность не следует толковать как фатальную предопределенность. Случайные флуктуации в фазе перестройки системы

(в точках бифуркации) формируют аттракторы, которые в качестве своего рода программ-целей ведут систему к некоторому новому состоянию и изменяют возможности (вероятности) возникновения других ее состояний.

Целевая причинность вводит новые смыслы в понимание вероятностных процессов и вероятностной причинности. В ходе развития меняются вероятностные меры. То, что было маловероятно в начальном состоянии развития, может стать более вероятным при формировании новых уровней организации.

Спектр направлений эволюции системы после возникновения аттракторов трансформируется, некоторые, ранее возможные направления становятся закрытыми. Появление нового уровня организации как следствия предшествующих причинных связей оказывает на них обратное воздействие, при котором следствие функционирует уже как причина изменения предшествующих связей. Понятие циклической причинности приобретает новый смысл в связи с изменением характера причинных связей.

Таким образом, для понимания и описания поведения саморазвивающихся систем необходимо расширение смыслов категории «причинность». Здесь применяются в ограниченном диапазоне и представления о строгой детерминации (лапласовская причинность), и вероятностная и циклическая причинность. Но для полноты понимания взаимодействий, как внутри системы, так и с внешней средой, требуется дополнить представления о причинных связях идеей целевой причинности. И это понимание трансформирует и конкретизирует применительно к развитию те смыслы детерминации, которые необходимы для освоения саморегулирующихся систем.

Применительно к саморазвивающимся системам выявляются и новые аспекты категорий пространства и времени. Нарастание системой новых уровней организации сопровождается изменением ее внутреннего пространства-времени. В процессе дифференциации системы и формирования в ней новых уровней возникают своеобразные «пространственно-временные окна», фиксирующие границы устойчивости каждого из уровней и горизонты прогнозирования их изменений.

Все эти изменения внутреннего пространства-времени системы в процессе развития выдвигают проблему выработки

адекватных средств ее математического описания. Идея оператора времени, высказанная И. Пригожиным, выступает одним из аспектов этой проблематики.

Категориальная матрица понимания и осмысления саморазвивающихся систем очерчивает пути синтеза достижений естественных, технических и социально-гуманитарных наук в рамках общенаучной картины мира.

Идеи и представления об эволюции основных сфер Универсума — неживой природы, живой природы и общества — составляют концептуальное ядро современной научной картины мира.

Во второй половине XX века в эту картину вошли представления о Большом взрыве и инфляционной Вселенной, о формировании в этом процессе основных элементарных частиц и их взаимодействиях, о появлении на определенных этапах развития Метагалактики звезд и галактик и формировании в процессе космической эволюции атомов, молекул, макротел, планет и планетных систем. Все эти уровни организации материи предстали как результат усложнения и дифференциации Метагалактики в ходе ее развития от Большого взрыва до наших дней.

На определенном этапе этого развития формируются структурные уровни живой природы. В истории земной биоты (а это пока единственный известный науке вариант жизни) формирование уровней организации живой материи происходило как дифференциация, усложнение и качественное изменение биосферы. Каждый из известных сегодня уровней живого возник в процессе ее эволюции (первичные генетические коды РНК и ДНК и доклеточный уровень жизни, клетка и одноклеточные организмы, многоклеточные организмы, популяции и виды, биогеоценозы). Возникновение каждого из них направляло развитие в определенное русло, формировало новые типы саморегуляции биологических систем.

В свою очередь усложнение и развитие биосферы создало на определенном этапе предпосылки для особого типа эволюции — становления и развития человеческого общества.

Все эти три сферы эволюции мироздания в современной научной картине мира рассматриваются как связанные между собой этапы развивающейся Вселенной. Такое видение именуют

глобальным или универсальным эволюционизмом. Но само это понятие нуждается в уточнении с учетом формирования постнеклассической рациональности.

Идеи эволюции активно развивались и в рамках классической науки (концепция Лайеля в геологии, космогоническая гипотеза Канта–Лапласа, концепция формирования биологических видов Ламарка и Кювье, теория Дарвина). Но современный глобальный эволюционизм иначе рассматривает развитие. Он соединяет идеи эволюции и системного подхода в той его версии, основой которой являются представления о сложных саморазвивающихся системах.

Современная общенаучная картина мира по существу уже реализует такой подход. И это позволяет оценить ее как феномен постнеклассической науки. Однако здесь требуется еще одно уточнение. Дело в том, что системные исследования 1960–1980-х годов, обозначаемые термином «системный подход», сосредоточивались на анализе особенностей сложных саморегулирующихся систем. Но, как мы уже видели, представления о саморегуляции, хотя и выступают важным аспектом концепции саморазвития, еще не обеспечивают полноты ее понимания. С этих позиций можно конкретизировать идею универсального (глобального) эволюционизма, обозначая в качестве его основы представление о саморазвивающихся системах.

Саморазвитие характеризует в этой картине не только Вселенную как целое. Каждая отдельная подсистема мироздания также предстает в качестве саморазвивающейся системы. Это относится и к представлениям о природе, выраженным в естественно-научной картине мира, и к представлениям об обществе, репрезентированным картиной социальной реальности.

Сегодня уже можно констатировать, что представления о саморазвивающихся системах постепенно становятся доминирующими образами предметов как социально-гуманитарных, так и естественных наук. Такие представления выступают, с одной стороны, своеобразной схемой синтеза знаний при включении в общенаучную картину мира наиболее значимых результатов различных дисциплин. С другой стороны, они выступают ядром исследовательской программы, в качестве которой функционирует научная картина мира по отношению к эмпирическим и теоретическим исследованиям конкретных наук.

Развитие современной научной картины мира на путях универсального эволюционизма выдвигает ряд новых проблем, постановка и интерпретация которых регулируются представлениями о саморазвивающихся системах.

Можно выделить две основные проблемные ситуации, которые порождены подходом универсального эволюционизма. Первая из них касается осмысления закономерностей фазовых переходов, когда усложнение системы меняет тип ее саморегуляции. Вторая относится к постановке вопроса о памяти системы, ее способности накапливать выделенную информацию о предыдущих воздействиях и избирательно реагировать на последующие.

Качественные изменения систем в процессе развития — факт, уже давно зафиксированный в философии и науке. Но динамика самого процесса качественных трансформаций требует особого исследования. В свое время Гегель описывал его в терминах перехода количественных изменений в качественные при нарушении меры (в последующем этот философский принцип был сформулирован как один из законов диалектики). Процесс перехода в новое качество характеризовался как «скачок», «перерыв постепенности» в развитии. В науке этот процесс обозначался термином «фазовый переход». Однако внутренняя динамика стадии «скачка», как правило, не была предметом специального анализа. Для этого не было соответствующих концептуальных средств. Ситуация изменилась с разработкой динамики неравновесных систем и синергетики.

Процесс качественного перехода был рассмотрен как стадия динамического хаоса, и закономерности поведения системы на этой стадии стали предметом специального анализа в терминах нелинейной динамики и синергетики. Были выяснены многие существенные характеристики динамического хаоса как состояния саморазвивающихся систем (особенности формирования аттракторов в нелинейной среде, режимы с обострением, возникновение в точках бифуркации множества вероятных сценариев развития и изменения этих вероятностей с формированием аттракторов, фрактальные размерности как характеристика пространства–времени системы и их изменения, роль кооперативных эффектов в становлении порядка из хаоса и т. п.).

Математическое описание ряда этих особенностей характеризовало поведение широкого спектра сложных самоорганизующихся систем от физических до экономических и социальных.

Выработанные синергетикой концептуальные средства создают новые возможности анализа уже давно очерченных проблем эволюционной парадигмы. Это проблемы состыковки с позиций глобального эволюционизма трех основных блоков современной научной картины мира — представлений о развитии неживой природы, живой природы и общества.

Предлагаемая синергетикой концептуальная матрица фазовых переходов включается в процесс решения этих проблем. Здесь, конечно, следует иметь в виду и ограниченности синергетического описания фазовых переходов. Синергетика акцентирует холистское видение саморазвивающихся систем, выделяя общие черты, характеризующие их поведение на стадии динамического хаоса. Поэтому синергетический подход должен быть конкретизирован применительно к специфике каждого такого перехода, дополнен анализом особенностей взаимодействия элементов системы при порождении нового уровня организации.

Одной синергетики недостаточно, чтобы решить кардинальные проблемы происхождения жизни и социума. Но сегодня привлечение ее средств при решении данных проблем уже необходимо.

Воспроизводство и развитие сложных самоорганизующихся систем остро ставит проблему информации и управления как имманентных характеристик системы. Для саморазвивающихся систем характерно избирательное реагирование на воздействие среды, сообразно «опыту» их предшествующих взаимодействий.

Применительно к биологическим системным объектам эти особенности предполагают наличие генетической информации, закрепляемой в генетических кодах (ДНК, РНК). Применительно к обществу и его подсистемам эту функцию выполняет культура. Ее можно рассматривать как сложно организованную систему надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, которые закреплены в многообразии социокодов.

Но тогда возникает проблема: можно ли найти аналоги информационных кодов в сложных системах неживой природы.

Достижения физики и химии конца XX — начала XXI века свидетельствуют о вполне уместной постановке этой проблемы. В современной химии объектами исследования все чаще становятся самоорганизующиеся химические реакции (типа реакции Белоусова–Жаботинского). Как отмечал А. Баблянец, вдали от равновесия сложные системы химических реакций обнаруживают свойства «памяти», выбирая в зависимости от состояний внешней среды определенные типы устойчивых состояний из множества возможных¹. «При удалении от состояния химического равновесия, — пишет А. Баблянец, — химические реакции “оживают”. Они “чувствуют” время, распространяют информацию, различают прошлое и будущее, правую и левую стороны»².

В исследованиях Д. С. Чернавского показано, что в сложных неравновесных физических системах возможность самоорганизации связана с генерацией информации. Д. С. Чернавский предложил обобщенную модель генерации ценной информации в развивающихся системах, включая процессы самоорганизации в неживой природе³.

Разумеется, информационные процессы в развивающихся системах усложняются при переходе от неживой к живой природе и к обществу. Но обнаружение и исследование предпосылок генезиса биологической и социальной информации выступает одним из важнейших аспектов дальнейшей разработки представлений о саморазвивающейся Вселенной.

Идеалы и нормы исследования и философские основания науки в разных типах научной рациональности

Освоение каждого нового типа системных объектов требует особой структуры операций и средств познавательной деятельности. Особенности этих операций и средств выражает

¹ Баблянец А. Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи. М., 1990. С. 189.

² Там же. С. 190.

³ См.: Чернавский Д. С. Синергетика и информация. Динамическая теория информации. М., 2001. Гл. 3.

интерпретация идеалов и норм науки. В их содержании есть несколько пластов смыслов.

Первый пласт представлен признаками, которые отличают науку от других форм познания (обыденного, стихийно-эмпирического освоения мира и т. п.). Например, в разные исторические эпохи по-разному понималась природа научного знания, процедуры его обоснования и стандарты доказательности. Но то, что научное знание отлично от мнения, что оно должно быть обосновано и доказано, что наука не может ограничиваться непосредственными констатациями явлений, а должна раскрыть их сущность, — все эти нормативные требования выполнялись и в античной, и в средневековой науке, и в науке нашего времени. Идеал роста знания (накопления нового объективного знания) также принимался на разных этапах развития науки.

Если общенаучный аспект (пласт смыслов) идеалов и норм исследования фиксирует общие признаки научной рациональности, то второй пласт смыслов конкретизирует эти признаки применительно к одному из типов рациональности (классической, неклассической или постнеклассической).

Наконец, третий пласт смыслов еще раз конкретизирует первый и второй аспекты применительно к специфике той или иной научной дисциплины с учетом особенностей этапа ее исторического развития. Например, в физике идеалом и нормой теоретического знания выступает его математизация, в гуманитарных науках эта норма пока не принята, хотя в обоих случаях видение предмета исследования на современном этапе может быть ориентировано образами саморазвивающейся системы.

Все три пласта смыслов идеалов и норм науки в реальной исследовательской практике, как правило, сплавлены друг с другом. Исследователь обычно полагает, что те аспекты интерпретации идеалов и норм, в которых выражен тип рациональности, доминирующий на определенном этапе истории науки, является единственно возможным условием объективности познания.

Эти убеждения начинают пересматриваться в эпоху, когда новый тип систем, осваиваемых наукой, требует переосмысления прежней интерпретации идеалов и норм исследования. Ситуации такого пересмотра эксплицируют второй критерий типов рациональности, связанный с пониманием идеалов

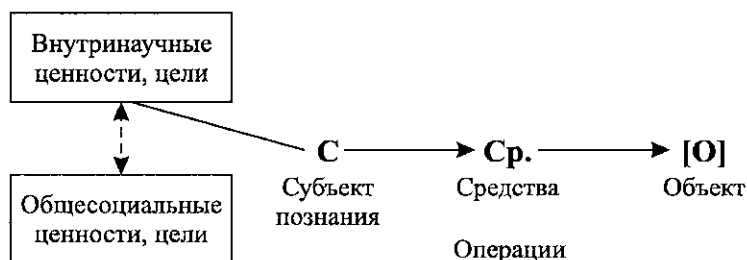
и норм объяснения и описания, доказательности и обоснования, строения и построения знаний.

*От классической к неклассической науке:
трансформация идеалов и норм исследования*

На этапе классической науки доминировал идеал, согласно которому объяснение и описание должны включать только характеристики объекта. Ссылки на ценностно-целевые структуры познания, на особенности средств и операций деятельности согласно классическим нормам не должны фигурировать в процедурах описания и объяснения. Отклонение от этих норм воспринималось как отказ от идеала объективности знания.

Эту свойственную классической науке интерпретацию идеалов и норм объяснения и описания можно изобразить посредством следующей схемы.

Классическая рациональность

Процедура объяснения в классической науке была адаптирована к представлениям об объектах как простых системах. Каузальное объяснение интерпретировалось с позиций лапласовского детерминизма как поиск причин, жестко и однозначно порождающих следствия. Вероятностные процессы истолковывались как результат действия скрытых детерминант. Сами же каузальные объяснения в период господства механической картины мира соединялись с представлениями о различных типах сил, которые рассматривались в качестве причины изменения тел и их состояний¹.

¹ По аналогии с механическими силами (субстанциональными носителями которых рассматривались неделимые корпускулы и построенные из них тела), в XVIII столетии в научную картину мира были включены представления

Особое истолкование на стадии классической науки получили идеалы и нормы обоснования знаний. В качестве главных требований обоснования теории выдвигалось два принципа: подтверждение теории опытом и очевидность (наглядность) ее фундаментальных постулатов.

Идеалом было построение абсолютно истинной картины мира и теорий, точно и однозначно соответствующих объекту. Полагалось, что из двух альтернативных теоретических описаний одной и той же области опыта истинным может быть только одно.

Специфические интерпретации были приданы далее идеалам и нормам строения и построения знаний. Основным методом построения теории полагалось обобщение опытных фактов.

Представление о том, что в фундаменте теории должны содержаться очевидные и наглядные принципы, предполагало особую стратегию теоретического исследования. Хотя на этапе классической науки в ее методологической рефлексии не проводилось четкого различия между научной картиной мира и связанными с ней конкретными теоретическими моделями, условием построения таких моделей предполагалось предварительное формирование обоснованной опытом научной картины мира. Ее описание как раз и представало в виде набора онтологических постулатов, которые должны восприниматься как очевидное и наглядное обобщение опыта.

Определенные предпосылки изменения идеалов и норм классической рациональности обозначились в науке XIX столетия. Возникновение дисциплинарной организации науки лишило механическую картину мира общенаучного статуса. Соответственно проблематизировались связанные с ней интерпретации идеалов и норм исследования. В биологии постепенно укоренялись эволюционные представления и идеалы эволюционного объяснения. Возникновение и развитие социально-гуманитарных наук, вначале ориентировавшихся на методологию механистической парадигмы, также характеризовалось парадигмальным сдвигом в понимании познава-

о теплороде как невесомой субстанции — носителя «тепловых сил», об электрическом и магнитном флюидах как носителях электрических и магнитных сил. Химические элементы трактовались как особые субстанции — «носители сил химического сродства», в биологии была выдвинута гипотеза «нервного флюида» (Ламарк) как одного из носителей «жизненных сил».

тельных идеалов и норм. Уже в позднем творчестве О. Конта достаточно отчетливо прослеживается подход к анализу общества не как механической, а как сложной органической системы. Эту идею разрабатывал затем Спенсер, предложив картину эволюции, в которой общество рассматривалось как аналог развивающегося организма. Это была первая, хотя во многих своих аспектах гипотетическая попытка представить объекты и природы, и общества как сложные организованности, подверженные эволюции. Такой подход в принципе проблематизировал идеалы классической науки в ее механистической версии.

Развитие математики и физики XIX столетия также поставило под сомнение некоторые методологические установки классической рациональности. Открытие неевклидовых геометрий продемонстрировало ограниченность требований наглядности и очевидности постулатов теории. Переформулировка пятого постулата Евклида и введение альтернативного постулата, согласно которому существует не одна, а множество прямых, параллельных данной прямой, были отнюдь не очевидными идеями, но именно они привели к созданию геометрии Лобачевского–Бойяи и открыли пути к дальнейшей разработке неевклидовых геометрий.

Развитие физики в XIX столетии обозначило неадекватность идеала единственно возможной истинной теории. Обнаружилось, что в альтернативных теоретических описаниях одной и той же области опыта могут содержаться общие для них элементы истинного знания. Законы феноменологической термодинамики, сформулированные с опорой на концепцию теплорода, не были отброшены при построении молекулярно-кинетической теории теплоты, а включены в новую теорию с изменением интерпретации. Аналогично, законы электродинамики Ампера–Вебера, переформулированные Максвеллом в терминах полевых представлений, были включены в созданную им теорию электромагнитного поля, которая по отношению к электродинамике Ампера–Вебера выступала альтернативным теоретическим описанием явлений электричества и магнетизма.

Все эти идеи XIX века еще не привели к пересмотру доминирующего статуса классической рациональности, но были

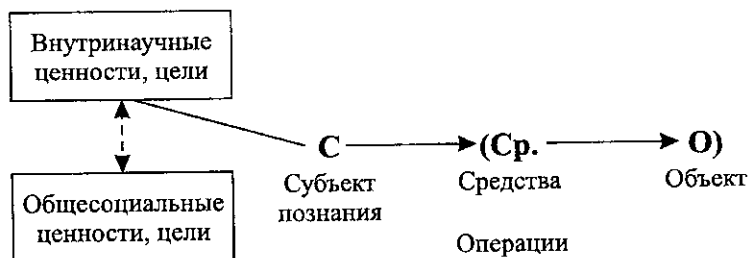
прелюдией, начальным этапом перехода от классической к неклассической системе познавательных идеалов и норм. Завершающий этап этого перехода выпал на конец XIX — первую половину XX века.

В эту эпоху происходит своеобразная цепная реакция революционных перемен в различных областях знания: в математике (обнаружение парадоксов теории множеств и новая разработка этой теории, создание конструктивной математики); в физике (открытие делимости атома, становление релятивистской и квантовой теории); в космологии (концепция нестационарной Вселенной); в химии (квантовая химия); в биологии (становление генетики); в междисциплинарных исследованиях (возникновение кибернетики и теории систем).

В процессе всех этих революционных преобразований формировались идеалы и нормы новой, неклассической науки. Они характеризовались отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теорий и картины мира, выработанной на том или ином этапе развития науки. В противовес идеалу единственно истинной теории, «фотографирующей» исследуемые объекты, укореняется норма, допускающая альтернативные теоретические описания одной и той же реальности, в каждом из которых может содержаться момент объективно-истинного знания. Осмысливаются корреляции между онтологическими постулатами науки и характеристиками метода, посредством которого осваивается объект. В связи с этим принимаются такие типы объяснения и описания, которые в явном виде содержат ссылки на средства и операции познавательной деятельности. Наиболее ярким образцом такого подхода выступали идеалы и нормы объяснения, описания и доказательности знаний, утвердившиеся в квантово-релятивистской физике. Если в классической физике идеал объяснения и описания предполагал характеристику объекта «самого по себе», без указания на средства его исследования, то в квантово-релятивистской физике в качестве необходимого условия объективности объяснения и описания выдвигается требование четкой фиксации особенностей средств наблюдения, которые взаимодействуют с объектом (классический способ объяснения и описания может быть представлен как идеализация, рациональные моменты которой обобщаются в рамках нового подхода).

Эти особенности неклассического объяснения и описания схематично можно изобразить посредством следующей схемы.

Неклассическая рациональность

В неклассической науке изменяются идеалы и нормы доказательности и обоснования знания. В отличие от классических образцов, обоснование теорий в квантово-релятивистской физике предполагало экспликацию операциональной основы вводимой системы понятий (принцип наблюдаемости), а также выяснение связей между новой и предшествующими ей теориями (принцип соответствия).

Требование наглядности принципов теории уже не включается в состав идеалов неклассической науки. Оно заменяется новым идеалом, который А. Эйнштейн сформулировал как идеал «внутреннего совершенства теории». Он означает, что теория на основе небольшого числа принципов должна объяснять расширяющийся массив разнородных явлений, связывая в единой системе теоретического описания и объяснения и такие области опыта, которые могли казаться несовместимыми до создания теории. Наглядность и очевидность теоретических принципов здесь не обязательны. Они выступают лишь частным случаем идеала «внутреннего совершенства».

Принцип обоснования теории опытом сохраняется как нормативное требование, но он уже не сводится к трактовке подтверждаемости опытными фактами предсказаний теории, а дополняется идеей операционального контроля за ее фундаментальными принципами. Такой контроль предполагает выявление идеализированной схемы деятельности (в случае физики — схемы экспериментально-измерительных процедур), коррелятивно которой вводятся фундаментальные

представления и принципы теории. Например, в специальной теории относительности преобразовании Лоренца и их следствия об относительности пространственных и временных интервалов обосновывались как характеристика физической реальности путем анализа схемы пространственно-временных измерений, предполагающих процедуру синхронизации часов в инерциальных системах отсчета.

В квантовой механике соотношение неопределенностей координаты и импульса обосновывалось посредством мысленного эксперимента В. Гейзенберга, в рамках которого рассматривалось поведение электрона при его столкновении с фотоном (вариант идеализированной схемы квантово-механических экспериментов, основой которых являются ситуации рассеяния одних микрочастиц на другие).

Фундаментальный для квантовой механики принцип дополнительности Н. Бора в явном виде представлял собой идеализированную схему экспериментально измерительных процедур, посредством которых выявлялись объективные характеристики квантовых систем. Особенности таких систем состоят в том, что процедуры измерения импульсно-энергетических и пространственно-временных величин несовместимы, но обе необходимы как дополнительные для полноты описания.

Соотнесенность схемы деятельности и выявляемых в ее рамках фундаментальных характеристик исследуемой реальности была и в классической науке. Только там она выступала в скрытом виде. Доминирующими оставались представления прямолинейного онтологизма. Но если с позиций неклассической рациональности проанализировать классические онтологии, то в них также обнаруживается корреляция онтологических постулатов с определенной схемой деятельности.

В механической картине мира представления об абсолютном пространстве и времени неявно были связаны с такой схемой измерения, которая допускала мгновенную передачу сигналов (принцип дальнего действия) из одной системы отсчета в другую. Эта идеализация, пренебрегающая конечной скоростью распространения взаимодействий, была допустима лишь в том случае, когда исследовались взаимодействия, протекающие в диапазоне скоростей, значительно меньших скорости света (как предельно возможной скорости распространения

сигналов). Тогда можно было полагать передачу сигналов из одной системы отсчета в другую практически мгновенной. При изучении механических процессов такое допущение не создавало принципиальных трудностей. Но они возникали при изучении электромагнитных взаимодействий, которые протекают с околосветовыми и световыми скоростями. Устранение этих трудностей было достигнуто только благодаря созданию теории относительности.

Операциональные схемы можно обнаружить в дисциплинарных онтологиях не только физики, но и других наук, в том числе и возникших в эпоху доминирования классической рациональности.

В картине биологического мира, утвердившейся благодаря успехам теории Дарвина, была операциональная основа представлений об образовании видов путем естественного отбора. Это была схема практики искусственного отбора. Что же касается современной биологии, то в ней благодаря развитию генетической инженерии стали укореняться новые концепции эволюции, в которых видообразование связывается с горизонтальным переносом генетического материала, а идея дифференциации единого корня эволюции дополняется идеей сетей взаимодействия. Новая операциональная сетка в этом случае определяет новые границы конструирования картины исследуемой реальности.

В неклассической науке радикально изменяются классические интерпретации идеалов и норм построения знаний. Господствующие в классической науке стратегии теоретического поиска, когда построению теории предшествует формирование обоснованной опытом картины мира, сохраняются только в ограниченном диапазоне познавательных ситуаций. Возникает принципиально новый, альтернативный классическому способ построения теории. Он основан на выдвижении гипотез в ситуациях, когда создание новой дисциплинарной онтологии (специальной научной картины мира) находится в начальной, зародышевой стадии, а окончательное ее построение осуществляется вместе с завершающим этапом создания новой теории. В неклассической физике этот способ связан с применением метода математической гипотезы. В новой стратегии создаваемый математический аппарат вначале получает

эмпирическую интерпретацию, а его семантическая интерпретация, связанная с экспликацией его онтологического смысла, формируется вместе с перестройкой картины мира, которая создается под влиянием идей новой теории и в контексте ее построения.

Создание теории относительности было первым образцом такой стратегии. Преобразования Лоренца, введенные с целью обеспечить ковариантность уравнений Максвелла, были математической гипотезой, которая нуждалась в эмпирической интерпретации. Эта интерпретация была найдена А. Эйнштейном и обеспечила физический смысл следствий из преобразований Лоренца об относительности пространственных и временных интервалов. В свою очередь обоснование этих следствий привело к радикальной перестройке ранее сложившейся электродинамической картины мира. Из нее были элиминированы мировой эфир и абсолютное пространство–время. Это было началом перестройки классических представлений о пространстве и времени. Последующий этап этой перестройки был связан с работами Г. Минковского, который предложил формулировку теории относительности в терминах четырехмерного пространства–времени. В физическую картину мира было включено представление о пространственно-временном континууме. Его существенной характеристикой выступает инвариантность пространственно-временного интервала при изменениях отдельно пространственного и отдельно временного интервалов в различных инерциальных системах отсчета.

Новая система познавательных идеалов и норм обеспечивала значительное расширение поля исследуемых объектов, открывая пути к освоению сложных саморегулирующихся систем.

Нормативные структуры исследования в постнеклассической науке

В современную эпоху мы являемся свидетелями новых радикальных изменений в структуре идеалов и норм науки. Эти изменения выступают важнейшим аспектом становления постнеклассической рациональности.

Интенсивное применение научных знаний практически во всех сферах социальной жизни, революция в средствах

хранения и получения знаний (компьютеризация науки, появление сложных и дорогостоящих приборных комплексов, которые обслуживают исследовательские коллективы и функционируют аналогично средствам промышленного производства и т. д.), меняют характер научной деятельности.

Наряду с дисциплинарными исследованиями на передний план все чаще выдвигаются междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности. Классическая, в определенной степени неклассическая наука были ориентированы прежде всего на постижение изолированного фрагмента действительности, выступавшего в качестве предмета той или иной научной дисциплины. Дисциплинарные исследования доминировали, хотя и дополнялись междисциплинарными. Что же касается специфики современной науки конца XX — начала XXI века, то ее определяют комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты различных областей знания. Организация таких исследований во многом зависит от определения приоритетных направлений, их финансирования, подготовки кадров и др. В самом же процессе определения научно-исследовательских приоритетов наряду с собственно познавательными целями все большую роль начинают играть цели экономического и социально-политического характера.

Реализация комплексных программ порождает особую ситуацию сращивания в единой системе деятельности теоретических и экспериментальных исследований, прикладных и фундаментальных знаний, интенсификации прямых и обратных связей между ними.

В междисциплинарных исследованиях наука, как правило, сталкивается с такими сложными системными объектами, которые в отдельных дисциплинах зачастую изучаются лишь фрагментарно, поэтому эффекты их системности могут быть вообще не обнаружены при узкодисциплинарном подходе, а выявляются только при синтезе фундаментальных и прикладных задач в проблемно-ориентированном поиске.

Объектами современных междисциплинарных исследований все чаще становятся системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием. Деятельность с такими системами требует принципиально новых стратегий. Взаимодействие

с ними человека протекает таким образом, что само человеческое действие не является чем-то внешним, а как бы включается в систему, видоизменяя каждый раз поле ее возможных состояний.

На этапе фазовых переходов в точках бифуркации возникает спектр возможных сценариев развития системы. Какой из них реализуется, зависит от условий взаимодействия системы со средой. И если мы своими действиями создаем определенные условия, при которых обменные процессы со средой порождают странные аттракторы, которые втягивают систему в определенное русло развития, то можно считать, что мы сконструировали эти процессы своей деятельностью. Но можно рассматривать эти же процессы как естественные, как выражающие сущностные особенности развивающегося объекта. Ведь система так устроена, что реализация одного из возможных сценариев развития выступает как условие и характеристика бытия системы, как выражение ее природы. И если мы своей деятельностью направили развитие системы по определенному руслу, то это одновременно и искусственное, и естественное. Жесткие грани между ними стираются. Искусственное предстает как вариант естественного.

В процессе деятельности с развивающимися системами возникает проблема выбора некоторой линии развития из множества возможных путей эволюции системы. Причем сам этот выбор необратим и чаще всего не может быть однозначно просчитан.

Ориентация современной науки на исследование сложных исторически развивающихся систем существенно перестраивает идеалы и нормы исследовательской деятельности. Историчность системного комплексного объекта и вариабельность его поведения предполагают широкое применение особых способов описания и предсказания его состояний — построение сценариев возможных линий развития системы в точках бифуркации. С идеалом строения теории как аксиоматически-дедуктивной системы все больше конкурируют теоретические описания, основанные на применении метода аппроксимации, теоретические схемы, использующие компьютерные программы, и т. д. В естествознание начинает все шире внедряться идеал исторической реконструкции, которая выступает особым типом тео-

ретического знания, ранее применявшимся преимущественно в гуманитарных науках (истории, археологии, историческом языкознании и т. д.).

Образцы исторических реконструкций можно обнаружить не только в дисциплинах, традиционно изучающих эволюционные объекты (биология, геология), но и в современной космологии и астрофизике: современные модели, описывающие развитие Метагалактики, могут быть расценены как исторические реконструкции, посредством которых воспроизводятся основные этапы эволюции этого уникального исторически развивающегося объекта.

Изменяются представления и о стратегиях эмпирического исследования. Идеал воспроизводимости эксперимента применительно к развивающимся системам должен пониматься в особом смысле. Если эти системы типологизируются, то есть если можно проэкспериментировать над многими образцами, каждый из которых может быть выделен в качестве одного и того же начального состояния, то эксперимент даст один и тот же результат с учетом вероятностных линий эволюции системы.

Но кроме тех развивающихся систем, которые образуют определенные классы объектов, существуют еще и уникальные исторически развивающиеся системы. Эксперимент, основанный на энергетическом и силовом взаимодействии с такой системой, в принципе не позволит воспроизводить ее в одном и том же начальном состоянии. Сам акт первичного «приготовления» этого состояния меняет систему, направляя ее в новое русло развития, а необратимость процессов развития не позволяет вновь воссоздать начальное состояние. Поэтому для уникальных развивающихся систем требуется особая стратегия экспериментального исследования. Их эмпирический анализ осуществляется чаще всего методом вычислительного эксперимента на ЭВМ, что позволяет выявить разнообразие возможных структур, которые способна породить система.

Среди исторически развивающихся систем современной науки особое место занимают природные комплексы, в которые включен в качестве компонента сам человек. Примерами таких «человекообразных» комплексов могут служить медико-биологические объекты, объекты экологии, включая биосферу в целом (глобальная экология), объекты

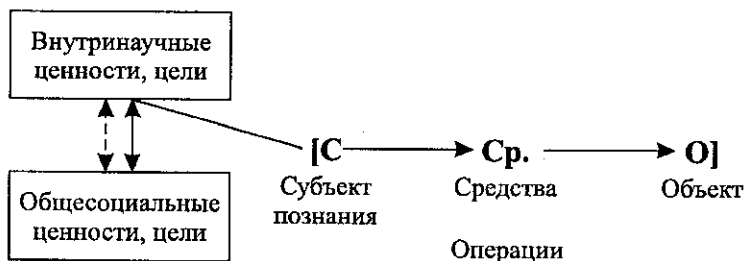
биотехнологии (в первую очередь генетической инженерии), системы «человек–машина» (включая сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта) и т. д.

При изучении «человекообразных» объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности. С системами такого типа нельзя свободно экспериментировать. В процессе их исследования и практического освоения особую роль начинает играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия.

В связи с этим трансформируется идеал ценностно-нейтрального исследования. Объективно истинное объяснение и описание применительно к «человекообразным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с внеучеными ценностями общесоциального характера. В современных программно-ориентированных исследованиях эта экспликация осуществляется при социальной экспертизе программ. При изучении человекообразных систем исследователю приходится решать ряд проблем этического характера, определяя границы возможного вмешательства в объект. Внутренняя этика науки, стимулирующая поиск истины и ориентацию на приращение нового знания, постоянно соотносится в этих условиях с общегуманистическими принципами и ценностями.

Эти трансформации идеалов и норм объяснения и описания можно изобразить в следующей схеме.

Постнеклассическая рациональность

Трансформация философских оснований науки как индикатор нового типа рациональности

Развитие методологических установок и представлений об исследуемых объектах приводит к существенной модернизации философских оснований науки. Эти модернизации выступают особым критерием различения типов рациональности.

Предварительно следует прояснить структуру философских оснований науки и их функции в исследовательской деятельности.

Как правило, в фундаментальных областях исследования развитая наука имеет дело с объектами, еще не освоенными ни в производстве, ни в обыденном опыте (иногда практическое освоение таких объектов осуществляется даже не в ту историческую эпоху, в которую они были открыты). Для обыденного здравого смысла эти объекты могут быть непривычными и непонятными. Знания о них и методы получения таких знаний могут существенно не совпадать с нормативами и представлениями о мире обыденного познания соответствующей исторической эпохи. Поэтому научные картины мира (схема объекта), а также идеалы и нормативные структуры науки (схема метода) не только в период их формирования, но и в последующие периоды перестройки нуждаются в своеобразной стыковке с господствующим мировоззрением той или иной исторической эпохи, с базисными ценностями ее культуры.

Включение научного знания в культуру предполагает его философское обоснование. Оно осуществляется посредством философских идей и принципов, которые обосновывают идеалы и нормы и онтологические постулаты науки. Показательными примерами в этом отношении могут служить: обоснование Фарадеем материального статуса электрических и магнитных полей ссылками на принцип единства материи и силы; боровское обоснование нормативов квантово-механического описания философскими рассуждениями о статусе наблюдателя и принципиальной макроскопичности приборов и т. п.

В философские основания науки входят также философские идеи и принципы, которые обеспечивают перестройку нормативных структур науки и картин реальности, а затем применяются для обоснования полученных результатов — новых онтологий и новых представлений о методе. Но совпадение

философской эвристики и философского обоснования не является обязательным. Может случиться, что в процессе формирования новых представлений исследователь использует одни философские идеи и принципы, а затем развитые им представления получают другую философскую интерпретацию, и только так они обретают признание и включаются в культуру. Таким образом, философские основания гетерогенны.

Философские основания науки не следует отождествлять с общим массивом философского знания. Из большого поля философской проблематики и вариантов ее решений, возникающих в культуре каждой исторической эпохи, наука использует в качестве обосновывающих структур лишь некоторые идеи и принципы. Философия не является только рефлексией над наукой. Она — рефлексия над основаниями всей культуры. В ее задачу входит анализ под определенным углом зрения не только науки, но и других аспектов человеческого бытия — анализ смысла человеческой жизни, обоснование желательного образа жизни и т. д. Обсуждая и решая эти проблемы, философия вырабатывает и такие категориальные структуры, которые могут быть использованы в науке.

Нетождественность философских оснований науки всему многообразию идей, возникающих при разработке мировоззренческой проблематики в сфере философского познания, означает, что философия в целом обладает определенной избыточностью содержания по отношению к запросам науки каждой исторической эпохи. При решении философией мировоззренческих проблем вырабатываются не только те наиболее общие идеи, принципы и категориальные смыслы, которые являются предпосылкой освоения объектов на современной ей стадии развития науки, но и формируются категориальные схемы, значимость которых для науки обнаруживается лишь на будущих этапах эволюции познания.

Формирование и трансформация философских оснований науки требуют не только философской, но и специальной научной эрудиции исследователя (понимания им особенностей предмета соответствующей науки, ее традиций, образцов деятельности и т. п.). Философские основания науки формируются путем отбора и последующей адаптации идей, выработанных в философском анализе, к потребностям определенной

области научного познания, что приводит к конкретизации исходных философских идей, их уточнению, возникновению новых категориальных смыслов, которые после вторичной рефлексии эксплицируются как новое содержание философских категорий. Весь этот комплекс исследований на стыке между философией и конкретной наукой осуществляется совместно философами и учеными-специалистами в данной науке. В историческом развитии естествознания особую роль в разработке проблематики, связанной с формированием и развитием философских оснований науки, сыграли выдающиеся естествоиспытатели, соединившие в своей деятельности конкретно-научные и философские исследования (Р. Декарт, И. Ньютон, Г. Лейбниц, А. Эйнштейн, Н. Бор, Н. Винер, В. И. Вернадский и др.).

При подходе к каждому новому типу научной рациональности преобразуются как онтологический аспект философских оснований науки (категориальная сетка, определяющая понимание и осмысление каждого нового типа системных объектов), так и их эпистемологический аспект (обеспечивающий обоснование соответствующей системы идеалов и норм исследования). Оба аспекта инкорпорированы в систему познавательных отношений человека к миру, реализующихся в форме научного исследования. Само же это отношение суть деятельность познания, в которой субъект и объект выступают как два взаимосвязанных полюса деятельности.

Та или иная структура философских оснований определена пониманием познавательной деятельности.

В классическую эпоху в науке доминировали образы познания как наблюдения за объектом и выявления его сущностных связей. Здесь была выражена свойственная науке установка на исследование объектов и их закономерностей. Но вместе с тем была представлена особая интерпретация познающего субъекта и его познавательных действий. Субъект определялся в качестве разума, способного раскрыть тайны бытия, при этом разум наделялся статусом суверенности. В идеале он трактовался как дистанцированный от объектов, со стороны наблюдающий и исследующий их. Результаты познания полагались не детерминированными никакими предпосылками, кроме свойств и характеристик изучаемых объектов.

В классическую эпоху объективность знания связывалась с представлениями о своеобразном параллелизме между мышлением и познаваемой действительностью. Считалось, что логика разума тождественна логике мира и что если очистить разум от предрассудков обыденной жизни и ограничений наличных форм деятельности, то в идеале понятия и представления, вырабатываемые разумом, должны адекватно соответствовать изучаемой действительности.

Эта парадигма была здравым смыслом ученого эпохи классической рациональности. Ее обоснование было дано в трудах философов и великих ученых еще в период становления естествознания (Ф. Бэкон, Г. Галилей, Р. Декарт, И. Ньютон).

Конечно, в эпоху Декарта и Ньютона, как и в современную эпоху, научное познание было особым типом деятельности, предполагающим активное воздействие субъекта на познаваемый объект. Познающий субъект не со стороны созерцает мир, а находится внутри него. В своих познавательных целях и ценностях, в возможностях вычленения тех или иных фрагментов и аспектов мира в качестве предметов познания субъект определен уровнем исторического развития средств познания, состоянием культуры своей эпохи, ее базисными ценностями. Он формируется и воспроизводится в исторически определенном типе социокультурных связей.

Так было во все эпохи. Но не во все эпохи это осознавалось исследователем. Классика не включала в сферу рефлексии субъекта над научным познанием деятельностную природу и социокультурную детерминацию этого познания. Она ограничилась только первым и самым общим уровнем рефлексии над познавательной деятельностью — ее видению как разделенной на объект, подлежащий исследованию, и на субъект, осуществляющий познавательные действия. Все, что обеспечивает связь субъекта с объектом, что позволяет выделить объект из мира и превратить его в предмет исследования, не попадало в поле рефлексивного анализа. Этот уровень рефлексии был достаточен для того чтобы исследовать объекты, относящиеся к классу простых систем.

Неклассическая наука предполагает более глубокий уровень рефлексии над познавательной деятельностью. Она обнаруживает, что между разумом и познаваемой действительностью всегда существует промежуточное звено, посредник,

который соединяет разум и познаваемый мир. Таким посредником является человеческая деятельность. Она определяет, каким способом и какими средствами мышление постигает мир. Эти способы и средства развиваются с развитием деятельности. Разум предстает не как дистанцированный от мира чистый разум, а как включенный в мир, развивающийся вместе с развитием деятельности, формированием ее новых видов, целей и средств.

Различные аспекты этого нового понимания разума и познания вырабатывались в философии второй половины XIX — начала XX века (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, С. Кьеркегор, К. Маркс, Э. Гуссерль, М. Вебер, З. Фрейд). Э. Мах и А. Пуанкаре своей критикой прямолинейного онтологизма классической науки также внесли определенный вклад в становление неклассической рациональности.

Все эти философские идеи намечали программу построения новых философских оснований науки. Сама же разработка этой программы была осуществлена при активном участии творцов квантово-релятивистской физики, создателей кибернетики и теории систем, исследователей, разрабатывающих методологию социально-гуманитарных наук. В научном сознании постепенно укоренялись новые представления о природе познавательной деятельности. В. Гейзенберг выразил их в известной идее о том, что если научное познание интерпретировать как постановку вопросов, на которые природа дает ответы, то характер этих ответов зависит не только от устройства природы, но и от способа нашей постановки вопросов. «Мы должны помнить, — пишет В. Гейзенберг, — что то, что мы наблюдаем, — это не сама природа, а природа, которая выступает в том виде, в каком она выявляется благодаря нашему способу постановки вопросов... При этом вспоминаются слова Бора о квантовой теории: если ищут гармонии в жизни, то никогда нельзя забывать, что в игре жизни мы одновременно и зрители, и участники. Понятно, что в научном отношении к природе наша собственная деятельность становится важной там, где приходится иметь дело с областями природы, проникнуть в которые можно только благодаря сложнейшим техническим средствам»¹.

¹ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1990. С. 27.

Классические представления о теории как образе, адекватном исследуемому объекту, корректируются в рамках нового подхода. Теории рассматриваются не только как знания об объекте, но и как средство познания, инструменты, с помощью которых мы получаем информацию об устройстве мира. Известный астрофизик А. Эддингтон предложил аналогию, которую затем не раз использовал К. Поппер: теория — это сеть, которую мы забрасываем в мир. Все, что мы выловим в океане природы этой сетью, — это и есть предмет теории. В таком подходе возникает двухаспектное понимание теоретических знаний: с одной стороны, они выступают как результат активно-конструктивной деятельности, а с другой — как знание об объектах. И то, что мы получаем в качестве объективного знания, определено характером теоретической сети. В другой сети (с иной конфигурацией ее ячеек) мы выловим в океане мира новые объекты, и это приведет к изменениям наших представлений об устройстве мира.

В рамках неклассической рациональности познание предстает как включенное в более широкий круг различных форм человеческой деятельности (практической, коммуникационной), характеризующих процесс взаимодействия человека со средой. «Знание, — писал Н. Винер, — есть один из аспектов жизни»¹. «Я никогда не представлял себе логику, знания и всю умственную деятельность как завершенную замкнутую картину; я мог понять эти явления только как процесс, с помощью которого человек организует свою жизнь таким образом, чтобы она протекала в соответствии с внешней средой»². «Поддерживать связь с внешним миром — это значит получать сообщения из внешнего мира и посылать ответные сообщения. С одной стороны, это значит наблюдать, экспериментировать и учиться, с другой — осуществлять свое влияние на внешний мир так, чтобы наши действия были целенаправлены и эффективны»³.

Уровень рефлексии над научным познанием, представленный в философских основаниях неклассической науки, расширял поле осваиваемых ею системных объектов. Этот уро-

¹ Винер Н. Указ. соч. С. 314.

² Там же. С. 310.

³ Там же. С. 312.

вень был необходим и достаточен для исследования сложных, саморегулирующихся систем в самых различных дисциплинах фундаментальной и прикладной науки.

Становление постнеклассической рациональности требует нового углубления рефлексии над научным познанием. В поле этой рефлексии включается проблематика социокультурной детерминации научной деятельности. Она рассматривается как погруженная в социальный контекст, определяемая доминирующими в культуре ценностями.

В таком подходе ценностно-целевые структуры субъекта науки становятся особым предметом анализа. При описании познавательных ситуаций постнеклассической науки требуется значительно расширить набор признаков, существенно характеризующих познающий субъект. Он должен не только иметь профессиональные знания, усвоить этос науки (установку на поиск истины и установку на рост истинного знания), но и осуществлять рефлекссию над ценностными основаниями научной деятельности, выраженными в научном этосе. Такого рода рефлексия предполагает соотнесение принципов научного этоса с социальными ценностями, представленными гуманистическими идеалами, и затем введение дополнительных этических обязательств при исследовании и технологическом освоении сложных человекообразных систем.

Познающий субъект предстает не как изначально данный, а как конструируемый и воспроизводимый в определенных социальных институтах (формирование исследователя в процессе обучения и в коммуникации с другими исследователями). В междисциплинарных исследованиях совместные познавательные действия специалистов в рамках одной научной дисциплины (с определенным разделением исследовательского труда) дополняются деятельностью гетерогенных (с точки зрения научной специализации) исследовательских сообществ. Такие сообщества выступают как коллективный субъект познания при решении междисциплинарных задач. Возникают специфические коммуникативные проблемы соединения исследователей — носителей языков различных наук, новые ролевые ситуации, включающие диалог не только между представителями различных естественно-научных дисциплин, но и со специалистами в области социальных и гуманитарных наук.

Философские основания постнеклассической науки в настоящее время находятся в стадии интенсивной разработки. Уже можно обозначить ряд специфических особенностей этого процесса. В онтологическом аспекте философских оснований активно разрабатываются новые смыслы категориальной сетки саморазвивающихся систем. Особое внимание уделяется здесь новым подходам к категории времени. И. Пригожин, выделяя в качестве предпосылок философские идеи А. Бергсона, А. Уайтхеда и М. Хайдеггера, фиксирует те новые смыслы понимания времени, которые вводят термодинамика неравновесных процессов, квантово-релятивистская физика и современная космология, а также биологические и социальные науки¹.

В эпистемологическом аспекте философские основания постнеклассики интенсивно разрабатываются в многообразии подходов философии науки, которые анализируют процессы порождения нового научного знания с учетом социокультурных детерминант и особенностей саморазвития. В это многообразие подходов включены постпозитивистская философия науки, эпистемологический конструктивизм, другие направления, в числе которых можно обозначить и отечественные исследования второй половины XX — начала XXI века.

Наконец, важно выделить аксиологический аспект философских оснований постнеклассической науки. В предыдущих типах рациональности он не имел ярко выраженной специфики. Но в современной науке он обретает особое звучание. Этические, социально-экономические ситуации современного общества знаний обостряют проблемы ценностного статуса науки. Исследование этого аспекта предполагает взаимосвязь философии и социологии науки.

Необходимо особо подчеркнуть, что активное включение социальных, экономических и дополнительных этических регулятивов в процесс научного исследования не отменяет исходных установок науки на поиск истины и рост истинного знания. Наука остается наукой.

Особенность постнеклассической рациональности состоит в том, что при исследовании сложных развивающихся систем

¹ Пригожин И. От существующего — к возникающему. М., 1985. С. 207–217, 232–236, 246–254.

дополнительные этические регулятивы и социально-этическая экспертиза научных программ и проектов предстает не как отказ от объективного исследования и выявления закономерностей поведения объекта, а как условие такого исследования.

Идея науки как гуманистически ориентированного знания, которая была истоком новоевропейской науки, сохраняется и в наши дни. Более того, эта идея обретает в постнеклассическом рационализме новые гуманистические измерения и новую глубину.

Становление постнеклассической рациональности ограничивает поле действия классического и неклассического типов рациональности, но не приводит к их уничтожению. При решении ряда исследовательских задач постнеклассика может быть избыточной, и исследователь может ориентироваться на традиционные классические или неклассические образцы. Они могут использоваться в некоторых познавательных ситуациях, но только уже утрачивают статус доминирующих и определяющих облик науки.

Глава 5. ФИЛОСОФИЯ КАК САМОСОЗНАНИЕ КУЛЬТУРЫ¹

Кардинальным социальным изменениям, как правило, предшествует напряженный философский поиск, направленный на уяснение глубинных смыслов человеческого бытия. Философский диалог является одним из аспектов интенсивного взаимодействия различных культур, характерного для современного цивилизационного развития. На передний план в этом диалоге выходят эвристические возможности философии, нацеленные на выработку новых идей и ценностей, которые могли бы наметить контуры будущих состояний человеческого мира.

Философия — рефлексия над основаниями культуры

Известны характеристики философии, восходящие к Гегелю (которые можно встретить с небольшими модификациями у К. Маркса): философия — живая душа культуры, квинтэссенция культуры, эпоха, высказанная в мысли. В этом подходе философия соотносится с культурой и ставится вопрос о функциях философии в культуре.

Эти функции связаны с потребностями в осмыслении и критическом анализе мировоззренческих универсалий, которые образуют фундамент культуры и выступают своего рода геном социальной жизни.

¹ Основой главы являются работы: *Степин В. С. Философия в диалоге культур // Первый российский философский конгресс : основные доклады и обзоры. СПб., 1998. Т. IX; Степин В. С. Конструктивные и прогностические функции философии // Вопросы философии. 2009. № 1; Степин В. С. Гегель и современная наука // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М., 2010.*

В развитии общества периодически возникают кризисные эпохи, когда прежняя исторически сложившаяся и закрепленная традицией «категориальная модель мира» перестает обеспечивать трансляцию нового опыта, сцепление и взаимодействие необходимых обществу видов деятельности. В такие эпохи традиционные смыслы универсалий культуры утрачивают функцию мировоззренческих ориентиров для массового сознания.

Личный опыт все большего числа людей уже не согласуется со смыслами «обжитых» универсалий. Эти переломные состояния жизни — первый сигнал того, что что-то не в порядке с самими мировоззренческими основаниями, с фундаментальными ориентирами жизни. Они ломаются, создавая ситуацию, о которой сказано в «Гамлете» В. Шекспира, — «распалась связь времен», когда люди не знают, что взять из прошлого, что адресовать будущему, чему учить детей, на какие образцы поведения и деятельности ориентироваться. Общество вступает в полосу духовного кризиса. Жить в такой ситуации, когда рушатся старые универсалии, а новых еще нет, очень тяжело. В такие эпохи, когда утрачиваются старые мировоззренческие ориентиры, люди начинают задавать вопросы: что такое справедливость, добро и зло, истина, свобода и т. п. Постановка таких вопросов — первый шаг к философии. Общество вступает в полосу интенсивного поиска новых жизненных смыслов и ценностей, призванных ориентировать человека, восстановить утраченную «связь времен», воссоздать целостность его жизненного мира.

В деятельности по выработке этих новых ценностей и мировоззренческих ориентиров философия играет особую роль.

Она призвана критически отнестись к традиционным, ранее казавшимся очевидными смыслам мировоззренческих универсалий, а затем предстоит сделать новый шаг — вместо старых жизненных смыслов изобрести новые.

Можно выделить два взаимосвязанных этапа порождения философией новых категориальных идей. Эти этапы характеризуют эпоху становления философии, но затем повторяются во всем последующем ее развитии.

На первом этапе философия стремится выявить в различных сферах культуры общие смыслы мировоззренческих универсалий, базисных ценностей, программирующих человеческую деятельность.

Чтобы изменить прежние жизненные смыслы, закреплённые традицией в универсалиях культуры, а значит, и в категориальных структурах сознания данной исторической эпохи, необходимо вначале эксплицировать их, сопоставить с реалиями бытия и критически проанализировать как целостную систему. Из неосознанных, неявно функционирующих категориальных структур человеческого понимания и деятельности универсалии культуры должны превратиться в особые предметы критического рассмотрения, они должны стать категориальными формами, на которые направлено сознание. Именно такого рода рефлексия над основаниями культуры и составляет важнейшую задачу философского познания.

Необходимость такой работы вызвана не чисто познавательным интересом, а реальными потребностями в поиске новых мировоззренческих ориентаций, в выработке и обосновании новых, предельно общих программ человеческой жизнедеятельности. Философия, эксплицируя и анализируя смыслы универсалий культуры, выступает в этой деятельности как теоретическое ядро мировоззрения.

Выявляя мировоззренческие универсалии, философия выражает их в понятийно-логической форме, в виде философских категорий. В процессе философской экспликации и анализа происходит определенное упрощение и схематизация универсалий культуры. Когда они выражаются посредством философских категорий, то в последних акцент сделан на понятийно-логическом способе постижения мира, при этом во многом элиминируются аспекты переживания мира.

Процесс философского осмысления мировоззренческих структур, лежащих в основании культуры, содержит несколько уровней рефлексии, каждому из которых соответствует свой тип знаний и свой способ оформления философских категорий. Их становление в качестве понятий, где в форме дефиниций отражены наиболее общие свойства, связи и отношения объектов, представляет собой результат довольно сложного развития философских знаний. Это как бы высший уровень философской рационализации оснований культуры, осуществляемый, как правило, в рамках профессиональной философской деятельности. Но прежде чем возникают такие формы категориального аппарата философии, философское мышление должно

выделить и зафиксировать в огромном многообразии культурных феноменов их общие категориальные смыслы.

Рациональная экспликация этих смыслов часто начинается со своеобразного улавливания общности в качественно различных областях человеческой культуры, с понимания их единства и целостности. Здесь широко используются метафоры и аналогии. Первичными формами бытия философских категорий как рационализации универсалий культуры выступают не столько понятия, сколько смыслообразы.

В истоках формирования философии эта особенность прослеживается весьма отчетливо. Даже в относительно развитых философских системах Античности многие фундаментальные категории несут на себе печать символического и метафорически образного отражения мира («огнелогос» Гераклита, «нус» Анаксагора и т. д.). В еще большей степени это характерно для древнеиндийской и древнекитайской философии. Здесь в категориях, как правило, вообще не отделяется понятийная конструкция от смыслообразной основы. Идея выражается не столько в понятийной, сколько в художественно-образной форме, и образ — главный способ постижения истины бытия. «Никто не может дать определения дхармы. Ее переводят и как “закон” и как “элементы бытия”, которых насчитывают от 45 до 100. У каждого существа своя дхарма — всеобщая и единичная (сущность неотделима от явления). Вы не найдете двух одинаковых определений *дао* у Лао-цзы, двух одинаковых толкований *жень* или *ли* у Конфуция — он определял *ли* в зависимости от того, кто из учеников обращался к нему с вопросом»¹. На этом этапе философия имеет много общего с художественным познанием. Широкое использование аналогий, метафор, смыслообразов сближает ее с литературой и искусством.

В процессе философского рассуждения символические и метафорические смыслы категорий играли не меньшую роль, чем собственно понятийные структуры. Так, в гераклитовской характеристике души как метаморфозы огня выражена не только идея связи духа с материальной субстанцией, составляющей основу мироздания, но и целый ряд обрамляющих эту идею конкретных смыслов, которые позволяли рассуждать

¹ Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. С. 75–76.

о совершенных и несовершенных душах как в разной степени выражающих стихию огня. Согласно Гераклиту, огненный компонент души — это ее логос, поэтому огненная (сухая) душа — самая мудрая, а увлажнение души ведет к утрате логоса (у пьяного душа увлажняется, и он теряет разумность)¹.

Однако не следует думать, что по мере развития философии в ней исчезают символический и метафорический способы мышления о мире, и все сводится к строго понятийным формам рассуждения. И причина не только в том, что в любом человеческом познании, включая области науки, подчиненные, казалось бы, самым строгим логическим стандартам, обязательно присутствует наглядно-образная компонента, но и в том, что сама природа философии как теоретического ядра мировоззрения требует от нее постоянного обращения к наиболее общим мировоззренческим каркасам культуры, которые необходимо уловить и выявить, чтобы сделать предметом философского рассуждения. Отсюда вытекает и неустраняемая неопределенность в использовании философской терминологии, включенность в ткань философского рассуждения образов, метафор и аналогий, посредством которых высвечиваются категориальные структуры, пронизывающие все многообразие культурных форм. Когда, например, Гегель в «Науке логики» пытается обосновать категорию «химизм» как характеристику особого типа взаимодействия, составляющего некоторую стадию развития мира, то он прибегает к весьма необычным аналогиям. Он говорит о химизме не только как о взаимодействии химических элементов, но и как о характеристике атмосферных процессов, которые имеют «больше природу физических, чем химических элементов», об отношениях полов в живой природе, об отношениях любви и дружбы². Гегель во всех этих явлениях пытается обнаружить некоторую общую схему взаимодействия, в которой взаимодействующие полюса выступают как равноправные. И чтобы обосновать всеобщность и универсальность этой схемы, представить ее в категориальной форме, он обязан был выявить ее действие в самых отдаленных и на первый взгляд не связанных между собой областях действительности.

¹ *Гераклит. Фрагменты Гераклита // Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 48, 51–52.*

² *Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1972. Т. 3. С. 117–118.*

Сложный процесс философской экспликации универсалий культуры в первичных формах может осуществляться не только в сфере профессиональной философской деятельности, но и в других сферах духовного освоения мира. Литература, искусство, художественная критика, политическое и нравственное сознание, обыденное мышление, сталкивающееся с проблемными ситуациями мировоззренческого масштаба, — все это области, в которые может быть вплавлена философская рефлексия и в которых могут возникать в первичной образной форме философские экспликации универсалий культуры. В принципе на этой основе могут развиваться достаточно сложные и оригинальные комплексы философских идей.

В произведениях великих писателей может быть разработана и выражена в материале и языке литературного творчества даже целостная философская система, сопоставимая по своей значимости с концепциями великих творцов философии (известным примером в этом плане является литературное творчество Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского). Но, несмотря на всю значимость и важность такого рода первичных «философем», рациональное осмысление оснований культуры в философии не ограничивается только этими формами. На их основе философия затем вырабатывает более строгий понятийный аппарат, где категории культуры уже определяются в своих наиболее общих и существенных признаках.

Этот переход связан со вторым этапом философского исследования, когда происходит дальнейшая рационализация первичных категориальных смыслообразов. Они переплавляются в достаточно строгие понятия. Смыслообразы еще раз упрощаются, схематизируются, становятся своеобразными идеальными объектами, абстракциями, с которыми мышление начинает работать как с особыми сущностями. Философ исследует их свойства так же, как, например, математик изучает числа, фигуры, функции, различные типы геометрических пространств, создает новые представления о числах, фигурах и пространствах и т. д. На этом этапе философия предстает уже как достаточно строгая теоретическая наука.

Философское исследование, связанное с постановкой теоретических задач и оперированием категориями как особыми теоретическими конструктами, позволяет выйти за рамки

универсалий своей культуры и генерировать новые мировоззренческие смыслы.

Категории философии и универсалии культуры не тождественны, хотя часто обозначаются одними и теми же терминами. Во-первых, философское познание, рационализируя универсалии культуры, упрощает и схематизирует их. Во-вторых, не все признаки, зафиксированные в определениях философских категорий, изоморфны признакам универсалий той культуры, в которой философия разрабатывала свои идеи. Между ними нет одно-однозначного соответствия.

Философское познание способно генерировать новые мировоззренческие смыслы и тем самым вносить мутации в культуру, подготавливая кардинальные изменения социальной жизни. Причем философия осуществляет эту работу не только в эпохи социальных кризисов, а систематически, заготавливая заранее идеи, которые могут понадобиться в будущем.

Новые философские идеи включаются в поток культурной трансляции как своего рода дрейфующие гены. Занимаясь профессиональной работой, философ, сознает он это или нет, часто адресует открытые им новые категориальные смыслы будущему. Какому будущему, он заранее не знает. Но возникают такие эпохи, когда эти идеи могут обрести практическую актуальность. И это касается не только отношений философии и науки, но и ее взаимоотношений с другими сферами культуры. В переломные эпохи философские идеи могут стать своеобразным генератором и катализатором новых мировоззренческих универсалий. Они становятся импульсом соответствующей публицистики, художественной критики, литературных произведений, новых религиозно-нравственных, политических и правовых идей, внедряемых в социальную практику. Так с высот философской абстракции новые категориальные смыслы погружаются в основания культуры. Они обрастают эмоциональным содержанием, переживаются людьми и постепенно погружаются в недра новой культуры, становясь ее мировоззренческими универсалиями.

Иногда эта роль философских идей в становлении новых социокультурных реалий прослеживается в явном виде. Показательным примером может служить использование идей Д. Локка творцами американской конституции. Эти идеи (пра-

ва человека, разделение властей и др.) были сформулированы Локком задолго до создания Конституции США. Но чаще идеи и проблемы, сформулированные в философии, конкретизируются и видоизменяются в процессе культурной трансляции, поэтому проследить их философские истоки не всегда просто. Для этого нужен специальный анализ.

Процесс трансляции философских идей не просто сохраняет их в первоначальном виде, а модифицирует, адаптируя к условиям новой культурной среды. Ранее выработанные идеи переформулируются в новом философском языке, и в этом процессе появляются их новые характеристики.

Преемственные линии трансляции и обогащения философских идей обнаруживает историко-философский анализ. В наиболее перспективных историко-философских исследованиях этот процесс прослеживается с учетом изменения социокультурных контекстов и развития языка философии.

Философское познание выступает особым самосознанием культуры, которое активно воздействует на ее развитие. Генерируя теоретическое ядро нового мировоззрения, философия тем самым вводит новые представления о желательном образе жизни, который предлагает человечеству. Обосновывая эти представления в качестве ценностей, она функционирует как идеология. Но вместе с тем она имеет установку на выработку таких категориальных смыслов, которые не являются идеологиями своей эпохи и которые на данном этапе социального развития могут быть оправданы преимущественно внутренним теоретическим развитием философии.

В свое время Г. Лейбниц писал о математике как науке о возможных мирах. Аналогично в определенном аспекте это можно сказать и о философии — она есть наука о возможных мирах человеческой жизнедеятельности.

В работе на двух полюсах — имманентного теоретического движения и постоянной экспликации реальных смыслов универсалий культуры — реализуется основное предназначение философии в культуре: понять не только каков в своих глубинных основаниях наличный человеческий мир, но и каким он может и должен быть.

Показательно, что само возникновение философии как особого способа познания мира приходится на период одного

из наиболее крутых переломов в социальном развитии — перехода от доклассового общества к классовому, когда разрыв традиционных родоплеменных связей и крушение соответствующих мировоззренческих структур, воплощенных в мифологии, потребовали формирования новых мировоззренческих ориентаций.

Философия всегда активно участвует в выработке ориентаций подобного типа. Рационализируя основания культуры, она осуществляет «прогнозирование» и «проектирование» возможных изменений в ее основаниях. Уже само рациональное осмысление категорий культуры, которые функционируют в обыденном мышлении как неосознанные структуры, определяющие видение и переживание мира, — достаточно ответственный шаг. В принципе для того чтобы жить в рамках традиционно сложившегося образа жизни, не обязательно анализировать соответствующий ему образ мира, репрезентированный категориями культуры. Достаточно его просто усвоить в процессе социализации. Осмысление же этого образа и его оценка уже ставят проблему возможной его модификации, а значит, и возможности другого образа мира и образа жизни, то есть выхода из сложившегося состояния культуры в иное состояние.

Философия, осуществляя свою познавательную работу, всегда предлагает человечеству некоторые возможные варианты его жизненного мира. И в этом смысле она обладает прогностическими функциями. Конечно, не во всякой системе философских построений эти функции реализуются с необходимой полнотой. Это зависит от социальной ориентации философской системы, от типа общества, который создает предпосылки для развертывания в философии моделей «возможных» миров. Такие модели формируются за счет постоянной генерации в системе философского знания новых категориальных структур, которые обеспечивают новое видение и понимание как объектов, преобразуемых в человеческой деятельности, так и самого субъекта деятельности, его ценностей и целей. Это понимание часто не совпадает с фрагментами модели мира, представленной универсалиями культуры соответствующей исторической эпохи, и выходит за рамки традиционных, лежащих в основании данной культуры способов мирозерцания и миропонимания.

Итак, генерация в системе философского познания новых категориальных моделей мира осуществляется за счет постоянного развития философских категорий. Можно указать на два главных источника, обеспечивающих это развитие. Во-первых, рефлексия над различными феноменами культуры и выявление реальных изменений, которые происходят в категориях культуры в ходе исторического развития общества. Во-вторых, установление содержательно-логических связей между философскими категориями, их взаимодействие как элементов развивающейся системы, когда изменение одного элемента приводит к изменению других.

Первый источник связан с обобщением опыта духовного и практического освоения мира. Он позволяет не только сформировать философские категории как рационализацию универсалий человеческой культуры (категорий культуры), но и постоянно обогащать их содержание за счет философского анализа научных знаний, естественного языка, искусства, нравственных проблем, политического и правового сознания, феноменов предметного мира, освоенного человеческой деятельностью, а также рефлексии философии над собственной историей. Второй источник основан на применении аппарата логического оперирования с философскими категориями как с особыми идеальными объектами, что позволяет за счет «внутреннего движения» в поле философских проблем и выявления связей между категориями выработать их новые определения.

Развитие философского знания осуществляется во взаимодействии этих двух источников. Наполнение категорий новым содержанием за счет рефлексии над основаниями культуры выступает предпосылкой для каждого последующего этапа внутритеоретического развития категориального аппарата философии. Благодаря такому развитию во многом обеспечивается формирование в философии нестандартных категориальных моделей мира.

Такого рода исследования по-разному осуществлялись в классической и неклассической философии. Классика стремилась построить окончательные и абсолютно истинные системы философского знания. Она предлагала их как программы идеального устройства человеческого мира. Но чаще все такие системы не реализовывались в социальной практике в том виде,

в каком их изобретал философ. И в них действительно содержалось множество утопических элементов. Но это не значит, что классические системы не оказывали никакого влияния на изменение мировоззренческих оснований культуры. Просто культура селективно отбирала то, что было ей необходимо в тех или иных ситуациях социального развития.

Неклассический тип философии меняет стратегию исследования. Как отмечал Ю. Хабермас, классическая философия полагала, что между предметным бытием и познающим разумом нет никакого посредника. Отсюда возникало представление о своеобразном параллелизме бытия и сознания. И в рамках этой парадигмы протекали бесконечные споры идеалистов и материалистов. Но неклассический подход обнаруживает, что между разумом и бытием есть посредник — это деятельность и язык. Можно уточнить этот тезис Хабермаса и сказать: виды деятельности и языки культуры. Этот посредник соединяет бытие и разум, включая компоненты обоих полюсов. И тогда то, что увидит философский разум в бытии, определено характером его укорененности в это бытие. Он не является беспредпосылочным разумом и имеет социокультурную обусловленность. Поэтому невозможно построить абсолютно истинную философскую систему, поскольку каждая такая система даже в своих прогностических компонентах детерминирована особенностями культуры своей эпохи и в силу этого ограничена. Отказываясь от построения последних и окончательных систем, неклассическая философия вовсе не отказывается от системного мышления, от установления связей между категориями. Она по-прежнему прослеживает, как изменение представлений о свободе меняет понимание личности, права, справедливости, деятельности, природы и т. д. Только, в отличие от классической философии, она допускает появление новых смыслов универсалий культуры, еще не проанализированных и не открытых философией. Поэтому для неклассического подхода философия не заканчивается, пока продолжается развитие общества и его история.

Генерируя категориальные модели возможных человеческих миров, философия в этом процессе вырабатывает новые категориальные схемы, которые воздействуют на самые различные области культуры (науку, искусство, политическое

и правовое сознание, религию и т. д.). Особое значение эта философская работа имеет для того слоя культуры, в котором генерируются программы деятельности, адресованные будущему. Философия в своих теоретических исследованиях также принадлежит к этому слою. Она выступает по отношению к нему своего рода системообразующим фактором. Результаты философских исследований используются во всех видах духовного освоения мира. Но особенно ярко проявляются ее эвристические и прогностические функции в развитых формах научного познания.

Эвристические и прогностические функции философии в научном исследовании

Философские идеи в научном поиске

Развитие эвристических и прогностических компонентов философского осмысления мира — необходимое условие развития науки. Оно является предпосылкой движения науки в поле теоретического оперирования идеальными объектами, обеспечивающего постижение предметных структур, еще не освоенных в практике той или иной исторической эпохи.

Постоянный выход науки за рамки предметных структур, осваиваемых в исторически сложившихся формах производства и обыденного опыта, ставит проблему категориальных оснований научного поиска.

Любое познание мира, в том числе и научное, в каждую историческую эпоху осуществляется в соответствии с определенной «сеткой» категорий, которые фиксируют определенный способ членения мира и синтеза его объектов.

Если в культуре не сложилась категориальная матрица, соответствующая новому типу объектов, то последние будут восприниматься через неадекватную сетку категорий, что не позволит науке раскрыть их существенные характеристики. Адекватная объекту категориальная структура должна быть выработана заранее, как предпосылка и условие познания и понимания новых типов объектов. Но тогда возникает вопрос: как она формируется и появляется в науке? Ведь прошлая научная традиция может не содержать категориальную матрицу, обеспечивающую исследование принципиально

новых (по сравнению с уже познанными) предметов. Что же касается категориального аппарата обыденного мышления, то, поскольку он складывается под непосредственным влиянием предметной среды, уже созданной человеком, он часто оказывается недостаточным для целей научного познания, так как изучаемые наукой объекты могут радикально отличаться от фрагментов освоенного в производстве и обыденном опыте предметного мира.

Задача выработки категориальных структур, обеспечивающих выход за рамки традиционных способов понимания и осмысления объектов, во многом решается благодаря философскому познанию.

Философия способна генерировать категориальные матрицы, необходимые для научного исследования, до того, как последнее начинает осваивать соответствующие типы объектов. Развивая свои категории, философия тем самым готовит для естествознания и социальных наук своеобразную предварительную программу их будущего понятийного аппарата.

Систематическое порождение в философском познании идей, принципов и категорий, часто избыточных для описания фрагментов уже освоенного человеком предметного мира, но необходимых для научного изучения и практического освоения новых типов системных объектов, можно обозначить как эвристические и прогностические функции философии по отношению к науке.

История науки дает множество свидетельств тому, что в периоды кризисов, когда возникала потребность переосмысления фундаментальных понятий и представлений науки, она обращается к философии.

Так, в эпоху создания квантовой механики в обсуждение сугубо физических вопросов интерпретации математического аппарата были интегрированы философские проблемы. На Сольвеевских конгрессах одно из центральных мест заняли проблемы обобщения понятия причинности. Н. Бор, исходя из принципиально неустранимой статистической природы квантовых процессов, трактовал вероятности не как внешние, а как сущностные характеристики квантовых систем. Эйнштейн, напротив, полагал, что классический вариант детерминизма следует сохранить: «Бог не играет в кости». Позиция Бора,

если оценить ее с точки зрения современных версий системного подхода, вносила изменения в трактовку причинности, которая соответствовала переходу от простых механических систем к сложным системам.

Вероятностная причинность выступает здесь базисной характеристикой массовых стохастических взаимодействий элементов системы, а классическая детерминация — характеристикой сохранения во времени системных параметров, определяющих целостность системы. Характерно, что философские проблемы, возникавшие в дискуссиях периода становления квантовой механики, сопровождались анализом историко-философского материала. В. Гейзенберг, один из создателей квантовой механики, в своих воспоминаниях свидетельствовал, что он сам, Нильс Бор, Вольфганг Паули не раз обращались к истории философии от Античности до современности, пытаясь найти новое понимание части и целого, причинности и случайности, субъекта и объекта при осмыслении природы квантовых процессов. В. Гейзенберг особо отмечал выдающуюся роль Н. Бора в осуществлении этой (необходимой для построения квантовой физики) философской работы. Он писал, что когда Н. Бор находил пути построения понятийного каркаса в квантовой механике, он выступал даже в большей степени философом, чем физиком¹.

Таким образом, задача выработки категориальных структур, обеспечивающих выход за рамки традиционных способов понимания и осмысления объектов, во многом решается благодаря философскому познанию. Конечно, это не означает, что полностью независимо от науки философия формирует готовую категориальную матрицу, которую науке остается только заимствовать из философии, ничего в ней не меняя. Этот процесс протекает намного сложнее. Философия ставит проблемы, обнаруживает границы прежних категориальных смыслов, генерирует в эскизном, предварительном варианте новые смыслы категорий. И эти эскизные элементы будущей категориальной матрицы конкретизируются в специально-научном поиске. В свою очередь это приводит к новому обогащению категорий и развитию их содержания. Однако для фиксации этого нового содержания опять-таки нужна философская рефлексия

¹ См.: *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. М., 1987. С. 47.

над наукой. Эта рефлексия представляет собой особый аспект философского постижения действительности, в ходе которого развивается категориальный аппарат философии.

Уже простое сопоставление истории философии и истории естествознания дает весьма убедительные примеры прогностических функций философии по отношению к специальным наукам. Достаточно вспомнить, что кардинальная для естествознания идея атомистики первоначально возникла в философских системах Древнего мира, а затем развивалась внутри различных философских школ до тех пор, пока естествознание и техника не достигли необходимого уровня, который позволил превратить предсказание философского характера в естественно-научный факт.

Примером того, как в теоретическом философском дискурсе могут выработываться идеи, опережающие свой век и адекватные постановке проблем в науке далекого будущего, могут служить также парадоксы Зенона, предвосхитившие проблематику мгновенной скорости (эпоха становления механики), и проблематику, возникшую в конце XIX столетия в теории множеств (Б. Больцано, Г. Кантор, Б. Рассел)¹.

Можно показать далее, что многие черты категориального аппарата, развитого в философии Г. Лейбница, ретроспективно предстают как относящиеся к большим системам, хотя в практике и естественно-научном познании этой исторической эпохи осваивались преимущественно более простые объекты — малые системы (в естествознании XVII столетия доминирует механическая картина мира, которая переносит на всю природу схему строения и функционирования механических систем).

Лейбниц в своей монадологии развивает идеи, во многом альтернативные механическим концепциям. Эти идеи, касающиеся проблемы взаимоотношения части и целого, несиловых взаимодействий, связей между причинностью, потенциальной возможностью и действительностью, обнаруживают удивительное созвучие с некоторыми концепциями и моделями современной космологии и физики элементарных частиц.

¹ Подробнее см. главу «Социокультурное измерение науки», подраздел «Генезис и развитие науки».

Фридмонная и планкеонная космологические модели вводят такие представления о соотношении части и целого, которые во многом перекликаются с картиной взаимоотношения монад (каждый фридмон для внешнего наблюдателя — частица, для внутреннего — Вселенная). В плане созвучия лейбницевским идеям можно интерпретировать также развиваемые Х. Эвертом, Дж. Уилером, Б. де Витом концепции ветвящихся миров¹, современные представления о частицах микромира как содержащих в себе в потенциально возможном виде все другие частицы, понимание микрообъектов как репрезентирующих мегамир и ряд других современных физических представлений.

Высказываются вполне обоснованные мнения о том, что концепция монадности становится одной из фундаментальных для современной физики, которая подошла к такому уровню исследования субстанции, когда выявляемые фундаментальные объекты оказываются «элементарными» не в смысле бесструктурности, а в том смысле, что изучение их природы обнаруживает некоторые свойства и характеристики мира в целом. Это, конечно, не означает, что современная физика при разработке таких представлений сознательно ориентировалась на философию Лейбница. Рациональные моменты последней были вплавлены в систему объективно-идеалистической концепции мира, и можно сказать только то, что в ней были угаданы реальные черты диалектики сложных системных объектов. Но все эти догадки Лейбница, бесспорно, оказали влияние на последующее развитие философской мысли. Предложенные им новые трактовки содержания философских категорий внесли вклад в их историческое развитие, и в этом аспекте уже правомерно говорить об опосредованном (через историю философии и всей культуры) влиянии лейбницевского творчества на современность.

Наконец, рассматривая проблему прогностических функций философии по отношению к специальному научному исследованию, можно обратиться к фундаментальным для нынешней науки представлениям о саморазвивающихся объектах, категориальная сетка для осмысления которых разрабатывалась

¹ Подробнее о физическом и философском смысле концепции «ветвящихся миров» см.: *Мицкевич Н. В.* Космология, релятивистская астрофизика и физика элементарных частиц // *Философские проблемы астрономии XX века.* М., 1976. С. 101–104; *Крымский С. Б., Кузнецов В. И.* Мироззренческие категории в современном естествознании. Киев, 1983. С. 88–120.

в философии до того, как они стали предметом научного исследования.

На этой теме я остановлюсь особо, поскольку она обретает исключительную актуальность в связи с формированием в современной науке идей глобального эволюционизма и постнеклассической рациональности.

Исследование сложных саморазвивающихся систем сегодня определяет передний край науки. И необходимой предпосылкой такого исследования выступает категориальный аппарат, выражающий особенности саморазвития (специфические смыслы категорий «часть и целое», «вещь и процесс», «причинность», «пространство и время»)¹.

В современной науке этот категориальный аппарат конкретизируется, уточняется и развивается на обширном материале исследований в области физики, космологии, химии, биологии, в разработке био- и нанотехнологий, развития компьютерных наук, синергетики и социально-гуманитарных наук.

Но самое интересное состоит в том, что этот аппарат в первом приближении сформировался в философии задолго до того, как возникла потребность его использования в науке конца XX — начала XXI века. Наиболее весомый вклад в формирование основ этого категориального аппарата был внесен Г. В. Ф. Гегелем.

В связи с этим возникает вопрос: как это удалось сделать в эпоху, когда системное представление о развитии еще не имело достаточных оснований в науке данной эпохи? Ответ на этот вопрос позволяет выяснить ту логику теоретического движения философской мысли, которая порождала эвристические идеи, опередившие свой век.

*Гегелевская концепция духовной культуры
как идеализированный образ
саморазвивающейся системы*

Гегель не имел в своем распоряжении достаточного естественно-научного материала для разработки общих структурных схем саморазвития. Он, конечно, был знаком с достижениями

¹ Подробнее см. главу «Исторические типы научной рациональности», подраздел «Категориальные структуры и картина мира в постнеклассической науке».

науки своей эпохи, но их было недостаточно, чтобы выявить системно-структурные характеристики и закономерности развивающихся объектов. Теория Дарвина еще не была создана, но и она дала скорее феноменологическое, чем системно-структурное описание развития.

Представления об эволюции природных объектов, возникшие в науке конца XVIII — начала XIX века, формировались в рамках категориальных смыслов, выражающих особенности механических систем. Их первоначальной основой была механическая картина мира. Так обстояло дело со знаменитой гипотезой Канта–Лапласа о происхождении солнечной системы. Аналогичным образом можно оценить идеи эволюции организмов в концепции Ламарка, который использовал представления механической картины мира о невесомых субстанциях — носителях сил. Изменения органов в процессе приспособления к среде он объяснял накоплением в них электрического и магнитного флюидов. И с этих позиций описывал эволюцию организмов и образование новых видов¹.

В обоих приведенных случаях системность видения изучаемых объектов и их категориальная сетка в целом не выходили за рамки простых механических систем. Хотя потенциально, как это выяснилось в последующем развитии науки, они создавали определенные предпосылки для перехода к новым представлениям.

Таким образом, следует различать системные интерпретации идеи развития. Эти интерпретации определены базисными системными представлениями об изменяющихся объектах. И то, что Гегель мог обнаружить в естествознании своего времени, не было достаточным базисом для разработки представлений о саморазвивающихся системах. Он использовал для этого иной объект — историческое развитие духовной культуры, представив ее как саморазвитие абсолютного духа.

В принципе для системного подхода безразлично, какие объекты — природные, социальные или ментальные — рассматриваются как паттерны, демонстрирующие структурные

¹ Подробнее см.: *Степин В. С., Кузнецова Л. Ф.* Идеалы объяснения и проблемы взаимодействия наук // *Идеалы и нормы научного исследования.* Минск, 1981. С. 276–278; см. также: *Степин В. С.* Теоретическое знание. М., 2000. С. 580–581.

особенности и закономерности того или иного типа систем. Важно принять во внимание ту интерпретацию абсолютного духа, которая привела к пониманию многих ключевых особенностей саморазвивающихся систем и позволила Гегелю сформировать новые видения исторической эволюции.

Проблема интерпретации абсолютного духа является одной из кардинальных и дискутируемых проблем исследования гегелевской философии¹.

В этой проблеме выделяют два аспекта: понимание абсолютного духа как субстанции мира, порождающей в своем развитии все его состояния, и рассмотрение духа как взаимосвязи субъективного и интересубъективного, в котором дух предстает надындивидуальным единством индивидуальных сознаний, единством, в котором каждое «я» выступает в отношении к другому «я» и предстает как социальное «мы».

Ю. Хабермас расценивает эти два аспекта как две различные модели духа, первую из которых он именуется идеалистической, а вторую — интересубъективной².

Интерсубъективную модель, поскольку она представляет дух как взаимодействие «я» и социального «мы», именуют также социально-интерсубъективной. Сознание представлено в этом подходе как исторически социальное. Иначе говоря, это не только отношение «я» и «мы» в сегодняшнем социальном общении, деятельности, в многообразии коммуникаций, характерных для определенного этапа развития социальности, для определенного типа общества. «Мы» включает в социальные связи также и опыт прошлых поколений, традиции, которые возникают и меняются в ходе человеческой истории.

¹ В отечественных исследованиях эта проблематика анализировалась в работах Н. В. Мотрошиловой (Путь Гегеля к «Науке логики». Формирование принципов системного историзма. М., 1984; Современное исследование философии Гегеля: новые тексты и проблемы // Работы разных лет: Избранные статьи и эссе. М., 2005; и др.); М. Ф. Быковой (Мистерии логики и тайны субъективности. М., 1996; и др.). Этой проблеме посвящен ряд исследований Ю. Хабермаса и современная дискуссия вокруг социально-интерсубъективной модели (анализ идей, высказанных в рамках этой дискуссии, содержится в статье М. Ф. Быковой «О концепции духа у Гегеля», вышедшей уже после Гегелевского конгресса в Москве, посвященного «Феноменологии духа», и опубликованной в книге «Сущность и слово: Сборник научных статей к юбилею профессора Н. В. Мотрошиловой» (М., 2009).

² Анализ концепции Ю. Хабермаса см.: Быкова М. Ф. О концепции духа у Гегеля. С. 341–345.

И какая-то часть вырабатываемого сегодня нового опыта со временем может превратиться в традицию, которая окажет воздействие на социальные связи людей в будущем. Так что интерсубъективно-социальное становится в исторической перспективе бесконечно социальным.

В сложности переплетения человеческих коммуникаций и взаимного влияния различных индивидуальных сознаний можно выделить конституирующее ядро, в котором интерсубъективное выступает как особое структурированное образование. Таким ядром является культура, понятая в качестве сложно организованной системы надбиологических программ деятельности, поведения и общения людей. Разумеется, я исхожу здесь из современного понимания культуры. Но в рамках этого понимания можно выяснить, каковы были реальные предпосылки генезиса той исходной конструкции духа, которая позволила Гегелю уловить особенности саморазвивающихся систем.

Интерсубъективность сознания реально выступает как развитие культуры, закрепляющей и транслирующей совокупный социально-исторический опыт людей. Этот опыт, с одной стороны, программирует сознание индивидов, а с другой — развивается благодаря обратной связи с их сознаниями (человек, решая социально значимые задачи, способен создавать новые образцы деятельности, поведения и общения, новые знания, верования, включаемые в поток культурной трансляции и обогащающие ранее накопленный исторический опыт новыми элементами и состояниями).

Инновации индивидуального опыта, если они включаются в поток культурной трансляции, начинают жить особой, самостоятельной жизнью. Они уже не зависят от воли и желания его создателя и начинают программировать других людей. Сами же программирующие функции культуры выступают условием формирования индивидуального сознания, которое является результатом социализации, предполагает обучение и воспитание, основанное на усвоении из культуры определенных норм, идеалов, знаний и т. п.

Если учесть все эти аспекты функционирования культуры, ее можно рассматривать в качестве особой духовной субстанции, которая обуславливает состояния социальной жизни.

Гегель, по существу, и делает этот шаг, переходный от интерсубъективной к субстанциональной трактовке духа (правда, здесь еще субстанциональность духа не выведена за рамки общественной жизни людей). Но он не останавливается, а продолжает анализ, обращаясь к сопоставлению различных форм человеческого сознания (обыденного сознания, искусства, религии, науки и философии), рассмотренных как особые формообразования духа. И здесь Гегель выявляет две важные характеристики духа. Во-первых, он рассматривает формы познания и сознания как исторически возникающие, во-вторых, обнаруживает общие для всех их (инвариантные) основания, которые также развиваются по мере перехода от одного формообразования духа к другому.

В этом пункте, фиксируя исторически развивающиеся основания духовной культуры (субстанция духа), Гегель осуществляет переход к ее особому структурному видению.

Он стремится выявить структуру оснований, объединяющих все формообразования духа в органичную развивающуюся целостность.

Здесь я сделаю еще одно небольшое отступление. Чтобы оценить гегелевские шаги за горизонт тех пониманий, которые создавала культура его эпохи, необходимо использовать его представления о категориях культуры и функциях философии в культуре. Важно посмотреть с позиций этих представлений на то, что нацупал Гегель в своем исследовании духовной культуры. Поэтому еще раз напомним, что в современных исследованиях, опирающихся на обширный материал социальной антропологии, истории культур и цивилизаций, лингвистики, семиотики, компаративистики и других наук о культуре, в качестве системообразующих оснований, определяющих целостность культуры, выделены категории (мировоззренческие универсалии), которые выражают фундаментальные жизненные смыслы и ценности.

Мировоззренческие универсалии определяют не только понимание и осмысление мира, его рациональное постижение, но и переживание человеком мира, эмоциональные оценки различных состояний и ситуаций человеческой жизни.

Универсалии культуры не локализованы в какой-то одной сфере культуры, они пронизывают всю культуру, проявляют

себя в языке, обыденном сознании, искусстве, религиозном миропонимании, политическом и правовом мышлении, научном познании.

Философия, выступая рефлексией над универсалиями культуры, вместе с тем способна генерировать их новые смыслы, адресованные будущему, и тем самым выйти за рамки универсалий своей культуры. Поэтому категории философии и универсалии культуры не тождественны, хотя часто обозначаются одними и теми же терминами.

С этих позиций я вернусь к проблеме генезиса гегелевских представлений о структуре развивающегося духа.

Но предварительно я хотел бы особо подчеркнуть, что используемый прием анализа соответствует открытому Гегелем методу исследования исторически развивающихся систем. То, что на высших стадиях развития системы предстает в дифференцированном и развернутом виде, было на ранних стадиях в зародышевом состоянии.

Применительно к системе представлений о структуре и развитии духовной культуры это означает, что сегодняшние знания, фиксирующие особенности такого специфического предмета, как развивающаяся культура, во времена Гегеля средствами, выработанными наукой того времени, не могли быть получены. Но они могли возникнуть как латентное состояние, как зародышевые формы, намечающие путь будущего развития и конкретизации знаний о культуре. Гениальная интуиция Гегеля продуцировала эти зародышевые формы в рамках философского анализа, связанного с разработкой социально-интерсубъективной модели абсолютного духа.

Гегель начинает эту разработку с рассмотрения особенностей обыденного познания. Когда в «Феноменологии духа» он анализирует уровень чувственного познания и рассудка, то интерпретирует их так же, как характеристику «обыденного взгляда на вещи». Этот взгляд составляет основу повседневного, обыденного познания. Гегель специально подчеркивал, что оно выступает особым состоянием абсолютного духа, первой формой его социального бытия. И нельзя просто отвергать «обыденный взгляд на вещи» как неподлинное знание¹.

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М., 1959. Т. IV : Система наук. Ч. 1 : Феноменология духа / пер. Г. Шпета. С. 43.

В рамках обыденного опыта, в процессах чувственного созерцания и восприятия Гегель выявляет категориальную структуру, которая имплицитно включена в чувственный опыт и выступает основанием «чувственной достоверности вещей».

Он отмечает, что за внешней единичностью чувственной достоверности «это здесь и теперь» скрыты особые категориальные смыслы: предмета (вещи), пространства и времени, «я» и «другого». Когда мы фиксируем единичное и неповторимое «это» в качестве чувственной данности, то в самой такой фиксации вначале нет различения воспринимаемого предмета и воспринимающего «я». Они выступают как «чистое бытие», как существующее, где «это» существует и «я» существует¹. И на этом уровне они неотличимы, перетекают друг в друга. Но в чувственном познании акцентируется предмет, его образ вынесен вовне, чувственное знание воспринимается как знание о предмете, что предполагает разделение «я» и «предмета». Исходная слитность чистого бытия распадается на две противоположности — вещь (предмет) и познающий субъект («я»). Как подчеркивал Гегель, в такое расщепление включены категориальные смыслы, которые в единичном «это-здесь-теперь» и единичном «я» обнаруживают общее. «Это» может быть деревом, домом, то есть любым предметом, «здесь» — любым местом, «теперь» — любым временем (день, ночь, час и т. д.), «я» — любым индивидом. А значит, «это-здесь-теперь» как чувственная достоверность уже не просто непосредственно-чувственная единичность, но включает опосредующее общее, которое структурирует непосредственно данное чувственного опыта и определяет переход в новую стадию предметного сознания — воспринимающего сознания.

На этой стадии категория предмета, которая фигурировала на этапе чувственности как единичное «это», обретает новые смыслы. Она предстает как фиксация множественности качественно различных вещей, отличающихся друг от друга своими свойствами, которые проявляются через отношение одной вещи к другой. Категория предмета расщепляется на категории «вещь, свойство, отношение». Вещь выступает уже как

¹ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. С. 51–52.

единство различных свойств. Чувственно единичное сознание переходит в стадию чувственно общего.

В контексте гегелевских рассуждений можно обнаружить, что в качестве форм сознания на этой стадии он выделяет и восприятие, и представление. Представление позволяет абстрагировать отдельные повторяющиеся у многих вещей свойства и отношения, превратить их в особые предметы. Категориально общее выступает здесь в форме особого чувственного образа. Гегель прослеживает далее, как из противоречия этих сторон чувственно достоверного и абстрактно-всеобщего, характерного для «воспринимающего сознания», возникает новое формообразование развивающегося духа — рассудок. На этой стадии развития происходит новое обогащение смыслами категории предмета. Она расщепляется на явление и сущность, а затем конкретизируется в категориях «сила» и «закон».

Параллельно с развитием категориальных смыслов, характеризующих предметный мир, развиваются смыслы, характеризующие субъект познания и действия. Его сознание выступает как самосознание. Хотя в концепции Гегеля самосознание определяется как более высокая ступень развития духа по сравнению с предметным сознанием, но в конкретном анализе он выявляет корреляции между развитием категориальных смыслов, характеризующих предметный мир, и развитием самосознания.

Уже на стадии перехода от чувственности к воспринимающему сознанию фиксируется осознание «я» как противоположного предмету и намечено его отношение к другим «я». Дальнейшее развитие, уже на уровне рассудочного сознания, связано с кардинальным различием предмета, который принципиально может быть утилитарно потреблен, и «я» как особым, мыслящим и действующим субъектом. Отношения коммуникации между различными «я», признание «другого» порождает осознание личностной особенности, что выступает новой формой бытия сознания — самосознанием.

Категории, как они фигурируют в обыденном сознании, рефлексивно еще не осмысливаются, не выделяются сознанием в качестве особых самостоятельных предметов, с которыми мысль может оперировать как с понятиями предельной степени общности. В этом статусе они функционируют в качестве

мировоззренческих универсалий культуры и выступают в форме обобщенных представлений, определяющих не только понимание и осмысление, но и переживание человеком мира.

Гегель фиксирует эту особенность категориальных смыслов, представляющих категории культуры. Хотя, разумеется, он не применяет этого понятия, как и не имеет в своем распоряжении представлений о структуре культуры и ее функциях в социальной жизни. Все эти представления сложились в гуманитарных и социальных науках более чем через столетие после Гегеля. Но он в своеобразной форме и в первом приближении обнаружил категории культуры (мировоззренческие универсалии). «В нашем обычном сознании, — пишет он, — мысли соединены с привычным чувственным и духовным материалом; в размышлении, рефлексии и рассуждении мы *примешиваем* мысли к чувствам, созерцаниям, представлениям (в каждом предложении, хотя бы его содержание и было совершенно чувственно, уже имеются налицо категории...)»¹.

Категориальные состояния духа, выступающие в форме чувств и представлений, включают в себя понятийное содержание, которое развивается по мере развития различных исторически возникающих видов сознания — обыденного сознания, нравственности, искусства, религии, права. «Так как только человек обладает религией, правом и нравственностью и так как он обладает ими только потому, что он — существо мыслящее, то все содержание права, религии и нравственности — будь это содержание дано чувством, верованием или представлением — произошло не без участия *мышления*; деятельность и продукты мышления *содержатся и даны в них*»².

Переходя от обыденного и другим формам сознания и фиксируя их взаимосвязь, Гегель шаг за шагом прослеживает, как обогащается содержание категорий сознания, как они обретают в развитии духа (культуры) новые смыслы. И это относится как к категориям, фиксирующим субъект-объектные отношения (вещь, свойство, отношение, явление, сущность, закономерность, случайность, необходимость и т. д.), так и к категориям, фиксирующим опыт субъект-субъектных взаи-

¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1 : Наука логики. С. 87.

² Там же. С. 85–86.

модействий, регулирующих действия и поступки субъекта в системе социальных связей (Я, другие, свобода, добро, зло, совесть, долг, счастье, красота, вера, душа, Бог и т. д.).

Эти категориальные структуры развиваются в формах нравственного сознания, искусства, политики и права, религии. Во всех этих сферах сознания категориальные смыслы представлены как сплав мыслительного и эмоционально-чувственного содержания, аккумулялирующего чувства, желания и волю¹, что и характерно для функционирования в культуре ее мировоззренческих универсалий². Но, как подчеркивает Гегель, по мере исторического развития категориальных смыслов в них все более значимую роль играет мыслительно-рациональная составляющая. Она выходит на передний план в качестве особой и самостоятельной формы сознания в науке и философии.

Основой научного познания является мышление в понятиях, и в наибольшей полноте, согласно Гегелю, оно реализуется в философии. В Новое время, как пишет Гегель: «Философией стали называть всякое знание, предметом которого является познание устойчивой меры и *всеобщего* в море эмпирических единичностей, изучение *необходимости*, закона в кажущемся беспорядке бесконечного множества случайностей»³.

Этот тип познания, как отмечает Гегель, следует называть эмпирическими науками⁴, а термины «философия природы», которой Ньютон называл свою физику, «философия рационального хозяйства», которым обозначают политическую экономию, равно как и применение термина «философия» к исследованиям в области химии, биологии и других наук, допустимы лишь в том смысле, что в эмпирических науках «существенной целью являются *законы, всеобщие положения, теории, мысли* о существующем»⁵.

Гегель фиксировал различие эмпирических наук и философии как различие в способах понятийного размышления о мире. В науке — это размышление «первого рода», когда

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. С. 87.

² Они определяют не только миропонимание, но и мироощущение и миропереживание людей, функционируют в качестве глубинных программ человеческой жизнедеятельности.

³ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. С. 91.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

понятийно всеобщее связано с особенным (с конкретными законами, теориями), хотя и по своей природе всеобщее противостоит особенному. В философии — это размышление «второго рода», когда понятийно всеобщее берется в своей собственной форме, как категории, которые обобщают категории эмпирических наук. Гегель уточняет это положение в процессе критики эмпиризма. Он подчеркивает, что обобщение опыта в научных понятиях всегда предполагает использование «метафизических категорий — материя, сила, одно, многое, всеобщность, бесконечность и т. д.»¹ Здравый смысл ученого часто пользуется этими категориями бессознательно, не осознавая метафизической компоненты в научном познании.

В принципе идея категориального синтеза опыта, порождающего конкретные научные понятия, была эксплицирована И. Кантом. Категориальные смыслы выступают предпосылкой и условием опыта и его обобщения. Но Гегель не ограничился этой констатацией, а сделал новый шаг. Сами категориальные смыслы он рассматривал как развивающиеся и подчеркивал, что это развитие осуществляется в разных сферах духа — в обыденном познании, искусстве, нравственности, праве, религии и философии.

В категориальных структурах сознания, в содержании которых переплетаются чувственно-эмоциональные и мыслительные компоненты, философия выделяет их понятийную основу. То же самое она делает и по отношению к понятиям эмпирических наук, выявляя имплицитно включенное в них категориальное содержание предельной степени общности и фиксируя его в форме философских категорий².

¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. С. 149.

² Хотя в явном виде Гегель не обсуждает проблему различия категорий культуры и философских категорий, он различает их, когда анализирует отношение философии к категориальным смыслам, данным в форме представления, где мысль включена в материал чувственности и переживания. «Так как особенности чувства, созерцания, желания, воли и т. д., поскольку мы их осознаем, называются вообще *представлениями*, то можно в общем сказать, что философия замещает представления *мыслями, категориями* или, говоря еще точнее, *понятиями*» (Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. С. 87). В этом «говоря еще точнее» зафиксировано различие между философскими категориями и категориями, как они функционируют в исторически более ранних формах сознания (обыденном сознании, нравственности, религии и т. п.) и где они выступают (если применить современный язык) в качестве категорий (мировоззренческих универсалий) культуры.

Философия постоянно соотносится с тем мыслительным содержанием, которое исторически развивается в других формах сознания и познания. «...Важно, чтобы философия уразумела, что ее содержание есть не что иное, как то содержание, которое первоначально порождено и ныне еще порождается в области живого духа, образуя *мир*, внешний и внутренний мир сознания...»¹

Вместе с тем она обогащает это содержание в процессе своего внутреннего теоретического развития, обнаруживая в процессе оперирования философскими категориями их новые определения, их новые смыслы. А это, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на все другие, отличные от философии формы познания, на развитие их категориальных структур. «Точка зрения философской науки наиболее содержательна и наиболее конкретна в себе; будучи результатом предшествующих ступеней, она имела своей предпосылкой конкретные формы сознания, например: мораль, нравственность, искусство, религию. В это развитие *содержания*, кажущееся на первый взгляд ограниченным лишь формальной стороной, входит также развитие содержания предметов особых частей философской науки»².

Философия выступает рефлексией над всеми формами духа, включая и себя как форму сознания и познания. Определение философии как самосознания культуры имеет генетические истоки в гегелевской интерпретации сущности философии.

Итак, в процессе построения интересубъективной модели абсолютного духа, Гегель не просто выделил духовную культуру как объективное состояние общественной жизни, но и определил ее внутреннюю архитектонику, ее основную несущую конструкцию, представленную развивающейся системой категориальных смыслов, структур, которые определяют понимание, переживание и осмысление человеком мира и своего места в мире.

Историческое развитие этих структур может быть рассмотрено в качестве одного из образцов саморазвивающейся системы.

¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. С. 89.

² Там же. С. 132–133.

Категориальная матрица саморазвития в философии Гегеля и современная наука

Создавая интерсубъективную модель абсолютного духа, Гегель абстрагировал основания культуры от других подсистем социальной жизни и наделил эти основания субстанциональным статусом. Таким образом была сконструирована идеализация, теоретический конструкт, представляющий в познании сущностные характеристики культуры как исторически развивающейся системы. Опираясь на эту идеализацию, Гегель открыл ряд закономерностей саморазвивающихся систем.

Здесь мы имеем ситуацию философского познания, весьма сходную с ситуациями открытия наукой законов изучаемых ею объектов. В естествознании это привычная процедура: чтобы получить законы колебания, создается теоретический конструкт — идеальный маятник, мысленные эксперименты с которым позволяют сформулировать законы колебания. Чтобы выяснить законы поведения разреженных газов, конструируется идеальный газ как идеализация реальных газов.

Важнейший закон популяционной генетики — закон Харди–Вайнберга, характеризующий условия генетической стабильности популяций, формулируется относительно идеализированного объекта — бесконечно большой популяции со свободным скрещиванием особей. Формулировка закона стоимости в экономике предполагает идеализированное представление обмена товаров, когда отвлекаются от колебания рыночных цен и вводят допущение, что спрос на товары абсолютно равен их предложению.

Сконструировав абсолютную идею как квинтэссенцию духовного развития общества, Гегель обосновал возможность привязки этой идеализации к реальной истории европейской культуры. Когда в своей системе он показывает, что категориальная схема саморазвития абсолютной идеи реализуется в развитии философии, искусства, религии, политического и правового сознания, то весь этот материал, содержащийся в его «Феноменологии духа», «Науке логики», «Философии духа», «Философии права», «Философии религии», в работах, посвященных эстетике и истории философии, можно интерпретировать с особой точки зрения как обоснование продуктивности предложенной им идеализации саморазвивающейся системы.

На этом идеализированном объекте Гегель, мысленно разрывая скрытое в нем содержание, конструирует систему категорий, описывающую саморазвитие, и обнаруживает ряд особенностей функционирования саморазвивающихся систем.

Прежде всего он открывает истоки порождения в ходе развития таких систем новых уровней организации. Процедура порождения представлена им в следующей форме: нечто (прежнее целое) порождает «свое иное», вступает с ним в рефлексивную связь, перестраивается под воздействием «своего иного», и затем этот процесс повторяется на новой основе. Здесь не просто реализуется знаменитая триада «тезис—антитезис—синтез», но обнаруживаются механизмы этой реализации. Их Гегель обнаруживает, исследуя порождение новых категорий, где каждая из них вначале выступает как потенциальное состояние ранее возникших категориальных смыслов, а затем отделяется от них, актуализируется как самостоятельная категория, которая оказывает воздействие на ранее породившие ее категориальные смыслы и создает предпосылки для возникновения новых категорий.

Важнейшей чертой этого процесса является то, что Гегель обозначал как «погружение в основание». Это понятие в современной интерпретации означает, что каждый новый уровень организации начинает управлять предшествующими уровнями и перестраивает основания системы, создавая новую целостность.

Гегель продемонстрировал эту особенность на многочисленных образцах обогащения смысла категорий и превращения порожденных новых категориальных смыслов в основание, каждый раз обеспечивающее новую целостность развивающейся категориальной системы.

Позднее Маркс использовал эти идеи Гегеля при анализе капиталистической экономики, рассматривая ее как органическую целостность. В Марксовом анализе возникновения денег в процессе товарного обмена и последующего превращения денег в капитал прослеживалась гегелевская схема «погружения в основания». Простой товарообмен, расширяясь, приводит к формированию особого товара как универсального средства обмена, в котором не потребительная стоимость, а меновая стоимость становится главным его качеством. Появляются деньги,

которые перестраивают само товарное обращение, превращая его в товарно-денежное. Деньги становятся основанием товарных рынков. Накопление денег в определенных условиях превращает их в капитал, и это вновь перестраивает рыночное производство, превращая его в капиталистическое.

Маркс не только признавал, что проведенный им анализ осуществлялся под влиянием гегелевской методологии, но и отмечал изоморфизм между гегелевской формой категориального синтеза и анализируемыми им процессами развития простого товарного производства в капиталистическое.

Принцип «погружения в основание» позволяет многое объяснить в процессах эволюции, которые интенсивно изучает современная наука. Он объясняет, например, почему могут реализоваться в ходе развития процессы, чрезвычайно маловероятные с позиций взаимодействия элементов первичных уровней организации развивающейся системы. Появление новых уровней организации, перестраивая систему, меняет вероятностные меры. Поэтому прогнозирование таких систем всегда имеет определенный горизонт и требует учитывать возможное изменение вероятностей при фазовых перестройках системы.

В категориальной сетке, которую выстраивал Гегель, изменение самого характера случайностей в ходе развития нашло свое выражение в разработке категорий возможности и действительности, в различении абстрактной и реальной возможности и анализе превращения абстрактной возможности в реальную, и затем в действительность.

У Гегеля можно найти и обобщение причинности, необходимое для понимания саморазвивающихся систем. Уже в «Феноменологии духа» он приводит идею о том, что противопоставление «механизма» и «телеологии» как видов каузальности может быть не просто принято как их взаимоисключающее дополнение, а как снятие, где целевая причинность управляет естественной каузальностью, служит не только результатом, но и новой организацией механизма и химизма.

Но, чтобы распространить идею саморазвития на все сферы бытия, а не только на область духовной жизни общества (где она и была обоснована), исходной идеализации духа необходимо было придать универсальный онтологический статус.

Применительно к социальной жизни этот статус имел основания в программирующих функциях культуры по отношению к многообразию видов деятельности, поведения и общения, благодаря которым воспроизводится и меняется общество как целостная система¹. Но применительно к природе этот статус по меньшей мере выглядел проблематично.

Здесь возникает известный, поставленный Ю. Хабермасом вопрос: возможен ли сколь-нибудь обоснованный переход от интересубъективной к идеалистической модели абсолютного духа? Гипотеза о взаимосвязи этих моделей может ориентировать на поиск оснований такого перехода, но пока они конкретно не выявлены, предпочтительнее выглядит соображение, что можно перейти только от идеалистической модели к интересубъективной, но не наоборот.

Идеалистическая модель, которая предполагала саморазвитие духа во времени как развития абсолютной идеи до природы и до человеческого общества, а затем ее воплощение в природу и общественную жизнь, не имеет оснований в научной картине мира и не вписывается в нее. В своем онтологическом статусе эта модель формировалась под влиянием христианской теологии и коррелировала со спекуляциями немецкой философской мистики².

Но можно рассмотреть идеалистическую модель абсолютного духа в другом аспекте: как попытку создать онтологию Универсума, описываемую в категориях саморазвивающейся системы, в которой подсистема человеческого духа как неотъемлемая составляющая исторического развития общества и самого человека встроена в общий контекст развития Универсума.

Как отмечал А. Кожев, гегелевская диалектика — «это, прежде всего, адекватное описание структуры Бытия»³, которое представляет собой тотальность и «реализуется не только

¹ Представление об обществе как объекте — особой системе, развивающейся по объективным законам, — сегодня включает понимание культуры как своего рода генома социального организма. И подобно тому, как наличие генетических кодов (ДНК и РНК) в составе клетки не отменяет материального существования клетки, а является условием этого существования, так и программирующие функции культуры выступают условием объективного существования и развития общества.

² См.: *Кричевский А. В.* Понятие абсолютного духа в философии Гегеля // Историко-философский ежегодник, 1991. М., 1991. С. 47–51.

³ *Кожев А.* Идея смерти в философии Гегеля. М., 1998. С. 128.

в качестве *природного Мира*, но и в качестве *Мира истории* (человеческий мир)...»¹

Но тогда проблему перехода от интерсубъективной модели абсолютного духа к идеалистической модели можно переформулировать и представить как проблему перехода от онтологии человеческой истории к онтологии Универсума как развивающейся тотальности. Ключевым аспектом в этой проблеме выступает связь диалектики природы и диалектики человеческой истории.

Эта связь реально предстает в развитии человека и его деятельности, поскольку человек, с одной стороны, — природное тело, а с другой — познающее и практически действующее общественное существо, развивающее себя в процессе своей истории. Как часть природной жизни, он ассимилирует природу, воспроизводя свое природное тело, но как познающее мир и практически действующее существо, он творит себя и изменяет окружающую природу, создавая вокруг себя новую предметную среду.

Процессы изменения природных объектов предстают как познавательная и практическая деятельность. Развитие деятельности, появление ее новых видов, ее средств и методов характеризуют историю человечества.

Гегель фиксирует, что взаимосвязь между практикой и познанием диалектична, она включает противоречие, которое развертывается и снимается в ходе исторического развития этих основных форм человеческой активности.

Противоречие между познанием и практической деятельностью — это противоречие между «стремлением брать мир лишь так, как он *есть*» и стремлением к «тому, чтобы сделать мир тем, чем он *должен быть*»². Это противоречие диалектически снимается по мере развития человека как познающего и действующего существа, по мере раскрытия познанием сущностных связей и закономерностей развития и изменения «преднайденного мира» в соответствии со знанием о нем, которое определяет реализацию в практической деятельности ее целей (их опредмечивания в результатах деятельности)³.

¹ Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля. С. 129.

² Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. С. 418.

³ Все эти конспективно изложенные выше положения гегелевской философской антропологии (подробнее см.: Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа.

В абсолютной идее, согласно Гегелю, осуществляется синтез, «единство идеи жизни и идеи познания», «единство практической и теоретической идеи»¹.

Единство познания и практики предполагает, что познание имеет дело с изменяемым в деятельности объектом. Измененный в деятельности объект — это искусственное, сотворенное человеком. Но задача состоит в том, чтобы «познать мир как он есть», то есть познать естественное.

Это противоречие, основанное на противопоставлении естественного и искусственного, было своего рода камнем преткновения для новоевропейской философии. Кант зафиксировал его как различие «вещи в себе» и познанной вещи («вещи для нас»). Гегель выступает против такого разграничения. «...Истинная природа предмета... осознается лишь посредством некоторого изменения»². «Чтобы узнать, что в вещах истинно, одного лишь внимания недостаточно — для этого необходима наша субъективная деятельность, преобразующая непосредственно существующее. Это кажется на первый взгляд совершенно превратным и противоречащим цели, которую мы ставим себе при познании. Можно, однако, сказать, что во все эпохи люди были убеждены в том, что лишь посредством произведенной размышлением переработки непосредственного достигается познание субстанциального. Лишь в новейшее время стали возникать сомнения в этом и стали проводить резкое различие между тем, что представляет собой продукт нашего мышления, и тем, что вещи представляют сами по себе. Теперь стали утверждать, что вещи в себе суть нечто совершенно другое, чем то, что мы из них делаем. Точка зрения этой раздвоенности была в особенности выдвинута критической философией против утверждения всех предшествующих поколений, для

М., 1959. 5, А, а, с; Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. С. 216–244) были проанализированы и развиты К. Марксом в его концепции практической природы познания (человек познает мир не в форме созерцания, а в форме практики) и в его концепции «второй природы», которая создается и изменяется в процессе производства в качестве искусственно воспроизводимого «второго тела человека», системы его искусственных органов, дополняющих и развивающих функциональные возможности естественного (биологического) тела человека.

¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. С. 419.

² Там же. С. 118.

которых согласие между мыслью и вещью представляло собой нечто бесспорное»¹. «Задача философии состоит лишь в том, чтобы ясно осознать то, что люди издавна признавали правильным относительно мышления»².

Критической философией Канта и всем вариантам скептицизма Гегель противопоставляет тезис — искусственное и есть естественное. «...Искусственная система должна согласовываться с системой самой природы и должна выражать только ее»³.

Обоснование этого тезиса состоит не только в том, что, изменяя объекты природы, мы действуем в согласии с ее законами, поскольку и в самой природе ее объекты также изменяются соответственно этим законам. Важно еще и особое понимание изменений.

Идея искусственного заключается в том, что объекты, возникающие в результате практической деятельности человека, вне его деятельности в самой природе не возникают. В природе не создаются как результат естественной самосборки ни столы, ни стулья, ни посуда, ни паровые машины, и если пойти дальше к сегодняшней эпохе, ни автомобили, ни самолеты, ни компьютеры. Возникновение всех этих объектов маловероятно с точки зрения естественных природных процессов, хотя и не противоречит законам природы.

Чтобы представить их как вариант естественных процессов, нужно посмотреть на них с особой точки зрения. Нужно интерпретировать изменения природных объектов как состояния саморазвивающихся систем.

Саморазвивающаяся система в состоянии фазового перехода имеет несколько направлений развития. Деятельность, включаясь во взаимодействие системы со средой, переводит систему в определенное русло или, если выразиться языком современной синергетики, способна породить странный аттрактор, который будет вести систему к определенному состоянию, изменяя вероятности реализации других сценариев развития (целевая причинность).

В этом случае можно считать, что вмешательство нашей деятельности в развитие системы сконструировало ее новые

¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. С. 118–119.

² Там же. С. 119.

³ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. С. 132.

состояния как искусственные. Но можно рассматривать эти же процессы как естественные, как выражающие сущностные особенности развивающегося объекта. Ведь система так устроена, что реализация одного из возможных сценариев развития выступает как условие и характеристика бытия системы, как выражение ее природы. И если мы своей деятельностью направили развитие системы по определенному руслу, то это одновременно и искусственное, и естественное. Жесткие грани между ними стираются. Искусственное предстает как вариант естественного.

С этих позиций преобразованные человеком природные объекты, составляющие «вторую природу», можно представить в качестве особой линии исторической эволюции Универсума, которая реализуется после того, как в ходе этой эволюции возникает человек и человеческое сознание.

Связи естественного и искусственного, их взаимопереходы создавали предпосылки для переноса идей саморазвития, полученных в рамках гегелевской социально-интерсубъективной модели духа, на Универсум в целом (идеалистическая модель).

Правда, во всей полноте Гегелю не удалось реализовать этот замысел. Диалектическая концепция природы не находила достаточного обоснования в состоянии науки гегелевского времени. Физика и химия развивались в эту эпоху еще в рамках механистической парадигмы, и лишь материал геологии и биологии в ограниченной мере позволял включить в научную картину мира идеи исторической эволюции. В «Философии природы» Гегель учел эти открытия своей эпохи и дал эскизный набросок перехода от геологических изменений к возникновению жизни и ее развитию. Но и в этом пункте возникали смысловые лакуны, которые Гегель заполнял натурфилософскими гипотезами, не имеющими подкрепления в научных данных.

Через полвека Ф. Энгельс предпринял попытку реализовать проект Гегеля в качестве материалистической диалектики природы, но эта попытка также не увенчалась успехом, поскольку и к концу XIX столетия открытия науки не позволяли обосновать идею исторического развития неорганической природы. А. Кожев даже в 1940–1950-х годах полагал, что гегелевская идея построить единую диалектическую онтологию Природы и Человека (= Истории), распространяя «антропологическую

онтологию» Гегеля на природу, ошибочна. Согласно точке зрения Кожева, следует «различать в рамках диалектической онтологии раскрытого Бытия, или Духа (определяемой посредством категории Тотальности), не-диалектическую (в духе традиции, восходящей к грекам) онтологию Природы (определяемую через категорию Идентичности) и диалектическую (инспирированную Гегелем, но соответствующим образом модифицированную) онтологию Человека, или Истории»¹.

Но то, что не удалось сделать в XIX и даже в первой половине XX века по отношению к гегелевской программе единой онтологии Универсума, в которой два основных его конституирующих элемента (природа и общество) предстают как саморазвивающиеся системы, начинает реализовываться в развитии научной картины мира конца XX — начала XXI века. Сегодня гегелевский грандиозный проект тотальной исторической эволюции природы, общества и человеческого духа переформулируется в программу глобального (универсального) эволюционизма, которая соединяет идею исторической эволюции с новейшими разработками общей теории саморазвивающихся систем².

В наиболее проблемной части этой программы — исследования исторической эволюции неживой природы — уже произошли существенные и весьма обнадеживающие изменения.

Концепция инфляционной Вселенной представляет состояние материи в первые моменты после Большого взрыва как единое взаимодействие, в котором четыре основных взаимодействия, изучаемые физикой, — сильное, слабое, электромагнитное и гравитационное, — слиты воедино. «Расщепление» этого взаимодействия как спонтанное нарушение исходной суперсимметрии приводит к возникновению четырех основных физических взаимодействий и соответствующих им различных сортов элементарных частиц (кварки, протоны, нейтроны, электроны, фотоны и т. д.).

¹ *Kojeve A. Introduction a la lecture de Hegel. L'idée de la mort dans la philosophie de Hegel.* P. : Gallimart, 1947. Русский перевод: *Кожев А.* Указ. соч. С. 67.

² Эта интерпретация глобального эволюционизма как синтеза эволюции и современных версий системного подхода была предложена в книгах: *Степин В. С., Кузнецова Л. Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994. С. 198–200; *Степин В. С.* Теоретическое знание. М., 2003. С. 643–646.

По мере расширения Вселенной взаимодействие элементарных частиц приводит к возникновению атомов и молекул, взаимодействие которых, в свою очередь, порождает химические процессы. Они также возникают во времени на определенных этапах исторической эволюции Вселенной.

На современной стадии развития научной картины мира возник целый ряд новых представлений о химической эволюции и ее переходе к биологической эволюции, сформировались новые идеи о возникновении и развитии жизни на Земле и о предпосылках становления человека и общества¹.

Все эти представления соединяются с парадигмой саморазвивающихся систем и коррелируют с категориальной матрицей, характеризующей такие системы. Многие элементы этой матрицы изоморфны категориальным смыслам, развитым в философии Гегеля, хотя и формулируются уже в другом, современном языке.

Достижения современной науки позволяют уточнить и развить намеченные Гегелем категориальные смыслы. Например, то, что Гегель обозначал как скачок, прерыв постепенности, качественный переход, сегодня стало объектом специального анализа в синергетике. Переход от одного типа гомеостаза к другому как особый этап развития сложных самоорганизующихся систем описывается в терминах динамического хаоса. И современная наука раскрывает закономерности поведения системы на этапе динамического хаоса. Уже создается математическое описание поведения систем в ситуациях динамического хаоса.

В этом отношении мне представляется достаточно корректным замечание физика, профессора Д. С. Чернавского о том, что диалектика в лице синергетики обретает математическую опору².

Категориальные смыслы, характеризующие саморазвитие и самоорганизацию, выполняют во многих областях современного научного поиска функцию методологических регулятивов.

¹ Обзор этих идей см. например: *Jantsch E. The Self-Organizing Universe: science a human implications of the emerging paradigm of evolution. Oxford, 1980*; *Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2003. С. 641–671*; *Грин Б. Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории. М., 2004. Гл. 14–15.*

² См.: *Чернавский Д. С. Синергетика и информация. Динамическая теория информации. М., 2001. С. 220.*

В частности, такого рода регулятивно-эвристической функцией обладает идея перестройки системы под воздействием возникающих в ней в ходе развития новых уровней организации. Гегель был первым мыслителем, который открыл эту особенность саморазвивающихся систем и категориально зафиксировал ее в понятии «погружение в основание». Эта идея долгое время не была востребована наукой, но сегодня научное исследование постоянно сталкивается с ситуациями, которые требуют осмысления развития с точки зрения этой идеи.

Так, когда в картину социальной реальности были включены представления о культуре как системе надбиологических программ деятельности, поведения и общения людей, то одним из важных следствий такой интерпретации было выявление обратного воздействия культуры на проявления генетических программ человеческого поведения. В частности, выяснилось, что видоизменяется действие фундаментальных биологических программ, таких как инстинкты питания, самосохранения, половой инстинкт. Они реализуются по-разному в человеческом поведении в зависимости от характера культурных традиций, через свойственные данной традиции регламентирующие нормы и обычаи.

Аналогичное действие принципа «погружение в основание» проявляется в биологии. В современных биологических исследованиях обнаружены многие необычные проявления ограничений, которые накладываются на функционирование клеток внутри многоклеточного организма. В онтогенезе, в процессе эмбрионального развития многоклеточных, сжато воспроизводятся особенности их филогенеза, когда новый уровень организации живого, исторически возникший в процессе эволюционного перехода от одноклеточных к многоклеточным организмам, изменял свойства клеток как элементов целого.

Выясняется, что отдельные генетические программы, содержащиеся в геноме клетки, избирательно блокируются в зависимости от клеточного окружения, что приводит к специализации клеток и формированию органов многоклеточного организма. Известны опыты с эмбрионами лягушки, когда из обозначившегося туловища головастика выделяли клетку, которая должна была развиваться в кишечник, и перемещали в головную часть, и эта клетка в новом окружении развивалась в глаз.

Но, пожалуй, наиболее экзотическим для здравого смысла проявлением принципа «погружения в основание» выступают предполагаемые современной физикой и космологией реконструкции самых начальных стадий развития Вселенной после Большого взрыва. Согласно этим реконструкциям в промежутки от первовзрыва до 10^{-43} с единое взаимодействие, в котором слиты и неразличимы гравитационное, сильное, слабое, электромагнитное взаимодействия, осуществляется в одиннадцатимерном пространстве–времени. Привычного для нашего мира четырехмерного пространства–времени (трех измерений пространства и одного времени) еще нет. Одиннадцатимерное пространство–время описывается посредством особой математической структуры — многообразия Калаби-Яу. Предполагается, что одиннадцать измерений как компоненты пространства Калаби-Яу участвуют в различных комбинациях друг с другом, что сопряжено с разрывами и восстановлениями «ткани пространства». Но когда в этом процессе возникает комбинация четырехмерного пространства–времени, ситуация меняется. Остальные восемь компонент первичного одиннадцатимерного пространства компактифицируются, сворачиваются в рамках планковской длины — 10^{-33} см¹. Образовавшееся четырехмерное пространство накладывает ограничение на другие комбинации измерений, становится системообразующим фактором дальнейшего «поведения» Вселенной. Четырехмерное пространство–время означает появление гравитации, которая отпочковывается от первичного взаимодействия. С этого момента начинается инфляция (стадия ускоренного расширения Вселенной) и дальнейшее расщепление «объединенного взаимодействия» (разделяются сильное и электрослабое взаимодействие, которое, в свою очередь, дифференцируется на слабое и электромагнитное)².

Последовательное применение принципа «погружение в основание» к процессам саморазвития выдвигает довольно сильную методологическую идею — появление во времени новых законов, которые могут накладывать ограничения на действие ранее возникших законов. В принципе действие социальных закономерностей по отношению к биологическим

¹ См.: Грин Б. Указ. соч. С. 233–234.

² Там же. С. 227–228.

подтверждает эту идею. Сложнее обстоит дело в ситуациях, связанных с соотношением биологических и химических законов, а также их связей с законами физики.

Современная физика исходит из принципа неизменности изучаемых ею законов природы. Однако в свое время известный физик П. Дирак высказывал мысль о возможном изменении по мере эволюции Вселенной мировых констант, что эффективно эквивалентно изменению физических законов, в которые включены эти константы.

Пока эти идеи не вышли из стадии гипотезы. Но нет никаких оснований полагать, что ситуация не изменится по мере дальнейшего развития физики в рамках эволюционной парадигмы.

Можно вполне обоснованно полагать, что анализ и развитие предложенных Гегелем категориальных структур с позиций современных представлений может стать важным шагом в разработке философских оснований науки XXI века. Конечно, в этом процессе произойдут переформулировки гегелевского языка на язык, адаптированный к современным достижениям науки и современной культуре. Но потенциал гегелевских идей вполне может стимулировать новые нетривиальные подходы в этой области.

Глава 6. НАУКА И РЕЛИГИЯ В ТЕХНОГЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГА¹

Функции науки и религии в культуре внешне выступают как противоположные, но при более внимательном рассмотрении они предстают как дополнительные.

Если рассматривать общество как целостную органическую, развивающуюся систему, то в его динамике можно выделить процессы устойчивости и изменчивости. Соответственно в культуре возникают программы, выражающие устойчивую наследственность социальной жизни, и программы, нацеленные на ее изменения. Развитие, не приводящее к гибели социального организма, возможно только при сбалансированности обоих типов программ. Если с этих позиций рассматривать науку и религию, то интенция науки на порождение нового знания делает ее важнейшим социальным фактором изменений в культуре и обществе. Что же касается религии, то она выступает хранителем традиций, устойчивых ценностей, аккумулирующих исторически апробированный опыт социальной адаптации человека к природе и социальным общностям. Достаточно вспомнить, что именно в историческом развитии мировых религий кристаллизовались общечеловеческие нравственные ценности. Золотое правило нравственности («поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе») признается во всех мировых религиях. Религиозные заповеди «не убий», «не укради» и другие также выступают как идеалы, регулирующие отношения людей².

¹ Основой главы являются работы: *Степин В. С.* Философия и религия в социокультурном контексте (памяти Л. Н. Митрохина) // Вопросы философии. 2008. № 7; [Выступления В. С. Степина в дискуссиях круглого стола] // Куда идет российская культура? : круглый стол 27–28 июня 2009 г. / науч. ред. В. С. Степин, А. С. Запесоцкий. СПб., 2010.

² См.: *Гусейнов А. А.* Великие моралисты. М., 1995; *Он же.* Золотое правило нравственности. М., 1988.

Правда, общечеловеческие ценности не выделены в чистом виде ни в одной из мировых религий. Они, будучи общим, инвариантным содержанием, сплавлены с особенным, с конкретными интерпретациями, выражающими специфику той или иной культурной традиции.

Диалог между различными религиями, о котором сегодня пишут и говорят как об одном из важнейших аспектов диалога культур, затруднен именно в силу этого жесткого сплава общечеловеческого и специфических его интерпретаций. Следствием непримиримости специфических трактовок общих принципов является конфронтация между религиозными конфессиями, доходившая в предшествующей истории человечества до религиозных войн как крайнего проявления религиозной нетерпимости.

Религия основана на вере, а вера предполагает эмоциональное состояние человека, нацеленного на отстаивание принципов веры. Для религии эти принципы незыблемы.

Наука также опирается на определенную систему принципов. Она формирует картину мира, которая описывается в системе онтологических постулатов (принципов). Например, принципы неделимости атомов, мгновенной передачи сил (дальнодействия), лапласовского детерминизма, принцип абсолютности пространственных и временных интервалов (абсолютное пространство и время) описывали механическую картину мира. Эта картина мира господствовала в науке XVII–XVIII веков. Кроме онтологических принципов, в науке используются методологические принципы. Они характеризуют принятую на определенном историческом этапе развития науки систему идеалов и норм исследования (идеалов и норм объяснения и описания, доказательности и обоснования, строения и построения знания). Так, в период господства механической картины мира в качестве идеала объяснения принимались идеалы классической рациональности, которые требовали исключить из объяснения любые ссылки на субъект, средства и операции деятельности. Эти идеалы в свою очередь конкретизировались в соответствии с установками механистического понимания природы. Объяснение истолковывалось как поиск механических причин и субстанций — носителей сил, которые детерминируют наблюдаемые явления.

Принципы науки могут быть устойчивы на определенном этапе развития. Но по мере открытия новых типов объектов они могут потребовать радикального пересмотра. Так произошло в науке в конце XVIII — первой половине XIX столетия, когда возникла ее дисциплинарная организация и представления об объектах как механических системах оказались неадекватными предмету большинства наук. Соответственно потребовался пересмотр принципов, выражающих идеалы и нормы научного исследования.

Еще более радикальным был пересмотр онтологических и методологических принципов различных наук в процессе серии научных революций XX столетия: в биологии в связи с развитием генетики и открытием новых уровней организации жизни (популяции, биогеоценозы, биосфера); в физике в процессе создания теории относительности, квантовой механики и последующего развития теории квантовых полей; в космологии в связи с формированием концепции нестационарной и инфляционной Вселенной; в междисциплинарных исследованиях в связи с появлением таких направлений, как теории систем, кибернетика и динамика неравновесных систем.

Опыт истории свидетельствует, что принципы науки изменчивы, и ни на одном этапе ее развития они не могут в целостном комплексе претендовать на последнюю и окончательную истину. Они выступают как относительные истины, включающие элементы объективно-истинного знания.

Как отмечал А. Эйнштейн, история научного познания свидетельствует, что фундаментальные понятия и представления науки никогда не могут быть окончательными. «Мы всегда должны быть готовы, — писал он, — изменить эти представления», изменить аксиоматическую базу науки, чтобы обосновать факты «логически наиболее совершенным образом»¹.

Каждая научная теория, картина мира, система методологических установок имеет границы своего применения. Изменение фундаментальных понятий и принципов науки является нормой ее функционирования в культуре. В религии же нормой является сохранение ее фундаментальных принципов. Отсюда, конечно, не следует, что в мировых религиях ничего не меняется после их возникновения. Речь идет о другом.

¹ См.: Эйнштейн А. Собрание научных трудов. М., 1967. Т. 4. С. 136.

Об устойчивости фундаментальных положений. Но интерпретация отдельных из этих положений может меняться. Появление новых истолкований, как правило, воспринимается хранителями традиций как недопустимая ересь. Противостояние протекает при признании одних и тех же священных текстов. Библия признается в качестве священной книги и протестантами, и католиками, Коран — и шиитами, и суннитами.

В науке же нет священных книг, обращение к которым могло бы помочь решению всех проблем, возникающих в научном поиске. Есть фундаментальные труды, открывавшие путь новым направлениям, но по мере развития науки содержащиеся в них знания уточняются, переформулируются, выясняются границы их применимости. Сегодня никто не изучает механику по книге И. Ньютона «Математические начала натуральной философии», хотя она была великой вехой в становлении естествознания. Законы механики, сформулированные в этой книге, затем переформулировались в новом языке Эйлером, Лагранжем, Гамильтоном, а с возникновением квантово-релятивистской физики были уточнены и границы применимости классической механики.

Отношение к великим памятникам истории научной мысли у ученого совсем другое, чем у верующего — к таким священным книгам мировых религий, как, например, Библия для христиан или Коран для мусульман.

И в этом также проявляется различие в двух дополняющих друг друга интенциях социальной жизни — на изменение и устойчивость, на ценность инноваций для науки и на доминирующую ценность традиций для религии.

Как феномены культуры, наука и религия формируют особые программы человеческой жизнедеятельности. Наука нацелена на изучение объектов, которые актуально или потенциально могут осваиваться в развивающейся человеческой деятельности. Это могут быть самые разнообразные объекты — природные, социальные, ментальные, и все они могут стать предметом научного исследования. В этом отношении у науки нет границ.

Но человеческая жизнедеятельность не редуцируется только к преобразованию объектов деятельности. И наука не исчерпывает собой всей культуры. Постигание человеком мира

и самого себя достигается не только благодаря науке. В этом процессе участвуют и внеучные формы знания, те, которые дает обыденное познание, художественное освоение действительности, нравственность и религиозный опыт. И если наука центрирована на исследовании объект-предметных структур мира, то религия акцентирует прежде всего опыт субъект-субъектных отношений, опыт человеческих коммуникаций, регулируемых фундаментальными ценностями культуры.

В религиозных чувствах выражены состояния сознания человека (вера, надежда, любовь), которые не редуцируются целиком и полностью к рациональной компоненте. Религия сосредоточивает внимание на переживаниях человеком своей ответственности перед Богом и людьми за свои поступки, ответственность за соблюдение фундаментальных нравственных запретов, нарушение которых угрожает распадом социальной жизни, деградацией человека к животному существованию.

Отношения между наукой и религией менялись в ходе исторического развития цивилизации. В традиционалистских обществах религия и миф играли доминирующую роль в культуре. В ценностных приоритетах этих обществ главное место отводилось традициям. Инновации же чаще всего маскировались под традицию, они не должны были и не могли открыто противостоять ей. Соответственно в традиционалистских культурах миф и религия определяли мировоззренческие ориентации людей. Они задавали своеобразную ментальную рамку, с которой должны были согласовываться добываемые знания, в том числе и научные.

Ситуация изменилась с возникновением техногенного типа цивилизационного развития. В развитии техногенных обществ решающую роль играет изобретение и внедрение новых технологий, которые приводят к появлению новых видов, средств и способов деятельности. В таких обществах происходят ускоренные изменения социальной жизни. Ценность инноваций, выраженных в новых знаниях и новых технологиях, превращается в особую традицию техногенной культуры.

Но не следует упускать из виду и то обстоятельство, что культ научной рациональности, который пронизывает основные состояния техногенной культуры, имел свои исторические истоки. Это обстоятельство достаточно детально проанализировано

в историко-научной и философской литературе, в том числе и в отечественных исследованиях¹.

Еще в античной культуре отчетливо прослеживалась интерпретация рационального постижения мира как условия правильных действий и поступков человека. Эта идея была своеобразной доминирующей программой последующего развития западной мысли. Она воплотилась в идеал и практику научной рациональности, в становлении и развитии которой важную роль сыграла не только античная традиция, но и христианское миропонимание. В его рамках было развито представление о человеческом разуме как копии божественного разума, способном постигать запечатленный в мироздании план и закон божественного творения.

Внутри христианской традиции существовали два подхода к религиозному познанию природы в целях лучшего понимания Бога (натуральная теология).

Подход, свойственный ранней церкви и долгое время сохранявшийся в греко-византийской теологии, видел в природе символическую систему, через которую Бог обращается к людям (муравей — символ трудолюбия и поучение бездельнику, пламя — символ стремления души ввысь и т. п.)². Подход, сложившийся на латинском Западе с начала XIII века, стал развивать иное понимание. Он стремился прочесть книгу Природы, написанную Богом, так, чтобы понять, как устроено и как действует его творение, раскрыть логику этого, его внутренний закон. Именно это понимание шаг за шагом приводило к становлению особого типа рациональности, реализовавшегося затем в развитии новоевропейской науки.

Напомню, что христианская культурная традиция была важнейшей предпосылкой интерпретации экспериментальной деятельности как главного метода исследования природы. В античной культуре такая интерпретация отсутствовала. Здесь природа понималась как живой организм, каждая часть которого имеет качественную специфику и подчинена гармонии целого. Идея экспериментирования с любой частью природы воспринималась как нарушение ее гармонии. Искус-

¹ См. главу «Социокультурное измерение науки».

² *White Jr. The Historical Roots of Our Ecologic Crisis // Science. 1967. Vol. 1955, № 3767. P. 1205.*

ственное («тэхне») противопоставлялась естественному («космос» и «фюзис»). Постигание Космоса полагалось возможным только через умозрение, поэтому наука Античности — это прежде всего философия и математика. Что же касается, например, науки александрийской эпохи (Архимед, Герон и др.), которая сегодня зачастую истолковывается как начало экспериментальной физики, то в Античности она воспринималась как «тэхне», относилась к области искусственного, которое, как считалось, не дает ключа к пониманию Космоса — естественной гармонии качественно неповторимых вещей¹.

Новое понимание природы и человеческой деятельности, устранявшее резкое противопоставление естественного и искусственного, возникло в процессе формирования ценностных оснований техногенной цивилизации.

В техногенной культуре природа рассматривается как своеобразное поле человеческой деятельности, которая создает новые объекты и процессы природы соответственно ее законам. Античному пониманию «фюзиса» и «космоса» здесь противостоит представление о природе («натура») как такой композиции качественно различных вещей, которые вместе с тем имеют определенное свойство однородности, подчиняются строгим законам, общим для различных классов индивидуальных объектов.

Законы обнаруживаются при изменениях состояния объектов, поэтому, экспериментируя с этими объектами, погружая их в разные условия взаимодействия, мы получаем метод обнаружения законов природы, их познания и практического освоения.

Предпосылкой перехода к новому пониманию природы, человеческой деятельности и создаваемых в деятельности объектов была христианская культурная традиция. Она выступала своеобразным опосредующим звеном между античной и новоевропейской культурой. В средневековом христианстве сохранялись присущие античной культуре противопоставления естественного искусственному (как тварного божественного и тварного человеческого), но здесь содержалась и потенциальная возможность перехода к иному пониманию, поскольку

¹ О специфике античного понимания природы подробнее см.: Ахутин А. В. Понятие «природа» в Античности и в Новое время.

человек рассматривался как творение Бога, созданное по его образу и подобию¹.

Поэтому можно было, не входя в противоречие с принципами христианского мировоззрения, трактовать человеческую деятельность как своеобразное, пусть несовершенное, но продолжение божественного деяния. Эта потенциальная возможность новых интерпретаций стала реализовываться в период Ренессанса и Реформации. В это время начинает складываться новое понимание связи между естественным и искусственным. Традиционное христианское учение о сотворении мира Богом получает здесь особое истолкование. По отношению к божественному разуму, который создал мир, природа рассматривается как искусственное. Деятельность же человека истолковывается как своеобразное подобие в малых масштабах актов творения. В эпоху Реформации эти идеи нашли опору в философии протестантизма, согласно которой служение Богу должно быть не только в молитвах, но прежде всего в созидательных делах.

В Новое время основой человеческой деятельности полагается подражание природе, распознавание в ней разумного начала (законов) и следование осмысленной гармонии природы в человеческих искусствах — науке, художественном творчестве, технических изобретениях. Ценность искусственного и естественного уравниваются, а разумное изменение природы в человеческой деятельности выступает не как нечто противоречащее ей, а как согласующееся с ее естественным устройством. Именно это новое отношение к природе было закреплено в категории «натура», что послужило предпосылкой для выработки принципиально нового способа познания мира: возникает идея о возможности ставить природе теоретические вопросы и получать на них ответы путем активного преобразования природных объектов.

Зарождающееся естествознание соединяло идею эксперимента с установками математического описания природы. И в этом пункте, как ни странно, также можно обнаружить следы предшествующих подходов христианской традиции.

¹ Роль религиозных традиций и Реформации в становлении нового понимания искусственного и естественного обстоятельно анализировалось Л. М. Косаревой и П. П. Гайденко.

Трактовка природы как книги, написанной божьими письменами, получает новую интерпретацию. Г. Галилей использует традиционный образ познания как расшифровку божественного письма, которым написана книга природы. Но истолковывает его по-новому: «Книга природы написана языком математики».

Идеи принципиальной неразличимости искусственного и естественного как проявления действия одних и тех же законов природы и возможности математического описания этих законов были основанием галилеевской программы построения механики. Согласно этой программе ключевым методом исследования закономерностей природных объектов является анализ поведения механических устройств.

После возникновения естествознания отношения науки и религии стали подобными отношению взрослеющего сына к своим родителям, когда первый постепенно освобождается от опеки вторых и ведет самостоятельную жизнь, но если они живут в одной семье, то и родители вынуждены адаптироваться к сыну, изменяя характер своего поведения. Эту же мысль можно выразить в терминах описания сложных развивающихся систем, где каждый новый уровень организации (подсистема), возникающий из предшествующего состояния, воздействует на породившее его целое и видоизменяет его. Или, как говорил Гегель, нечто рождает свое иное, вступает с ним в рефлексивное отношение, а затем осуществляется погружение в основание и изменение целого. Отношение к своему иному всегда есть противоречие, но противоречие, которое снимается новым единством.

В истории новоевропейской культуры наука вступила в сложные противоречивые отношения с религией, когда стала формировать свою картину мира, претендуя на ее особый мировоззренческий статус. Научная картина мира постоянно меняется и обновляется, часто радикально изменяя наши представления о мироздании. Через систему современного образования научные представления о мире входят в обыденное сознание, а их изменение требует корректив нашего миропонимания.

Мировоззренческий статус науки во многом обеспечивал ее автономное развитие, санкционируя ценность фундаментальных исследований, открывающих человечеству возможные

миры его будущего технологического освоения. И только когда наука развила этот слой исследований, она обрела наряду с мировоззренческой технологическую функцию, систематически внедряясь в различные сферы производственной и социальной деятельности и вызывая в них технологические революции.

В период становления научной картины мира и мировоззренческого статуса науки церковь активно сопротивлялась нарастающей автономии научного познания (известные преследования инквизицией Г. Галилея, сожжение на костре Дж. Бруно и др.). Но затем ситуация изменилась. Для включения в культуру представлений развивающейся научной картины мира уже не требовалось адаптировать ее к религиозным представлениям. Более того, в рамках христианской традиции обозначилось стремление согласовывать принципы христианского миропонимания с достижениями развивающейся науки. В русле этих новых установок возникла философия неотомизма, была разработана эволюционная концепция Т. Шардена, перекликающаяся с идеями русского космизма и учением В. Вернадского о ноосфере. Западная культура на стадии техногенной цивилизации сохраняла христианскую традицию в реформированном виде, соединяя ее с ценностями науки.

Длительное время господствовало убеждение, что техногенный тип цивилизации является своего рода магистральным путем общественного прогресса. Эта цивилизация действительно привела к впечатляющим достижениям в области производственных технологий, медицины, улучшения качества жизни. Но она породила и глобальные кризисы, поставившие под угрозу само существование человечества. Сегодня есть серьезные основания для сомнений в способности современной цивилизации найти выход из этих кризисов, не меняя стратегии развития и базисных ценностей техногенной культуры.

В таком случае речь идет о новом типе цивилизационного развития, третьем по отношению к традиционалистскому и техногенному. Но если будут изменяться базисные ценности современной цивилизации, то как это скажется на взаимоотношении науки и религии? Новые тенденции в этих отношениях могут быть рассмотрены как точки роста новых ценностей.

В своих работах последних лет я не раз обращался к анализу этой проблемы. Изменения, происходящие в современной

науке и технологической деятельности, связаны с формированием особого типа рациональности. Я называю ее постнекласической. Этот тип рациональности связан с освоением сложных развивающихся систем, обладающих синергетическими характеристиками.

Исследование и технологическое освоение развивающихся систем предполагает оценку сценариев развития системы, определения зон риска, которые могут иметь негативные социальные и гуманитарные последствия. В этом случае принципы внутреннего этиоса науки (установки на поиск истины и наращивание истинного знания) необходимы, но недостаточны. Требуется дополнительно соотносить их и с социальными ценностями, которые выступают условием функционирования науки.

Такое соотношение осуществляется посредством социально-гуманитарной экспертизы научно-технологических программ и проектов.

Сегодня особенно остро стоят проблемы, связанные с вмешательством в генетику человека (клонирование, воздействие на гены во внутриутробном развитии с целью проектирования ребенка с заданными свойствами и т. п.). Исследования и технологии в этой области вызывают многочисленные дискуссии по поводу их последствий. И в этих дискуссиях принимают активное участие не только ученые разных специальностей, но и религиозные деятели. В состав этических комитетов, которые принимают решения относительно поддержки тех или иных направлений исследований, входят, наряду со специалистами в данной области исследований, также юристы, экономисты, политики и представители религиозных конфессий. Возникают новые ситуации диалога науки и религии, которые вносят определенные изменения в прежний статус полной автономии и самооценности научных исследований.

В современной экономике знаний и обществе знаний ценностные приоритеты науки сохраняются, но возникают коррективы и конкретизации этих приоритетов, обусловленные современными формами социального потребления научных знаний. Эти коррективы требуют экспликации тех ранее скрытых социальных детерминант, которые всегда регулировали развитие науки, но осознание которых на предшествующих

стадиях развития не было необходимым условием продуктивной научной деятельности. Сегодня такое осознание необходимо. Оно выступает предпосылкой получения объективного научного знания и его последующей технологической реализации.

Все эти изменения научной рациональности можно интерпретировать как точки роста новых ценностей, возникающие в рамках современной техногенной культуры. Они открывают новые аспекты взаимоотношения науки и религии.

Но и в самой религии происходят изменения, которые можно было бы оценить с позиций поиска новых ценностей.

Имеются довольно многочисленные практики в создании сельских экологических общин из бывших городских жителей, которые стремятся укоренить образ жизни, основанный на новом отношении к природе. В таких общинах часто возникают новые версии религиозного сознания, конфронтрующие с представлениями о природе как резервуаре ресурсов для деятельности и о человеке как преобразователе природы. Можно зафиксировать и появление новых концепций в рамках современной христианской теологии. В этом отношении показательны работы современных протестантских теологов Х. Ролстона, А. Пиккока. Они отстаивают идею, согласно которой Бог еще не закончил процесс творения мира, а творит его непрерывно: эволюция продолжается. Получается, мир не просто создан Богом, который смотрит на него как бы со стороны и наблюдает за ним. Бог — соучастник этого процесса, и сумма зла, творимого людьми на Земле, тоже оказывает влияние на этот процесс. Возникает представление о том, что человек ответственен за космическую эволюцию, влияет на нее добром или злом, которое сам творит. Эти идеи могут по-новому осветить принципы человеческой ответственности перед природой, перед собой и будущими поколениями. В ряде аспектов они перекликаются с идеями философии русского космизма.

Глава 7. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПОИСК НОВЫХ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ¹

Великие достижения цивилизации часто возникали при взаимодействии различных культурных традиций. «Греческое чудо» обязано встрече античных традиций и восточных культур. Греческая математика возникла как результат синтеза античной философии и логики с достижениями математики Египта и Вавилона.

Грандиозные трансформации европейской культуры в эпоху Ренессанса и последующих эпох Реформации и Просвещения были продуктом встречи достижений христианской культуры с перекрываваемой культурой античного мира.

В наше время глобализации создаются новые перспективы взаимодействия культур. И от того, как будут протекать эти взаимодействия, зависят судьбы цивилизации.

Современная глобализация выростала из процессов модернизации, которые начались достаточно давно. Они были связаны с заимствованием западных технологий традиционалистскими обществами. Вместе с технологиями заимствовались породившие их пласты западной культуры, которые трансплантировались на традиционалистскую почву. В связи с этим уместно вспомнить высказывание Герцена относительно последствий для отечественной культуры первой российской модернизации — Петровских реформ. Герцен писал, что на реформы Петра I Россия ответила своеобразно, она ответила на них более чем через сто лет гением Пушкина. Н. Бердяев, продолжая эту мысль, отмечал, что весь «золотой век» русской культуры и ее Серебряный век были ответом на реформы

¹ Основой главы являются работы: *Степин В. С.* Взаимодействие культур и поиск новых стратегий цивилизационного развития // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. СПб., 2009; *Степин В. С.* Стратегии глобализации и диалог культур // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010. СПб., 2010.

Петра I. Это действительно так. Встреча разных культур всегда приводит к инновационным всплескам и великим творениям.

Модернизации переводят традиционалистские общества на путь техногенного развития, сохраняя при этом фрагменты традиционалистской культуры и порождая проблемы их адаптации к новым ценностям. Так было в истории России, Японии, Китая. Эти же особенности можно зафиксировать в новейшей истории Индии, Бразилии и других стран, осуществляющих модернизационные процессы.

Когда мы говорим о современной глобализации, то речь идет о взаимодействии стран разного цивилизационного типа. Еще сохранились страны, где доминируют черты традиционалистского типа, есть общества, породившие техногенный тип развития (Запад) и далеко продвинувшиеся на этом пути, и есть страны, перешедшие на этот путь благодаря процессам модернизации (Россия, Япония, Китай, Индия, ряд стран Латинской Америки).

В процессах модернизации, которые осуществлялись в индустриальную эпоху, культура техногенных обществ позиционировала себя в соответствии с идеалом прогресса как символ более высокой ступени развития по сравнению с традиционными культурами. Эта же позиция пока доминирует и в современных процессах глобализации.

На этот сценарий работают: а) современная организация мирового рынка; б) политические и военно-политические факторы, связанные с доминирующей ролью США; в) агрессивная трансплантация массовой культуры в различные страны и регионы планеты.

Массовая культура укоренялась в техногенных обществах в связи с преобразованиями повседневной жизни, вызванными урбанизацией, разрушением традиционалистских общинных отношений, распространением массовых форм образования. Стандартизация производства и потребления, возникновение индустрии детского воспитания, медицинского обслуживания, досуга и развлечений превратили массовую культуру в реальный регулятор повседневной жизни масс населения. Массовая культура вытесняет и трансформирует народную культуру, которая была основой социальной жизни в традиционных обществах.

Во второй половине XX века массовая культура стала не только выразителем, но и своего рода пропагандистом идеалов потребительского общества. Ее внедрение в культуру обществ, сохраняющих самобытные традиции, создает угрозу утраты этой самобытности. Глобальная трансляция массовой культуры сегодня выступает особым средством утверждения ценностей проекта «Модерн», видоизмененных в эпоху общества потребления.

В принципе эффективность модернизации, основанной на копировании западных образцов, сегодня подвергается серьезным сомнениям. Тезис западных идеологов глобализации «Делайте как мы — и вы будете жить как мы» содержит большую долю лукавства. Рост благосостояния людей в экономически развитых обществах потребления связан с постоянным повышением уровня энергопотребления. Энергетические затраты растут даже с учетом внедрения все более эффективных энергосберегающих технологий. Подсчитано, что если бы в наше время все человечество перешло на тот уровень энергопотребления на душу населения, который реализован в США, то уже освоенные и разведанные на сегодня энергоресурсы были бы исчерпаны буквально на протяжении жизни одного поколения.

К этому следует добавить, что прямо пропорционально росту энергопотребления возрастает и загрязнение природной среды. Если мысленно предположить, что все человечество реализовало бы стандарты потребления развитых стран Запада, то экологическая катастрофа произошла бы за считанные годы (а может быть, даже и месяцы).

В 1990-х годах была сформулирована концепция, согласно которой поддержание современного уровня потребления, характерного для экономически развитых стран, возможно только для «золотого миллиарда» жителей планеты. Из пропагандистских целей эта концепция сегодня практически не упоминается в западных СМИ. Но реальные стратегии современной глобализации пока разворачиваются в соответствии с этой концепцией.

Вместе с тем большинство развивающихся стран вряд ли удовлетворятся положением, когда их население заранее обречено быть за пределами «золотого миллиарда». Сегодня Китай

вышел на второе место в мире по валовому продукту производства, но по уровню доходов на душу населения он многократно уступает развитым странам Запада. Большинство интенсивно развивающихся стран ставят своей целью повысить уровень потребления на душу населения, а в идеале сравняться по этому показателю со странами Запада. Но поскольку существуют объективные энергетические и экологические ограничения этого процесса, то эти цели вряд ли могут быть реализованы без дальнейшего обострения глобальных кризисов. Это означает, что необходима альтернативная стратегия глобализации, которая должна быть связана с поиском новых ценностных ориентиров и соответственно новых путей цивилизационного развития.

Взаимодействие культур в двух упомянутых стратегиях (уже реализуемой и возможной альтернативной) имеет разную направленность. В первом случае взаимодействие культур ориентировано на тот тип модернизации, в котором страны, достигшие лучших успехов в техногенном развитии, предлагают свою версию техногенных ценностей и свой образ жизни как идеалы и образцы, которые должны быть восприняты менее развитыми странами. Во втором случае на смену односторонней трансплантации ценностей приходит диалог культур, предполагающий равноправное партнерство и уважение к культурным традициям. Диалог культур в этом случае обретает своего рода сверхзадачу — отыскать ценности, обеспечивающие выход из глобальных кризисов.

Чтобы продвинуться в этом направлении, нужно первоначально определить то общее, что может стать основой взаимопонимания культур. Здесь возможны два подхода. Первый из них акцентирован на выявлении общечеловеческого в различных культурных традициях. Предполагается, что наличие общечеловеческой компоненты обеспечит диалог культур. Но все дело в том, что общечеловеческое в разных культурах имеет свои особые интерпретации. Оно сплавлено с теми пластами смыслов, которые характеризуют историческую специфику той или иной культурной традиции. И сама попытка отделить общее от особенного в культуре наталкивается на сопротивление, поскольку люди идентифицируют себя как народ, этнос, социальную группу именно в связи с особенностями, отличающими их от людей другой культурной традиции.

Диалог культур в этом подходе предполагает границы взаимодействия, где особенности каждой культуры должны быть признаны, и к ним необходимо уважительно относиться. Здесь создаются предпосылки взаимопонимания культур, но не просматриваются возможности изменения базисных ценностей, разделяющих культуры.

Во втором подходе к диалогу культур границы особенностей, определяющие самобытность культур, предстают как исторически изменяющиеся, а традиции — как переосмысливаемые. В этом случае анализ акцентирован на выявлении тенденций изменения традиций. И в связи с этим возникает вопрос о предпосылках формирования точек роста новых ценностей как условия преодоления глобальных кризисов.

Точки роста новых ценностей — это такие состояния культуры, где зарождаются новые мировоззренческие смыслы, которые могут быть восприняты различными культурами, в том числе и сохранившими стереотипы традиционалистских ментальностей.

Принципиально важно обнаружить эти точки роста в различных сферах техногенной культуры — в политическом и правовом сознании, искусстве, религии, нравственности и, главное, в характере научной и технологической рациональности. Главное потому, что научно-технологическое развитие выступает сердцевинной техногенной цивилизации, основой ее изменения и формирования новых состояний социальной жизни. Именно в научно-технологическом развитии переплетены связи фундаментальных ценностей техногенной культуры — креативной деятельности, научной рациональности, отношения к природе как ресурсу для преобразующей деятельности, понимания власти как контроля над природными и социальными объектами.

Эти же мировоззренческие установки определяют приоритетную значимость в жизни общества его экономической сферы. Экономическое развитие и научно-технический прогресс рассматривались как два теснейшим образом взаимосвязанных фактора, которые определяют социальный прогресс. В техногенной культуре он интерпретируется прежде всего как рост общественного богатства и повышение уровня потребления. Доминирующие этические и социально-политические идеи

были направлены на обоснование этих ценностей как приоритетов человеческой жизнедеятельности. Возникновение глобальных кризисов и осознание их опасности приводит к проблематизации этих установок.

В современных философских и социальных исследованиях уже не раз высказывалась мысль о необходимости изменить стратегию того отношения к природе, которое лежит в основе современного экономического развития. Эти идеи разрабатывались еще в исследованиях Римского клуба. Известны также разработки экологической этики, в рамках которой наиболее радикальные направления провозглашают отказ от идеала господства человека над природой. Выдвигается альтернативный идеал, согласно которому мы не должны относиться с чувством превосходства к животным и растениям, видеть в них только средство нашего жизнеобеспечения. Эти мысли о новой этике имеют немало сторонников. Из западных авторов я выделил бы работы Б. Калликота, Л. Уайт, Р. Атфильда. И, конечно же, в качестве первоисточника справедливо упомянуть идеи А. Швейцера о благоговении перед жизнью. Сегодня предпринимаются попытки расширить понимание категорического императива, применяя его не только в сфере нравственных отношений людей, но и в отношении человека к живой природе. Рассуждения о новом отношении к природе сопровождаются у большинства исследователей и интеллектуалов, отстаивающих идеи новой этики, ссылками на опыт традиционных восточных культур, на бережное отношение к природе, свойственное традиционным обществам.

Но каковы возможности укоренения этой системы новых мировоззренческих образов и этических регулятивов в массовом сознании? Ведь они во многом ориентируют скорее на созерцательное отношение к природе, более свойственное традиционным, чем техногенным культурам. Однако возврат к традиционалистскому типу развития невозможен. Он смог обеспечить жизненными благами лишь небольшую часть населения Земли. В эпоху Ренессанса, когда готовился старт техногенной цивилизации, на всей Земле жило примерно 500 млн человек. А сейчас — более 6 млрд, и без современных технологий невозможно даже минимальное жизнеобеспечение населения планеты. Кроме того, не следует забывать, что бережное

отношение к природе, благоговение перед нею в традиционных культурах сопрягались с определенным пренебрежением к человеку, жизнедеятельность которого в шкале ценностных приоритетов была на вторых ролях. Поэтому, когда мы говорим о возможностях восточных культур, отношение к ним должно быть избирательным, а свойственная западной цивилизации приоритетная ценность человека, его духа и деятельности, судя по тенденциям постиндустриального развития, должна сохраниться, обретая новые измерения.

Я думаю, что в будущем наше отношение к природе не сведется к созерцанию и адаптации к ней. Человек по-прежнему будет видоизменять природу. Весьма вероятно, что преодоление экологического кризиса будет связано не с сохранением дикой природы в планетарном масштабе (что уже сегодня невозможно без резкого сокращения, в десятки раз, населения Земли), а с расширяющимся окультуриванием природной среды. В этом процессе важную роль будут играть не только природоохранные меры, направленные на сохранение тех или иных естественных локальных экосистем, но и созидание новых биогеоценозов, обеспечивающее необходимый уровень их разнообразия как условия устойчивости биосферы. Вполне возможно, что в этом благоприятном для человечества сценарии окружающая нас природная среда все больше будет аналогичной искусственно созданному парку или саду, который уже не сможет воспроизводиться без целенаправленной деятельности человека.

И в этом будет состоять предназначение человека, который так изменил облик планеты, что стал реальной силой, определяющей сохранение биосферы. В принципе эти идеи высказывали русские философы-космисты. Они были развиты в работах В. И. Вернадского.

В системе ценностей и мировоззренческих образов техногенной (западной) культуры вектор человеческой активности направлен вовне, на преобразование мира. Восточная традиционалистская система ценностей полагает человека включенным в организм природы, как бы растворенным в ней; вектор человеческой активности ориентирован не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание, самоограничение, включение в традицию.

Я думаю, что синтез этих двух противоположных представлений будет связан с корреляцией, взаимной зависимостью этих двух векторов. Это будет не западная и не восточная система ценностей, а нечто третье, синтезирующее достижения современной техногенной культуры и некоторых идей традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание.

Предпосылки такого синтеза возникают не только благодаря осознанию опасности экологической и антропологической катастрофы, угрозе грядущего апокалипсиса, стимулирующей поиск новых ценностей и этических регулятивов. Эти предпосылки порождаются также и современными тенденциями научно-технического развития.

Сегодня на переднем крае науки и технологической деятельности формируется новый тип рациональности. Он связан с интенсивным научным и технологическим освоением принципиально новых типов объектов, представляющих собой сложные саморазвивающиеся системы¹.

Стратегия деятельности с саморазвивающимися системами неожиданным образом порождает переключку между культурой западной цивилизации и традиционными восточными культурами. Было время, когда новоевропейская наука отторгала картины мира традиционалистских культур как противоречащие научному взгляду на мир. Но сегодня ситуация изменилась, и многие мировоззренческие идеи традиционных восточных культур начинают коррелировать с современными научными взглядами.

Здесь я обычно выделяю три основных момента².

Во-первых, восточные культуры (как и большинство традиционалистских культур) всегда исходили из того, что природный мир, в котором живет человек, — это живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно перепахивать и переделывать. Долгое время новоевропейская наука относилась к этим идеям как к пережиткам мифа и мистики. Но после развития современных представлений о биосфере как глобальной экосистеме выяснилось, что непосредственно окружающая нас среда действительно представляет собой

¹ Подробнее см. главу «Исторические типы научной рациональности».

² Подробнее см.: *Stepin V. Theoretical Knowledge // Synthese Library. Dordrecht, 2005. Vol. 326. P. 357–369.*

целостный организм, в который включен человек. Эти представления уже начинают в определенном смысле резонировать с организмическими образами природы, свойственными древним культурам.

Во-вторых, объекты, которые представляют собой развивающиеся человекоразмерные системы, требуют особых стратегий деятельности. Эти системы наделены синергетическими характеристиками, в них существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. В точках бифуркации незначительное воздействие может радикально изменить состояние системы, порождая новые возможные траектории ее развития.

Установка на активное силовое преобразование объектов при действии с такими системами не всегда является эффективной. При простом увеличении внешнего силового давления система может воспроизводить один и тот же набор структур и не порождает новых структур и уровней организации. Но в состоянии неустойчивости, в точках бифуркации часто небольшое воздействие — укол в определенном пространственно-временном локусе — способно порождать (в силу кооперативных эффектов) новые структуры и уровни организации¹. Этот способ воздействия напоминает стратегии ненасилия, которые были развиты в индийской культурной традиции, а также действия в соответствии с древнекитайским принципом «у-вэй»².

В-третьих, в стратегиях деятельности со сложными человекоразмерными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностно-рационального действия. В западной культурной традиции рациональное обоснование полагалось основой этики. Когда Сократа спрашивали, как жить добродетельно, он отвечал, что сначала надо понять, что такое добродетель. Иначе говоря, истинное знание о добродетели задает ориентиры нравственного поведения.

¹ Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1990. С. 6–7.

² Древнекитайская притча о «мудреце», который, пытаясь ускорить рост знаков, стал тянуть их за верхушки и вытянул их из земли, наглядно иллюстрировала, к чему может привести нарушение принципа «у-вэй».

Иной подход характерен для восточной культурной традиции. Там истина не отделялась от нравственности и нравственное совершенствование полагалось условием и основанием для постижения истины. Истина открывается только нравственным людям. Напомню, что один и тот же иероглиф «дао» обозначал в древнекитайской культуре закон, истину и нравственный жизненный путь. Когда ученики Конфуция спрашивали у него, как понимать «дао», то он каждому давал разные ответы, поскольку каждый из его учеников прошел разный путь нравственного совершенствования.

Одной из древнейших и фундаментальных в китайской философии была идея космического значения моральных качеств человека. Размышляя о резонансе всех частей Космоса, китайские мудрецы считали, что путь в образе *дао* или *неба* регулирует поступки людей, но *небо* «может и повернуться лицом к человеку, и отвернуться от него». Не случайно китайцы говорят, что «*небо* действует в зависимости от поступков людей»¹. Стихийные бедствия в Древнем Китае воспринимались как свидетельства неправильного правления, как показатель безнравственного поведения властителей, за что *небо* и отвергается от человека².

Конечно, если эти идеи понимать буквально, то они выглядят мистически. Но в них скрыт и более глубокий смысл, связанный с требованием этического регулирования познавательной и технологической деятельности людей (включая технологии социального управления). И в этом, более глубоком смысле они вполне созвучны современным поискам новых мировоззренческих ориентиров цивилизационного развития.

Новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и который имманентно включает рефлексию над ценностями в научный поиск, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственными традиционным восточным культурам.

Сказанное, конечно, не означает, что тем самым принижается ценность рациональности, которая всегда имела приоритетный статус в западной культуре. Тип научной рациональ-

¹ Го Юй. Речи царств. М., 1987. С. 298.

² См.: Григорьева Т. П. Японская литература XX века. М., 1983. С. 128.

ности сегодня изменяется, но сама рациональность остается необходимой для понимания и диалога различных культур, который невозможен вне рефлексивного отношения к их базисным ценностям. Рациональное понимание делает возможной позицию равноправия всех «систем отсчета» (базовых ценностей) и открытости различных культурных миров для диалога. В этом смысле можно сказать, что представления об особой ценности научной рациональности, развитые в лоне западной культурной традиции, остаются важнейшей опорой в поиске новых мировоззренческих ориентиров, хотя сама рациональность обретает новые модификации в современном развитии. Сегодня во многом теряет смысл ее жесткое противопоставление многим идеям традиционных культур.

Таким образом, на переднем крае научно-технологического развития в связи с освоением сложных саморазвивающихся систем возникают точки роста новых ценностей, что открывает новые перспективы для диалога культур.

Проблемные ситуации, затрагивающие базисные ценности техногенной культуры, возникают сегодня и в сфере мировой экономики.

Во второй половине XX века в экономически развитых странах Запада возник особый вариант капитализма — общество потребления. Основной принцип экономики этого общества гласит: «Чем больше мы потребляем, тем это лучше для экономики». Потребление порождает спрос, спрос стимулирует новый виток экономического развития. Возникает система с обратной связью. Удовлетворение спроса порождает новый спрос, что обеспечивает рост экономики.

В середине XX века западные теоретики рынка, социологи и философы обосновывали этот принцип как выражение справедливости. Известная концепция Д. Роулза соотносила идею регуляции социально-экономического неравенства с повышением уровня потребления «низших страт» общества и возможностью подтягивать их до уровня среднего класса благодаря новому циклу наращивания общественного богатства.

Идеологами рынка были предложены механизмы повышения потребительского спроса. Виктор Лебов, один из исследователей и пропагандистов свободного рынка, еще в середине XX века писал, что необходима особая система человеческого

сознания, направленная на повышение потребительского спроса. Наряду с расширением рекламы и в ее рамках нужно постоянно менять моду на вещи. В. Лебов полагал так изменить пропаганду рынка в СМИ, чтобы приучать людей потреблять, изнашивать и заменять вещи со все возрастающей быстротой. Это выгодно для экономики. Кстати, сегодня эта установка практически реализовалась. Многие производители товаров намеренно так упрощают технологии, чтобы товары быстрее изнашивались и у потребителей был стимул покупать новые. Как отмечает Э. Ласло, современная цивилизация за последние 50 лет потребила столько же товаров и услуг (по стоимости в неизменных ценах), сколько все предыдущие поколения, вместе взятые¹.

Понятно, что такая система экономики может развиваться, только поглощая все большее и большее количество природных ресурсов и увеличивая масштабы загрязнения окружающей среды.

Второй механизм повышения спроса связан с расширением практики дешевого кредитования. Это — жизнь в рассрочку, в долг.

Во второй половине XX века широкие масштабы приобрело кредитование не отдельных лиц, а корпораций и стран. Расширяющийся обмен валют и биржевые спекуляции превратили деньги в особый товар. Возник посредник обмена этого нового товара — мировая валюта. Им стал доллар США. И тогда изготовление этого нового товара стало источником прибыли. На рынке появилась огромная денежная масса, не обеспеченная товарами и услугами. США, увеличивая эмиссию доллара и выпуск государственных бумаг, получили возможность кредитовать сами себя, постоянно наращивая уровень потребления. Возник феномен супердержавы, обладающей огромной военной мощью, которая живет в рассрочку. Долг США сегодня составляет больше 11 трлн долларов. Тем не менее это государство продолжает политику увеличивающегося бюджетного дефицита, наращивая расходы и обеспечивая рост потребления.

Но жить в долг — значит жить за счет будущих поколений. В результате принцип «Чем больше мы потребляем, тем это лучше для экономики» перестает быть справедливым. Как

¹ Ласло Э. Макросдвиг. М., 2004. С. 70.

регулятор экономического развития, он был санкционирован логикой техногенной культуры. Однако сегодня этот принцип проблематизируется.

По существу он лежит в основе превращения финансовой сферы в особую экономику, жестко не связанную с производством товаров и услуг. Современный финансовый кризис порожден разделением этих двух сфер экономической жизни. И пока оно существует и углубляется, подобные кризисы будут повторяться.

Известный футуролог Э. Ласло в своей книге «Макросдвиг» рассматривает принцип «Чем больше мы потребляем, тем это лучше для экономики» как путь к экологической катастрофе. Он отмечает, что новые стратегии развития цивилизации должны быть связаны с отказом от этого принципа. Но тогда возникает новая проблема: каковы возможности столь радикальных перемен? Здесь нужен специальный анализ тех изменений в структуре современной экономики, которые вносят экономика знаний, рост информационного потребления и возможности новых энергосберегающих технологий. Важно отметить перспективы внедрения в производство нового дизайна. Согласно этому подходу вещь-товар проектируется как система, где есть долговременное качественное ядро и его оболочка из обновляющихся аксессуаров, которая изменяется в соответствии с изменяющейся модой. Такой подход открывает путь не только к экономии ресурсов, но и к преодолению провозглашенной В. Лебовым стратегии взаимодействия производства и потребления.

Важно также проанализировать возможности изменения структуры финансового рынка на путях межнационального контроля за мировой валютой, перехода к такому виду мировой валюты, которая, будучи наднациональной, одновременно не является валютой одной отдельно взятой страны.

Конечно, все эти процессы, затрагивающие фундаментальные принципы организации современной экономики, будут воздействовать на культуру. И нужен специальный анализ того, какие перспективы открывает этот сценарий для интенсификации диалога культур.

Точки роста новых ценностей могут возникать и в других областях техногенной культуры, в частности в религиозном

и политико-правовом сознании. Примером таких точек роста в сфере религиозного сознания могут служить новые идеи протестантской теологии (Х. Ролстон, А. Пиккок), описанные в предыдущей главе¹.

Важно также внимательно присмотреться к тому, как меняется политическое сознание, какие проблемные ситуации там возникают. В свое время Уинстон Черчилль сказал, что демократия имеет множество недостатков, но ничего лучшего человечество пока не придумало. Демократия действительно обеспечивает эффективное управление сложными социальными системами, поскольку предполагает многообразные обратные связи, корректирующие управленческие решения. При монархическом и авторитарном способе правления эти связи резко ослабевают. Но в условиях быстрых перемен социальной жизни начинают обостряться и изъяны демократии. В современных условиях она ориентирует власть больше на тактические, чем на стратегические программы. Президент избирается на четыре, максимум на восемь лет (два срока), и он, естественно, думает о том, что сделает за этот короткий срок, какие реальные результаты может получить. Он тактически ориентирован, а нужна иная стратегия, потому что речь идет о планетарных переменах, меняющих состояние современного мира. Должна быть ответственность человека перед будущими поколениями, а не просто сиюминутная борьба за голоса избирателей.

Развитие новых технологий породило разнообразные практики программирования массового сознания. Особенно активно они применяются в период избирательных кампаний.

Вместе с тем новые технологии коммуникаций (Интернет, мобильные телефоны и т. д.) могут быть использованы и для совершенствования демократических институтов. Они создают новые возможности гласности, активного участия людей в политической жизни, организации массовых протестов против несправедливых действий властей и т. д.

Сегодня ускоренные темпы социального развития многое меняют в культуре и жизнедеятельности людей. Ряд базисных ценностей техногенной цивилизации проблематизиру-

¹ Подробнее см. главу «Наука и религия в техногенной культуре: возможности диалога».

ются, возникают точки роста новых ценностей. Их надо проанализировать, установить, насколько они жизнеспособны, какие последствия могут вызвать. Сегодня это уже не чисто абстрактные занятия, а практическая потребность определить возможные стратегии развития цивилизации. Я думаю, что реализация этой программы является наиболее перспективной задачей современного философского исследования и всего многообразия наук о культуре.

Раздел II

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Глава 1. МАРКСИЗМ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА¹

Сегодня, когда цивилизация вошла в стадию радикальных перемен, естественным является переосмысление тех социально-гуманитарных идей, концепций и теоретических знаний, которые оказали свое воздействие на развитие цивилизации в предыдущем XX столетии. Среди этих концепций марксизм занимает особое место.

Знаковые события XX века — революция в России, превращение СССР в великую державу, итоги Второй мировой войны, приведшие к созданию стран советского блока, китайская революция и образование социалистического Китая — все эти исторические события были связаны с идеологией марксизма. Утрата ее прежних позиций в связи с распадом СССР остро поставила вопрос о судьбах марксизма на современном этапе глобальных перемен. Обладает ли марксизм необходимым потенциалом, чтобы включиться в поиск новых стратегий цивилизационного развития?

Чтобы ответить на этот вопрос следует предварительно уточнить, как мы сегодня понимаем марксизм.

Лики марксизма

История этого учения многообразна и многолика. Его можно уподобить разросшемуся дереву, каждая ветвь которого выступает в качестве особого течения, аспекта, толкования

¹ Основной главой является статья: *Степин В. С.* Маркс и тенденции современного цивилизационного развития // Карл Маркс и современная философия : сб. материалов науч. конф. к 180-летию со дня рождения К. Маркса. М., 1999.

марксистских идей и принципов, попыток осмыслить и переосмыслить их под углом зрения накапливаемого исторического опыта. Марксизм — это не только теоретическая конструкция, но и система мировоззренческих установок, в которых есть исходное ядро и обрамляющие его идеологические подходы и мифологемы.

Я бы провел здесь аналогию между многообразием версий марксизма и многообразием течений и версий христианства, наличием в нем множества направлений, школ, сект и ересей, понимая, разумеется, что любая аналогия правомерна только в определенном измерении (в данном случае — это соотношение ядра и интерпретаций течения, оказавшего влияние на судьбы человечества). Одно дело — классический марксизм, представленный трудами основоположников учения, другое дело — то, как Ленин толковал и разрабатывал марксизм, применяя его к российской действительности, к условиям русского революционного движения, третье — сталинский вариант теории, обосновывавший тоталитарную практику. Существует далее социал-демократическая версия марксизма и европейский опыт социал-демократического правления (Швеция, Финляндия и др.). Близким к ней, но вместе с тем и специфическим вариантом социал-демократического направления в марксизме был русский меньшевизм (Плеханов, Мартов, Аксельрод и др.).

Наконец, существует еще и современный неомарксизм. Франкфуртская школа также шла от марксизма, и многие ее представители подчеркивали свою связь с идеями К. Маркса.

Так что течение марксизма многолико, и когда мы сталкиваемся с утверждениями, что опыт истории и ее уроки свидетельствуют о несостоятельности самого учения, то важно понять, что при этом имеется в виду. Если канонизированная и догматизированная система идей, которая была идеологической основой сталинизма и тоталитаризма, то ее, бесспорно, нужно критиковать, и чем радикальнее будет эта критика, тем лучше. Но значит ли это, что доказана несостоятельность марксизма? Утвердительный вывод такого рода был бы нарушением элементарных правил логики. Из сказанного, конечно, не следует, что я против критического анализа самих принципов марксизма с учетом их исторического развития. Я хочу лишь подчеркнуть, что необходимой предпосылкой такого анализа

является отказ от жесткой редукции марксизма к его сталинистской версии. Нам от этого трудно отделаться, учитывая, что для российской традиции характерен постоянный поиск ответчика за наши беды, а вопрос: «Кто виноват?» постоянно будет стимулировать попытки обвинить теорию в тяжелых последствиях ее практической реализации. Но именно поэтому нужен спокойный (насколько это возможно в наших беспокойных условиях) анализ существа теории, выяснение того, что в ней действительно рационально, что сохраняет значение для нашего времени и что преходяще.

Нас долгое время убеждали, что все, что делается в нашей жизни, предначертано теорией, что деятельность партии и государства основана на ней и, значит, научно обоснована. Причем сама социальная теория воспринималась в массовом сознании как аналогичная строгим естественнонаучным теориям, нечто вроде классической механики, построенной для изучения социальных процессов, которая позволяет заранее все однозначно посчитать и предвидеть.

Технократическое мышление, причудливо сплетенное с назойливой пропагандой научности партийной политики, сформировало эту мифологию. Важно, чтобы мы расстались с ней при критическом анализе современной ситуации, чтобы она не работала с обратным знаком при обсуждении вопроса о современных судьбах марксизма. Это учение включает в себя множество уровней и аспектов и не следует к каждому из них применять критерии строгой научности, да еще почерпнутые из сферы математического естествознания.

В дискуссиях 1990-х годов о судьбах марксизма можно было встретить и такие утверждения, что философские идеи Маркса не являются научными, поскольку возникали в качестве своеобразной игры ума, были связаны с обращением к практике словотворчества в немецком языке, продолжали гегелевскую традицию абстрактного исследования связи понятий и т. п.

Действительно, в философских работах Маркса и Энгельса — в «Святом семействе», «Немецкой идеологии» и других, особенно в философско-экономических рукописях Маркса, — можно найти множество примеров игры ума и «языковых игр». Но ведь речь идет о философии, а философия не может исключить из своего поиска пласт рефлексии над категориями

языка. Подобную игру ума можно найти и у античных философов (Платона), и у современных (Хайдеггер). Философия не строится по схемам математической логики, хотя и не исключает применения развиваемых в логике техник рассуждения. Она не основывается только на фактах науки, хотя и включает в качестве одного из важных аспектов осмысление научных достижений. Если бы философия строилась только как наука по образцам естественнонаучного метода, то она вообще не была бы философией.

Она выступает как рефлексия над основаниями всей культуры, стремится выявить фундаментальные для каждого исторического типа культуры мировоззренческие ориентации, которые определяют понимание и переживание человеком мира и самого себя как части мира. Эти ориентации, часто неявные и непроявленные, философия превращает в предмет критического анализа. При этом она не только пытается осмыслить уже сложившиеся жизненные ориентиры, но и изобретает, конструирует новые, которые зачастую лишь на будущих этапах развития общества и культуры могут стать своеобразными предельно обобщенными программами человеческой жизнедеятельности.

Каждая эпоха по-новому ставит извечные вопросы человеческого бытия о смысле жизни, о том, что есть человек, каково его предназначение, каким должно быть его отношение к природе, обществу, другим людям. И философия каждой эпохи отвечает на эти вопросы по-своему. Кстати, К. Маркс лучше, чем многие его последователи, понимал эту особенность философии, определяя как «квинтэссенцию культуры», как «живую душу культуры».

Что же касается идеи научности учения К. Маркса в целом, то вопрос о границах использования здесь схем рассуждения, апробированных в математике и естествознании, требует специального разговора.

В какой-то мере близок к этим схемам «Капитал». Но и нам необходим тщательный анализ специфики теории, аргументации и достоверности высказанных прогнозов. Особенно когда речь идет о сверхдальних прогнозах, связанных с общими тенденциями социального развития. Такие прогнозы не являются жестко детерминированными предсказаниями, а представляют

собой лишь вероятные сценарии развития общества. И подходить к ним как к точным расчетам социальной траектории было бы ошибкой.

Между тем именно этот подход часто применяется при оценке отдельных Марксовых предсказаний: выбираются высказывания, не нашедшие подтверждения, и объявляется утопией вся концепция. Любой сверхдальний футурологический прогноз может содержать некоторые утопические элементы, какие бы научные основания и научные методы не применялись при его разработке. Беда заключается не в том, что любое историческое предвидение может включать элементы утопии, фантазией дорисованные конкретные детали эскизно предвидимого будущего. Беда начинается тогда, когда к сверхдальному прогнозу относятся как к конкретному проекту социального будущего, воспринимают его как аналог технически обоснованного проекта простой машины, проекта, который предстоит практически выполнить, реализовав чертежи в материале.

Но критика порочной практики не должна разделять самих исходных установок этой практики — отношения к предсказаниям теории и к самой теории по принципу «либо все, либо ничего». Наверное, ни одна теория, которая возникла достаточно давно, никогда не может быть жива во всех своих частях, не может не опровергаться ни в одном своем положении и предвидении. Поэтому важно выявить конкретно, что в марксизме имеет непреходящее значение и что ограничено эпохой его собственного становления.

Теория, идеология, практика

Современные дискуссии о судьбах марксизма разворачиваются между двумя полюсами.

На одном из них зависимости «теория—идеология—практика» рассматриваются как жестко детерминированные. В этом подходе практика строительства социализма сначала в «отдельно взятой стране», а затем в «отдельно взятом социалистическом лагере» представлена как однозначно предопределенная теорией марксизма.

Вторым полюсом выступает точка зрения, отрицающая связь между марксистской теорией и практикой тоталитар-

ного социализма. Сталинизм с этих позиций рассматривается как деятельность, не имеющая корней в идеологии и теории марксизма и несовместимая с его принципами.

Обе точки зрения представляют собой схематизацию сложного процесса исторических судеб марксизма. Но в определенной мере такие схематизации содержат долю истины. Они даже полезны, чтобы обострить проблему и найти подходы к ее решению. В общем-то, общеизвестно, что отношения между социальной теорией, идеологией и практикой никогда не бывают однозначными и тем более жестко детерминированными.

В связи с этим полезно вспомнить о различиях в самой природе теоретического и практического разума, которые зафиксировал еще И. Кант.

Теоретическое мышление движется в сфере идеализаций, теоретических конструктов, которые схематизируют и упрощают действительность. В той мере, в какой они способны схватывать ее существенные связи, их можно в определенных границах приписывать миру. Но теоретическое исследование постоянно стремится обнаружить эти границы, преодолеть их путем формирования новых идеализаций, более глубоко и полно выражающих сущностные связи изучаемой реальности. Теоретический разум живет в постоянном поиске, нацелен на исследование все новых объектов и на преодоление ограниченностей предшествующих взглядов на мир. Критичность и рефлексивность мышления в наибольшей степени присуща именно теоретическому разуму, который открывает возможные миры будущей практической деятельности. Что же касается практического разума, то условием любой практики, опирающейся на некоторую систему теоретических представлений, является отождествление этих представлений с самой действительностью. Мы можем понимать их ограниченность, подчеркивать, опираясь на весь опыт познания, их схематизм, нетождественность миру. Но нужно отдавать себе отчет в том, что все эти понимания и обобщения познавательного опыта сами принадлежат к сфере теоретического разума. Приступая же к практической реализации теории, мы будем действовать так, как будто теоретические схемы и есть сам мир.

Если эти схемы были основанием поставленных целей, если они формировали образ тех состояний преобразуемых

объектов, которые должны быть получены как результат деятельности, то заранее сомневаться в выбранных теоретических идеях — значит сомневаться в поставленных целях, парализовать действие.

Даже не добившись в некоторой серии действий реализации своих целей, практический разум чаще всего осуществляет новые многократные попытки получить нужный ему результат. В этой ситуации происходит не отказ от целей, а стремление достичь их путем варьирования средств и поиска новых способов воздействия на объект.

Все эти особенности проявляются в наибольшей степени тогда, когда речь идет о массовых социальных действиях, направленных на реализацию некоторых теоретически обоснованных целей. Убеждение масс в правильности выбранного пути предполагает включение механизмов группового, массового сознания и власти. Настройка же массового сознания на определенные действия осуществляется вовсе не за счет усвоения во всей полноте теоретических положений и соответствующей им аргументации, а за счет идеологического воздействия. Идеология стремится укоренить в сознании определенную шкалу ценностей и представить некоторые теоретические идеи в качестве приоритетов в этой шкале. Идеи внедряются в сознание масс путем системы идеологических и пропагандистских акций, в которых эмоциональное воздействие, внушение, умение упростить идеи, чтобы соединить их с популистскими устремлениями, становятся решающими.

Идеология всегда выступает опосредующим звеном между социальной теорией и практикой. Она может объявить себя научной, поставить своей целью реализовать на практике предсказания той или иной теории. Но коль скоро идеология апеллирует не к узкому кругу специалистов, образующих научное сообщество, а к массовому сознанию, которое не может быть редуцировано к научным идеям, она, как правило, формирует вокруг таких идей систему верований и мифов. В свою очередь эти верования и мифы оказывают на сложившуюся систему теоретических взглядов активное обратное воздействие.

Метафорическое высказывание К. Маркса о теории, которая становится материальной силой, овладевая массами, не следует трактовать буквально. Даже в условиях тотального

«политобразования», контролируемого государством, массы никогда не были знатоками марксистской теории.

Достоянием массового сознания было крайне упрощенное и стереотипное изложение марксизма. В связи с этим я хотел бы напомнить, что после революции 1905 года, в период дискуссий и поисков нового прочтения марксизма в русской социал-демократии, А. Луначарский советовал пропагандировать марксизм в массах в качестве новой религии. И хотя В. И. Ленин резко критиковал эту точку зрения, на деле так и получалось.

В марксизме тесно переплетены достаточно строгие теоретические положения с идеологемами практического разума. Ходячее утверждение о том, что марксизм является единой, логически строгой, вылитой как из «единого куска стали» теоретической конструкцией, является сугубо идеологической версией, мало согласующейся с реальным положением дел.

Марксистское учение гетерогенно. В нем имеется множество напластований, выражающих менталитеты различных эпох.

Ряд постулатов, на которых базируются основные концептуальные схемы классического марксизма, является обобщением практики прединдустриальной и индустриальной фаз развития капитализма. Идеология превратила эти постулаты в догмы, защищая их от критики. Однако научный метод, который, кстати, применял и обосновывал К. Маркс, не только допускает, но и предполагает критическое отношение к его собственным идеям и принципам, поскольку они предстают как выражение ограниченной исторической практики, особенностей породившей их эпохи.

С позиций этого метода можно оценить учение Маркса как феномен общественного сознания. Оно создавалось в XIX столетии, и на нем лежит отпечаток определенной социальной обстановки, печать культуры своего времени.

Вторая половина XIX века в Европе — это время революций, баррикад, национальных войн, обостренной классовой борьбы, индустриального развития капитализма. Что мог мыслитель сказать о путях освобождения человека, опираясь на практику своего века? Он и сказал, что только через классовую борьбу, через уничтожение одного класса другим, через революцию лежит путь к свободе.

Конфронтационная культура эпохи индустриализма оказала огромное влияние на теоретические построения марксизма. Строго говоря, из основного вывода «Капитала» об усилении общественного характера производства не следовало, что необходимо экспроприация экспроприаторов.

Вполне правомерен был вывод о накоплении элементов социализма в эволюционном развитии капитализма, вывод, который был сделан реформистским крылом социал-демократии. Кстати, в «Капитале» имеется немало высказываний, которые могли бы служить основанием для подобной точки зрения.

В частности, при анализе развития кредитной системы капитализма К. Маркс особо выделяет тенденцию к образованию и расширению в национальном масштабе акционерных обществ и кооперативных предприятий, которые он квалифицирует как «переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному»¹.

Но из двух возможных сценариев социального развития Маркс отдает предпочтение первому, связанному с ликвидацией капиталистической собственности путем революционного насилия и диктатуры. Рассуждение, которое неявно лежало в основе этого выбора, так или иначе было связано с предположением, что класс буржуазии будет бороться за свои интересы и охранять свою собственность за счет использования государственной власти, подавляющей любые ростки социалистических отношений.

Это предположение было естественным отражением классовой конфронтации, свойственной эпохе индустриализма. Но оно не является строгим логическим выводом из экономического анализа Маркса, а выступает в качестве особого, дополнительного постулата. Обоснование же этого постулата было не столько теоретическим, сколько идеологическим. Оно в конечном итоге сводилось к обобщению наличной практики, апелляции к классовому интересу масс, стремящихся к немедленному улучшению своего социального и экономического положения и постоянно наталкивающегося на сопротивление эксплуататорских классов.

Сегодня мы можем констатировать, что идея насильственного утверждения нового общества, как и ряд других положений

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Ч. 1. С. 484.

ний учения Маркса (об абсолютном и относительном обнищании пролетариата, о несовместимости частной собственности и индивидуального труда с общественным характером производства и т. п.), является простой экстраполяцией на будущее определенных тенденций, которые действительно имели место в развитии капитализма ранней индустриальной эпохи.

Противоречия между научным методом Маркса и последующей догматизацией этих положений связаны с идеологизацией его теоретических выводов и постулатов.

Было бы чрезвычайным упрощением сводить марксизм только к учению о революционном насилии и видеть в Марксе прежде всего революционера, стремящегося реализовать идею имущественного равенства. Но столь же упрощенно толковать марксизм только как систему чисто теоретических идей, ориентированную на постоянное развитие своих оснований.

Взаимодействие установок практического и теоретического разума приводит не только к развитию теории на базе нового исторического опыта, но и часто деформирует ее положения, приспособлявая их к потребностям тактики политической борьбы. Даже известный тезис о том, что марксизм не догма, а руководство к действию, обретал не только теоретико-методологический, но и прагматический смысл. С одной стороны, он ориентировал на научный поиск, на постоянное сопоставление теории с практикой и ее развитие с учетом новой практики. С другой — он часто применялся для оправдания поспешных обобщений, стремящихся задним числом обосновать ту или иную текущую политику и систему практических действий, именно так формировались многие квазитеоретические идеологемы: сталинское положение об обострении классово-вой борьбы по мере успехов социалистического строительства, идеи и партийные решения хрущевской эпохи о полной и окончательной победе социализма и возможности построения коммунизма к 1980 году, «обоснования» суловско-брежневских деклараций о развитом социализме и т. д. Они выдавались за творческое развитие марксистской теории, хотя на деле не имели сколь-нибудь солидной теоретической аргументации. Характерно, что эти положения выдвигались именно в качестве «руководства к действию», фиксировались в соответствующих партийно-политических документах, а затем давали импульс

обширной идеологической литературе, ставившей своей целью подвести под эти положения теоретическую базу.

Если не учитывать все эти взаимосвязи теории, идеологии и практики, то всегда возникает возможность и соблазн выдернуть из сложного клубка исторических сплетений одну или несколько нитей, упростить путь развития учения и таким способом оценить его исторические судьбы.

Конечно, невозможно избежать оценочных суждений, а значит, в какой-то степени идеологического отношения к теории, которая полтора столетия оказывала огромное влияние на развитие человечества и которая породила широкий спектр социальных практик — от реформистской до ультраревOLUTIONНОЙ. На оценку марксизма неизбежно будет влиять то обстоятельство, что сталинский и постсталинский тоталитаризм широко использовал марксистскую фразеологию в качестве оправдания соответствующих политических структур и репрессивных действий. Но утверждать при этом, что существует жесткая связь марксизма с тоталитаризмом, — значит делать поспешное и неадекватное обобщение. История XX столетия свидетельствует, что тоталитаризм использовал как марксистскую (сталинизм, маоизм), так и антимарксистскую фразеологию (фашизм). Что же касается отношения сталинизма к марксизму, то наблюдаемым фактом являются те глубочайшие деформации, которым была подвергнута марксистская теория, прежде чем она была использована для оправдания тоталитарной практики.

Многочисленные идеологические кампании были направлены в первую очередь на жесткий контроль за теоретической деятельностью и на превращение марксизма в окостенелую схему. Марксистская теория была трансформирована в набор догматических положений, а любая попытка нестандартной интерпретации рассматривалась как ревизионизм и вызывала суровые репрессивные меры.

Достаточно вспомнить хотя бы историю нашей философии в 1930–1950-х годах, когда под лозунгом превращения марксистской философии в достояние широких масс она подвергалась планомерной вульгаризации. В это время были репрессированы многие известные философы-марксисты (Н. И. Бухарин, Н. Н. Карев, И. К. Луппол, С. Ю. Семков-

ский, Я. Э. Стэн и др.). Одновременно преследовалась любая оппозирующая философская мысль, с которой могла бы вести диалог марксистская философия. Искоренение разнообразия философских идей, начавшееся печально знаменитой высылкой в 1922 году известных русских философов и социологов (Н. Бердяева, Н. Лосского, С. Булгакова и др.), закончилось прямыми репрессиями и гибелью в сталинских лагерях многих мыслителей, в том числе и таких русских философов, как Г. Г. Шпет, П. А. Флоренский и др. Кампания по разоблачению «меньшевистствующего идеализма» (1930-е гг.), борьба за «воинствующую партийность» в истории философии (1940-е гг.), строгий партийно-государственный контроль за общественными науками, официальная пропаганда трудов Сталина в качестве «вершины философской мысли» и требование свести философские исследования к комментариям этих трудов — все это шаг за шагом уничтожало творческий потенциал марксизма, искореняло профессионализм философской мысли.

Были насильственно прерваны традиции взаимосвязи марксистской философии с достижениями науки, культуры, истории мировой философской мысли. Марксистская философия была превращена в набор идеологических штампов, обслуживающих текущую политику.

Постоянная вивисекция ее содержания привела к отбрасыванию наиболее ценных и эвристических идей классического марксизма — марксистской философской антропологии и ее связей с материалистическим пониманием истории, теории деятельности, отторжению философии гуманизма, разрыву диалектики классового и общечеловеческого, противопоставлению классового общечеловеческим ценностям и т. п.

Показательно, что именно с подавлением философской мысли, проводившимся от имени марксизма, были связаны кампании по дискредитации новых фундаментальных научных направлений, которые вносили изменения в систему наших взглядов на мир и не укладывались в своих философских следствиях в стереотипы тоталитарного сознания. Речь идет о разгроме генетики, кампании по разоблачению «антипавловских идей» в физиологии, критике теории резонанса в химии, борьбе с кибернетикой и т. п.

Только после XX съезда началось постепенное возрождение творческого потенциала нашей философии. Понадобился напряженный труд целого поколения, чтобы восстановить продуктивный диалог философов и естествоиспытателей и сформировать утраченные образцы профессиональной работы в различных областях философской науки. Конечно, идеологический контроль за философией сохранился, но он был связан со значительно меньшим уровнем репрессивности и часто ограничивался требованием лишь внешнего идеологического оформления философских трудов. Это позволило в целом ряде областей философского познания раскрыть новое содержание, опираясь на методологию марксизма и включиться в конструктивный диалог с зарубежными философскими школами.

В принципе можно было бы и не доказывать, что огульное отрицание учения столь же бесплодно, как и его безудержное восхваление. Но все дело в том, что процесс преодоления прежней идеологии, переход к демократии и плюрализму идей оказался не таким простым, как это представлялось на первых этапах перестройки и последующих реформ. От прежних стереотипов сознания еще остаются непримиримость к инакомыслию, стремление утвердить свою точку зрения путем создания «образа врага», вера в то, что лучшая жизнь должна быть устроена свыше, по указаниям хорошего начальства, которое должно привести нас к изобилию продуктов за кратчайшее время, и т. п.

Менталитеты прошлого подпитывают традиционно идеологизированное отношение к марксизму. И критика тоталитарной системы, которая использовала марксистскую фразеологию в качестве своего «идеологического обеспечения», порождает при инерции прежнего сознания огульно отрицательное отношение к марксизму.

Марксизм как порождение техногенной культуры

Пожалуй, наиболее сложная проблема, к которой стягиваются сегодня все остальные, — это судьбы марксизма в контексте тех новых тенденций развития мировой цивилизации, которые обозначились в конце XX столетия.

Я думаю, многие аспекты этой проблематики еще не раз будут вызывать напряженные споры. Не претендуя, разумеется, на исчерпывающие ответы, я хотел бы высказать несколько соображений относительно подходов к ее обсуждению. Я уже отмечал, что марксизм мог возникнуть только в культуре техногенной цивилизации, которая сформировалась в европейском регионе в результате ряда радикальных мутаций предшествующих ей традиционных культур.

Характерные для техногенной цивилизации постоянные изменения социальных связей и образа жизни, вызываемые технико-технологическими инновациями в производственной и других сферах деятельности, формируют отчетливо выраженную направленность развития с ориентацией на будущее. Прогресс оценивается в этих культурах, как правило, позитивно, а идеал прогресса постепенно начинает занимать одно из самых высоких мест в шкале ценностей техногенной цивилизации.

Ничего подобного нет в традиционных обществах. Там вообще отсутствует идея прогресса, воспринимаемая в качестве ценности. Социальные перемены, преобразующие традицию, как правило, оцениваются негативно.

И вряд ли человек, воспитанный в традиционной культуре, укорененный в ней, стал бы воспевать разрушение традиций в качестве, скажем, «очистительной грозы революционной бури».

Идеи социального прогресса и революционных преобразований как движения к будущему счастливому мироустройству могли систематически развиваться только в русле глубинных менталитетов техногенной цивилизации. Именно в этом русле формировалось марксистское учение о социальном прогрессе и коммунизме.

Как известно, ядром этого учения было материалистическое понимание истории и теория общественно-экономических формаций. И каждая из этих составляющих была связана с мировоззренческими доминантами техногенной цивилизации, возникла как осмысление ее социального опыта и ее истории.

На стадии индустриального развития отчетливо проявилось решающее влияние технико-технологического развития на все другие стороны социальной жизни. Промышленные

революции эпохи индустриального капитализма, приведшие к возникновению крупного машинного производства, продемонстрировали связь между развитием производства и изменениями социальной структуры общества, связь, которая трудно прослеживалась в истории традиционных обществ вследствие консерватизма средств и целей деятельности, веками повторяющихся ее видов.

В эпоху великого промышленного переворота, который начался с середины XVIII века в Англии, а затем включал в поток индустриального развития все новые страны Европы и Северной Америки, возникает особая трактовка связи человека и техники и самой эволюции человека.

Как я уже отмечал, эта трактовка нашла свое выражение и в высказываниях Б. Франклина (человек — животное, делающее орудия) и в концепции Э. Каппа об орудиях и средствах деятельности как искусственных органах человеческого тела. Но, пожалуй, наиболее последовательно разработал эти идеи К. Маркс.

Развитая К. Марксом в его «Философско-экономических рукописях» и других работах 1940–1950-х годов концепция человека включала в себя такого рода понимание. В свою очередь эти философско-антропологические идеи, развиваемые К. Марксом, послужили одним из важнейших оснований при разработке им материалистической концепции истории.

Маркс рассматривал материально-телесное бытие человека не только как функционирование и воспроизводство его биологической организации, но и как воспроизводство и развитие системы искусственных органов — предметов второй природы, которые опосредуют приспособление человека к естественной природной среде. Он образно называл эту систему предметов «неорганическим телом человека». Трактую в соответствии с традицией материальное бытие человека как жизнь тела (человек — часть природы), Маркс сразу же отмечает, что это тело не сводится к биологической компоненте, а включает в себя еще и «неорганическое тело» в качестве второй составляющей человеческой телесности. И тогда в своем телесном, материальном бытии человек предстает как двухкомпонентная система. Ее существование предполагает обмен веществ между человеком и природной средой. Сам же этот обмен трактуется

уже не только в качестве биологического процесса, но прежде всего в качестве процесса социального, обеспечивающего обновление и развитие «неорганического тела», человека, — как процесс производства материальных благ.

Так оформляется ключевая идея марксизма, согласно которой производство материальных благ и развитие средств производства (как основного компонента в системе искусственных органов человека) полагаются главными факторами человеческой истории.

Я еще раз подчеркну, что развертывание этой идеи было стимулировано характерным для техногенной культуры пониманием человека как существа, преобразующего природу, пониманием деятельности как преимущественно активно-технологического воздействия человека на предметный мир.

Логика формирования ключевой идеи социальной философии Маркса в ее стандартных изложениях еще недавних лет (особенно в массовой учебной литературе) затемнялась и искажалась. Философско-антропологические взгляды Маркса считались чем-то малозначительным в его учении, в лучшем случае незрелым подходом к историческому материализму.

Сегодня в эпоху развенчивания старых идеологических мифов вновь и вновь ставится вопрос об истинности и продуктивности Марксовых представлений об обществе как особом целостном организме, который меняется благодаря изменениям способа производства.

В этих идеях немало конструктивного и, бесспорно, их нельзя отбрасывать как нечто устаревшее. В конечном счете, весь опыт цивилизационного развития XX века подтвердил, что именно успехи в экономике являются решающим фактором в улучшении качества жизни людей, достижений социального динамизма и успехов стран в международном соперничестве.

Маркс любил проводить параллели между развитием социальных систем и эволюцией биологических видов. Он писал, что, подобно тому как «строение останков костей имеет значение для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют значение для изучения общественно-экономических формаций»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 191.

Продолжая эту аналогию, не будет большим преувеличением сказать, что способу производства и экономическому развитию (определяющих характер отношения общества к природе и рамки тех условий природного существования, в которых протекает жизнедеятельность людей) К. Маркс отводил такую же решающую роль в социальной истории, какую Дарвин — естественному отбору в биологической эволюции. И эти аспекты развития общества как целостной, сложной органической системы проанализированы Марксом и Энгельсом достаточно убедительно.

Однако отсюда не следует, что разработанная ими схема социальной динамики в целом безупречна и не нуждается в каких-либо дополнениях. Один из ключевых ее изъянов состоял в том, что в ней не были выявлены функции культуры как способа передачи накопленного социально-исторического опыта (надбиологических программ человеческой жизнедеятельности), роль культуры в организации социальной жизни, в ее изменениях и порождении различных видов общества.

Эта проблематика стала активно разрабатываться в философии и социологии с конца XIX века и преимущественно немарксистскими направлениями. Причем решающая роль принадлежала здесь XX веку — эпохе, породившей множество новых знаний о культуре и ее роли в социальной жизни. Проблематика культуры исследовалась историками, антропологами, социологами, этнологами, психологами, лингвистами. Во второй половине столетия к спектру наук, изучающих эту проблематику, подключились теория информации, теория систем и семиотика.

Естественно, что философия получила в свое распоряжение огромный эмпирический и концептуальный материал, позволивший по-новому осмыслить роль культуры в социальной жизни.

Я особенно хотел бы выделить еще одно важное обстоятельство, которое стимулировало новое видение культуры как собой подсистемы общественной жизни, обеспечивающей воспроизводство и развитие человеческой социальности. Речь идет о представлениях современной генетики и теории эволюции относительно роли наследственной информации в воспроизводстве и развитии видов.

Параллели между биологической и социальной эволюцией традиционно оказывали огромное воздействие на разработку представлений об обществе, особенно после создания Ч. Дарвином теории образования видов. Это воздействие испытала и концепция К. Маркса. Но последарвиновское развитие биологии, связанное с открытием генов, а затем и с разработкой популяционной генетики, создало новое поле продуктивных аналогий и гипотез.

И если общество рассматривать как целостный организм, подверженный исторической эволюции, то для объяснения его эволюционной динамики недостаточно выявить структуры и процессы, выступающие аналогом естественного отбора. Важно обнаружить еще и аналог генетического кода — информационные структуры, аккумулирующие накопленный исторический опыт, в соответствии с которым выстраиваются основные состояния социальной жизни.

При рассмотрении культуры как развивающейся системы программ деятельности, поведения и общения, программ, которые фиксируются в знаковой форме и функционируют в качестве различных семиотических образований, эта аналогия культуры с генетическим кодом обретает глубокий смысл.

При таком видении социальных процессов в новом свете предстает и историческая эволюция общества. Чтобы изменился тип общества и возник новый социальный вид, должны произойти изменение культурного кода, мутации мировоззренческих универсалий, а затем уже технико-экономическое развитие и конкуренция с другими обществами определяют дальнейшую судьбу нового типа социальной организации.

В деятельности людей, которая представляет собой преобразование объектов человеком в соответствии с поставленной целью, ценностно-целевые структуры не являются вторичными по отношению к результатам преобразующей деятельности. Скорее, наоборот, цель как идея, как образ возможного результата предшествует самому результату (состоянию объекта, возникающему как продукт деятельности). Идея реактивного самолета, выраженная в чертежах и расчетах, первична по отношению к каждому конкретному самолету, построенному по этим расчетам и чертежам. И если бы вдруг из памяти современного человечества исчезла эта идея, то можно

гарантировать, что исчезли бы и все реактивные самолеты, они просто разрушились бы со временем. Но если допустить обратное, что вследствие некоего катаклизма вдруг были бы уничтожены все самолеты, однако в культуре сохранилась бы их идея и соответствующие ее разработки, то можно не сомневаться, что самолеты были бы построены.

Выходит, что идеи, которые программируют деятельность, вовсе не вторичны, а первичны по отношению к создаваемым в деятельности вещам. Следовательно, Платон и Гегель развивали совсем не глупые мысли, когда говорили, что мир идей предшествует миру вещей, что вещи есть опредмеченные идеи. Это справедливо по отношению ко всей созданной человеком искусственной природной среде (неорганическому телу цивилизации), которая возникает только благодаря деятельности людей, как продукт этой деятельности.

Разумеется, перенос этих представлений на естественную эволюцию природы вызывает вполне обоснованную критику. Но представления о конструктивной роли идей справедливы, если речь идет о той линии природной эволюции, которая порождена самой человеческой деятельностью.

В свое время известный философ-марксист и ученый-естествоиспытатель А. А. Богданов, автор одной из первых попыток разработать общую теорию систем, развивал идею, согласно которой общественное бытие тождественно общественному сознанию. Известна критика этой концепции В. И. Лениным, который настаивал на незыблемости тезиса о первичности общественного бытия (понимаемого как материальная жизнь общества) по отношению к общественному сознанию. Этот тезис в советскую эпоху входил в массовое сознание через систему обязательного изучения марксизма, становясь чем-то вроде святого заклипания. Но чем больше распатывалось жестко идеологизированное отношение к марксизму, тем больше возникало вопросов и сомнений относительно возможности четкого и безусловного разделения материальной и духовной сфер общественной жизни и вторичности духовной сферы. Применение же в социальных науках идей информатики, кибернетики и общей теории систем, с одной стороны, и интенсивная разработка проблем семиотики культуры — с другой, создали новый класс моделей, представлений и концепту-

альных средств, позволивших выявить и адекватно описать программирующие функции культуры в жизнедеятельности людей.

Постепенно выяснилось, что возникающие и транслируемые в культуре программы деятельности, поведения и общения играют ключевую роль в организации социальной жизни.

Духовная жизнь общества, взятая во всем многообразии ее проявлений и понятая предельно широко, как состояние и развитие культуры, пронизывает все без исключения сферы человеческого бытия. Она определяет воспроизводство и изменения многочисленных структур социальной жизни, аналогично тому, как генетический код и его мутации определяют структуру живого и изменения его организации.

Важно особо подчеркнуть, что такой подход вовсе не противоречит установке на объективное научное исследование общества, установке, которая была главной в творчестве Маркса.

Когда при исследовании социальной динамики учитываются программирующие функции культуры, то это отнюдь не подрывает представлений об обществе как сложном системном объекте и о его развитии как естественно-историческом процессе. Точно так же, как не подрывается объективность биологического исследования при учете программирующих функций генетического кода в развитии организмов.

Сложные исторически развивающиеся объекты, такие как биологические и социальные системы, аккумулируют основные особенности предшествующей эволюции (опыт приспособления к среде) в особых информационных структурах (биокод и социокод), которые регулируют взаимодействие системы с окружающей средой. И с позиций сегодняшнего уровня знаний картина строения и развития таких систем будет принципиально не полной, если в нее не включены представления об информационных структурах, выражающих тип наследственности, свойственный соответствующему биологическому или социальному организму.

По-видимому, к пониманию этих особенностей сложных органических систем приближался А. Богданов, когда предлагал модернизировать марксистскую концепцию общества, отказываясь от жесткого проведения принципа вторичности общественного сознания. И он правильно полагал, что такая

модернизация не противоречит идеалу объективности описания общественных процессов, который отстаивал Маркс.

В. И. Ленин своей идеологизированной критикой богдановского эмпириомонизма, стимулированной прежде всего внутривнутрипартийными «разборками» и стремлением утвердить партийное единомыслие, по существу закрывал возможности видоизменения и дополнения социально-исторической концепции марксизма на основе новых достижений науки. Что же касается самого создателя этой концепции, то, разумеется, было бы нелепо упрекать его за то, что он не учел научных достижений, появившихся уже после его смерти. Каждая теория — продукт своей эпохи и на каждой лежит печать определенной ограниченности. Важно, чтобы в ней были рациональные и конструктивные аспекты, позволяющие объяснять и предсказывать определенный круг явлений.

В этом смысле можно еще раз подчеркнуть, что развитые в классическом марксизме представления о роли способа производства в социальном прогрессе и в конкуренции различных типов общества между собой находили множество подтверждений в истории индустриального капитализма. Эти представления, навеянные успехами индустриальной фазы техногенной цивилизации, схватывали одну из реальных и важных сторон социальной динамики, хотя и общая картина этой динамики, начертанная Марксом, была неполна и нуждалась в корректировке.

Разрабатывая идею о решающем значении способа производства, Маркс и Энгельс предложили известную концепцию исторического процесса как смены общественно-экономических формаций. И здесь вновь можно обнаружить глубокую связь марксистской теории с приоритетами техногенной культуры. Концепция формаций по существу была изначально ориентирована на исторический материал, ограниченный рамками становления техногенной цивилизации, ее развития и предыстории.

Это обстоятельство, на мой взгляд, проясняет трудности, которые возникли затем при сопоставлении данной концепции с более широким историческим материалом. В частности, историки не раз отмечали, что рабовладельческий способ производства и признаки того состояния общества, которые

можно было бы обозначить как рабовладельческую формацию, обнаруживаются лишь в регионе Средиземноморья, и прежде всего в античном мире (а это именно тот регион и те культуры, от которых шел непосредственный импульс к будущей новоевропейской культурной традиции, сформировавшей основные ценности техногенных обществ). Что же касается других регионов (Индия, Китай, Япония, славянский мир и т. д.), то переход от первобытной общины к цивилизации здесь не был связан с появлением рабовладельческой формации и рабовладельческого способа производства. В этих видах традиционных обществ можно встретить лишь некоторые элементы рабовладения (домашнее рабство), переплетенные с элементами феодальной зависимости, причем зачастую с доминированием специфической формы этой зависимости, связанной с функционированием государственной бюрократии в качестве совокупного феодала.

Показательно, что, обратившись к анализу истории традиционных обществ Востока, Маркс зафиксировал особый тип производственных связей, который он обозначил как азиатский способ производства. Но тогда возникла проблема универсальности ранее развитой формационной концепции. Формальный выход из трудностей состоял в попытках редуцировать азиатский способ производства к докапиталистическим формациям, например к феодализму, с учетом специфических черт его проявления в различных регионах. Собственно, по этому пути и пошли многие историки и философы, защищавшие незыблемость классической формационной концепции. Поскольку в этой системе рассуждений постулировалось, что феодализм как формация на определенной стадии развития с неизбежностью порождает капитализм, постольку неявно допускалось, что саморазвитие любого традиционного общества может трансформировать его в капиталистическое.

Однако этот вывод как раз и вызывает множество сомнений. Реальный путь истории состоял в том, что переход к капитализму, знаменовавший возникновение и развитие техногенной цивилизации, был связан с особой линией эволюции традиционных обществ. Маркс выделил эту линию из многоликого исторического процесса и описал ее в терминах смены формаций. При этом, поскольку ставилась задача последить логику

исторического движения, главное внимание было уделено закономерностям переходов от одной исторической формы к другой. Эти формы выстраивались в линейный ряд, и каждая предыдущая рассматривалась как ступень к более высокой.

Вместе с тем исторический процесс имеет не только магистральное направление прогрессивного развития, но и тушиковые линии эволюции. Он всегда поливариантен.

Выделив одну из множества линий всемирной истории и определив ее как главное направление человеческого прогресса, Маркс оставил и своим последователям, и своим оппонентам проблему, как соотносится эта линия с другими, сосуществующими с ней. Для решения этой проблемы только формационного подхода уже недостаточно; его необходимо дополнить анализом соотношения между типами цивилизационного развития и перехода от одного типа к другому.

Можно предположить, что существуют несколько направлений эволюции традиционных обществ. У Маркса было выделено два из них: одно, реализовавшееся в европейском регионе, другое, сопряженное с развитием традиционных обществ Востока (азиатский способ производства). Лишь первая линия выводит к техногенной цивилизации и может быть описана в терминах перехода от рабовладельческого к феодальному и капиталистическому обществу.

Что же касается второй линии, то здесь возможности перехода традиционных обществ к капиталистическому развитию только за счет внутренних импульсов проблематичны, механизмы социального воспроизводства, заложенные в глубинных матрицах их культуры, являются труднопроходимым барьером на пути формирования новых типов ценностей и новых видов деятельности, характерных для техногенного общества. И до тех пор, пока традиционные общества Востока не сталкиваются с уже сложившимся капитализмом и его успехами на путях техногенного развития, до этих пор, взаимодействуя только с другими традиционными обществами, они остаются в русле старого, исторически первичного типа цивилизационного развития. Переход же к новому типу осуществляется только в обстановке внешнего давления со стороны уже возникшей техногенной цивилизации, путем прививок ее достижений на традиционную почву, модернизации и даже разрушения традиционных культур.

В наследии К. Маркса наряду с концепцией пяти основных формаций можно найти и другую, более глобальную классификацию этапов человеческой истории. Он выделял: 1) общества, основанные на отношениях личной зависимости; 2) общества вещной зависимости и 3) как гипотетическую стадию будущего развития человечества — общество свободных творческих личностей и их свободных объединений (коммунистическое общество).

Обычно к этой классификации относятся как к своеобразному обобщенному эскизу формационной теории, который конкретизируется в представлении о пяти последовательно сменяющихся друг друга общественно-экономических формациях.

Основания для такой интерпретации дает и сама терминология, которой пользовался Маркс. Он характеризовал указанные этапы общественного прогресса как первичную формацию (докапиталистические общества), вторичную формацию (капитализм) и коммунистическую формацию.

Однако, как мне представляется, попытку Маркса описать три крупных этапа человеческой истории сегодня можно было бы интерпретировать иначе. В ней, хотя и в неадекватной форме, намечался подход, по существу выходящий за рамки формационной теории и требующий исследования типов цивилизационного развития. С этих позиций первичную формацию можно истолковать как появление традиционных цивилизаций, а вторичную — как историю техногенной цивилизации, которая, однако, не уничтожает сразу традиционных обществ, а сосуществует с ними, видоизменяя их.

Но и тогда Марксову концепцию коммунизма можно было бы переосмыслить в качестве гипотезы о третьем, качественно новом типе цивилизационного развития, сменяющем техногенную цивилизацию.

Этот подход у Маркса был обозначен, и он высвечивается в отдельных высказываниях, в которых Маркс подчеркивал, что коммунизм — это не состояние, а историческое движение, процесс, связанный с глобализацией человечества и гуманизацией всех сторон общественной жизни.

И все-таки эти идеи нельзя считать достаточно разработанными в марксистском наследии. Они не получили систематического развития и как бы растворились затем в концепции формационной пятичленки.

А поскольку формационная теория в своих истоках опиралась на анализ предыстории и истории техногенной цивилизации, которая была выделена в качестве магистральной линии прогресса, постольку глубинные характеристики и ценности этого типа цивилизационного развития были включены в понимание общей направленности прогресса и экстраполированы на будущее. Они неявно рассматривались основанием того типа развития, в русле которого предполагалось возникновение «научно организованного коммунистического общежития».

Традиционная коммунистическая идеология догматизировала этот подход, подверстав под него соответствующие цитаты из Маркса и Энгельса.

Конечно, 150 и даже 50 лет назад трудно было полагать, что сама линия техногенного прогресса и ее система ценностей приведут человечество к критическим рубежам, что резервы цивилизованного развития этого типа могут быть исчерпаны.

Мне уже не раз приходилось говорить и писать о том, что решение современных глобальных проблем, по-видимому, станет возможным только при переходе к новому типу цивилизационного развития, основанному на иной системе ценностей, чем техногенная цивилизация.

Бесспорно, что должно измениться отношение к природе как к резервуару ресурсов и своеобразному полю для человеческой деятельности, которое следует переделывать и подчинять человеку. Скорее всего, осуществится переход от технократического восприятия природы, доминирующего в техногенной культуре, к космо-организмическому видению, когда природа рассматривается как особый организм, в который включен человек.

Изменение отношения к природе, в свою очередь, предполагает формирование новых стратегий деятельности и нового понимания потребностей. Идеалы потребительского общества, возникшие как естественный итог техногенного развития и начавшиеся складываться уже в эпоху индустриализма, бесспорно, оказали влияние на многие течения этого периода, в том числе и на марксистскую концепцию коммунизма. Он провозглашался такой ступенью общественного развития, когда будет обеспечено удовлетворение возрастающих потребностей на основе ускоренного развития производительных сил.

Сегодня становится очевидным, что ограниченность воспроизводимых ресурсов накладывает ограничения и на безудержный рост вещно-энергетического потребления. Приоритеты здесь должны смещаться от вещественно-энергетического к информационному потреблению, что предполагает довольно кардинальное изменение ценностей потребительского общества (хотя технологические предпосылки для этого уже создаются в виде глобальных компьютерных сетей и различных информационных технологий).

Бесспорно, все это скажется на понимании и других универсалий культуры, вызывая изменения в мировоззренческой ориентации людей. Таким образом, речь идет о возможных кардинальных мировоззренческих сдвигах как условиях дальнейшего цивилизационного развития человечества.

Ну а если этого не произойдет? Если будет продолжаться путь техногенного прогресса, основанного на идеалах потребительского общества, насилия и технократического отношения к природе? Тогда можно предсказать нарастание глобальных кризисов, и человечество в этом сценарии ожидают необратимые катастрофы.

Я думаю, что ответ на вопрос о будущем марксизма можно получить, только учитывая возможный перелом в цивилизационном развитии человечества.

В марксистском наследии, в его понимании общественного прогресса имеется несколько смысловых пластов, которые необходимо сепарировать для того чтобы определить его дальнейшие перспективы. Это, во-первых, идеи, которые выражали глубинные ценностные структуры техногенной цивилизации; во-вторых, концептуальные схемы, которые конкретизировали эти структуры применительно к индустриальной фазе техногенного развития; и наконец, в-третьих, прозрения и открытия, выходящие за рамки менталитета техногенной культуры.

Критически оценивая историческую ограниченность первых двух, мы не должны упускать из виду важность третьего слоя идей, которые могли бы сыграть свою роль в поиске новых мировоззренческих ориентаций. К таким идеям можно отнести: отстаиваемый К. Марксом идеал будущего как интегрированного человечества, которое строит свои отношения

на гуманистической основе, на приоритете общечеловеческих ценностей, сменяющих классовые приоритеты; представление о возрастающей ценности человеческой личности, ее творческих возможностей и духовного развития; представления о гуманизации научно-технического прогресса, когда человек и его развитие становятся исходными целями и ориентирами технологического прогресса, когда происходит синтез наук о природе и наук об обществе в единую науку о человеке и т. д. Все эти идеи достаточно хорошо резонируют со многими современными тенденциями мировоззренческого поиска, который знаменует уже в общем-то начавшийся процесс трансформации ряда глубинных ценностей техногенной культуры.

Время идеологизированного, полурелигиозного отношения к марксизму уже закончилось. Для современной России это обстоятельство является решающим пунктом социокультурного поворота конца XX столетия. Началось время переосмысления марксизма как теории и мировоззренческой концепции, которая взаимодействует с другими учениями и социальными теориями в развивающейся мировой культуре. Вряд ли сегодня какое-либо одно учение или система взглядов, сложившаяся в прошлом культурном развитии человечества, может претендовать на роль единственно истинного предвосхищения будущего. Но это, конечно, не означает запретов на использование позитивных идей марксистского наследия в поиске новых мировоззренческих ориентиров.

Известный французский философ XX века Поль Рикер в свое время полагал, что в современной западной философии наиболее важными являются три главных течения: новая метафизика (включая философию жизни, экзистенциализм и т. п.), аналитическая философия и марксизм. По его мнению, взаимодействие этих трех течений, скорее всего, определит облик философии XXI столетия (эта идея была высказана П. Рикером на Международном философском конгрессе в Брайтоне, 1988 г.).

Я бы добавил, что в этом процессе решающим образом будут участвовать не только главные течения западной философии, но и переосмысление традиций восточной философии и идей русской философской мысли.

Глава 2. ВНОВЬ ПЫТАЕМСЯ ДОГНАТЬ ЗАПАД¹

Основой последующего текста является мое выступление в дискуссии, опубликованной в журнале «Воскресенье (новая Россия)» (1993. № 3). В расширенном варианте этот текст вошел в мою книгу «Эпоха перемен и сценарии будущего» (М., 1996). Я решил воспроизвести его в новом издании без каких-либо существенных дополнений.

Читатель может убедиться, что многое из того, о чем говорят в наше время в связи с проблемами модернизации России, было сказано почти двадцать лет назад. Сегодня три намеченных мною сценария будущего России стали почти общим местом в многочисленных дискуссиях и политических ток-шоу российских СМИ. Приходится констатировать, что первый и самый неблагоприятный из трех возможных сценариев в главных чертах уже осуществился. Он сформировал ту сегодняшнюю реальность нашей жизни, которая создает дополнительные трудности модернизации, перехода от сырьедобывающей экономики к экономике знаний. Этот переход по-прежнему остается необходимым и достойным ответом на исторические вызовы, которые возникли перед Россией еще в последней трети XX века.

* * *

Куда идет Россия? При обсуждении этого вопроса у меня иногда возникает ассоциация с известным образом из романа А. А. Зиновьева «Зияющие высоты». Соорудили большое мозаичное панно, где был изображен Ленин с доброй

¹ Основой главы является выступление в дискуссии, опубликованной в журн.: Воскресенье (новая Россия). 1993. № 3. В расширенном варианте этот текст вошел в кн.: *Степин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего*. М., 1996.

улыбкой, — «Правильной дорогой идете, товарищи!» Но поскольку цемент воровали в процессе строительства и добавляли лишний песок, цементный состав стал крошиться, а панно — рассыпаться. Через какое-то время вывалился глаз, и лицо приобрело чрезвычайно суровое выражение: вместо «Правильной дорогой идете, товарищи!» вдруг читалось «Куда это вы поперли?» Что-то в этом роде в России повторяется: изначальные порывы и идеи всегда очень хорошие, но итоги часто оказываются печальными. Реформаторские попытки последних лет, к сожалению, пока не дали этому убедительных опровержений.

Сразу же оговорюсь, что я убежденный сторонник реформ в современной России. Но уж очень трудно начались эти реформы. Бесспорно и разочарование людей. Ожидали быстрого улучшения жизни, а период перехода оказался намного более трудным и долгим, особенно если его сравнить с популистскими обещаниями многих демократов, когда они шли к власти. Да и уж очень много представителей новой власти — от чиновников самого высокого правительственного ранга и депутатов до чиновников и депутатов местного масштаба — активно стали использовать свое положение для обустройства личных дел. Поистине, как у персонажа из сказки Салтыкова-Щедрина, — ожидали от орла на воеводстве покровительства наукам, искусствам, процветания и благополучия, а он чирика съел. И уже набирает силу контрреформаторское движение, с типичными фигурами, тоже напоминающими щедринский персонаж. О чем бы с ним ни заговаривали, о науках ли, об искусствах, или еще о чем, он все на одно поворачивал: кровопролитие — вот что нужно. Повторяется, все повторяется. Такое впечатление, что Россия в течение многих столетий вертится в заколдованном кругу, прокручивает одни и те же сюжеты.

Внешне удивительное сходство многих черт прошлого и настоящего в российских реформах имеет глубокие корни. Они заключаются в процессах догоняющей модернизации, связанных с трансплантацией на российскую почву западного опыта, столкновением различных менталитетов и периодическими потрясениями устоев российской жизни.

Современные реформы относятся к этому же типу социальных процессов. И в них необходимо разобраться, коль скоро

мы говорим о будущем России, о возможных сценариях ее современного развития.

Мы привыкли мыслить в терминах марксистской формационной модели, и поэтому нас терзают вопросы, что мы строили и строим — социализм, капитализм? Но для осмысления сегодняшних процессов нужны новые средства и иной, более широкий масштаб. Придется размышлять о типах цивилизационного развития.

Я уже писал об отношении формационного и цивилизационного подходов и о смене в истории человечества типов цивилизации. Поэтому лишь в сжатой форме эскизно обрисую проблему. Исторически можно выделить два таких типа цивилизационного развития, каждый из которых реализуется в многообразии разных видов. Это традиционное общество с воспроизводством одних и тех же структур жизни, доминированием религиозно-мифологических типов мышления, жестким контролем за личностью, растворением личности в коллективе, корпоративных группах и техногенная цивилизация с принципиально иной культурной матрицей, ориентированной на ценность индивидуальности, приоритет экономики и на безудержный прогресс. Техногенная цивилизация реализовалась в разных странах, объединяемых понятием Запада — Англии, США, Франции, Германии, Италии и др. Потом она стала трансплантировать свои идеи, свою культуру, свой образ жизни на другие страны. Столкновения с ней традиционные общества не выдерживали прежде всего в военном отношении. Они либо превращались в колонии, либо становились на путь техногенного развития, заимствуя западную технологию, а вместе с ней, разумеется, и определенные пласты чужеродной культуры. Так возникает проблема догоняющей модернизации и реформ.

История России (начиная с реформ Петра I) — это во многом история догоняющих модернизаций. Г. В. Плеханов в свое время очень хорошо написал, что Россия — это кентавр, который возник в результате Петровских реформ, когда Петр I пришел европейскую голову к азиатскому туловищу традиционной России.

Россия и после Петра пережила несколько крупных, догоняющих модернизаций, ряд прививок западного опыта на тело

традиционного общества, осуществляемых сверху, за счет сильной, деспотичной власти, которая, преодолевая сопротивление традиции, ломала и насаждала новый образ жизни, новые структуры. Историческая функция реформ самого Петра свелась к тому, что в России появились заводы, промышленность, иноземные привычки, новая армия, которая выиграла Северную войну. Появилась наука — «десант» 17 выдающихся европейских ученых, которые стали основой Российской академии наук.

Однако российское тело сопротивлялось западным прививкам и структуры традиционной жизни сохранялись прежде всего в крестьянской массе населения. Российская самобытность во многом определяется этим симбиозом двух различных культур и соответствующим им образом жизни. Они взаимодействовали между собой и часто порождали великие достижения культуры. Весь «золотой век» русской культуры XIX века был результатом самобытного усвоения западного опыта.

Россия заимствовала технологии Запада, фрагменты его культуры, но не его гражданский строй. Это гибридное состояние приводило к тому, что Россия все-таки никак не могла войти в русло того ускоренного, динамичного, прогрессивного развития, которым шел технологически ориентированный Запад. Отсюда — новое отставание и как ответ — вторая крупная модернизация, реформы Александра II. Как они начались? Опять был внешний сигнал: Россия проиграла Крымскую войну.

Большевистскую революцию я также воспринимаю как особый тип догоняющей модернизации. Проиграли, по существу, Первую мировую войну, перед этим — русско-японскую (1904–1905). Опять стало ясно: надо догонять Запад. Были незаконченные Столыпинские реформы, затем революция, и был ответ на исторический вызов — ускоренная индустриализация страны. Кровавая, потребовавшая сверхнапряжения общества. Но все-таки благодаря ей была одержана победа в Великой Отечественной войне, а затем Советский Союз вошел в число супердержав.

К концу 1960-х годов Советский Союз добился впечатляющих результатов на пути индустриального развития. Он успешно конкурировал с США, занимал второе место в мире по валовому продукту производства, имел военный паритет

со странами НАТО, первым осуществил выход в космос (первый искусственный спутник Земли, первый космонавт — Ю. Гагарин).

Однако к середине 1970-х годов все яснее начал обозначаться новый цикл отставания. К этому времени индустриально развитые капиталистические страны Запада и Востока осуществили научно-техническую революцию, создавшую реальные предпосылки для перехода к постиндустриальному обществу, но мы оказались невосприимчивыми к новым технологиям, прежде всего информационным. Мы были обществом закрытого типа, обществом идеологического контроля над мыслями, а это антипод информационному обществу.

Перестройка была связана с осознанием, вначале где-то интуитивным, того, что нужна еще одна догоняющая модернизация. Перестройка и в особенности постперестройка, начавшаяся после августа 1991 года, и затем реформы 1990-х годов, как во всех догоняющих модернизациях, были ориентированы на западные общества, их структуры жизни по принципу «давайте делать как они». Но тут возникает один вопрос. Если бы речь шла об обычной догоняющей модернизации, то можно было бы поискать аналоги в своей истории, у других народов и сказать: такие периоды всеобщей смуты бывали, все это переварится, перемелется и со временем будет нормально. Но дело-то все в том, что сегодня речь идет об особой догоняющей модернизации. Все дело в том, что индустриальный, техногенный тип развития сегодня уже исчерпал свои возможности. Западная цивилизация не просто ушла вперед, она переходит к постиндустриальному обществу. Здесь многое зависит от того, по какому сценарию пойдет этот цикл развития. Чтобы решить глобальные проблемы современности, придется пересматривать многие привычные и доминирующие ориентиры.

Скорее всего, необходимо будет изменить потребительское отношение человека к природе, отказаться от представлений, что он — властелин природы и может черпать из нее бесконечные ресурсы. Нужно будет преодолеть экологический, антропологический кризисы, решить много других, глобальных по своей природе проблем.

Возникает вопрос: «А на что нам ориентироваться?» На современный Запад? Он сам находится в поисках, и вполне

вероятно, что в ближайшие десятилетия вынужден будет решать проблемы фундаментальных ценностных оснований своей жизни.

Сегодняшняя ситуация в России не имеет аналогов в ее прошлой истории. И потому она требует особой осторожности, ответственности, взвешенности суждений и действий. Сегодня мы находимся на таком этапе, когда старое уже разрушено, а новое еще не сформировалось. Прогнозировать в такие эпохи — дело сложное, есть множество возможных линий развития. Важно обозначить наиболее опасные сценарии, и соответственно сформулировать своеобразные «правила запрета». Об одном из них — распаде России и гражданской войне — сказано уже немало. Но не менее неблагоприятен для будущего страны был бы возврат к тоталитарному курсу. В этом случае реформы проводились бы по уже известному рецепту, о котором в свое время писал Салтыков-Щедрин, по рецепту, знакомому нам по недавнему советскому прошлому: «Как сделать страну нищую и убогую богатой и изобильной? 1) Впредь именовать страну нищую и убогую богатой и изобильной. 2) Увеличить количество частных приставов».

Поиск новых стратегий развития, обеспечивающих переход к постиндустриальному обществу, представляет собой исторический вызов, который был предъявлен России в конце XX века.

В конечном счете именно подавление свобод и стремление к идеологической стерильности, в сочетании с факторами экономического характера (негибкость централизованной плановой экономики), привели к обозначившемуся в 1980-х годах отставанию страны в области применения информационных технологий, к тому, что НТР 1970–1980-х годов по существу ее не коснулась.

Перестройка и последующие реформы, если их рассматривать с учетом этого исторического вызова, имели своей стратегической целью (которая чаще всего интуитивно, неосознанно принималась «прорабами перестройки») демонтаж тоталитарных структур и создание условий для перехода к постиндустриальной цивилизации.

Важно еще раз подчеркнуть, что постиндустриальное развитие, о котором сегодня говорят социологи, философы и футурологи,

не обязательно должно быть простым продолжением техногенной цивилизации. Оно может интерпретироваться и как начало нового, исторически третьего (по отношению к традиционному и техногенному) этапа цивилизационного развития.

Такой подход заложен уже в описании самых общих характеристик постиндустриального общества (не только технологических, но и социальных):

— оно призвано создать условия для разрешения экологических и иных глобальных проблем, которые породило предшествующее техногенное развитие;

— в нем наиболее активно должен использоваться человеческий фактор, информационные, творческие возможности человека (в этом смысле иногда говорят об антропоцентрической цивилизации в противовес техноцентрической);

— оно характеризуется как общество перехода к доминированию нематериальных ценностей, где происходит сдвиг от безудержного роста вещественно-энергетического потребления к увеличению информационного потребления.

Уже этих признаков достаточно, чтобы увидеть качественный прорыв к новым ценностям, отличным от ценностей техногенной культуры. Преемственность между системами ценностей новой и уходящей цивилизаций осуществляется прежде всего через идеал личности и прав человека. И в этом пункте, как и в заложенных развитием НТР 1970–1980-х годов тенденций технологического развития, страны «семерки» получили определенное преимущество. Хотя в других аспектах эти общества, ориентированные на растущее потребление, исповедующие прежние идеалы техногенного развития, рано или поздно столкнутся с проблемами своей глубинной реформации.

С перспективами постиндустриального развития следует соотносить стратегии и результаты современных российских реформ.

К сожалению, приходится констатировать, что в ходе перестройки и рыночных реформ постепенно был утрачен главный исторический ориентир.

Сегодня уже стало общим местом фиксировать бедственное положение науки, культуры и образования, то есть как раз тех сфер национальной жизни, вне интенсивного развития

которых невозможно никакое продвижение к постиндустриальному типу цивилизации.

Поколения последних десятилетий социализировались в обстановке нарастающей утраты духовных ценностей, замены их ориентирами на материальный успех любой ценой, падения престижа профессий, связанных с интеллектуальной и духовной деятельностью.

Динамический хаос, неизбежно сопровождающий качественные перемены в эпоху радикальных реформ, возрастающая нелинейность социальной среды приводят к формированию в ней различных аттракторов, многие из которых ведут к зонам опасных состояний с необратимыми катастрофическими последствиями.

Целесообразно выделить три возможных сценария развития России в современной ситуации.

Первый связан с крайне нежелательными тенденциями утраты интеллектуального и культурного потенциала страны, превращения ее в сырьевую базу и источник дешевой рабочей силы для развитых стран Запада и Востока. В экономическом плане это может привести к фактическому уничтожению многообразия собственных наукоемких производств, к одностороннему гипертрофированному развитию топливно-энергетического и сырьевого комплексов, постоянному оттоку капитала за рубеж, росту начального долга и финансовой зависимости страны от транснациональных компаний и банков. В политической и социальной сфере — это доминирование компрадорской буржуазии, ее прямая или теневая власть, дальнейшая дифференциация доходов, низкооплачиваемый труд. В духовной — ориентация на приоритет «зарубежных ценностей» и западной массовой культуры, усиление, с одной стороны, экстремистского национализма, а с другой — утрата чувства национального достоинства и формирование комплекса национальной неполноценности.

Второй сценарий выглядит более привлекательным. Он связан с реализацией идеалов потребительского общества и формированием относительно высокого уровня потребления (хотя, скорее всего, более низкого, чем в сегодняшних странах «семерки»). В наше время этот идеал представляется желательным для подавляющего большинства российского населения. Этот

сценарий нельзя считать маловероятным, учитывая ресурсы и потенциальные возможности страны. В его рамках возможны различные варианты: от развития с высокой степенью экономической и политической интеграции страны до развития, сопровождающегося дифференциацией единого пространства на зоны различного уровня жизни, тяготеющие к экономическим связям в меньшей степени друг с другом, а в большей — с зарубежными странами евроатлантического (европейская часть) и тихоокеанского (Сибирь, Дальний Восток) регионов. В последнем случае возможна трансформация России в конфедерацию самостоятельных регионов-республик.

Но во всех вариантах этого сценария страна будет тяготеть к воспроизводству экономического и социального развития Запада второй половины XX века, повторяя его в XXI веке, тогда как другие страны уже будут реализовывать иные стратегии цивилизационного развития, формируя основы посттехнологической цивилизации. В таком случае Россия утратит статус страны, которая существенно влияет на мировые процессы, оставаясь во втором или третьем эшелоне движения к новому циклу цивилизационного развития человечества.

Наконец, третий сценарий связан с поиском устойчивого движения к новому типу цивилизации. Он предполагает выработку новой стратегии российских реформ, смену идеалов потребительского общества на систему ценностей, утверждающую престиж духовной и интеллектуальной сферы, развития культуры, науки, технологическую революцию, связанную с внедрением наукоемких, энерго- и ресурсосберегающих технологий, развития информационных технологий и т. д.

Стратегия реформ, если их рассматривать не в сегодняшней наличной ситуации, а с учетом исторической перспективы, должна ориентироваться именно на этот, наиболее благоприятный, но и наиболее трудно реализуемый сценарий.

Важными условиями его реализации является учет стереотипов и архетипов российского менталитета как своеобразного культурно-генетического кода российской цивилизации и их возможностей трансформироваться в систему ценностей, необходимых для успешного постиндустриального развития.

Глава 3. ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА. РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ¹

Построение теоретических моделей в экономических науках, в том числе и моделей, учитывающих связи экономики и культуры, зависит от явно или неявно принимаемой исследователями картины социальной реальности, которая вводит представления о структуре и динамике общественной жизни. Эта картина систематизирует знания, полученные в различных социально-гуманитарных науках, обеспечивает их включение в поток культурной трансляции, является исследовательской программой, определяющей постановку тех или иных научных проблем и выбор средств их решения.

Применительно к экономическим исследованиям различные картины социальной реальности могут стимулировать разные стратегии исследований и соответственно разные модели объяснения социально-экономических ситуаций.

Например, разработанная Марксом картина социальной реальности, изложенная им в «Предисловии к критике политической экономии», ориентировала на особый анализ становления капитализма. Главное внимание уделялось процессам первоначального накопления, анализу социальных предпосылок поляризации труда и капитала, формированию рабочей силы как особого товара. Такой ракурс анализа реализовал установки материалистического понимания истории, согласно которому духовные процессы, составляющие ядро культуры, выступают как вторичные по отношению к процессам производства, как надстройка, определяемая экономическим базисом.

¹ Основой главы является статья: *Степин В. С.* Российская ментальность и рыночные реформы // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008.

Иной подход к анализу формирования капитализма был у М. Вебера. Его картина социальной реальности в соответствии с неокантианской традицией акцентировала роль базисных ценностей культуры. Вебер интерпретировал их как исторически меняющиеся ценности. Соответственно главное внимание он уделял духовным предпосылкам становления капитализма (анализ протестантской этики, процессов формирования новых правовых идей, идеала формальной рациональности и т. п.).

Хотя реконструкции К. Маркса и М. Вебера представляли как противоположные, в каждой из них содержалось описание важного аспекта процесса становления капитализма. В этом смысле их можно рассматривать как дополняющие друг друга, обеспечивающие полноту описания.

Экономические науки традиционно рассматривали экономическую подсистему общественной жизни в связи с ее социальной подсистемой. Но привлечение к экономическому анализу результатов исследований культуры не было устойчивой традицией, хотя отдельные образцы такого анализа можно зафиксировать (как, например, в концепции М. Вебера).

Объективные основания связи экономики и культуры стали проясняться во многом благодаря исследованиям культуры в XX веке, когда постепенно стало складываться представление о культуре как сложно организованной системе, программирующей человеческую жизнедеятельность.

Идея программирующих функций культуры по-новому ставит проблемы экономической деятельности. Исторически развивающиеся базисные ценности культуры формируют особые матрицы допустимого и недопустимого в этой деятельности. Модели экономического развития, не учитывающие особенности культуры, при их применении на практике могут привести к совершенно иным результатам, чем предполагалось поставленными целями.

Проблема построения цивилизованного рынка в свете российского менталитета

В наших недавних экономических реформах проблема учета российских культурных традиций была поставлена самим ходом реформ, хотя, на мой взгляд, она не была в должной мере осознана.

В начале реформ казалось, что экономические свободы и право частной собственности являются не только необходимыми, но и достаточными предпосылками для успешного продвижения к эффективной экономике, что они автоматически приведут к формированию класса предпринимателей, которые, став заинтересованными хозяевами, обеспечат структурные изменения производства и его рост в соответствии с запросами потребителя.

Однако в действительности все оказалось намного сложнее.

У нас долго противопоставляли рынок и государственное регулирование экономики. Можно вспомнить дискуссии времен перестройки, когда ставился вопрос: «Как совместить рыночные элементы с тем способом экономической жизни, который сложился в период существования СССР?» Некоторые экономисты и публицисты даже выдвигали дилемму: либо рынок, либо план. Эта идея долгое время господствовала в общественном сознании. Я не думаю, что сторонники этой концепции не понимали, что цивилизованный рынок предполагает государственное регулирование экономики. Дело в другом, а именно в представлении о сложности и неоднозначности предстоящего — глубинных процессах преобразования тех способов экономической жизни, которые доминировали в советский период нашей истории.

Рыночные отношения нельзя было просто внедрить, трансплантировать в экономику советского общества, без радикальной ломки основ ее управления. Поэтому вопрос «или-или» имел смысл, скорее, как вопрос, каким образом преобразовать существующие системы экономических отношений. Но сама постановка этой проблемы в общей форме была недостаточной. Требовалась ее конкретизация, которая бы очертила подходы и средства решения проблемы. А для этого необходимо было преодолеть концепцию противопоставления рынка и плановой регуляции.

Сегодня можно зафиксировать, что цивилизованный рынок предполагает не только свободу действий экономических субъектов, но и определенные формы государственного регулирования, которые создают условия для наилучшего проявления этой свободы, что и выступает необходимой предпосылкой эффективной экономики.

Критика жесткой плановой экономики убедительно была дана Ф. Хайеком. Он показал, к каким последствиям приводит пренебрежение тем фактором, что у людей, вступающих в партнерские договорные отношения в условиях рынка, всегда есть некая информация, часто невербализованная, которую никакой плановый орган не в состоянии собрать, учесть и обработать. Поэтому только рынок создает возможность наилучшей оптимизации сил, потребностей, ресурсов, что и дает в итоге эффективную экономику.

Если к современной экономике применить парадигму системного подхода, то экономическую сферу следует рассматривать как сложную саморазвивающуюся, саморегулирующуюся систему, в которой можно выделить по меньшей мере два аспекта. Во-первых, наличие стохастических процессов, которые характеризуются как вероятностные игры в рамках относительно автономных экономических подсистем. Во-вторых, наличие блока управления, обеспечивающего воспроизводство небольшого набора фундаментальных параметров системы, которые определяют ее целостность и задают правила оптимизации вероятностных игр в ее подсистемах. Само же управление основано на прямых и обратных связях, обеспечивающих оптимальную регуляцию системы. И если экономическая система полагается развивающейся, то она должна быть динамичной, способной усложняться, наращивать уровни своей организации, дифференцироваться, порождая новые автономные подсистемы. Такого рода системное видение, применяемое к проблеме «экономика–план–рынок», делает очевидным тот факт, что только та рыночная экономика, в которой стохастические процессы, связанные с формированием многообразных партнерских отношений различных субъектов рынка, сочетаются с общими для всех правилами игры и регулируемыми действиями государства, способна обеспечить наиболее эффективное распределение ресурсов согласно потребностям людей и стать процветающей экономикой. С этих позиций целесообразно оценивать роль и значимость предпринимательства в современной социальной жизни.

В общественном сознании посткоммунистической эпохи существуют две диаметрально противоположные оценки современного российского предпринимательства.

Позитивная оценка апеллирует к неэффективности экономики советского типа по сравнению с развитой рыночной экономикой передовых стран Запада и Востока. Отсюда делается вывод о бесспорной ценности предпринимательства. Негативная оценка отсылает к отрицательным проявлениям предпринимательства в странах, возникших на территории бывшего СССР. Это — доминирование спекулятивного капитала, его связи с мафиозными структурами и коррумпированным чиновничеством, несправедливый раздел государственной собственности, обнищание большинства населения.

Полярные оценки предпринимательства постепенно превращаются в идеологемы, активно используемые в политической борьбе. Поэтому особенно важно обсудить проблему типологии предпринимательства.

Исторические типы рынка и предпринимательства

В истории цивилизации можно выделить два основных типа рыночных отношений: «дикий» и цивилизованный рынок¹. «Дикий» рынок характеризуется доминированием спекулятивно-грабительских тенденций накопления капитала, прибыль здесь генерируется преимущественно не в продуктивной, а в посреднической сфере и связана с распределительными и перераспределительными отношениями. В условиях экономики «дикого» рынка надежды на быстрый рост производства выглядят весьма проблематичными. Это связано с тем, что лежащие в ее основе формы перераспределения усиливают социальную дифференциацию, порождая обнищание масс населения и, как следствие, снижение его покупательной способности. А это, в свою очередь, приводит к уменьшению стимулов роста производства.

Критика «дикого» рынка была дана не только в формах социалистической критики капитализма, но и в классических формах буржуазной экономической теории (А. Смит). «Дикий» ры-

¹ Отмечу, что эта типология разрабатывалась в российской политологической литературе при обсуждении проблем этики предпринимательства и феномена морального отчуждения (См.: Бактановский В. Н., Согомонов Ю. В. Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства. Томск, 1992; Согомонов Ю. В. Этика гражданского общества // Будь лицом: ценности гражданского общества. Томск, 1993).

нок был определенным этапом при переходе к цивилизованному рынку, который радикально меняет тип рыночных отношений и характер социальной жизни. Цивилизованный рынок нацелен на рост производительности и такую реализацию экономических свобод массы индивидов, которая коррелирует с творческим потенциалом производителей и ростом их благосостояния. В цивилизованных формах рыночного хозяйства осуществляется государственная регуляция экономической сферы, но регуляция экономическими средствами — налоговой политикой и жестким законодательством, определяющими единые «правила игры» и создающими равные возможности для всех.

Цивилизованный рынок возникает не сразу. Этот процесс занимает длительный исторический период и сопряжен с возникновением гражданского общества.

Двум типам рынка соответствует доминирование разных форм предпринимательской деятельности. Первому — деятельность преимущественно в торговой и финансовой сфере, часто связанная с криминальными структурами, ориентированная на наживу любой ценой, порождающая резкую поляризацию в уровне доходов и не создающая условий для процветания экономики. Второму, то есть цивилизованному рынку, свойственно доминирование иного типа предпринимательства, которое ориентировано на рациональную выгоду, прежде всего в сфере производства товаров и услуг, но при этом видит не только ближайшие, но и дальние цели, заботится о том, чтобы у постоянно растущего производства был потребитель. Цивилизованный рынок — это производство ради потребителя.

Оно предполагает особую социальную политику, которая стимулирует активное участие людей в разных сферах труда и вместе с тем обеспечивает рост их потребительских возможностей, подтягивая бедных на более высокий уровень потребления. Тем самым расширяется круг потребителей, что, в свою очередь, становится одним из условий развития экономики.

Сегодня можно констатировать, что результатом реформ 1990-х годов было создание у нас скорее «дикого», нежели цивилизованного рынка.

Для теоретиков-реформаторов, ориентировавшихся на опыт и теории западного либерализма, этот результат выглядит неожиданным. Тем более важно обсудить причины, породившие

нежелательные тенденции наших экономических преобразований.

Когда начался переход к рыночным отношениям, наши политические лидеры во многом ориентировались на идеи, разработанные в парадигме «рационального выбора», заимствованной из западных экономических теорий, прежде всего Чикагской школы. Ее создатели предполагали, что акторы рынка — это максимизаторы прибыли и пользы, люди, которые действуют рационально, и их рациональная деятельность основана на том, что они ведут игру на рыночном пространстве по одним правилам. Сама же индивидуальная рациональная деятельность приводит к тому, что создаются условия для экономического процветания. Свобода, рациональная деятельность, действия людей как максимизаторов прибыли рассматривались в качестве основы цивилизованного рынка. Это была идеализация «экономического человека», лежащая в основании экономической модели, на которую ориентировался неолиберализм. Сама по себе она вполне допустима в определенных границах и может быть использована при описании определенного типа объектов¹. Но ее применение уже заранее неявно предполагает существование некоторых реальных предпосылок. И тогда возникает вопрос: «Имелись ли эти предпосылки в российской действительности?»

Реформаторы, пришедшие к власти после августовского путча, считали, что для создания рынка достаточно осуществить всего лишь два шага: отпустить цены, дать людям экономическую свободу. Предполагалось, что эти шаги позволят «запустить» механизмы рыночной саморегуляции и через несколько месяцев возникнет нормальный рынок, который приведет к подъему экономики. Но вскоре выяснилось, что это очередная иллюзия, одна из тех, что вообще были нередки в российской истории. Чтобы создать условия для цивилизованного рынка, необходима была особая экономическая политика, постоянно соразмеряющая реформы с традициями. Иначе говоря, стратегии реформаторства должны были учитывать как социальные, так и ментальные особенности той «почвы», на которую пред-

¹ О моделях человека в экономических теориях см., например: Федотова В. Г. Человек в экономических теориях: пределы онтологизации // Вопросы философии. 2007. № 9.

стояло трансплантировать западный опыт цивилизованного рынка.

В начале нашей посткоммунистической истории его предпосылки, очевидно, отсутствовали в сфере социальных отношений. При монополизме производителей и крайней малочисленности мелких и средних собственников реформы конца 1991 — начала 1992 года не имели серьезных шансов в движении к цивилизованному рынку. Попытки ускоренного создания среднего класса на путях ваучерной приватизации не имели успеха. Ваучерная приватизация обернулась разделом госсобственности бывшей и новой номенклатурой, активно использовавшей свое положение в управленческих структурах для перераспределения государственных ресурсов и средств в свою пользу. Никакой игры по общим правилам у нас не было. Правила менялись в зависимости от интересов тех или иных номенклатурных групп, стоявших у власти или имевших рычаги воздействия на нее.

В этих условиях основной формой бизнеса стали финансово-торговые, в большей своей части спекулятивные акции, которые знаменовали переход к рынку после снятия государственного контроля над ценами. Началось интенсивное перераспределение капиталов, в основном получаемых за счет посредничества и вывоза за рубеж продукции сырьевых производств. Непродуманная налоговая политика дополнительно стимулировала рост финансово-торгового капитала при ускоряющемся общем падении производства. В результате в стране стал формироваться не цивилизованный, а «дикий» рынок.

Еще более глубокие причины, затруднявшие реализацию либеральной программы создания цивилизованного рынка, состояли в том, что наши реформаторы начала 1990-х годов практически проигнорировали особенности российской культурной традиции, стереотипы и архетипы российского сознания.

Нельзя сказать, что наши теоретики рынка не знали классических исследований М. Вебера, в которых была выявлена связь между принципами рынка и духом капитализма. Охотно цитировали они и Ф. Хайека, подчеркивающего связь между идеалом индивидуальной свободы, рационального выбора и правового государства, с одной стороны, и эффективностью

экономики, основанной на предпринимательской активности, — с другой.

Однако необходимых практических выводов из этих известных принципов не было сделано. Пропагандисты рынка настаивали (и в какой-то мере правильно), что существует уже апробированный опыт экономического развития, который необходимо использовать при проведении российских реформ. Но тут же сразу возникала проблема, как применить этот опыт к современной российской действительности. Если исходить из идеи взаимосвязи типа экономической жизни и ее духовных предпосылок, то необходим был их анализ применительно к российской духовной традиции, включая и анализ тех перемен, которые произошли в советский период российской истории.

Потребность в таком анализе становится все более острой, поскольку, помня шоковую терапию, и опять оказавшись у исторической развилки, мы задаем уже традиционный для российской истории вопрос: «Куда идти?» И вновь сталкиваются две полярные точки зрения. Первая исходит из принципа — нечего изобретать уже открытое, нужно учиться у Запада. Вторая настаивает на особом пути России, полагая, что опыт Запада для нее чужероден.

В этой абстрактной постановке проблем легко прослеживаются аналогии со старыми спорами между западниками и славянофилами. Но от общих принципов всегда следует переходить к конкретному анализу, выясняя, с какими именно культурно-историческими архетипами российского сознания столкнулись попытки ускоренного перехода к рынку, принятые в начале 1990-х годов.

Теория рационального выбора и архетипы массового сознания

Западный опыт цивилизованного рынка опирался на систему базисных ценностей, которые складывались и шлифовались на протяжении длительной истории новоевропейской цивилизации. Эта система в современном варианте предусматривает индивидуальную свободу и личную ответственность, рациональность выбора и действия, нацеленные не только

на близлежащую, но и на долговременную пользу, правовое государство и единое правовое пространство как условие соблюдения договорных отношений акторов рынка, понимание справедливости и равенства, прежде всего, как равенства возможностей, признание ценности наличного бытия как установки на постоянное и хлопотливое обустройство жизни.

Эти ценностные ориентации не были укоренены в нашей реальной жизни. Они конфронтировали с иными ценностями, которые складывались исторически и выражали специфику российскую культурной традиции. В ней отпечатались основные вехи российской истории, в том числе и целого ряда модернизаций, которые были связаны с переносом опыта западной цивилизации и соответствующих ей культурных норм и ценностей на российскую почву.

Взаимодействие норм и ценностей различных культур в культурном пространстве России неизбежно приводило к видоизменению традиционных российских ценностей. Вместе с тем в самих этих видоизменениях прослеживаются достаточно устойчивые архетипы российской духовности, определяющие понимание мира, способы жизнедеятельности, формирование личности.

В российской культурной традиции идеалы индивидуализма не занимали того приоритетного положения, которое было характерно для системы ценностей западной техногенной культуры. Как подчеркивал Н. Бердяев, российскому духу был свойствен идеал соборности. При этом он особо отмечал, что соборность принципиально отлична от коммунальности, то есть такого состояния коллективной жизнедеятельности, которое определено внешним принуждением. Соборность же предполагает объединение людей из внутренних побуждений, общей целью и общим делом.

Но в реальной системе жизненных ориентаций эти различные и даже противоположные смыслы часто переплетались. Их соединение можно обнаружить как в менталитетах традиционной крестьянской общины, так и в советское время.

Может показаться, что разрушение русской общинной жизни, произошедшее в эпоху ускоренной индустриализации и урбанизации, должно было разрушить и идеалы соборности, атомизируя индивидов и подчиняя их только внешнему

тоталитарному контролю. Однако соборные черты общественной жизни сохранялись в российском сознании. Они были воссозданы в жизни производственных коллективов советской эпохи. Эти коллективы были не только профессиональными объединениями людей, но и особыми формами общения и повседневной человеческой коммуникации. Праздники, дни рождения люди отмечали не только в семье, но и в производственном коллективе, были традиции и совместного отдыха (воскресные выезды за город на природу), была взаимопомощь (добровольный сбор средств для нуждающихся, помощь при переезде на новую квартиру, помощь при похоронах и т. д.). Короче говоря, реальная внепроизводственная жизнь советских людей не замыкалась в семейных рамках, а во многом сплавлениялась с производственной работой.

Известный анекдот о том, что советский человек, в отличие от западного, в семье обсуждает производственные проблемы, а на производстве — семейные, лишь слегка гипертрофировал реальное состояние жизни тех времен.

В условиях тоталитарного контроля и коммунальности те элементы соборности, которые сохранялись в жизни трудовых коллективов, были своеобразной самозащитой личности и специфической формой проявления ее свободы.

Попутно отмечу, что в условиях переходной экономики люди переносили жизненные трудности, и в том числе скрытую безработицу (невыплата зарплаты в течение многих месяцев), без явно выраженных форм бунтарского протеста во многом потому, что оставались в коллективе, который смягчал ситуации индивидуального стресса, оставляя надежду на совместное преодоление трудностей.

С идеалом соборности тесно связано и особое понимание свободы, свойственное русскому духу. Он больше ориентирован на коллективные формы реализации свободы. Это вовсе не означает, что русские люди не ценили индивидуальную свободу, но она прежде всего воспринималась как воля. Свобода же, соединенная с ответственностью, понималась как коллективная свобода, как свобода для всех, которая достигалась через преодоление страдания в поиске правды и добра. Ощущение и понимание свободы в культурном пространстве России до сих пор определяет «взгляд на свободу как на некое выстрадан-

ное состояние, как достижение справедливости среди людей и народов, когда в жертву приносятся свои личные интересы во имя свободы и счастья других»¹.

Ф. Достоевский и Вл. Соловьев не раз подчеркивали эту особую черту русской идеи — стремление «стать братом всех людей, всечеловеком» (Ф. Достоевский), «достичь в согласии с другими народами совершенного и вселенского единства» (Вл. Соловьев). Этот идеал свободы, провозглашавший сострадание ко всем угнетенным, легко согласовывался и с православием, и с коммунистической идеологией. Он нес в себе бесспорный заряд мессианства².

Но вместе с тем он содержал в себе ценности толерантности, открытости, единения, что обретает особый смысл в современных условиях глобализации и интенсивного диалога культур.

Создание единого правового пространства всегда было проблемой для России. Длительный период своей истории Россия была сословным обществом, в котором разные группы населения обладали разными правами. Существовали несостыковки и противоречия между законами Российской империи и рядом этнических обычаев, которые не вписывались в правовые нормы, но реально регулировали повседневную жизнь людей. Своеволие бюрократии, массовая коррупция, несправедливые суды были привычной житейской практикой, подпитывающей правовой нигилизм.

Сложная российская история в дореволюционный период не создала достаточно устойчивых предпосылок для правового государства. Возможность продвижения в этом направлении, открытая реформами Александра II, была заблокирована последующим откатом реформ, а затем окончательно исключена революцией и массовым применением насилия.

В советский период правовой нигилизм как один из архетипов российского сознания не был преодолен. Хотя официальная пропаганда объявляла его пережитком далекого прошлого, советская практика решения жизненных проблем укореняла его как реалию настоящего.

¹ Агильдиев А. Свобода // Будь лицом: ценности гражданского общества. Томск, 1993. Т. 1. С. 16.

² См. подробнее: Будь лицом: ценности гражданского общества. С. 16, 163–173.

В советскую эпоху периодически проводились массовые репрессии, не соблюдались декларируемые в конституции права и свободы граждан, была распространена практика довольно часто нарушения конституции и законов путем принятия различных подзаконных актов, ведомственных инструкций и указаний партийных органов, в том числе и устного характера. Именно эти инструкции и указания выступали реальным регулятором социальной жизни.

Единство страны определялось не столько правовыми нормами, сколько сильной вертикалью партийно-государственной власти, ориентированной на авторитарные методы управления обществом.

Здесь коренится одна из главных проблем современных российских реформ — поиск путей перехода от авторитаризма к демократии и правовому обществу при сохранении сильного государства. Пути такого перехода наши реформаторы 1990-х годов найти не смогли. Впрочем, подобной задачи и не ставилось. Было убеждение, что следует децентрализовать государство, ослабляя центр, и это воспринималось как одно из условий демократизации общества и перехода к рыночной экономике. Сегодня уже очевидно, что возникшие тенденции распада вовсе не приблизили нас к реальной демократии, а утрата единого экономического пространства (таможенные барьеры, разрыв хозяйственных связей и т. д.) стала одним из факторов, затруднивших переход к цивилизованному рынку.

Обсуждая проблему духовных предпосылок рыночных реформ в России, следует принять во внимание и такие социокультурные факторы, как специфика проявления рационального и иррационального в массовом сознании.

В свое время В. О. Ключевский отмечал в качестве черты российского сознания его тяготение к действиям на «авось», к непросчитанным рационально поступкам. Такой тип поведения В. О. Ключевский связывал с особенностями российской жизни и хозяйственной деятельности, протекающей в климатической зоне неустойчивого земледелия, к которой относится большая часть территории России, и в которой виды на урожай, а следовательно, жизнеобеспечение крестьянина и его семьи всегда были весьма проблематичны. К этому следует добавить, что российское пространство было и зоной многочисленных

набегов, частых войн, конфликтов, многообразных поборов со стороны властей (непомерные налоги, различные реквизиции имущества, низкая цена труда и т. п.), которые держали личное хозяйство на грани разорения, а часто и за этой гранью.

Все это сопровождалось чрезвычайно неопределенной и недостаточной правовой защитой личности в дореволюционный период, периодическими чистками и массовыми репрессиями в большевистскую эпоху. Народное сознание отразило это нестабильное состояние человеческой жизни в многочисленных поговорках типа «от сумы и от тюрьмы не зарекайся», а в советский период в анекдотах, наподобие известной «притчи» о пессимисте и оптимисте, когда первый утверждает, что жизнь — «хуже некуда», а второй (оптимист) — «будет еще хуже».

В этих условиях неопределенности и неустойчивости бытия снижалась ценность рационального действия и поступка. Это, конечно, не означает, что русский человек изначально иррационален и всегда действует по принципу «авось повезет». В устойчивых социальных состояниях он вполне способен просчитывать варианты и действовать рационально, так же как и человек Запада. Но в неустойчивых состояниях социального развития, которые синергетика характеризует в терминах динамического хаоса, наиболее адекватным становится вероятностный стиль поведения, сопряженный с рисками.

Принципиальный недостаток информации в этих состояниях компенсируется повышенной эмоциональностью принятия тех или иных решений. И это тоже не следует оценивать негативно. Как показал П. В. Симонов, в концепции информационной природы эмоций они особенно активно включаются при отсутствии алгоритмов достижения цели. Эмоции выступают как своего рода следящая система, которая стимулирует действие в случае намечившегося продвижения к успеху (положительная эмоция) либо блокирует его (отрицательная эмоция) в случае отдаления от намеченной цели и неудовлетворения обостряющихся потребностей.

Таким образом, реальные особенности российского менталитета не содержали в готовом виде тех основных предпосылок, которые предполагались моделью «рационального выбора» в качестве основы экономических реформ 1990-х годов.

Неолиберальная модель рационального выбора, обобщающая западный опыт цивилизованного рынка, представляла собой идеализацию, неприменимую к состояниям «фазового перехода» от советской плановой экономики к экономике рынка. Неудивительно, что попытки неолибералов, пришедших к власти в начале 1990-х годов, сконструировать экономическую жизнь по меркам этой модели привели к неожиданному для них результату — формированию не цивилизованного рынка, который они пропагандировали, а «дикого» рынка эпохи первоначального накопления.

О возможных стратегиях движения к цивилизованному рынку

Анализ архетипов российского массового сознания и наших культурных традиций показывает, насколько непросто отыскать оптимальную стратегию формирования цивилизованного рынка.

Его нельзя построить за 500 дней, как это полагалось в утопиях последних лет перестройки. Для этого нужен намного более длительный исторический период перемен не только в сфере политики и экономики, но и в духовной сфере. Проблема рынка, очевидно, перерастает в проблему духовной реформации и видоизменения некоторых наших традиционных ценностей. Но это не значит, что нужно ломать все без исключения жизненные смыслы и ценности нашей духовной традиции. Важно определить, на что следует опереться, что возможно и что невозможно осуществить в современной российской действительности.

Старые и новые ценностные тенденции сегодня сталкиваются друг с другом в культурном, экономическом и политическом пространстве России, часто конфликтуя между собой, порождая социальные напряжения. И вместе с тем они воздействуют друг на друга, трансформируются под этим воздействием, часто весьма причудливо соединяясь в поведении людей. Задача политиков состоит как раз в том, чтобы, учитывая эти процессы, отыскать такие стратегии реформ, которые позволили бы наиболее эффективно и наименее болезненно продвигаться по пути к цивилизованному рынку. Без учета специфики российских

менталитетов решить эту задачу невозможно. Важно, что уже первые шаги к прояснению фундаментальных смыслов и ценностей российской культурной традиции позволяют увидеть новые возможности и варианты реформаторских стратегий.

Можно, например, зафиксировать, что ориентация на парадигму индивидуализма, взрывающую наши духовные традиции, вовсе не обязательна для рыночных реформ. Опыт Японии, использовавшей семейно-клановые традиции (аналог известного нам семейного подряда) в организации производительного цивилизованного рынка, показывает, что сфера его духовных основ намного шире, чем это представлялось нашим экономистам-реформаторам начала 1990-х годов. Но и современный западный опыт также свидетельствует о тенденциях синтеза индивидуализма с коллективными формами собственности и предпринимательства. Народный капитализм, который разоблачали идеологи «развитого социализма», был той реальностью, которая обеспечила передовым странам Запада устойчивое развитие цивилизованного рынка.

Но тогда идеалы коллективизма и соборности, свойственные российскому духу и выступающие противоположностью индивидуализму, не должны восприниматься как некое препятствие на пути рыночных реформ. Напротив, на них вполне можно было опереться. Во всяком случае имеется достаточно образцов, свидетельствующих о значительных возможностях трудовых коллективов, ставших собственниками и включившихся в производственную рыночную деятельность.

В новом свете можно рассмотреть и перспективы формирования единого правового пространства как условия цивилизованного рынка. Создание правового государства в России не может осуществиться на путях ослабления центральной власти, поскольку в этом случае, как правило, усиливаются сепаратизм, авторитаризм на местах, активизируется формирование мафиозных структур. В то же время необходима и определенная реформация российского идеала державности. В демократической системе глава государства не может восприниматься как нечто святое и стоящее над законом. К нему и его власти у граждан складывается своего рода инструментальное отношение: он предстает как человек, избранный для выполнения определенного круга функциональных обязанностей, и от того,

насколько хорошо он их выполняет, зависит уровень уважения к нему сограждан.

В последнее десятилетие у нас произошла определенная десакрализация центральной власти. И это, несомненно, важный шаг к реализации идеала правового государства. Но его необходимо дополнить целенаправленной политикой по укреплению государственности, соединив идею права с традиционным для российского сознания идеалом сильной государственной власти.

Наконец, отмечу еще один важный аспект российских культурных традиций, с которым должны постоянно соизмеряться конкретные шаги современных реформ. Приоритетное место идеала справедливости, воспринимаемого российским сознанием в качестве мерила нравственной жизни человека, по своей природе противоречит практике «дикого» рынка, приводящей к перераспределению общественного богатства в пользу небольшой группы лиц при общем уменьшении производительности. Но оно вполне совместимо с цивилизованным рынком, предполагающим сильную социальную политику. Поэтому рыночные реформы будут постоянно буксовать и приводить к нежелательным результатам, если они не продуманы в плане сопровождающих их мер социальной защиты. Эти меры, в свою очередь, могут снижать уровень хаотичной неопределенности жизни, что, несомненно, будет способствовать укоренению более адекватных форм рационального поведения людей.

Как было уже сказано, в архетипах российского сознания заложен немалый потенциал их видоизменения и дополнения новыми смыслами. Многие наши традиции лишь по видимости консервативны и несовместимы с предпосылками цивилизованного рынка. Претензии, которые предъявляются к современным политикам, состоят как раз в том, что, осуществляя реформы, они действуют по принципу «проб и ошибок», не просчитывая, как может вписаться западный опыт организации рыночной экономики в российскую культурную традицию. Но сегодня даже самые рьяные западные апологеты свободного рынка вынуждены корректировать неolibеральную версию концепции рационального выбора, подчеркивая, что категории свободы, ответственности, ин-

дивидуального выбора как духовные основы свободного рынка всегда вписаны в исторический и культурный контекст и могут принимать различные модификации в зависимости от этого контекста¹.

Учет этих модификаций в экономической науке породил модели институциональной экономики, которая трансформирует идеализацию «экономического человека» и рассматривает побудительные мотивы действий агентов рынка в более широком контексте адаптации к институционально закрепленным правилам и традициям².

В эволюционной парадигме экономики сделан новый шаг — она требует учитывать эволюцию экономических агентов, изучать социально-экономические генотипы их популяции, принимая во внимание взаимодействие приобретаемых факторов и факторов «социальной наследственности»³.

В этих подходах прослеживается тенденция изучения экономических процессов в социокультурном контексте, во взаимовлиянии экономики, социальной сферы и культурных традиций. Учет этих контекстов в практике тем более важен. Усиливающееся взаимное влияние культур в процессе глобализации сегодня выступает фактором, с которым все больше приходится считаться акторам мирового рынка.

Что же касается политики российских реформ, то учет исторического и культурного контекста становится в современных реформаторских действиях важнейшей проблемой, без осознания которой мы не получим практически действенных и успешных решений.

¹ См.: Фармер М. Рациональный выбор: теория и практика // Полис. 1994. № 3. С. 57.

² Подробнее см.: Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем. М., 2004.

³ Там же.

Глава 4. ЦЕННОСТЬ ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ¹

Сегодня уже стало общей формулой, что одной из главных задач реформируемой России является формирование правового сознания. Вместе с тем все мы видим, как трудно идет продвижение к правовому обществу. Возникает вопрос: «Почему это происходит?»

Здесь я должен сделать небольшое отступление. Для того чтобы изменилось состояние правового сознания, нужно чтобы изменились базисные ценности культуры, чтобы они были приведены в соответствие с провозглашаемым общественным идеалом правового общества. Базисные ценности культуры — это жизненные смыслы, в соответствии с которыми осуществляется деятельность и поведение людей. Эти смыслы представлены пониманием свободы, права, справедливости, пониманием природы, человеческой деятельности, добра и зла, истины, красоты и т. п. Все эти категориальные смыслы не просто абстрактные идеи. Они программируют человека, его действия и поступки, определяют оценку тех или иных событий социальной жизни, определяют, какие фрагменты и состояния социального опыта включаются в поток культурной трансляции, а какие выпадают из этого потока.

И если мы хотим выяснить, почему воспроизводится неправовое сознание, следует установить, каковы реальные ценности, которые программируют людей в реальной повседневности, и соответствуют ли эти ценности идеалу правового государства.

¹ Основой главы являются работы: *Степин В. С. Права человека в эпоху глобализации и диалога культур // Всеобщая декларация прав человека : универсализм и многообразие опытов. М., 2009; Степин В. С. Ценность права и проблемы формирования правового общества в России // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М., 2010.*

Современное состояние правового сознания людей имеет свои исторические корни. К. Юнг называл такого рода корни архетипами сознания. Они не рефлектируются, то есть, как правило, не осмысливаются в повседневной жизни: люди просто воспринимают их как само собой разумеющееся. Осмысление и критический анализ архетипов сознания — дело философов. И если мы хотим осознать, что такое идея права и как в историческом развитии культуры изменяется концепт права, его смысл как ценности, то мы входим в область философии права.

Российская действительность длительное время определялась тем, что Россия была деспотичной страной. Огромное пространство России держалось на вертикали власти, где царь воспринимался как помазанник Божий. Он изготавливал законы для подданных, но сам этим законам не подчинялся. На него, как на помазанника Божьего, не распространялись те законы, которые для его подданных были обязательны. Но и подданные, как мы знаем, в своей жизни очень часто этими законами не руководствовались.

Идеи всеобщего права активно стали проникать в Россию после того, как она осуществила целый ряд модернизационных реформ. Эти идеи были связаны с прививками западной культуры. Россия долгое время была традиционалистским обществом. Реформы были условием и началом ее перехода на новый тип цивилизационного развития.

Наиболее значимыми из них были эпохи реформ Петра I, реформ Александра II и затем большевистская модернизация, обеспечившая ускоренную индустриализацию страны. В результате Россия превратилась в особый тип техногенной цивилизации. Эти особенности были связаны с тем, что пласты традиционалистской культуры здесь долго сохранялись, взаимодействуя с ценностями западного варианта техногенной культуры. Впрочем, такой тип культуры, сочетающий модернизацию и традиции, возникал во многих традиционалистских обществах, переживших эпохи модернизации. Их специфика определялась взаимной адаптацией различных компонентов культуры, с одной стороны, представленных трансплантацией элементов западной техногенной культуры, а с другой — традиционалистской почвой, в которую осуществлялись такие трансплантации. Так было не только в российской истории,

но и в истории Японии, Индии, Китая и других стран, осуществивших модернизационные перемены.

У каждой из них была своя историческая традиция. Если речь идет о правовой культуре, то особенности российской истории отпечатались в особом понимании права, свободы, справедливости как базисных мировоззренческих категорий, выражающих жизненные смыслы и ценности.

В России справедливость была всегда выше права. Практика обыденной жизни была такова, что люди жили не столько по законам, которые для всех общие, сколько по обычаям, которые были особые в разных регионах. Это было связано с историей России. Многие народы входили в состав Российской империи добровольно, но условием такого вхождения было следующее: мы не будем жить по вашим законам, а будем жить по своим обычаям. И государыня или государь писали: пусть идут под нашу корону и живут по своим обычаям. Но и тогда, когда Россия завоевывала новые страны, включая их в состав империи, местные элиты, обычаи и ценности этнических культур сохранялись. Так возникало государственное образование, где ни одна культура не исчезала, где не было унификации культур в том смысле, как это происходило в Европе в эпоху становления национальных государств, когда исчезали многие этносы и этнические культуры. В России же этнические анклав, входившие в состав империи, сохранялись, но как плата за такое сохранение возникало противоречивое соединение культурных образцов и обычаев, определяющих различное отношение к законам и правовым нормам. Отсюда и проистекали сложности установления единой правовой регуляции и движения к правовому обществу.

Сильная центральная власть обеспечивала интеграцию различных народов, входивших в состав Российского государства, контролируя региональные властные элиты. Но как только вертикаль власти ослабевала, обострялся сепаратизм, местные элиты выдвигали идею самостоятельных государств. Россия вступала в полосу «смутных времен».

Вертикаль власти для России всегда имела особый смысл. Она выступала условием сохранения Российского государства. Так было и в досоветскую, и в советскую эпоху. Мы убедились в ценности вертикали власти в 1990-е годы, когда после распада

СССР на грани распада оказалась Российская Федерация. Возникли маленькие осколки Советского Союза в регионах. При отсутствии контроля сверху появились региональные князьки и царьки. Демократия провозглашалась на словах, а на деле пытались сформировать подконтрольную только региональной власти милицию, свою прокуратуру и суды. «Все схвачено и за все уплачено». При возрастающей роли так называемого «административного ресурса» выборы практически гарантировали воспроизводство местной власти во главе с одними и теми же лицами. Вынужденная мера изменения порядка выборов губернаторов в этих условиях была не отступлением от демократии, а созданием ее предпосылок, поскольку процессы распада, разрушающие государство, представляли прямую угрозу демократизации страны. При ослаблении центра беспорядки на местах, как правило, возрастало, что приводило к множеству несправедливых действий власти.

Идея справедливости в российском менталитете имела множество смысловых оттенков. И одним из них был идеал справедливого государя, который должен защищать народ от произвола и лихоимства чиновников на местах. Жалобы непосредственно первому лицу государства с надеждой на восстановление справедливости были характерны для разных этапов российской истории. Они представлены спектром форм — от челобитных царю до жалоб Генеральному секретарю ЦК КПСС, а в наше время — писем и обращений к Президенту новой России.

В правовом обществе постоянные апелляции к высшей власти по поводу несправедливости действий местных властей, нарушающих закон, — нонсенс. В российской же истории это почти обычные ситуации общественной жизни.

Неправовое общество было характерно для России и до революции 1917 года, и после революции в советский период. Все, кто жил в это время, знали, что существует так называемое «позвоночное» право, когда партийные органы определяли решения судов, когда нарушались конституционные права граждан. Я напому, что в свое время диссидентское движение начиналось с требования, чтобы Конституция выполнялась властями. Но само это требование квалифицировалось властью как антисоветская деятельность.

Отсутствие единого правового пространства, сохранение корпоративных привилегий при применении законов формировали настороженное отношение к закону в повседневном сознании людей. Это отношение выразилось в пословицах: «с сильным не судись, с богатым не рядись», «закон — что дышло, куда повернешь, туда и вышло». И даже в поговорке «дуракам закон не писан», казалось бы, фиксирующей ценность закона, содержался и скрытый альтернативный смысл. В народных сказках простой человек Иванушка-дурачок в конечном итоге всегда оказывался умнее царя, который издавал законы, по которым Иванушка должен был жить.

Справедливость в российском сознании не отождествлялась с правом. Она выступала своеобразной компенсацией за отсутствие единого правового пространства. Народное сознание разделяло законы на справедливые и несправедливые, и те, которые полагались несправедливыми, можно было не исполнять.

Амбивалентное отношение к закону сохраняется в массовом сознании и в наше время. И это обстоятельство должно учитываться нашими законодателями. Законы не должны выражать корпоративные интересы, не согласующиеся с интересами общества, и не должны противоречить идеалу справедливости.

Взаимная корреляция идей справедливости и права дополняется их соотношением с идеей свободы. Ценность права в современных обществах связана с идеалами свободы. Индивидуальная свобода предполагает границы, где свобода одного не нарушает свободы других. Иначе свобода предстает как своеволие. Право ограничивает своеволие и представляет собой условие и предпосылку свободы личности.

Вопрос здесь состоит в том, являлась ли в системе стереотипов российского сознания приоритетной идея свободы личности, и как эта идея понималась.

Архетипы свободы в традиционалистских культурах были связаны с особым пониманием ценности личности. Быть личностью в традиционных обществах значило быть частью некоторой корпоративной общности (клана, сословия, касты), к которой личность часто принадлежала от рождения. Поэтому и понимание свободы в традиционалистских культурах акцентировало ее коллективистский смысл. Индивидуаль-

ная свобода понималась как подчиненная коллективистской свободе.

Приоритет индивидуальных свобод укоренился в новоевропейской культуре проекта «Модерн». Он сформировался в процессе становления техногенного типа цивилизационного развития. Именно здесь складывается идеал свободной и суверенной личности, которая может включаться в различные социальные общности, не будучи жестко привязанной ни к одной из них. Соответственно утверждается приоритет индивидуальных свобод, который увязывается с идеей права и оформляется в концепции естественных прав человека. Обоснованная в философии Нового времени, эта концепция становится теоретическим основанием правовых практик демократических государств.

Один из отцов-основателей американской конституции Т. Джефферсон, подчеркивая важность идеи естественных прав человека как основания Конституции США, писал, что «массы человеческие не рождаются с седлом на спине, как не рождаются немногие избранные в сапогах со шпорами, чтобы законно ездить на них верхом милостию Божией»¹.

Российские модернизации изменяли традиционалистскую почву, но при этом сохранялся ряд базовых особенностей традиционалистской культуры, в том числе и понимание коллективной свободы как условия свободы индивидуальной.

Основой жизни большинства российского населения в досоветский период была община, где обычаи, а не право, были главными регуляторами поведения и деятельности людей. Эти обычаи предполагали различные явные и неявные регламентации поведения личности.

Развитие капитализма в России не привело к разрушению общины и традиций общинной жизни. Столыпинские реформы были замыслены как переход от общины к доминированию фермерского хозяйства. По замыслу реформаторов, это должно было обеспечить рост сельскохозяйственной продукции и вместе с тем освободить большую массу населения для участия в индустриальной модернизации страны. Но этот замысел не был реализован, и во многом из-за сопротивления крестьянской массы, составляющей основное население России.

¹ Цит. по: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 2004. С. 22.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, переход к советскому образу жизни сохранил многие черты общинных традиций, хотя и придал им новую идеологическую окраску. С одной стороны, они были реализованы в производственных коллективах советской эпохи, с другой — дополнялись различными общественными организациями граждан. Такие организации могли бы стать основой гражданского общества, но на деле всегда жестко контролировались властью.

Индивидуальная свобода ограничивалась властью через систему партийно-государственного надзора за деятельностью как производственных коллективов, так и общественных организаций. В этих условиях даже там, где речь шла об индивидуальном творчестве (например, писателя, художника, композитора, инженера-изобретателя и т. п.), стремление к творческой свободе связывалось у людей с желанием освободить соответствующие коллективы и сообщества (например, союзы художников, писателей, композиторов и т. п.) от постоянной партийно-государственной опеки.

Идеал прав человека не был явно выражен в российском понимании свободы. Однако это понимание не имело внутри себя каких-либо ограничений для его принятия. И в этом отношении то понимание свободы, которое складывалось в нашей культурной традиции, содержало потенциал своего развития и обогащения новыми смыслами.

Приоритет ценности индивидуальной свободы в новоевропейской культуре был важнейшим компонентом духа капитализма. Дальнейшее развитие было сопряжено с дополнением этой системы приоритетов идеями прав народов и их свободного единения.

В развитии российского понимания свободы был иной путь — от идеала свободы и братства всех людей и народов к включению в его содержание идеала прав человека. Мы находимся в начале этого пути, и новые смыслы появились в нашем сознании сравнительно недавно, в результате сложных процессов кризиса прежней идеологии, ее критики и обращения к опыту западной демократии. Идея прав человека стала провозглашаться в качестве приоритета не только отдельными интеллектуалами, но и средствами массовой информации и властными структурами.

Все это создавало предпосылки для продвижения к правовому обществу. Но только предпосылки. И автоматически, само собой правовое общество не возникнет. Его нужно строить. Декларации и намерения — это только первый шаг.

В массовом сознании идея прав человека пока не укоренена, а правовой нигилизм еще достаточно распространен в разных слоях современного российского общества. Его не искоренить только за счет совершенствования законодательства. Такое совершенствование необходимо, но еще недостаточно для продвижения к правовому обществу.

Между идеалами права, соответствующими им законодательными нормативами и их воплощением в реальной социальной жизни людей есть особый посредник — образцы правового поведения и деятельности.

В повседневной жизни люди ориентируются прежде всего на образцы, которым они неосознанно подражают или не подражают и которые их программируют. Идеи и нормы внедряются в жизнь посредством образцов, фиксирующих эти нормы. К сожалению, в нашей жизни имеется множество случаев, когда нарушение законов обеспечивает успех в достижении целей. А это — образцы неправового поведения. И если они преобладают, никакого продвижения к правовому обществу не будет. Его не будет, пока люди на практике не убедятся, что выгоднее жить, соблюдая законы, чем их нарушая.

В пропаганде и поддержке образцов правового поведения сегодня особую роль играют средства массовой информации. И здесь должна быть продуманная стратегия. К сожалению, ее пока нет. Достаточно включить телевизор, как на вас сразу посыплется масса фактов о явно несправедливых судах, несправедливом обращении с людьми, о ситуациях, когда человек, явно нарушивший закон, уходит от ответственности. Информация такого рода — необходимый аспект гласности, но мера здесь явно не соблюдается. Почти отсутствует информация о том, как отреагировала власть на сообщения СМИ о нарушении закона, и фактически отсутствует поддержка образцов правового поведения. Обилие негативных «сенсаций» притупляет эмоциональную реакцию протеста. Люди привыкают к ним как к норме, и в результате только укрепляется расхожее

мнение, что соблюдение законов не является в нашем обществе условием благополучной жизни.

Без поддержки права, правовых норм, создания системы их гарантий мы не решим задачи преодоления правового нигилизма, какие бы хорошие законы ни принимались.

Двадцать лет нового российского капитализма, конечно же, внесли коррективы в систему социальных ценностей. Возникло новое поколение, для которого идеалы коллективизма уже не играют той роли, которую они играли для старшего поколения. Производственный коллектив уже не воспринимается ими как второй дом. Современные социологические исследования показывают, что многие молодые люди относятся к работе в основном как к месту, где нужно зарабатывать на жизнь и делать карьеру. Индивидуальная свобода для них более престижна, чем коллективная. Но отсюда не вытекает, что автоматически утверждается ценность прав человека. Идея индивидуальной свободы в условиях обилия неправых действий и безответственного поведения вполне может сочетаться с идеями правового нигилизма. На эту тему необходимы специальные исследования, включая социологические мониторинги.

Правовое сознание и правовое поведение стихийно не возникнут. Здесь нужна продуманная и целенаправленная системная политика. Она предполагает учет не только внутренних факторов современной российской модернизации, но и анализ их соразмерности изменениям глобализирующегося мира. Здесь мы подходим к особому аспекту проблемы формирования правового общества в России.

Мы живем в эпоху перелома в стратегиях цивилизационного развития. Меняется тип цивилизации. Как это сказывается на правовых отношениях и понимании прав человека? Здесь возникают новые проблемы. Глобализация порождает особые формы наднациональных объединений государств. Среди них уже есть объединения с достаточно высоким уровнем интеграции. Это — Европейский Союз. Меньший уровень интеграции у СНГ, возникшего после распада СССР. Но и здесь намечаются процессы, аналогичные тем, по которым шло объединение европейских стран. Декларированы планы объединений стран Южной Америки. В качестве первого шага намечено движение к единому экономическому пространству и в будущем единой

валюты. Подобные проекты будущего озвучены в отношении возможного экономического союза Китая, Японии и стран Юго-Восточной Азии.

Очевидно, что осуществление подобных планов потребует решения многих проблем. Шаги к интеграции стран с различными правовыми культурами предполагают создание национальных органов управления и делегирование им части суверенитета государств, входящих в объединение.

В связи с этим возникают вопросы о приоритетах и балансе прав человека и прав народов. Особая острота этой проблематики обозначилась в наше время в ситуациях «геополитических игр» Запада, когда под предлогом защиты прав человека нарушалось международное право, развязывались войны, сопровождающиеся гуманитарными катастрофами (Сербия, Ирак).

Опыт манипуляций с правами человека свидетельствует в пользу простой истины: насильственное принуждение, попирающее права народов, не только не утверждает идеал прав человека, но в целом дезавуирует и саму идею правового общества.

Проблема соотношения прав народов и прав человека возникла не сегодня. Она имеет свои исторические корни. Становление национальных государств в рамках техногенного типа цивилизационного развития потребовало осмыслить проблему прав этносов (национальностей), входящих в состав единого государства, в отношении к правам человека. В частности, эту проблему подробно обсуждал швейцарский правовед второй половины XIX века И. Блюнчли. Он отстаивал идею, что этносы, объединяющиеся в политическую нацию, становятся ее органической частью благодаря правовой общности. Блюнчли различал этнонацию и политическую нацию (народ). Политическая нация становится таковой благодаря правам личности: *“Das Volks ist das Rechtsperson”* — «народ есть правовая личность».

Характерно, что эти идеи были воспроизведены китайским правоведом Лян Ци-чао в начале XX века, когда остро стоял вопрос о формировании в Китае целостной политической нации. На современном этапе глобализации эти идеи вновь обретают в Китае второе дыхание. Они обсуждаются под углом зрения программы модернизации и гармонизации общества.

Но и для России это также первоочередная задача — осуществить технологическую модернизацию и обеспечить социальную сплоченность на путях формирования правового государства и уважения прав личности. Однако, решая эти задачи, важно не упускать из виду те радикальные социальные изменения, которые возникают на современном этапе технологического развития.

Здесь я обозначу две ситуации, касающиеся проблематики прав человека. Первая относится к современным технологиям программирования сознания. Они инициируют разнообразные практики информационного насилия, которые камуфлируются и внешне выглядят как добровольный выбор личности в демократическом обществе. В результате требуется переосмысление идеи прав человека. Как показано в работах Э. Ю. Соловьева, развитие этой идеи в декларациях прав человека учитывало негативный опыт своеволия монархии, религиозных войн и тоталитаризма XX века. Но сегодня возникает новая проблема — защита личности от информационного насилия.

Вторая ситуация, требующая совершенно новых подходов к правам человека, связана со все более широким использованием современных биотехнологий и возможностями манипулирования биологической основой человеческой жизнедеятельности.

Перспективы продления жизни до 120–150 лет, формирование заранее заданных биологических свойств человека, применение нейрофармакологических препаратов нового поколения, усиливающих память и другие когнитивные способности, ставят перед обществом новые этические и правовые проблемы. Как отмечал Ф. Фукуяма, биологическая революция, в конечном счете, поставила на карту «нечто, имеющее отношение к природе человека, специфические для вида свойства, общие для всех людей как таковых»¹.

Идея же прав человека в истоках своего возникновения формулировалась как идея естественных прав. Она неявно предполагала некоторый инвариант человеческой природы, общий у всех людей на планете. Но если применение биотехнологий создаст резкое различие между индивидами в их биологической основе — допустим, для богатых людей будут доступны

¹ Фукуяма Ф. Указ. соч. М., 2004. С. 147.

дорогостоящие технологии продления жизни и формирования качественно новых когнитивных способностей, а для бедных недоступны, то реально будет создано нечто подобное кастам высших и низших рас. Как быть в этих условиях с идеей прав человека?

Таким образом, проблематика формирования правового общества в нашей стране предполагает системное осмысление трех типов факторов: 1) традиций; 2) современных изменений в жизни людей в эпоху второго российского капитализма; 3) тенденций развития мировой цивилизации, включая ожидаемые радикальные перемены в жизни человечества с внедрением NBIC (нано-, био-, информационных, когнитивных) технологий.

Глава 5. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ¹

Интеллигенция в оппозиции бюрократии: социальные роли и функции

Тема «интеллигенция и власть», почти запретная в недавнем прошлом, становится и предметом особенно острых дискуссий в эпохи переоценки ценностей. Сегодня именно такую эпоху переживает Россия.

Многие точки зрения, которые были выражены в сегодняшних дискуссиях, в принципе имеют общее, инвариантное содержание, но сформулированное в разных языках. И это совсем неплохо, когда используются разные языки для описания одной и той же реальности, поскольку реальность при этом предстает в разных ракурсах, а ее описание включает каждый раз новые смысловые оттенки.

Важно только, чтобы не утрачивалась коммуникация и не создавалось впечатление, что мы начинаем с чистого листа и до нас (за исключением классической философской литературы, включая, разумеется, и русскую философскую классику Серебряного века) ничего толкового не было сказано. Много из того, о чем сегодня говорится, уже было сформулировано, причем во времена, когда такие идеи развивать было совсем небезопасно.

В частности, я хотел бы напомнить, что в 1972 году в эстонском журнале «Лооминг» была напечатана статья Г. И. Нана «Власть и дух». Она не была переведена на русский язык,

¹ Переработанная и дополненная глава из кн.: *Степин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего.* М., 1996.

поскольку воспринималась тогда как диссидентское произведение. В этой статье эстонский академик обратил внимание на то, что в любом обществе, если это общество более или менее развивается, обязательно должны быть два социальных слоя, которые вместе с основными классами определяют характер его социальной структуры. Первый из них ответствен за то, чтобы вносить мутации в культуру, чтобы продуцировать инновации, и эти инновации должны открывать путь к новым цивилизационным завоеваниям. Второй слой призван заботиться об устойчивом воспроизводстве тех социальных связей, которые исторически сложились и составляют основу существующего образа жизни. Первый слой — это интеллигенция, а второй — бюрократия. И тогда проблема «интеллигенция и власть» предстает как «соотношение бюрократия и интеллигенция», как соотношение «власти и духа». Власть — это бюрократия, а интеллигенция — дух. Отсюда можно вывести многие черты, в том числе и психологические особенности тех личностей, которые должны составлять слой интеллигентов, и тех, кто выполняет функцию бюрократов.

Представления об органической связи интеллигенции и творчества, интеллигенции и духовности, интеллигенции и развития культуры могут быть редуцированы к фундаментальному определению роли интеллигенции — ее предназначению вносить инновации в культуру. Когда говорится, что интеллигент — это носитель культуры, то против такого утверждения вроде бы и нечего возразить. Но в этом случае культура понимается только в одном аспекте и в специфическом смысле — как система изменений, как инновационный процесс, способствующий накоплению достижений, определяющих восхождение человечества по ступеням цивилизационного развития. Но в культуре всегда наличествуют и стереотипы, которые должны воспроизводиться как традиция. Интеллигент — носитель культуры не столько в смысле хранителя традиций и консервативного ее начала, сколько в том именно смысле, что он порождает новые идеи, идеалы, образцы и ценности, характеризующие развитие культуры, или, иначе говоря, он порождает в своем творчестве возможные будущие программы человеческой деятельности, общения и поведения людей. Эти программы впоследствии могут стать стереотипными, но в эпоху

их формирования — они инновации. Причем это могут быть в высшей степени инновационные достижения.

Однако культура включает не только инновации, приводящие к изменениям социальной жизни. У нее есть и другая функция — обеспечивать воспроизводство этой жизни в исторически определенных формах.

Но в таком случае бюрократию можно тоже рассматривать как носителя культуры, только в очень и очень специфическом смысле. Бюрократия как реальная власть реализует программы стабильности общества, составляющие своего рода социальную наследственность.

Поэтому само понятие бюрократии в этом рассуждении вовсе не означает нечто негативное и заслуживающее осуждения. Напротив, оно относится к слою профессионалов управления, умеющих осуществлять свои функции (что, конечно, не исключает наличие бюрократов-непрофессионалов и бездельников). Кстати, в дословном переводе бюрократия означает власть канцелярии, то есть предполагает способ управления, основанный на соблюдении формальных правил, в рамках которых собирается и накапливается информация, необходимая для принятия управленческих решений, и осуществляется контроль над последствиями решений. Вне этой функции достаточно сложные социальные организмы не могут устойчиво воспроизводиться. Поэтому хороший бюрократ, то есть профессиональный чиновник-управленец, весьма ценная социальная фигура. Он относится к числу социальных персонажей, обеспечивающих сохранение наследственности определенного типа общества, тогда как призвание интеллигента — обеспечить его изменчивость.

Те мутации в культуре, которые вносит творческая деятельность интеллигенции, могут стать предпосылкой будущего изменения социальной жизни. Но если призвание интеллигента состоит именно в деятельности такого рода, то тогда, во-первых, он всегда будет стоять в определенной оппозиции к власти, которая охраняет традицию, и, во-вторых, бюрократия всегда будет стремиться взять его под контроль, превратить в чистого идеолога, охраняющего традиционные ценности и стереотипы. В своей основной функции интеллигент ей мешает, потому что он все время сомневается, все время под руку толкает, говорит,

что все не так, что, может быть, надо действовать иначе. А бюрократ, который наделен властью и осуществляет, проводит в жизнь некие социальные программы, должен твердо рулить и вести государственный корабль в соответствии с принятым курсом. Я позаимствовал образ корабля, которым управляет бюрократия, из названной мной статьи Г. И. Наана.

Капитан, которому доверено управление, ведет корабль и видит впереди какие-то острова, опасные рифы, но рулит в соответствии с курсом, пока не сворачивая. Тут появляется интеллигент и говорит: ну что ты делаешь? Ведь мы же разобьемся! Начинает у него выхватывать руль и говорит: «Надо поворачивать!» И если они начнут бороться за этот руль, то наверняка на рифы и налетят. Но если бюрократ упрям и оттеснит интеллигента, то реальна другая опасность, что он свернет поздно и все закончится катастрофой.

В западном обществе был исторически выработан особый механизм: руль социального управления с люфтом. Руль можно немного поворачивать, и, кажется, что ты у руля, но на самом деле не управляешь, потому что все равно корабль идет прежним курсом до определенного момента. Но интеллигенция, подталкивая бюрократию, может довести руль государственного управления до такого положения, когда даже небольшое усилие, которое потом сделает власть, приведет к нужному изменению курса. Такую конструкцию «с люфтом» в демократических обществах обеспечивает правовое государство, оппозиция, свободная пресса, общественное мнение — все то, что реально воздействует на власть и не дает ей возможности поставить интеллигенцию под тотальный контроль. А задача интеллигенции — через эти механизмы оказывать давление на власть, заставляя ее прислушиваться к новым идеям и корректировать государственный курс.

Важно сразу же подчеркнуть, что социальные фигуры бюрократа (власть) и интеллигента (дух) — фигуры функциональные. Есть немало примеров, когда государственный чиновник, уходя из власти, затем успешно проявляет себя в тех или иных областях духовного творчества (в науке, искусстве и т. п.). Есть и обратные примеры, когда представители интеллигенции идут во власть. Но когда они становятся у руля управления, то их социальная роль меняется. Они переходят в иной социальный

слой, выполняя функции бюрократии, то есть должны профессионально управлять обществом, стремясь к социальной стабильности.

Противоречие между стремлением к постоянным изменениям и стремлением сохранить стабильность выражается в противостоянии интеллигенции и бюрократии. Динамично развивающееся общество предполагает баланс этих сил, когда функции изменения и функции стабильности дополняют друг друга. Наилучшие возможности для такого баланса создает демократия, а практически уничтожает эти возможности тоталитаризм.

В тоталитарных обществах отсутствуют все те социальные механизмы, которые обеспечивают относительно независимую позицию интеллигенции, позволяющие ей свободно вырабатывать новые идеи и мировоззренческие ориентации, открыто критиковать власть и активно влиять на общественное мнение. Оппозиционность интеллигенции в тоталитарных системах облекается в иные формы. Власть стремится поставить ее под жесткий контроль, превратить в идеологических чиновников, занятых пропагандой необходимых власти взглядов. Но творческий дух находит лазейки даже в системе тотального контроля, чтобы выработать и зафиксировать в культуре идеи и образы, выходящие за рамки общепринятых стереотипов.

История советского искусства, литературы, науки и философии дает достаточно много примеров такого скрытого сопротивления тоталитарной идеологии, когда новые идеи, представления и образцы создавались в различных формах, начиная от поиска новых выразительных средств, нового языка в различных сферах культурного творчества и заканчивая поиском новых жизненных смыслов, меняющих мировосприятие (в последнем случае эти новые смыслы, как правило, маскировались путем формального использования тех или иных элементов принятой идеологической символики).

В принципе сама проблема интеллигенции и ее отношения к власти возникает тогда, когда в человеческой истории формируется техногенный тип цивилизационного развития.

Особая значимость инноваций, и прежде всего научно-технических открытий, для самого существования техногенных обществ (которые, наподобие двухколесного велосипеда,

только тогда и устойчивы, когда движутся вперед) приводит к двум важным последствиям. Во-первых, творчество, направленное на преобразование человеком природной и социальной среды, воспринимается здесь как весьма высокая ценность и, соответственно, ценятся творческие личности, порождающие новое в различных сферах социальной жизни. Во-вторых, в область интеллектуального труда по мере развития общества включается все большее число людей, занимающихся различными его видами. Система образования и запрос на все новые интеллектуальные профессии делает людей умственного труда все более часто встречающимися персонажами в различных областях уже не только духовной культуры, но и производства, и сферы услуг. Интеллектуальная деятельность приобретает во второй половине XX века массовый характер.

Ничего подобного не было и не могло быть в традиционных обществах.

Есть в древнекитайской философии понятие «совершенно-мудрый». Это не тот, кто стремится активно действовать и создавать новое. Это — мудрец, исповедующий идеал недеяния, то есть умеющий совершать минимальное естественное действие («у-вэй»), которое соответствует ритму неба и Поднебесной и основано на чувстве и знании этого ритма. Такое действие не приводит к революционным катаклизмам и не вносит духовную смуту, а, наоборот, стабилизирует жизнь и приносит спокойствие.

Когда человек традиционных культур Востока создавал новое, то он всегда выдавал созданное за продолжение традиции и вовсе не стремился представить себя в качестве творца нового и оригинального. В свое время философ и индолог Д. Б. Зильберман, анализируя тексты Веданты, обнаружил, что сам способ изложения традиционного текста не просто фиксирует знание, но одновременно создает своего рода психологическую матрицу, которая заставляет читающего и размышляющего над текстом отождествлять свое сознание с Брахманом — Абсолютом, обезличенным духом, а любые акты собственного творчества относить к этому обезличенному духу¹. Д. Зильберман показал, что такой способ порождения и трансляции знаний

¹ Зильберман Д. Б. Откровение в адвайта-веданте как опыт семантической деструкции языка // Вопросы философии. 1972. № 5.

соответствовал особенностям реального воспроизводства древнеиндийской социальности, когда высшая каста брахманов осуществляла функции хранителя основных традиций социальной жизни, могла вносить в них только малозаметные новации и только от имени обезличенного коллективного (кастового) субъекта.

Понятно, что оформление изобретательства и внедрение нового в систему массовых профессий принципиально не могло осуществиться в традиционных культурах. Другое дело — профессиональная подготовка чиновника. Это — занятие серьезное, и, например, в Древнем Китае претенденту на чиновничью должность необходимо было сдать довольно сложные экзамены, к которым готовились подчас по несколько лет. Так что образованный человек в китайском обществе — это, прежде всего, государственный чиновник, который призван заботиться о стабильности общества.

Что же касается положения в обществе мудрецов — философов и ученых, то они открыто не претендовали на изобретение каких-либо принципиально новых теорий и идей, выходящих за рамки традиции, а, напротив, стремились укрепить и обогатить традицию. Они были не столько учеными (в новоевропейском понимании), сколько учителями жизни. А их учения часто канонизировались и становились основой традиции.

Таким образом, проблема интеллигенции, равно как и само понятие интеллигенции, в строгом смысле неприменима к традиционным обществам. Ну а если эта терминология используется в нестрогом метафорическом смысле, то не лишне вспомнить об условности всякой метафоры.

Проблема «интеллигенция–власть (бюрократия)» особенно усложнилась в наше время, когда массовый приток интеллектуалов в различные сферы деятельности, в том числе и в политическую, обозначил условность и относительность принадлежности каждого индивида к определенному социальному слою интеллигенции или бюрократии. Возникли новые профессиональные роли, например организатора науки, когда крупный ученый, не переставая генерировать новые идеи, одновременно осуществляет управленческие функции в качестве руководителя научно-исследовательского учреждения или крупной комплексной программы, координирующей деятель-

ность многих учреждений. При президентах и правительствах формируются многочисленные экспертно-прогнозные службы, объединяющие ученых и профессиональных политиков. Деятели искусства активно участвуют в политической борьбе, часто занимая высокие государственные посты. И некоторые из них даже совмещали это со своей первичной профессиональной деятельностью. В годы перестройки и начала реформ были и такие факты, когда артисты, занимавшие министерские посты, в то же время продолжали участвовать в театральных спектаклях. Как говорится, сегодня интеллигент, завтра бюрократ, а послезавтра — снова интеллигент. Или: утром бюрократ, вечером — интеллигент. Недаром на Западе слово «интеллигенция» постепенно исчезает из социолого-политологического лексикона и вытесняется термином «интеллектуалы».

Массовый характер интеллектуальной деятельности с усиливающимся разделением труда и профессиональной мобильности постепенно размывает идеал интеллигента. Если попытаться охарактеризовать этот идеал, то он предполагает такие черты целостной личности, как высокая нравственность, интеллектуальная эрудиция, гуманизм, выражающийся не в абстрактной любви к человечеству вообще, а в доброте к людям, уважении к личности и в обостренном чувстве справедливости.

В нашей жизни все реже встречаются люди, которых можно было бы идентифицировать с этим идеалом. В российском общественном мнении последних лет в этом качестве, пожалуй, больше других признаны только А. Д. Сахаров и Д. С. Лихачев. Но, конечно же, в жизни есть и другие, может быть, не столь масштабные личности с точки зрения их влияния на общественное сознание, которые тоже несут в себе заряд интеллигентного духа. Причем это не обязательно великие творцы нового в науке или искусстве. Инновации в культуре имеют широкий спектр проявлений. Поступок как образец, прожитая нравственно жизнь отдельного человека также могут стать феноменами культуры и воздействовать на выбор будущего. В этом отношении обыденное сознание справедливо относит к подлинным интеллигентам тех людей, которые не только образованы и занимаются интеллектуальным трудом, но, прежде всего, реализуют в своей жизни принципы нравственности и доброты.

В целом же эпоха XX столетия сделала весьма зыбким и неопределенным классический образ интеллигенции, сформировав многочисленный слой интеллектуалов, занятых в различных сферах умственного труда. Весь этот слой именуется интеллигенцией, но по старым, классическим меркам большинство из них «образованщина», если выразиться словами А. И. Солженицына. А среди «образованщины» тоже есть разные люди: великие, но прагматично настроенные на карьеру, и совсем не великие, однако умеющие делать свое дело, и даже те, кого И. Ильф и Е. Петров называли «пролетариями умственного труда».

Весь этот разрастающийся и разнородный слой интеллигенции интенсивно обменивается людьми с другими социальными слоями. Отсюда мигрируют во власть и в оппозицию к власти, прекращая занятия своей интеллектуальной и профессиональной деятельностью и переходя в сферу другой деятельности, политики, отсюда переходят в бизнес. Да мало ли есть областей, в которых интеллектуал может проявить себя!

Специализированная интеллектуальная деятельность высоко ценится в развитых странах Запада и Востока. Люди, добившиеся здесь реальных успехов, обретают как материальное благополучие, так и общественное признание. Между интеллигенцией и бюрократией в демократических обществах постоянно поддерживается динамическое равновесие, которое становится условием и одним из оснований устойчивого развития общества.

Интеллигенция в эпоху модернизаций

Картина становится иной, когда мы обращаемся к обществам, находящимся на стадии модернизации. Россия несколько раз, начиная с реформ Петра I, проходила эти стадии, и современные реформы тоже относятся к «модернизационным этапам» российской истории.

Многочисленные трансплантации западного опыта на российскую почву сформировали особый социальный слой носителей западной культуры и модернизационных идей. Эти люди, получившие образование на Западе, видели свою миссию в том, чтобы способствовать прогрессу и цивилизацион-

ному развитию России. Это и был слой российской интеллигенции.

Столкновение западного опыта, идей переустройства России с традиционной культурой порождало проблему их нестыковки, органичного неприятия традиционной почвой новых идей. Чтобы эти идеи воплотить в жизнь, нужно было, во-первых, преобразовать их в новые идеалы и ценности в соответствии с традиционным менталитетом; во-вторых, осуществить сообразно новым идеям и ценностям реформацию российской жизни. Обе эти проблемы и составляли основной предмет исканий русской интеллигенции. В этих исканиях проблема «интеллигенция–власть» обретала новое измерение и дополнялась проблемой «интеллигенция–народ».

Стремление соотнести западный опыт с традиционной почвой порождало два подхода: акцентирующий внимание на западных идеях и ценностях, и другой, полагающий главными особенности почвы, на которую эти идеи должны быть перенесены. Знаменитый спор западников и славянофилов достаточно четко выражал эти позиции. Причем и те и другие принадлежали к интеллигенции, сформированной под влиянием западной культуры и разделяющей необходимость благоустройства российской жизни. Н. Бердяев приводил высказывание Герцена о западниках и славянофилах: «У нас одна любовь, но не одинаковая». И далее писал, что Герцен «называл их “двуликим Янусом”». И те и другие любили свободу. И те и другие любили Россию, славянофилы как мать, западники как дитя»¹. Их споры о путях и целях цивилизационного выбора России не раз воспроизводились в разных формах и на других этапах российской истории.

Существовал еще один, весьма давний спор, касающийся проблемы переустройства России. Это был спор о способах и методах такого переустройства. Здесь сталкивалась позиция просветителей и сторонников постепенных реформ с позицией революционеров, которые, так же как и первые, принадлежали к российской интеллигенции. Следует подчеркнуть, что в современных дискуссиях о предназначении интеллигенции и ее

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 76.

отношениях с властью обсуждаются обе обозначенные темы, хотя, может быть, и вне их дифференцированного анализа. Многое из того, что в этой связи говорится, перекликается с высказываниями Н. Бердяева, Г. Федотова, С. Франка, П. Струве о природе российской интеллигенции. В частности, русские философы начала XX века не раз отмечали, что интеллигенция как носитель западной образованности и реформаторских идей не находила опоры в народе, который был носителем традиционного менталитета. Рассогласованием этих двух ментальных систем объясняются такие черты русской интеллигенции, как соединение «идейности» и «беспочвенности».

Загадка русской интеллигенции, как отмечал Г. Федотов, состоит в импорте западной культуры. Именно пересечение двух несовместимых культурных миров порождает беспочвенность интеллигенции, а ее идейность проистекает из «повелительной необходимости просвещения, ассимиляции готовых, чужим трудом созданных благ — ради спасения, сохранения жизни своей страны». Ничего подобного русской интеллигенции нет ни в одной стране органической культуры. Условием ее возникновения, согласно Г. Федотову, был ее отрыв от реальной почвы¹.

Стремление изменить жизнь в соответствии с принятыми идеалами приводило ее к почти религиозному служению идеалам, которые не произрастали органически из русской жизни, а привносились извне как результат обработки идей, возникающих в западной культурной традиции. Не находя опоры на традиционной российской почве, эти идеи представляли как своеобразные проекты желаемого будущего. Отсюда характерная черта русской интеллигенции — ее непримиримость с настоящим и устремление к будущему.

Н. Бердяев, Г. Федотов, С. Франк и другие русские философы, размышляющие о судьбах интеллигенции, отмечали, что из этой черты часто вырастали нигилизм и революционный экстремизм. Желание интеллигенции служить народу и обновлению страны оборачивалось стремлением к насаждению новых форм жизни и умозрительных проектов путем революционного насилия.

¹ См.: Федотов Г. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. С. 418.

Российские интеллектуалы весьма часто полагали невозможным и даже безнравственным ограничивать свою активность сферой культурного творчества и, прежде всего, видели себя спасителями народа, людьми действия, революционного изменения российской действительности. В среде русской интеллигенции был ярко выражен слой идеологов и революционеров, поставивших своей целью ломку существующих порядков. Н. Бердяев в свое время очень хорошо написал о русских революционных интеллигентах, что они никогда глубоко не знали философии, не хотели ее знать, что они всегда были прагматиками, позитивистами, всегда стремились что-то реализовать, что-то насильственно насадить и преобразовать¹. А сделать это можно было, только захватив власть.

У русской интеллигенции было амбивалентное отношение к власти. Отсутствие в России более-менее сильных демократических институтов делало ее незащищенной от произвола бюрократии, давление которой она ощущала буквально на каждом шагу. Поэтому естественным было негативное отношение и даже скрытая и явная враждебность большинства российских интеллигентов к разросшимся бюрократическим институтам государственной власти. Эти чувства усиливались, если учесть, что консервативная власть, как правило, была тормозом на пути к реформам. Только под влиянием экстраординарных внешних обстоятельств (поражение в войне) и нарастания внутреннего кризиса (крестьянские бунты, забастовки, демонстрации и т. п.) власть шла на реформаторские действия.

Но в то же время, поскольку российские реформы всегда были связаны с трансплантацией западного опыта на отторгающую его почву (менталитет и привычки традиционной народной жизни), сопротивление почвы могло быть преодолено лишь при усилиях власти. Поэтому интеграция с властью воспринималась интеллигенцией как условие реформаторских преобразований.

Так возникала знаменитая двойственность российской интеллигенции: с одной стороны, она с народом против власти,

¹ См.: Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 83–84; Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Интеллигенция. Власть. Народ: антология. М., 1993. С. 125–126.

а с другой — с властью против «несознательного народа», во имя его же будущего.

У той части интеллигенции, которая понимала всю сложность задачи реформирования России (на том или ином этапе ее истории) и которая была ориентирована на длительную культурно-просветительную и реформаторскую работу, понимание роли власти в реформах переплавилось в поиск союза с нею. Но власть в России, как правило, на реформы шла весьма неохотно. И если не было явного общественного кризиса, то в услугах интеллигентов, призывающих к реформам, особенно не нуждалась. Разве что поговорить о «благоустройстве Отечества» и увеличении в нем «количества добра»¹.

Деспотизм и консерватизм власти активизировал другую часть интеллигенции, представленной людьми революционного действия. Они стремились опереться на недовольство масс, побуждая их к насильственному свержению существующего строя. Целью революционной интеллигенции было воплощение в жизнь различных, как правило, упрощенных идей и утопических проектов быстрого преобразования России в процессе революции (от анархистского проекта разрушения государственности до большевистского — построения коммунизма).

Но когда в результате большевистского переворота революционная интеллигенция захватила власть, став у руля государственного управления, начинала действовать логика ее превращения в новую бюрократию. Перемены в революционной власти происходили в соответствии с известной формулой Карлайля, согласно которой начинают революцию романтики, делают фанатики и результатами ее пользуются прагматики и подлецы. Романтики частично сами отошли от власти, а частично были уничтожены в период «чисток», как и большинство фанатиков, а прагматики, превратившись в партгосноменклатуру, стали осуществлять новое руководство страной на основе жесткого планирования и централизованного управления.

Утопические проекты, которые революционная интеллигенция пыталась реализовать (мировая революция, переход к коммунистическому распределению и т. п.), постепенно все

¹ Последнее — выдержка из текста-списка, написанного для «начальства» героем пьесы Н. А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты».

больше отодвигались на отдаленное будущее, а на передний план выходили реальные проблемы, которые в начале века обозначились как исторический вызов, возникший в связи с резким отставанием России от соперничающих с ней индустриально развитых государств. Еще эксперты П. А. Столыпина отмечали необходимость ускоренной индустриализации страны. И в принципе столыпинские реформы были нацелены на формирование условий для решения этой задачи. Создание фермерских хозяйств и разрушение традиционных форм общинного земледелия могли бы не только сформировать устойчивую сельскохозяйственную базу для развития индустрии, но и обеспечить ей необходимый расширяющийся приток рабочей силы. Столыпинские реформы были прерваны не только из-за сопротивления крестьянства, державшегося за традиционные устои общинной жизни, но и из-за позиции их противников во властных кругах, а также из-за агрессивной критики их революционной интеллигенцией, объективно подготовившей известный террористический акт убийства реформатора.

Программа ускоренной индустриализации России была осуществлена в большевистский период ее истории (в 1930-х годах), и хорошо известно, какую цену заплатила за это страна. И если рассматривать возможные сценарии ответа России на исторический вызов, обозначившийся в начале XX столетия, то осуществившийся сценарий был, наверное, самым тяжелым. Революционная интеллигенция вместе с консервативной деспотической властью, против которой она боролась, создала такую равнодействующую силу в период общенационального кризиса, которая и втянула страну в этот неблагоприятный и кровавый сценарий развития.

Конечно, было бы неправильным полагать, что большевики (а в их руководстве в начале революции преобладала революционная интеллигенция) заранее предвидели все те миллионные жертвы, которые будут неизбежным следствием выбранной ими стратегии насильственного преобразования страны. Это только в учебниках по истории КПСС В. И. Ленин изображался как гений революции, который «видел все ее зигзаги как на ладони». На самом же деле это не более чем легенда. Даже беглое знакомство с предреволюционными работами В. И. Ленина показывает, насколько неадекватным

российским условиям, доминирующему менталитету российской традиции были сложившиеся к этому времени (накануне революции) его представления о путях социалистического переустройства России. В знаменитой «синей тетради» — работе «Государство и революция», — написанной буквально за два месяца до октябрьского переворота, Ленин подчеркивал, что диктатура пролетариата — это такая форма демократии, которая количественно расширяет сферу демократических свобод буржуазного демократического государства. Простое расширение демократии, доведение ее до наиболее полного воплощения, писал Ленин, приводит к переходу количества в качество, демократия буржуазная сменяется демократией социалистической. Насилие в этой форме демократии сводится к минимуму, ибо диктатура пролетариата означает подавление большинством трудящихся эксплуататорского меньшинства. А поэтому государственный аппарат, который был приспособлен для подавления большинства населения, нужно сломать и разбить, а вместо него создать государство Советов, ориентированное на самоуправление трудящихся (государство типа Парижской коммуны). Таков был первоначальный проект социалистического переустройства России¹.

Но уже через несколько месяцев после «синей тетради», в апреле 1918 года Ленин в работе «Очередные задачи советской власти» пишет нечто совсем другое, в определенном смысле даже противоположное. Он определяет диктатуру пролетариата как борьбу кровавую и бескровную, мирную и военную «против сил и традиций старого общества». И далее выясняется, что под этими силами и традициями имеется в виду «мелкобуржуазная стихия», представленная не только «мешочниками» и спекулянтами, но всем огромным большинством крестьян — основных фигур мелкотоварного производства, которое ежедневно «в массовом масштабе рождает капитализм»². И тогда получается, что диктатура пролетариата — это подавление меньшинства большинством, ибо крестьянство — это и было большинство российского населения, а значит, нужно насилие в совсем иных масштабах, тогда бескровная и мирная борьба все чаще должна сменяться борьбой кровавой и воен-

¹ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 33. С. 83–102.

² См.: Там же. Т. 36. С. 165–208.

ной. И в этом случае о гарантии гражданских свобод и свободы личности, о количественном росте демократии как условия ее нового качества и говорить уже не приходится. Высшей формой демократии объявляется сама диктатура (пролетариата, разумеется), и она определяется как власть, не связанная никакими законами и опирающаяся на насилие (есть и такое определение в политологическом наследии В. И. Ленина).

Итак, осуществляется поразительный диалектический оверкиль: первоначальное представление перешло в свою противоположность. И уже в том же (1918) году, в ответе Карлу Каутскому, который констатировал, что большевики отказались от первоначально провозглашаемого развития демократии, а перешли к диктаторским методам правления, В. И. Ленин ничего не смог возразить, кроме многократного повторения тезиса, что демократия носит классовый характер. Но где-то в глубине души он, наверное, понимал, что выходит не очень складно: получается, что буржуазная демократия гарантирует свободы и, пусть с ограничениями, осуществляет их, а высшая, пролетарская демократия ничего такого не гарантирует и не осуществляет, поскольку она есть диктатура, не скованная никакими законами. Раздражение против Каутского выплескивается на страницы ленинской брошюры «Пролетарская революция и ренегат Каутский» в виде целого букета ругательств: «ренегат», «чернильный кули», «подползает, чтобы лизнуть сапог буржуазии», «жует, как корова мочалу, старую погудку...»¹ Но факт, отмеченный Каутским, что от обещаний демократии большевики перешли к откровенной диктатуре и массовому насилию, остается фактом. И он свидетельствует о многом.

Прежде всего он подтверждает оценку революционной интеллигенции русскими философами, которые говорили о соединении в ней «идейности» и «беспочвенности», о склонности к утопическим проектам и упрощенным решениям. Проект социалистического переустройства России, который большевистское руководство предлагало прямо перед революцией, был абсолютно нереалистичен, не учитывал условий России и не содержал в себе понимания сути стоящего перед ней исторического вызова.

¹ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 37. С. 101–110.

Сосредоточив все усилия на разрушении государства и организуя взрыв народного бунта, большевики осуществили слом российской государственности, как и намечалось в теоретических построениях марксизма. Но результатом такого слома был вовсе не ожидаемый расцвет демократии как творчества освобожденных масс и не создание народных коммун на всей территории России. Результатом был рост анархии, беззакония, криминализации общества, а затем распад единого государства и Гражданская война. И. Бунин в своих «Окаянных днях» и М. Горький на страницах недолго существовавшей «Новой жизни» ярко описали это время после большевистского переворота, непосредственно перед гражданской войной как время разрушения основ российской цивилизации и погружения страны в пучину варварства.

Остановить эту разрушительную стихию можно было только силой. Так в хаосе распада сформировался особый аттрактор, созданный противодействующими усилиями, с одной стороны, старого консервативного правительства, не сумевшего и не решившегося вовремя начать реформы, а с другой — революционной интеллигенцией, возглавившей народное выступление против этого правительства и использовавшей энергию народного бунта для разрушения государства. Этот аттрактор привел к особой организации социальной жизни, которая поддерживалась посредством насилия в расширяющихся масштабах и была основана на сверхцентрализации и командном управлении. Для большевиков этот способ организации и управления был, наверное, наиболее естественным, если учесть, что, во-первых, сама идея классовой борьбы и революционного насилия была близка и дорога каждому революционеру-марксисту, а во-вторых, придя к власти насильственным недемократическим путем (большевистский переворот и разгон Учредительного собрания), революционная интеллигенция не имела навыков государственного управления и командно-волевой стиль был для нее наиболее легким способом руководства страной, тем более что в условиях Гражданской войны идея превращения общества в военный лагерь и мобилизационная стратегия приносили успех.

Эта стратегия и стиль руководства были перенесены затем на этапы мирного строительства. Так были заложены основы длительного антидемократического развития страны и фор-

мирования тоталитарного общества, в котором интеллигенция оказалась беззащитной перед властью и постоянно испытывала с ее стороны различные формы подавления.

Сегодня страна снова вступила в полосу радикальных перемен, и перед ней вновь стоит задача ответить на очередной исторический вызов. К сожалению, очень многие процессы современного реформирования напоминают прошлое. История как бы повторяет «старые следы». Как и в прошлом, власть всячески откладывает осуществление реформ, которые могли стать ответом на исторический вызов и создать предпосылки для перехода страны к постиндустриальному развитию. Реформы назрели уже в 1970-х годах, но именно в этот период брежневское руководство, напуганное событиями 1968 года в Чехословакии, устроило идеологическую чистку и охоту за диссидентами, начав усиленно укреплять режим идеологической стерильности и искоренения реформаторских идей. Попытки Ю. В. Андропова выйти из экономического застоя испытанными ранее методами мобилизации и укрепления дисциплины провалились, как и провалилась программа так называемого ускорения, которую пытались провести в 1985–1986 годах новое руководство страны, возглавляемое последним Генсеком ЦК КПСС М. С. Горбачевым.

Весь последующий период нашего развития был связан с эпохой перестройки, когда интеллигенция совместно с реформаторской частью руководства пыталась сформулировать новые идеи, цели и задачи развития страны.

Когда мы оглядываемся назад и обращаемся к совсем недавнему «перестроечному прошлому», то внешне кажется, что в этот период власть по-прежнему долго топталась на месте, никак не решаясь сделать решительных шагов в сторону реформ. Но это впечатление касается скорее экономических, нежели идеологических и политических реформ. Нельзя не учитывать, что именно во время перестройки произошли радикальные изменения в мировоззрении людей, выразившиеся в разрушении многих официальных идеологических стереотипов. И вне этих идеологических перемен были бы невозможны никакие реформаторские действия.

Это было время публичной артикуляции идей, которые вызревали в интеллигентских беседах на кухнях в 1960–1980-х,

идей, публиковавшихся в самиздате и диссидентской литературе, за одно чтение и распространение которой грозили репрессии. Критика сталинизма, а затем и всей практики большевизма, критика тотального планирования социалистической экономики и противопоставление ей преимуществ рынка, критика партократии и ее методов подавления свобод и тому подобного — все это было своего рода идеологической революцией. И ее главными героями стали шестидесятники — второе поколение советской интеллигенции, мировоззрение которого формировалось в эпоху XX съезда КПСС и хрущевской «оттепели». К ним относилась не только творческая интеллигенция (писатели, ученые, деятели искусства и т. п.), но и люди в высшем руководстве страны и прежде всего М. С. Горбачев, который понимал необходимость коренной реформации и сделал ее целью своей политической деятельности. Духовные изменения, которые произошли в обществе к концу 1980-х — началу 1990-х годов, были закреплены в важнейших политических акциях, которые, безусловно, могут быть оценены как демократическая реформа, изменившая политическую ситуацию в стране. Свободные выборы, гласность, приведшая к постепенному формированию независимой прессы, официально разрешенная парламентская оппозиция — все это были реальные шаги по пути демократизации страны.

Но в этот же период идеологических и политических перемен становилось все более ясным, что реформаторская интеллигенция проделала в сфере идей больше критически-разрушительную, нежели созидательную работу. «Так жить нельзя» — вот основной мотив ее усилий, размывших систему прежних ценностей и мировоззренческих ориентаций. Но тут же возникали вопросы: «А как надо жить? Какую систему ценностей нужно принять вместо тех, которые идеологически скрепляли советское общество?»

И здесь обнаружилось, что позитивного и реалистического плана реформ интеллектуалы-оппозиционеры выработать не смогли. Ответ народу был дан чрезвычайно простой: жить надо так, как живут цивилизованные страны, как живет современный Запад. Оформилось это в целый ряд квазитеоретических, а по сути лозунговых утверждений: «войти в мировую

цивилизацию», «вернуться к нормальному цивилизованному развитию», «возродить Россию».

Как здесь не вспомнить слова Н. Бердяева и Г. Федотова в адрес российской интеллигенции, что она соединила в себе идейность и беспочвенность и всегда стремилась пересадить на российскую почву «чужим трудом созданные блага»?

Проекты переустройства страны, которые должны были показать, что же собственно означает вхождение в мировую цивилизацию, содержали много мессианского, неконкретного, утопического и поэтому воспринимались скорее как общие идеалы справедливого жизнеустройства, чем реальная программа действий.

Был проект «социализма с человеческим лицом», «обновленного социализма», о котором много говорилось М. С. Горбачевым и поддерживающими его интеллектуалами, которые принимали активное участие в попытках реформировать официальную идеологию и правящую партию в конце 1980-х годов. Этот проект менял свое содержание по мере развития политических процессов и критики советской истории. В конечной фазе он ориентировался на современную западную социал-демократическую модель. Новая программа партии, которую Горбачев рассчитывал сделать своеобразным интегратором реформистских сил в КПСС, была действительно социал-демократической в западном понимании и по духу, и по сути.

В то время я думал, что эта программа реалистична; в ней было все, что было в словах и на слуху интеллектуальной элиты конца 1980-х: плюрализм форм собственности, планово-рыночная экономика, углубление демократизации общества, открытость и включение в мировой цивилизационный процесс, в котором страна должна занять достойное место.

Но теперь, когда возникла историческая дистанция, можно со стороны более-менее объективно увидеть, что эта программа была не для России тех времен и в этом смысле была обречена, как и весь неясный в своих очертаниях проект обновления социализма. Рискну предположить, что убеждение М. С. Горбачева в необратимости социалистического выбора опиралось на воспоминания о том народе, который был в эпоху хрущевской «оттепели», во времена молодости шестидесятников. Тогда были трудовой энтузиазм, новостройки по всей стране, целина,

прорыв в космос. Тогда страна была на подъеме, и социалистическая идеология имела достаточно прочные корни.

Но времена перестройки застали иной народ. Молодежь 1970-х стала средним поколением, во многом определяющим развитие страны. А идеалы этого поколения формировались в брежневские времена, когда социалистическая идеология воспринималась формально, а в качестве желаемого образа жизни все чаще маячила витрина западного супермаркета.

Радикальная критика системы в период перестройки создала столь негативное представление об истории и сущности советского социализма, что делать упор на сохранение социалистического выбора при тогдашней динамике общественных настроений не имело перспектив. С другой стороны, консервативная часть партгосноменклатуры упорно не принимала никаких реформ, и социал-демократическая версия социализма, как и все перемены, связанные с демократизацией жизни, воспринимались ею как ревизионизм и предательство (поскольку она давно привыкла отождествлять свои клановые интересы с идеей социализма). В силу этих обстоятельств горбачевский проект обновления страны не имел социальной опоры и был весьма и весьма нереалистичным.

Существовал альтернативный проект реформации России, нацеленный на переход к капитализму современного западного типа, хотя сам термин «капитализм» в этом контексте тоже дискутировался (достаточно вспомнить некоторые выступления на первом Съезде народных депутатов, где говорилось о том, что страны современного Запада уже давно пользуются благами настоящего социализма, а мы только говорим о них). Идеи, которые выдвигали новые западники, содержали основной набор принципов либерализма: индивидуальная свобода, рынок с минимальным вмешательством государства, правовое общество и т. д. По уровню непрямолинейности путей и возможностей реализации этих принципов либеральный проект был не менее беспочвен, чем проект «обновленного социализма». Собственно их и проектами назвать можно с большой долей условности, поскольку в них предлагались идеальные варианты желаемого будущего, плохо состыкующиеся с особенностями российской действительности.

Постепенное и управляемое видоизменение общества, к которому стремились реформаторы у власти, не состоялось, поскольку демократизация при замороженных экономических реформах и резком ухудшении уровня жизни в конце 1980-х привела к всплеску забастовок, пикетов, демонстраций и митингов (чего не могло быть при жесткой авторитарной власти прошлого) и практически создала революционную ситуацию в стране.

Возникла столь знакомая в российской истории картина, когда либеральный проект соединился с революционной нетерпимостью и желанием как можно скорее перейти к лучшей жизни «светлого будущего». Как будто эта жизнь возникнет автоматически, стоит лишь отстранить от руководства страной партократию. Но именно это убеждение формировала в массах оппозиционная интеллигенция, используя полученную свободу слова и организуя акции общественного протеста.

И как это часто происходило в российской истории XX века, критика власти, которая сдерживала реформы, перешла в критику российской государственности вообще. Причем критику в основном разрушительную, лишь по видимости выглядывшую конструктивной. Например, пропагандировалась идея создания на территории страны 40–50 государств как условие перехода к демократическому цивилизованному развитию (Г. Попов, Е. Боннэр). Е. Боннэр, олицетворявшая в те годы в общественном сознании образ ушедшего из жизни А. Сахарова, как-то сказала по телевидению, обращаясь к телезрителям: «Вы даже не знаете, как хорошо жить в маленьких демократических странах». Понимать это нужно было так, что после деконструкции коммунистического режима и создания на территории СССР десятков новых самостоятельных государств жить в них будет так же хорошо и спокойно, как, допустим, в Швейцарии, Монако или Люксембурге (а вовсе не как в Нагорном Карабахе, конфликт в котором был уже тогда, или, скажем, в Приднестровье, которое объявило самостоятельность несколько позднее).

Идея целостности государства стала отождествляться с идеей тоталитаризма. Выступать против национализма и сепаратизма в этих условиях считалось дурным тоном, поскольку такие выступления сразу же получали идеологическую оценку

как «шовинизм» и «имперские амбиции». В итоге, в конце периода перестройки, стали воспроизводиться многие черты общенационального кризиса предоктябрьской России первых десятилетий XX века. Вновь сложилось такое противостояние власти и оппозиционной, радикальной настроенной интеллигенции, которое в условиях кризиса втягивало страну в один из наиболее неблагоприятных из всех возможных сценариев ее развития. На словах говорили о необходимости постепенного реформирования и об опасности революционного взрыва и государственной катастрофы, на деле подталкивали к этой катастрофе. Кончилось все событиями 1991 года: опереточным путчем и распадом страны.

Поистине история в России ничему не учит! Когда читаешь русских философов (Н. Бердяева, Г. Федотова и др.), оценивавших большевистскую революцию и начало советского периода нашей истории, то многие их мысли и высказывания выглядят так, как будто они писали не о том, а о нашем времени.

Вот несколько цитат из статьи Г. П. Федотова «Будет ли существовать Россия?» Говоря о послереволюционной России, он писал, что Россия для различных слоев интеллигенции мыслится лишь «многообещающей областью для основания различных государственных утопий»¹. «Можно отмахнуться от этих симптомов, усматривая в них лишь новые болезни интеллигентской мысли, но никто не станет отрицать угрожающего значения сепаратизмов, раздирающих тело России... Украина, Грузия (в лице их интеллигенции) рвутся к независимости. Азербайджан и Казахстан тяготеют к азиатским центрам ислама. С Дальнего Востока наступает Япония, вскоре начнет наступать Китай. И тут мы с ужасом узнаем, что сибиряки, чистокровные великороссы-сибиряки тоже имеют зуб против России, тоже мечтают о Сибирской республике — легкой добыче Японии»². Как подчеркивает Г. Федотов, к этому состоянию подвели страну основные силы русского общества: власть и интеллигенция, прежде всего ее господствующее «западное крыло»³. Что же касается народа, то он «жалуется на все: на голод, не беспра-

¹ Федотов Г. Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 450–451.

² Там же. С. 451.

³ Там же. С. 451–452.

вие, тьму, только одного не ведает, к одному глух: опасности, угрожающей его национальному бытию». «Русский народ потерял силы и терпение и отказался защищать Россию... Ему уже ничего не жаль: ни Белоруссии, ни Украины, ни Кавказа. Пусть берут, делают, кто хочет»¹.

Приведу также несколько выдержек из Н. А. Бердяева, касающихся роли и действий русской интеллигенции в ситуациях государственного и общественного кризиса. «Русский интеллигентский максимализм, революционизм, радикализм, — писал Н. Бердяев, — есть особого рода моралистический аскетизм в отношении к государственной, общественной и вообще исторической жизни. Очень характерно, что русская тактика обычно принимает форму бойкота, забастовки и неделания»². Русский интеллигент, как подчеркивал Н. Бердяев, мало заботится о творчестве ценностей. «Мыслить над историей и ее задачами он отказывается, он предпочитает морализировать над историей»³. Русская революционная интеллигенция, как отмечал философ и публицист, была лишена инстинктов государственного и общественного строительства, а всегда «стремилась ценности подчинить политике»⁴. «Русская интеллигенция всегда исповедовала какие-нибудь доктрины, вмещающиеся в карманный катехизис, и утопии, обещающие легкий и упрощенный способ общественного спасения»⁵.

Сформированное после августа 1991 года правительство Российской Федерации состояло в основном из образованных интеллектуалов — представителей оппозиционной интеллигенции, и в качестве средства общественного спасения оно предложило немедленный переход к свободному рынку на основе мониторингской программы. Можно понять экономистов, входивших в правительство, которое столкнулось с полным развалом финансов и товарной необеспеченностью рубля (рубль конца 1991 г. практически стоил только 12 копеек). Но, кроме отпуска цен и программы обвальной ваучерной приватизации, никаких других стратегических идей интеллектуалы в правительстве не имели.

¹ Федотов Г. Будет ли существовать Россия? С. 451.

² Бердяев Н. А. Судьба России. С. 83.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Там же. С. 84.

По существу это были те самые упрощенные решения, которые создавали иллюзию возможного быстрого включения страны в мировой рынок и успешного развития экономики в рыночных условиях. Беспочвенность этих иллюзий обнаружилась достаточно быстро в виде многочисленных экономических проблем и трудностей. Вместе с тем обнаружилось и то, что экономические реформы нуждаются в определенной духовно-идеологической основе. Причем не негативной, выражающейся в простом отрицании коммунистического прошлого, а в позитивной. Ее пытались вначале сформулировать в виде лозунга возрождения России.

Как и всякий лозунг, он имел разные интерпретации. Либералы-западники подразумевали под ним ценности свободного рынка, гражданского общества и правового государства. Полагалось, что Россия шла этим путем (что само по себе нуждалось в доказательствах, но их поисками особо никто не занимался). Считалось, что этот правильный путь был прерван, а современные реформы как бы призваны продолжить его. Патриоты («новые славянофилы») видели в этом лозунге идею возврата к православной духовности и восстановления величия России на некоммунистической основе. Но и в том и в другом случае речь шла о восстановлении утраченного дореволюционного состояния и последующего продвижения по «истинному пути», с которого мы сбились. Метафора истинного пути создавала пространственный образ тупиковой дорожки, на которую страна свернула с магистрального «большака».

Однако пространственные образы возвращения на магистральный путь не обеспечивают путешествий во времени. История свершилась, и само убеждение, что можно вернуться и заново начать именно с той развилки, которая определила историческое развитие послереволюционной России, — не более, чем очередное мифотворчество. Это — иллюзия, что достаточно переименовать улицы городов, герб с советской символикой заменить двуглавым орлом, и можно начинать историю заново.

Идеалы прошлого «золотого века» как основы «национального» возрождения (а они сегодня в разных вариантах используются во всех странах СНГ) содержали некоторую продуктивную компоненту в том отношении, что обращали к осмыслению исторической традиции. Но когда они выдвигаются как замена

прежних идеологом, то тем самым создаются лишь иллюзорные представления о целях современных реформ и средствах их реализации.

Если исторический вызов определить как проблему формирования предпосылок для вступления России в постиндустриальный этап нового цикла цивилизационного развития, то рынок является не самоцелью, а одним из средств достижения этой, более глубокой и значительной цели. И рыночные реформы могут вести к ней только при реальном учете особенностей российской почвы, которую должны видоизменять реформы, не исключая, а как раз предполагая учет тех менталитетов, форм деятельности и поведения, которые сформировались в советскую эпоху.

Энергичные действия по реформации экономики, начатые российским правительством после распада СССР, не были подкреплены системой позитивных и реалистических идей. Правительство и идеологи реформаторства призывали народ участвовать в реформах, но не формировали программы действий (и людям было неясно, есть ли она вообще у правительства).

Когда большевики осуществляли ускоренную индустриализацию, у них была идея: первое — построить социализм, второе — догнать и перегнать развитые западные страны (кстати, вторая цель соответствовала реальному историческому вызову). Идея была, и она воодушевляла народ. Сейчас такой воодушевляющей идеи нет, а есть какие-то квазиидеи. Например, создать почву для возникновения среднего класса. Эту идею в одной из телепередач, кажется 1993 года, Гавриил Попов попытался сформулировать в виде лозунга «Что полезно Боровому, то и хорошо»¹. Я не случайно процитировал Г. Попова, ибо он не просто был одним из лидеров движения «демроссов», но и претендовал на роль идеолога реформаторства, по крайней мере об этом свидетельствовали его статьи, одна из которых вышла под традиционным для российской революционной интеллигенции названием «Что делать?» Но вряд ли народ примет лозунг — терпеть во имя процветания какого-либо олигарха. Как-то не состыкуется этот лозунг с российским менталитетом, с нашей культурной традицией и ее представлением о справедливости.

¹ В те времена К. Боровой (а не Р. Абрамович или М. Прохоров) выступал в общественном мнении образцом удачливого и богатого бизнесмена.

Власть могла бы укрепиться и обрести авторитет, если бы народу была дана четкая программная цель — куда идем и во имя чего переживаем трудности. Что в ближайшие годы мы создадим с помощью рынка процветание, наподобие западного, — в это уже мало кто верит. Но если отсутствует стратегия движения к цели, то средство превращается в цель — рынок как самоцель, реформа как самоцель. Тогда действие начинает опережать мысль, как это не раз бывало в России в революционные дни. И это упрек не только правительству, но и российской интеллигенции, которая активно сотрудничала с реформаторами на этапе «раскачивания лодки», а затем стала со стороны наблюдать и оценивать, что же из всего этого вышло.

Современная ситуация в России возлагает особую ответственность на интеллигенцию и власть. Одна из важнейших задач сегодняшней российской реформации — это создание сильного государства при сохранении и развитии демократических институтов. За годы послеперестроечных реформ возникла новая бюрократия, которая сложилась из пришедших во власть представителей оппозиционной интеллигенции и специалистов-управленцев из прежней партгосноменклатуры. Но она не обеспечила необходимой эффективности управления страной.

Повышение эффективности управления требует повышения уровня контроля за действиями власти, а эти механизмы могут возникнуть при укреплении демократических институтов. К сожалению, пока российская демократия никак не сможет соединить свободу и ответственность, и есть серьезные угрозы ее свертывания и перехода к режиму жесткого авторитарного правления.

Интеллигенция, традиционно стоящая в оппозиции власти, сегодня переживает не лучшие дни в плане материального обеспечения своей жизни. Но у нее появился тот уровень свободы мысли и слова, которого она никогда не имела в советский период. Можно дистанцироваться от власти, можно ее критиковать, можно вырабатывать и публиковать нестандартные новые идеи. И очень важно, чтобы эти условия творческой свободы переплавились в созидательную работу поиска ценностей, которые обеспечат достойное вхождение России в новую эпоху мирового цивилизационного развития.

В свое время Н. Бердяев, говоря об отношении русской интеллигенции к творчеству ценностей, упрекал ее в том, что она никогда серьезно этим не занималась, а ориентировалась на «заемные» идеи, которые уже выработаны на Западе¹. «Творческое движение идеи, — писал он, — не вызывает сколь-нибудь сильного интереса в широких кругах русского интеллигентного общества. У нас сложилось убеждение, что общественным деятелям вовсе и не нужны идеи или нужен минимальный их запас, который всегда можно найти в складках традиционной, давно охлажденной, статистически окостеневшей мысли»².

Новые идеи, которые вырабатывали наиболее творческие умы, оставались невостребованными, вокруг них «не образовывалось никакой культурной атмосферы, не возникало никакого общественного движения; и они оставались в кругу немногих»³.

Если наша интеллигенция не преодолеет этой старой традиции и не сможет предложить обществу реальные ценности, обеспечивающие наиболее благоприятный для России сценарий модернизации, то это значит, что она не решит свою самую главную историческую задачу.

Сегодня судьбы России во многом зависят от того, насколько продуктивным будет взаимодействие интеллигенции и власти. Оно не должно строиться по старому принципу, когда власть время от времени обращается к интеллигенции с социальным заказом выработать те или иные идеологемы, которые должны способствовать ее (власти) укреплению и соответствовать ее (власти) пониманию общественных целей. Как свидетельствует история, это понимание не всегда бывает адекватным историческим задачам.

Предлагая новые ценности и апеллируя в первую очередь к обществу, а не к власти, интеллигенция должна проделать работу по адаптации вырабатываемых ценностей к реальным условиям российской жизни, соединяя их с традицией, а не просто декларируя их в качестве утопических проектов желаемого будущего.

Что же касается власти, то ее задача способствовать такого рода творческой работе, создавать условия для нее и использовать ее результаты в своей деятельности, корректируя программы реформаторских действий.

¹ См.: Бердяев Н. А. Судьба России. С. 87.

² Там же. С. 88–89.

³ Там же. С. 89.

Конечно, такое взаимодействие интеллигенции и власти — идеальный вариант, и вероятность его осуществления, наверное, не слишком велика. Но его необходимость важно хотя бы осознавать, поскольку сегодня уже обозначились неблагоприятные и опасные для будущего России тенденции ее развития, которых нужно избежать.

* * *

В дополнение остановлюсь на некоторых уточнениях изложенного выше понимания функций интеллигенции в культуре.

В дискуссиях в рамках круглого стола «Куда идет российская культура», организованного Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов (2009), мне были заданы вопросы: почему интеллигенция определяется как слой, на котором лежит ответственность за инновации; почему не за традицию, за сохранение культуры как «генетического кода»? Ведь в наших условиях интеллигенция выступает активным хранителем культурного наследия, хранителем базисных ценностей культуры¹.

Я уточнил свою позицию посредством следующих тезисов:

— *во-первых, интеллигенция возникает как социальный слой только в обществе проекта «Модерн», в котором, в отличие от традиционалистских обществ, инновации и творчество имеют особую ценность;*

— *во-вторых, нацеленность на инновации, ценность творчества становится новой традицией культуры, и эту традицию интеллигенция отстаивает и оберегает;*

— *в-третьих, инновации, даже адресованные отдаленному будущему, могут быть востребованы культурой, если они не разрушают сами основы человеческой социальности, общечеловеческие и нравственные ориентиры, которые конкретизируются по-разному в различных культурах. Поэтому, отстаивая ценность творчества, порождающего новые состояния культуры, интеллигенция одновременно оберегает глубинные нравственные основания социальной жизни. Этим подлинный интеллигент отличается от просто интеллектуала.*

¹ Куда идет российская культура? : круглый стол, 27–28 июня 2009 г. СПб. : СПбГУП, 2010. С. 26.

Глава 6. НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

Сегодня остро стоит проблема сохранения и развития российской науки, в том числе и ее фундаментальной компоненты. Здесь можно выделить несколько позиций.

Первая из них касается школьного и вузовского образования. Я преподаю в вузах уже 50 лет и могу сопоставить подготовку поступивших в вузы выпускников школ разных поколений. Сегодня мы имеем дело с поколением, которое социализировалось и обучалось в 1990-х годах. У большинства из них сложился особый стиль мышления. Они более свободны и раскованны в суждениях, с удовольствием вступают в полемику на разные абстрактные темы. Но у очень многих из них преобладает клиповое сознание. И они плохо «держат мысль», соскальзывают в процессе рассуждения с основной темы на другие, лишь по аналогии связанные с главной.

В свое время великий педагог К. Д. Ушинский писал: «Фантазировать легко, мыслить тяжело». Фантазировать многие умеют, а вот с системным мышлением дело обстоит хуже. Конечно, здесь свою роль играет современный стиль жизни с доминантой в нем массовой культуры, которая основана на «клиповом» восприятии мира. Этот тип сознания является не только «русским достоянием», он доминирует и в массовом сознании на Западе. Его формирует современное телевидение с его обилием рекламы, многообразные компьютерные игры, сети Интернета, индустрия развлечений. Клиповое сознание поддерживает вся атмосфера современного общества потребления, идеалы и паттерны которого мы сегодня приняли как образ желаемого будущего.

¹ Основой главы является статья: *Степин В. С.* Изменения в структуре науки и современный статус фундаментальных исследований // Социальная и экологическая оценка научно-технического развития. М., 2007.

Известный английский философ и социолог Э. Геллнер отмечал, что в современном обществе развитой экономики и высокого уровня потребления рациональная мысль и воплощающие ее виды деятельности все более сжимаются. Доля населения, которая занимается этими видами деятельности, сужается. Все большее число людей ориентируется на легкие занятия, желательно с высокой оплатой, на развлечения и личные формы досуга. «Клиповое сознание» активно формируется этой средой. Люди, носители этого сознания, оказываются легко манипулируемыми.

Противоположностью этому типу сознания выступает научная рациональность, стержнем которой является системное мышление. Оно предполагает логически последовательное рассуждение, аргументированность и обоснованность высказываний. Это мышление не возникает само по себе в обыденной жизни, его нужно формировать и культивировать со школьных лет. И достигается это прежде всего в процессе изучения фундаментальных наук: математики, физики, химии, биологии в соединении с науками гуманитарного цикла. При изучении фундаментальных наук усваиваются не только знания, но и образцы рассуждения, формируются особые ментальные программы логически последовательного мышления. Это доказано выдающимися психологами XX века (Л. Выготский, А. Лурия, М. Коул, С. Скрибнер) на богатом материале экспериментальных и полевых исследований.

К сожалению, наши реформы образования привели к сокращению учебных часов, отведенных на фундаментальные науки. Гуманитарная компонента также деформирована. Такие предметы, как русская литература в современной школе, начали преподаваться по выбору школьников. В прессе прошла такая информация (мне трудно судить о ее достоверности), что всего 5 % школьников в Москве в текущем году выбрали литературу для изучения. Я не стал бы здесь останавливаться на критике предложенных современными реформаторами школьных стандартов. Очевидно, что в них размыта сама основа, обеспечивающая формирование системного мышления.

В общем, сейчас если продолжать реформу, то нужно более бережно и продуманно отнестись к уже апробированным основам. Иначе мы резко сузим ту первичную базу, на которой

уже в вузе могут формироваться будущие поколения молодых ученых. Без системного мышления не будет не только науки и высоких технологий, но и может произойти вырождение элит, способных грамотно и эффективно управлять страной.

Второй аспект обсуждаемой проблемы — это восстановление прикладной науки и престижа инженерного образования. Без этого невозможна современная модернизация. Для восстановления прикладной науки необходима целенаправленная подготовка исследовательских кадров, современное оборудование, нужно создавать новые научные центры, нужны инженеры и квалифицированные рабочие, которые могут обслуживать современное оборудование и участвовать в подготовке к внедрению опытных образцов новых технологий. Пока все это продолжает разрушаться.

И когда потребуется создавать большие проекты под государственным контролем, то не исключено, что в этом случае мы столкнемся с проблемой нехватки инженеров и рабочих высокой квалификации, которых сейчас нет в достаточном количестве и которых придется собирать под эти проекты поштучно.

И еще об одном аспекте проблемы. Востребованность прикладной науки и ее результатов определяется наличием производственной среды, восприимчивой к инновациям. Плановая экономика СССР не создала такой среды, но ее пока не создали и современные российские реформы.

До тех пор, пока сырьедобывающие производства дают наивысшую прибыль по отношению к другим видам производственной деятельности, инновационные запросы производства остаются резко суженными. Капитал вряд ли воспримет с энтузиазмом призывы инвестировать в будущие наукоемкие производства, хотя бы потому, что риски здесь велики, а прибыль будет значительно меньше, чем в уже апробированной сырьедобывающей сфере. Это значит, что сам по себе рынок в той форме, в какой он у нас функционирует, не приведет к созданию инновационной экономики. Нужны продуманная государственная политика формирования новой структуры российской экономики, целевые программы поддержки наукоемких производств и определенные гарантии инвесторам и т. п.

Третья позиция касается проблем интенсификации фундаментальных научных исследований и их связей с прикладными науками и технологическими разработками.

Сегодня радикально трансформируются механизмы потребления научно-технологических знаний, что, в свою очередь, оказывает воздействие на способы и формы их производства.

До последней трети XX столетия применение научных знаний проходило преимущественно по схеме: фундаментальные исследования—прикладные исследования—разработка новых технологий—внедрение. Наука предлагала «ноу-хау», а проблема их внедрения осуществлялась как поиск тех или иных видов деятельности, в которых новые технологии будут использованы. Но по мере развертывания научно-технической революции 1960–1970-х годов и развития мирового рынка запросы на новые технологии все чаще начинают идти от самого производства. Процесс технологического обновления становится условием успеха в конкурентной борьбе. Новые технологии начинают изготавливаться под заказ производителей той или иной продукции. Проблемы внедрения в таких ситуациях практически устраняются. Площадка для внедрения готова заранее, остается найти научную организацию, которая выполнит технологический заказ. Расширение этого способа технологического обновления, продиктованного потребностями современного рынка, порождает особую деятельность по систематической разработке новых технологий. Они становятся специфическим товаром, и их продажа образует особый расширяющийся сегмент мировой торговли.

Все эти процессы, ускоренно развивающиеся в последней трети прошлого столетия, породили новую стадию развития науки и ее взаимодействия с обществом. Возникает ориентированная на запросы рынка *технонаука* как своего рода симбиоз науки и технологий. Технонаука опирается на постоянную поддержку бизнеса, который инвестирует исследования, приносящие прибыль. В процессы функционирования технонауки включена ее информационная поддержка (СМИ, реклама, социологические мониторинги и т. д.). Она обеспечивает формирование позитивных общественных ожиданий от внедрения соответствующих «ноу-хау».

Возникновение технонауки ставит вопрос о ее отношении к традиционным формам общественного потребления научных знаний.

Формирование нового типа отношений науки и технологий не отменяет традиционно сложившегося алгоритма, представленного цепочкой: фундаментальные исследования—прикладные исследования—разработки—внедрение. Речь идет о взаимодействии обоих типов современных исследований и разработок. И в первом и во втором случае открытия фундаментальной науки выступают основой будущих технологических инноваций. Эти открытия возникают как в проблемно-ориентированных исследованиях междисциплинарного характера, так и в рамках дисциплинарного поиска фундаментальной науки. Более того, именно традиционный тип дисциплинарных исследований, как показывает история науки XX — начала XXI века, продолжает выступать основным поставщиком научных открытий. Они могут быть неожиданным результатом усилий, направленных на решение частных задач, зачастую не оцениваемых как магистральные исследовательские программы. Примером тому может служить становление квантовой механики, начало которой положило открытие Планка — излучение абсолютно черного тела (при решении достаточно частной теоретической задачи). Даже по отношению к таким образцам междисциплинарной науки, как синергетика (динамика неравновесных систем), исторический анализ выявляет ее дисциплинарные предпосылки и основания. Кооперативные эффекты вначале были обнаружены в исследованиях, связанных с довольно специальными задачами в различных науках: физике и технических науках (лазерное излучение, нелинейные процессы колебания, явления выхлопа и флаттера и т. п.), в химии (реакция Белоусова—Жаботинского и др.), в биологических дисциплинах (взаимодействие клеток в многоклеточных организмах и др.). Их рассмотрение с единой точки зрения было первым шагом к формированию синергетики как междисциплинарного направления науки.

При определении стратегий развития современной науки необходимо принимать во внимание все эти особенности взаимодействия дисциплинарных и междисциплинарных исследований, одновременно учитывая новые формы институциональной

организации научной деятельности. Вырисовывается несколько принципиальных позиций этой стратегии.

В современном симбиозе технаудки и традиционных дисциплинарных исследований центральную роль играют национальные научные программы и их конкретизация в системе ряда проектов. Фронт современной науки настолько широк, что ни одна страна не может осуществлять исследования по всему этому фронту. Необходимо выбирать главные направления с учетом имеющихся ресурсов.

Именно с этих позиций и формируются национальные программы научных исследований. Применительно к российской науке они определены. Их сравнение с аналогичными приоритетами науки США и ЕС позволяет зафиксировать ряд совпадений по основным направлениям. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что в российских программах национального масштаба отсутствуют программы социально-гуманитарных исследований. В то же время в ЕС они представлены достаточно широко (примерно 40 % от общего числа), что учитывает возрастающую роль социальных и гуманитарных технологий в жизни современного общества.

Проблемно-ориентированные исследования постепенно возвращаются в основу научной деятельности. Но отсюда вовсе не следует, что финансирование науки должно быть целиком построено только по программно-целевому принципу и реализации программ на конкурсной основе. Важно уяснить, насколько этот путь обеспечивает генерацию новых идей в науке.

Здесь есть свои проблемы, которые не всегда адекватно осознаются. Неявно предполагается, что программно-целевой метод позволяет наметить прорывные направления в науке и только на них следует сосредоточиться.

Считается, что выбор наиболее перспективных программ на конкурсной основе должен осуществляться не только через экспертизу ученых, но и учитывать потребности бизнеса, экономические и политические аспекты реализации программ.

Но оптимальна ли такая стратегия развития фундаментальных наук?

Попробуем провести следующий мысленный эксперимент: что, если бы современные установки были применены в науке конца XIX века? Как бы, например, определились основные

направления и программы исследований в физике этого исторического периода? По-видимому, ключевыми были бы программы классической механики, термодинамики и электродинамики Максвелла.

В то время полагалось, что физическая картина мира завершена и не нуждается в изменениях (тем более радикальных). Считалось, что на светлом небосклоне науки есть только два небольших облачка — это теоретическая задача излучения абсолютно черного тела и проблема отсутствия ковариантности уравнений Максвелла по отношению к преобразованиям Галилея в электродинамике движущихся тел.

Обе эти задачи полагались частными и в принципе решаемыми в рамках уже созданных классических теорий. И если использовать современную терминологию, они не расценивались научным сообществом как «прорывные направления исследований».

Но сегодня мы уже знаем, что именно из решения этих задач началась революция в физике XX века, связанная с созданием квантовой механики и теории относительности. А без этих теорий были бы невозможны технологические прорывы XX века, приведшие к формированию пятого технологического уклада.

Отсюда вывод, что при всей важности программно-целевых исследований их необходимо сочетать со свободными поисковыми исследованиями. При финансировании науки это означает, что необходимо выделение бюджетных средств, которые предусматривают свободный поиск в соответствии с интересами исследовательских групп и школ. Здесь, конечно, есть проблема пропорции финансирования. Возможно, что на целевые программы следует выделить, допустим, 70 %, а 30 % — на внепрограммные поисковые исследования. Наверное, это соотношение может быть и другим. Это все нужно обсуждать. Но бесспорно одно, что сама структура финансирования фундаментальной науки должна учитывать особенности ее развития, возможность появления таких новых прорывных направлений, которые заранее предусмотреть невозможно.

Четвертое замечание касается проблемы оценок эффективности научных исследований. Наши реформаторы последнее время много говорят о неэффективности исторически

сложившихся научных институтов и необходимости объективной оценки их деятельности. Активно внедряются различные системы количественных показателей эффективности. На сегодняшний день в институтах РАН приказом Министерства науки и образования предложено использовать систему оценок, разработанных комиссиями Министерства. Эта система в основной своей части и по своей методике мало отличается от применявшейся в советские времена системы показателей социалистического соревнования. Не хочу сказать, что она полностью бесполезна. Некоторые аспекты продуктивности научного труда, связанные с количественной оценкой его результатов, могут быть приняты и использованы в процессе переаттестации сотрудников. Но сегодня говорят о необходимости дальнейшего усиления контроля за деятельностью научных организаций с использованием международного опыта внешней экспертизы, а в качестве главного показателя эффективности исследований считают количество цитирований в зарубежных изданиях.

С этим следует особо разбираться, здесь немало спорных моментов. Недавно в Германии вышли две книги известных немецких социологов науки Петера Вайнгарта и Рихарда Мюнixa¹. Их авторы — крупные, известные в мире специалисты в области науковедения. Они весьма жестко написали о том, что в настоящее время сложилась транснациональная коалиция менеджеров, аудиторов, управленцев, вышедших из различных предпринимательских структур, бывших ученых, ничем не проявивших себя в исследовательской деятельности, и др. Эта коалиция претендует на управление наукой в глобальных масштабах от имени демократии и свободного рынка. Она сформировала расширяющуюся сеть, ядро которой в США, но к которой подключаются представители все большего количества стран. Влияние этой сети распространяется и на многие аспекты управления наукой от определения рейтингов научных учреждений и выдачи престижных грантов до правительственных рекомендаций о направлении реформ в науке и образовании. Главным критерием успеха реформ полагает-

¹ Обзор основных идей П. Вайнгарта и Р. Мюнixa см. в статье: *Горохов В., Бехман Г.* Изменение роли науки в обществе: поиск новых идеалов в научной системе Германии // Вестник Российской академии наук. 2010. № 3.

ся экономическая эффективность «человеческого капитала» и производства знаний как «денежного капитала».

В США рекомендации этой сети практически не используются, они скорее предназначены для внешнего потребления. Р. Мюнхен приводит в качестве примера отрицательный эффект рекомендаций сети, когда они были использованы в Австралии и привели к катастрофическим последствиям для австралийской науки¹.

Во всяком случае тезис о необходимости объективной экспертизы деятельности науки со стороны независимых международных экспертов выглядит в свете анализа, проведенного немецкими исследователями, не столь уж бесспорным.

Дискуссионным является также рассмотрение индекса цитирования в качестве главного критерия оценки эффективности научных исследований.

Математики на своем последнем международном конгрессе вообще предложили отказаться от этого критерия на том основании, что наиболее важные и прорывные направления в науке на первых порах мало цитируются, а широко цитируются как раз те работы, которые связаны с решением частных задач в рамках уже созданных теорий. Выходит, что индексы цитирования — показатель не новых направлений, а рутинной разработки уже полученных теоретических идей. Я не хочу сказать, что следует полностью пренебречь таким показателем, как индекс цитирования, но вряд ли его можно брать в качестве основного критерия оценки эффективности научных исследований.

Вообще, нужно отметить, что при внедрении тех или иных реформаторских предложений у нас явно недостает их широкого обсуждения с участием специалистов. Администрирование же, как показывает наш исторический опыт, чаще всего наносит ущерб фундаментальной науке.

Пятое замечание относится к проблематике связи академической и вузовской науки. В последние годы у нас получили хождение различные мифы по поводу отечественной и зарубежной организации науки, которые периодически воспроизводятся и внедряются в СМИ и во властные структуры. К такого рода мифам относится, например, утверждение, что

¹ См.: Горохов В., Бехман Г. Указ. соч.

основные научные достижения стран Запада обязаны университетской науке, и поэтому нужно реформировать науку, опираясь на западный опыт. Но тогда возникает вопрос: насколько это утверждение соответствует реальным тенденциям развития институциональной структуры науки на Западе?

Во второй половине XX века в этой структуре произошли серьезные изменения. Если в XIX и даже начале XX века наука преимущественно развивалась как университетская, то во второй половине XX века начинают интенсивно создаваться сети научных учреждений академического типа: например, комплекс национальных научных лабораторий США, сеть исследовательских научных центров в Германии. Сотрудники этих центров занимаются только научно-исследовательской деятельностью и, в отличие от представителей университетской науки, не обязаны сочетать ее с преподавательской. По сути, это аналог российской академической науки, представленной РАН и другими государственными академиями.

За счет создания государственных научных центров Германия стремится восстановить развитую фундаментальную науку, которая в годы фашизма, Второй мировой войны и была значительно подорвана. Были разрушены великие немецкие школы в физике, химии, биологии. Такое восстановление требует огромных средств и целенаправленной государственной политики. И хотя за 60 лет в Германии сделано многое, до сих пор немецкая наука не вернула себе того высокого статуса, который она имела в начале XX века.

Этот исторический урок следует учесть нашим реформаторам, выдвигающим проекты ликвидации академической науки и переноса основных исследований в университеты. Такие проекты разрушительны. Они ориентированы на копирование западного опыта XIX века, но отнюдь не современного. Кроме того, уже выяснена неготовность наших вузов взять на себя основную нагрузку по развитию на современном уровне фундаментальных направлений. Преподаватели имеют учебную нагрузку, значительно превосходящую объем учебной работы зарубежных коллег. Нужно учесть и то, что в западных университетах профессорам раз в 5 лет предоставляется годичный отпуск для научных занятий, в течение этого времени они вообще освобождаются от учебных поручений.

В США и Евросоюзе постоянно увеличиваются ассигнования на академический сектор науки, представленный национальными научными лабораториями и национальными научными центрами. Это финансирование не сопоставимо с российским. Национальные научные центры Германии объединены в ассоциации: общество М. Планка, общество Гельмгольца, общество Лейбница, ассоциация Фраунхофера. Финансирование только 15 государственных научных центров, объединенных в общество Гельмгольца (а это сопоставимо с таким же количеством крупных научных институтов РАН) вдвое больше, чем финансирование 400 институтов РАН.

Для современной российской науки важно решить проблему развития научных школ, постоянного притока молодежи, оптимизации кадрового состава. В Китае, США и ряде других стран наблюдается рост общего количества ученых, занятых в различных областях исследований. В России картина прямо противоположная. Численность академических сотрудников существенно сокращается. Такое сокращение декларируется в качестве цели сосредоточить финансовые средства на кардинальных направлениях и избавиться от неэффективных ученых. Но чисто механически, без анализа сложившихся научных школ и направлений такое сокращение производить нельзя.

В связи с этим уместно напомнить слова великого ученого XX века Норберта Винера. Он писал в своей книге: «Вполне вероятно, что 95 % оригинальных научных работ принадлежит менее чем 5 % профессиональных ученых, но большая часть из них вообще не была бы написана, если бы остальные 95 % ученых не содействовали созданию общего достаточно высокого уровня науки»¹. Разумеется, в исследовательских институтах есть балласт, от которого нужно избавляться. Но заранее сказать, исходя из общих соображений экономии средств или их перераспределения, сколько процентов он составляет, невозможно.

К концу XX столетия развитая фундаментальная наука была только в нескольких странах (США, Россия, некоторые страны Евросоюза). Япония и Китай не имели достаточного уровня и широкого фронта фундаментальных исследований.

¹ Винер Н. Я — математик. М., 1964. С. 344.

Там доминировала точка зрения, в соответствии с которой для технического прогресса не обязательно иметь собственную фундаментальную науку, достаточно использовать результаты, полученные учеными других стран, и довести их до технологических разработок и внедрений. Технологический прогресс Японии в 1960–1980-х годах реализовывал именно этот подход. Но в конце XX века, с возникновением технауки и феномена синтеза фундаментальных и прикладных исследований в междисциплинарных программах, ориентированных на освоение сложных, исторически развивающихся систем, ситуация изменилась. Сегодня те страны, которые имеют развитую фундаментальную науку в сочетании с наукоемкими производствами, получают преимущества на мировом рынке экономики знаний. В области генетики, биотехнологий, нанотехнологий, «компьютерных наук», ряда исследований наук о поведении и тому подобных фундаментальные результаты сразу же очерчивают поле новых технологий, которые в ближайшем будущем могут принести высокую прибыль на мировом рынке.

В связи с этим возникают новые особенности патентования открытий. Формируется мировая патентная система и тенденция патентовать идею вместе с порожденными ею технологиями. Это подобно тому, что сделал в свое время изобретатель швейной машинки Зингер. Он запатентовал не саму машинку как образец, а ее идею — швейная игла имеет ушко для нитки не на конце, а на острие иглы. И до сих пор его потомки получают выплаты от фирм — изготовителей швейных машинок, хотя изделия этих фирм уже принципиально иные, чем тот образец, который изобрел, но не стал патентовать Зингер.

Принимая во внимание эту тенденцию, можно сказать, что наступает новый этап использования достижений фундаментальной науки: открытый доступ к этим результатам будет сокращаться и соответственно будет развиваться рынок, на котором за новые научные идеи придется платить.

И наконец, последнее, шестое замечание. Хотя экономика знаний непосредственно формирует разнообразные производственно-потребительские запросы к науке, это не исключает проблемы опосредующего звена между наукой и производством. В развитых формах экономики знаний такого рода опосредующим звеном выступают небольшие фирмы кон-

салтингового типа. Основой их деятельности является сбор и анализ информации, с одной стороны, о запросах предприятий сферы производства и услуг, а с другой — о возможностях научных центров и университетов ответить на эти запросы, создать необходимые технологии на базе фундаментальных и прикладных исследований.

Такие фирмы имеют достаточно мощную компьютерную сеть с выходом в Интернет и соответствующие, постоянно пополняемые базы данных о запросах корпораций, о полученных в сфере науки открытиях, а также о возможностях их технологической реализации.

Наличие развитой сети посреднических фирм является существенным аспектом внедрения инноваций в производство (как для технауки, так и для традиционной компоненты науки в их современном симбиозе). В технауке доминируют запросы производства и сферы услуг, к которым адаптируются программы научных исследований. В традиционной цепочке (фундаментальные науки—прикладные науки—разработки—внедрение) движение идет в обратном направлении — от достижений науки к производству. Оба этих варианта соединяются в деятельности посреднических фирм, выступающих своеобразным медиатором в рамках системы «наука—производство».

В экономически развитых странах формирование сети фирм-посредников (включая сферу услуг) происходило в самом процессе становления экономики знаний. И если ставится задача построить такую экономику в России, то западный опыт формирования новых связей «наука—производство» следует специально анализировать.

Например, в Германии посреднические фирмы, соединяющие науку и потребителя ее знаний, возникли из двух источников. Первый из них — это деятельность аналитических центров корпораций, изучавших конъюнктуру рынка. Те из них, которые не ограничивались интересами только одной корпорации, выходили из ее состава и становились автономными структурами. Второй «источник» формирования фирм-посредников — это аналитические центры университетов, нацеленные на поиск потребителей научной продукции и получение соответствующих грантов. Из них выделились самостоятельные фирмы, начавшие работать на рынке знаний

и зарабатывать путем поиска и соединения, с одной стороны, «производственного потребителя», а с другой — генератора знаний. Разумеется, этот путь предварительно предполагал развитую систему наукоемких производств. Но и в этом случае фирмы-посредники не были простым результатом стихийного процесса реализации рыночных запросов. Земельные правительства, заинтересованные в активизации инвестиционной деятельности, давали определенные преференции «фирмам-медиаторам», в том числе и в области налогообложения (на определенный срок и при условии реальных действий по объединению науки и производства). После того как фирмы обнаруживали свою эффективность и начинали зарабатывать (а они работают от процента прибыли, получаемой потребителем знаний), налоговые льготы постепенно снимались.

В современных российских условиях можно использовать этот опыт управления связями «наука–производство». Необходимо не устраняться от решения проблем, полагая, что рынок сам все сформирует, и не требовать от фундаментальной науки, чтобы она самостоятельно занималась внедрением своих результатов, а целенаправленно регулировать становление новых связей науки с производством и сферой услуг.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пушкин в эпоху кинематографа и компьютерного письма¹

*(выступление в клубе «Свободное слово» в дискуссии
по докладу В. С. Непомнящего «Странный поэт Пушкин»,
21 декабря 2005 г., Институт философии РАН)*

Я выделю особо одну из тем — о современности А. Пушкина.

Когда я был намного моложе, я любил Б. Пастернака, М. Цветаеву, а А. Пушкина воспринимал как со школьной скамьи внедренного в сознание, что-то мы читали из Пушкина, заучивали наизусть, чтобы ответить на уроке, и мне казалось, что перечитывать Пушкина не столь интересно, чем, допустим, Пастернака. И только позже, уже в зрелые годы, я открыл, что это не так, что Пушкин и в XX веке вполне воспринимается как современный поэт.

Хотя основная специализация моей работы — философия науки с акцентом на математику, логику и физику, в моей жизни был такой период (примерно 15 лет), когда я преподавал теорию искусства на архитектурном факультете. В рамках этого курса был раздел, посвященный языку кино, и мне попала прекрасная работа Михаила Ромма «Литература и монтаж». Я помню, был немало удивлен, когда прочитал эту работу. В ней М. Ромм показывает, что Пушкин во многих своих произведениях — это живой кинематограф.

Ромм отмечает, что многие тексты Пушкина — это одновременно готовый сценарий — просто бери и снимай. Он приводит в качестве примера отрывок из «Медного всадника» — сцену наводнения. Я воспроизведу ее, но так, чтобы были видны монтажные фразы.

Вот начало: «Погода пуще свирепела, / Нева вздувалась и ревела, / Котлом клокоча и клубясь, / И вдруг, как зверь остервенясь, / На город кинулась». (Здесь ясно видны два кадра.) А дальше все идет

¹ Опубликовано: Свободное слово: Интеллектуальная хроника : альманах 2005/2006. М., 2006.

по кадрам: «Пред нею / Все побежало», «все вокруг / Вдруг опустело», «воды вдруг / Втекли в подземные подвалы», «К решеткам хлынули каналы» — это же все кадры, их видишь. «И всплыл Петрополь, как тритон, / По пояс в воду погружен». «Осада! приступ! злые волны, / Как воры, лезут в окна» — кадр. «Челны / С разбега стекла бьют кормой», «Лотки под мокрой пеленой», «Обломки хижин, бревны, кровли, / Товар запасливой торговли, / Пожитки бледной нищеты», «Грозой снесенные мосты» (это все кадры). И дальше жуткий кадр: «Гроба с размытого кладбища плывут по улицам!». Чем еще можно закончить ужасный образ наводнения? И Ромм пишет, что это блистательная вещь — готовый кинематограф. Он также анализирует с этой точки зрения «Пиковую даму»... Под впечатлением роммовского анализа я увидел, что с детства заученные фрагменты пушкинской поэзии могут быть представлены как киноmontаж. Помните? «Под голубыми небесами / Великолепными коврами, / Блестя на солнце, снег лежит» (потенциальные кадры). «Прозрачный лес один чернеет» (общий план), «И ель сквозь иней зеленеет» (крупный план), «И речка подо льдом блестит».

Показательно то, что кинематограф — бесспорно, детище XX века. А эта переключка через века — одно из удивительных свидетельств современности А. С. Пушкина.

В связи с этим я подумал: почему пушкинская поэзия так по-человечески естественно воспринимается; почему это легко запоминается? Наверное, она совпадает с глубинными основаниями человеческого восприятия мира (здесь уже область психологии восприятия), с особенностями формирования наших представлений о вещах и событиях. Когда мы что-то запоминаем, в нашем сознании возникает серия образов, которые нами переживаются и которые могут синтезироваться в более сложный целостный образ того или иного фрагмента нашего жизненного мира. Сложные образы складываются из локальных образов — картин, как своего рода монтаж, когда возникает новый, глубинный смысл из последовательности сменяющих друг друга отдельных локальных образов. Но это не просто конгломерат клипов. Такого рода конгломерат — это плохая имитация человеческого способа восприятия мира, когда нанизывают несвязанные между собой случайные образы. И этот калейдоскоп не создает сколь-нибудь глубокого смысла, не вызывает глубоких переживаний. В поэзии же Пушкина зримые картинки-кадры всегда складываются в целостное видение, создается объемный синтетический образ, выраженный посредством русского языка со свойственной ему глубинной эмоциональной структурой. И именно поэтому, пока будет русское слово, человек, знакомясь с пушкинской поэзией, поймет ее, соотнося

со своим субъективным опытом и мировосприятием. И это будет, наверное, просто и естественно. Естественно так, как мы живем, как мы воспринимаем жизнь, как ее чувствуем и переживаем.

В заключение выскажу еще одно соображение относительно места А. Пушкина в культуре наступившего XXI века. Сейчас много говорят о новой эпохе компьютерного письма. Да, действительно, компьютерное письмо — это особый тип культурной трансляции, особый тип передачи знаний и образов, который основан на взаимодействии двух исторически сложившихся типов письма — это линейное финикийское письмо и плюс к этому иератика, иероглифическое письмо, которое дано в виде квазинаглядных образов-схем.

Современный компьютер соединяет эти два типа письма, и он поэтому уплотняет информацию. В современной культуре возрастает информационная емкость знаково-символических форм трансляции человеческого опыта. Для того чтобы в скоростной современной жизни что-либо усвоить, человеку часто некогда длинно рассуждать. Ему нужны схема, образ и некоторые пояснения к схеме.

Современная культура неожиданно начинает перекликаться с забытыми древними способами целостного видения, придавая им новый смысл. В индийской математике доказательство часто строилось как апелляция к наглядному образу-чертежу, в котором демонстрировалась возможность сведения, допустим, площади сложной фигуры к простым, площадь которых уже была известна, чертеж сопровождался одним словесным пояснением: «Смотри!» Такой тип математики был в древних культурах. И сегодня компьютерное письмо в чем-то восстанавливает и широко использует подобный способ усвоения знания. Может ли Пушкин включиться в эту культуру? Как он будет здесь жить? Я думаю, может. Потому что компьютерное письмо основано на взаимодействии рационально-аналитических и образно-синтетических средств, взаимно согласованной работе двух полушарий нашего мозга. Левополушарное мышление аналитично, правополушарное — синтетично, и оба эти мышления синтезируются. У Пушкина такой синтез представлен буквально в каждом его произведении. У него мысль, идея, действие и образ — все сращено. Поэтому я думаю, что он современен даже в эпоху компьютерного письма. Это — черта действительно гениальных людей, которые могут опережать намного веков свое время. Конечно, для любой поэзии и любого искусства синтез рационального и эмоционального, индивидуально неповторимого и типического является условием создания художественных образов. Но так естественно просто и ясно представлять объемную сложность жизни, как это делал А. С. Пушкин, не всякой поэзии дано.

И есть множество пластов смысла, которые по-новому раскрываются при прочтении Пушкина в разные времена нашей личной и общественно-исторической жизни. Если говорить современным языком информатики, то у него, несмотря на естественность и простоту выражения, огромная плотность информации, адресованной не только своему веку, но и будущим столетиям. Я солидарен с формулой, высказанной в докладе, что пушкинское творчество — своего рода квинтэссенция русской культуры. А русская культура переплавилась в себе множество традиционалистских, азиатских и древнеславянских идей, соединив их с идеями новоевропейской культуры.

Я верю, что эта специфика нашей культуры не будет утрачена (а если она будет утрачена, мы вообще перестанем быть Россией). Но пока она есть и будет, Пушкин останется современником многих поколений людей, живущих в этой культуре.

ЛИТЕРАТУРА

Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров / Н. С. Автономова. — М., 2009.

Агацци Э. Моральное измерение науки и техники / Э. Агацци. — М., 1998.

Агильдиев А. Свобода / А. Агильдиев // Будь лицом: ценности гражданского общества. — Томск, 1993. — Т. 1.

Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. — СПб., 2006.

Аршинов В. И. Когнитивные основания синергетики / В. И. Аршинов, В. Г. Буданов // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. — М., 2002.

Ахутин А. В. Понятие «природа» в Античности и в Новое время / А. В. Ахутин. — М., 1988.

Баблюяц А. Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи / А. Баблюяц. — М., 1990.

Байбурин А. К. У истоков этикета / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. — Л., 1990.

Бактановский В. Н. Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства / В. Н. Бактановский, Ю. В. Согомонов. — Томск, 1992.

Бард А. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист. — СПб., 2004.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — М., 1994.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — М., 1979.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М., 1980.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. — М., 2000.

Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М., 1990.

Бердяев Н. А. Судьба России. / Н. А. Бердяев. — М., 1990.

- Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда / Н. А. Бердяев // Интеллигенция. Власть. Народ : антология. — М., 1993.
- Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы / Э. Берн. — М., 1988.
- Богданов А. А.* Эмпириомонизм : статьи по философии / А. А. Богданов. — М., 2003.
- Бодрийяр Ж.* Общество потребления: его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. — М., 2006.
- Бор Н.* Вызов цивилизации / Н. Бор // Бор Н. Избранные научные труды / Н. Бор. — М., 1971. — Т. 2.
- Бор Н.* Философия естествознания и культуры народов / Н. Бор // Бор Н. Избранные научные труды / Н. Бор. — М., 1971. — Т. 2.
- Бранский В. П.* Синергетический историзм как новая философия истории / С. Д. Пожарский, В. П. Бранский // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. — М., 2003.
- Бройль Л. де.* По тропам науки / Л. де Бройль. — М., 1962.
- Быкова М. Ф.* О концепции духа у Гегеля / М. Ф. Быкова // Сущность и слово : сб. науч. ст. к юбилею Н. В. Мотрошиловой. — М., 2009.
- Вебер М.* Избранные произведения / М. Вебер. — М., 1990.
- Вернадский В. И.* Живое вещество / В. И. Вернадский. — М., 1978.
- Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. — М., 1988.
- Винер Н. Я.* — математик / Н. Винер. — М., 1964.
- Выгодский М. Я.* Арифметика и алгебра в Древнем мире / М. Я. Выгодский. — М., 1967.
- Гайденко П. П.* Научная рациональность и философский разум / П. П. Гайденко. — М., 2003.
- Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель // Гегель Г. В. Ф. Соч. — М., 1959 — Т. 4.
- Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. — М., 1974. — Т. 1: Наука логики.
- Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое / В. Гейзенберг. — М., 1990.
- Гейзенберг В.* Шаги за горизонт / В. Гейзенберг. — М., 1987.
- Герцен А. И.* Письма об изучении природы / А. И. Герцен. — М., 1946.
- Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. — М., 1990.
- Глобальный кризис западной цивилизации и Россия / отв. ред. Г. В. Осипов. — М., 2009.
- Го Юй.* Речи царств / Юй Го. — М., 1987.

Горохов В. Изменение роли науки в обществе: поиск новых идеалов в научной системе Германии / В. Горохов, Г. Бехман // Вестник Российской академии наук. — 2010. — № 3.

Горохов В. Г. Методологический анализ научно-технических дисциплин / В. Г. Горохов. — М., 1984.

Григорьева Т. П. Человек и мир в системе традиционных китайских учений / Т. П. Григорьева // Проблема человека в традиционных китайских учениях. — М., 1983.

Григорьева Т. П. Японская литература XX века / Т. П. Григорьева. — М., 1983.

Григорьева Т. П. Японская художественная традиция / Т. П. Григорьева. — М., 1979.

Грин Б. Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории / Б. Грин. — М., 2004.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. — М., 1972.

Гусейнов А. А. Великие моралисты / А. А. Гусейнов. — М., 1995.

Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности / А. А. Гусейнов. — М., 1988.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. — М., 2003.

Данилов-Данильян В. И. Экологический вызов и устойчивое развитие / В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев. — М., 2000.

Делёз Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. — М., 1998.

Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски. — М., 2001.

Дмитриева Н. М. Изображение и слово / Н. М. Дмитриева. — М., 1962.

Добронравова И. С. Философия науки, синергетика образования и новые смыслы в контексте культуры перехода / И. С. Добронравова, Л. С. Горбунова // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. — М., 2007.

Дольник В. Рок рока / В. Дольник // Знание — сила. — 1988. — № 4.

Древнекитайская философия. — М., 1972. — Т. 1.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. — М., 1990.

Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции / А. И. Зайцев. — М., 1985.

Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева / А. С. Запесоцкий. — СПб., 2007.

- Зильберман Д. Б.* Генезис значения в философии индуизма / Д. Б. Зильберман. — М., 1998.
- Зильберман Д. Б.* Откровение в адвайта-веданте как опыт семантической деструкции языка / Д. Б. Зильберман // Вопросы философии. — 1972. — № 5.
- Зиммель Г.* Избранное / Г. Зиммель. — М., 1996. — Т. 1: Философия культуры.
- Зиновьев А.* Зияющие высоты / А. Зиновьев. — М., 2000.
- Иванов Б. И.* Становление и развитие технических наук / Б. И. Иванов, В. В. Чешев. — Л., 1977.
- Иванов В. В.* Высшие формы поведения человека в свете проблемы доминантности полушарий / В. В. Иванов // О человеческом в человеке. — М., 1991.
- Иванов В. В.* Нейросемантический подход к знаковым системам искусства / В. В. Иванов // Человек в системе наук. — М., 1989.
- Идеалы и нормы научного исследования / ред.-сост. В. С. Степин. — Минск, 1981.
- Ильин И. А.* Понятия права и силы / И. А. Ильин // Ильин И. А. Соч. : в 2 т. / И. А. Ильин. — М., 1993. — Т. 1.
- Ионин Л. Г.* Социология культуры / Л. Г. Ионин. — М., 1996.
- История античной диалектики. — М., 1972.
- Каган М. С.* Философия культуры / М. С. Каган. — СПб., 1996.
- Казютинский В. В.* Близится ли закат «века науки»? / В. В. Казютинский // Эпистемология & философия науки. — 2009. — Т. 19. — № 1.
- Капица С. П.* Синергетика и прогнозы будущего / С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий. — М., 1997.
- Капп Э.* Роль орудий в развитии человечества / Э. Капп. — М., 1925.
- Кармин А. С.* Культурология / А. С. Кармин. — СПб., 2001.
- Касавин И. Т.* Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания / И. Т. Касавин. — СПб., 1998.
- Кессиди Ф. Х.* От мифа к логосу / Ф. Х. Кессиди. — М., 1972.
- Кестлер А.* Человек — ошибка эволюции? / А. Кестлер // Диалоги. — М., 1979.
- Клейнер Г. Б.* Эволюция институциональных систем / Г. Б. Клейнер. — М., 2004.
- Кожев А.* Идея смерти в философии Гегеля / А. Кожев. — М., 1998.
- Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В. А. Лекторский. — М., 2009.
- Конт О.* Курс положительной философии / О. Конт. — СПб., 1900.
- Косарева Л. М.* Рождение науки Нового времени из духа культуры / Л. М. Косарева. — М., 1997.

- Коул М. Культура и мышление / М. Коул, С. Скрибнер. — М., 1977.
- Кричевский А. В. Понятие абсолютного духа в философии Гегеля / А. В. Кричевский // Историко-философский ежегодник, 1991. — М., 1991.
- Крымский С. Б. Мировоззренческие категории в современном естествознании / С. Б. Крымский, В. И. Кузнецов. — Киев, 1983.
- Куда идет российская культура? : круглый стол, 27–28 июня 2009 г. — СПб. : СПбГУИ, 2010.
- Культурология как наука: за и против : круглый стол, Москва, 13 февраля 2008 г. — СПб. : СПбГУИ, 2009.
- Курдюмов С. П. Загадка человека: человеческая особенность коэволюционного процесса / С. П. Курдюмов, Е. Н. Князева // Синергетическая парадигма. — М., 2004.
- Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / С. П. Курдюмов. — М., 1990.
- Ласло Э. Макродви́г: К устойчивости мира курсом перемен / Э. Ласло. — М., 2004.
- Лекторский В. А. Трансформация рациональности в современной культуре / В. А. Лекторский. — М., 2005.
- Ленин В. И. Государство и революция / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 33.
- Ленин В. И. Очередные задачи советской власти / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 36.
- Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 37.
- Лепский В. Е. Проблема субъектов российского развития / В. Е. Лепский // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке. — М., 2010.
- Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / Д. С. Лихачев. — СПб., 2006.
- Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы / Д. С. Лихачев. — СПб., 1997.
- Лосев А. Ф. Античная философия истории / А. Ф. Лосев. — М., 1977.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики / А. Ф. Лосев. — М., 1963. — Т. 1.
- Лотман Ю. М. К проблеме типологии культуры / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. — Тарту, 1967. — Вып. 198.
- Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. — Тарту, 1973. — Вып. 6.
- Луман Н. Введение в системную теорию / Н. Луман. — М., 2007.
- Лурия А. Р. Психология как историческая наука (к вопросу об исторической природе психологических процессов) / А. Р. Лурия // История и психология. — М., 1971.

- Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / М. Маклюэн. — Киев, 2004.
- Маклюэн М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. — М., 2003.
- Мамчур Е. А.* Физика и этика / Е. А. Мамчур // Физика в системе культуры. — М., 1996.
- Манхейм К.* Диагноз нашего времени / К. Манхейм. — М., 1994.
- Маркс К.* Капитал. Т. 1 / К. Маркс // Маркс К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Т. 23.
- Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Т. 42.
- Маркузе Г.* Одномерный человек / Г. Маркузе. — М., 2003.
- Массовая культура и массовое искусство: «за» и «против». — М., 2003.
- Матурана У.* Древо познания / У. Матурана, Ф. Варела. — М., 2001.
- Межуев В. М.* Идея культуры. Очерки по философии культуры / В. М. Межуев. — М., 2006.
- Микешина Л. А.* Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания / Л. А. Микешина. — М., 2009.
- Мицкевич Н. В.* Космология, релятивистская астрофизика и физика элементарных частиц / Н. В. Мицкевич // Философские проблемы астрономии XX века. — М., 1976.
- Моисеев Н. Н.* Логика универсального эволюционизма и кооперативность / Н. Н. Моисеев // Вопросы философии. — 1989. — № 8.
- Моисеев Н. Н.* Человек, среда, общество / Н. Н. Моисеев. — М., 1982.
- Московичи С.* Машина, творящая богов / С. Московичи. — М., 1998.
- Мотрошилова Н. В.* Путь Гегеля к «Науке логики». Формирование принципов системного историзма / Н. В. Мотрошилова. — М., 1984.
- Мотрошилова Н. В.* Работы разных лет : избранные статьи и эссе / Н. В. Мотрошилова. — М., 2005.
- Мотрошилова Н. В.* Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов / Н. В. Мотрошилова. — М., 2010.
- Наука и религия. Междисциплинарный и кросскультурный подход / ред. И. Т. Касавин. — М., 2006.
- Нейгебауэр О.* Точные науки в древности / О. Нейгебауэр. — М., 1968.
- Неретина С.* Время культуры / С. Неретина, А. Огурцов. — СПб., 2000.
- Ойзерман Т. И.* Метафилософия. Теория историко-философского процесса / Т. И. Ойзерман. — М., 2009.
- Петров М. К.* Язык, знак, культура / М. К. Петров. — М., 1991.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 2 т. / Плутарх. — М., 1961. — Т. 1.

Поваров Г. Н. To Daidalo ptero (К познанию научно-технического прогресса) / Г. Н. Поваров // Системные исследования. Ежегодник—1971. — М., 1972.

Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. — СПб., 2009.

Пригожин И. От существующего — к возникающему / И. Пригожин. — М., 1985.

Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. — М., 1986.

Примаков Е. М. Мир без России?: К чему ведет политическая близорукость / Е. М. Примаков. — М., 2009.

Рикёр П. Память, история, забвение / П. Рикёр. — М., 2004.

Розенфельд Л. Ньютон и закон тяготения / Л. Розенфельд // У истоков классической науки. — М., 1968.

Розин В. М. Культурология / В. М. Розин. — М., 1998.

Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / отв. ред. В. С. Степин. — М., 2007.

Россия и мусульманский мир: Инаковость как проблема / отв. ред. А. В. Смирнов. — М., 2010.

Семенов Ю. И. Как возникло человечество / Ю. И. Семенов. — М., 1966.

Сепир Э. Положение лингвистики как науки / Э. Сепир // История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. — М., 1960. — Ч. 2.

СМИ как фактор трансформации российской культуры : научный доклад А. С. Запесоцкого и материалы дискуссий. — СПб., 2010.

Согомонов Ю. В. Этика гражданского общества / Ю. В. Согомонов // Будь лицом: ценности гражданского общества. — Томск, 1993.

Сокулер З. А. Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко / З. А. Сокулер // Философия науки. — М., 1998. — Вып. 4.

Соловьев Э. Ю. Категорический императив нравственности и права / Э. Ю. Соловьев. — М., 2005.

Сорокин П. Кризис нашего времени / П. Сорокин. — М., 2009.

Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. Сорокин. — СПб., 2000.

Спенсер Г. Синтетическая философия / Г. Спенсер. — Киев, 1997.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М., 2001.

Степин В. С. Гегель и современная наука / В. С. Степин // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. — М., 2010.

Степин В. С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В. С. Степин, Л. Ф. Кузнецова. — М., 1994.

Степин В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. — М., 2000. (2-е изд. 2003).

Степин В. С. Философия и универсалии культуры / В. С. Степин. — СПб. : СПбГУП, 2000. — (Сер. «Golden pages»).

Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы / В. С. Степин. — М., 2006.

Степин В. С. Философская антропология и философия науки / В. С. Степин. — М., 1992.

Степин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика / В. С. Степин. — М., 1996.

Теория культуры / ред. С. Н. Иконникова, В. П. Большаков. — СПб., 2008.

Тимирязев К. А. Сочинения / К. А. Тимирязев. — М., 1939. — Т. 8.

Тойнби А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби. — М., 1991.

Универсалии восточных культур / отв. ред. М. С. Степанянц. — М., 2001.

Фармер М. Рациональный выбор: теория и практика / М. Фармер // Полис. — 1994. — № 3.

Федотов Г. Будет ли существовать Россия? / Г. Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М., 1990.

Федотов Г. Трагедия интеллигенции / Г. Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М., 1990.

Федотова В. Г. Человек в экономических теориях: пределы онтологизации / В. Г. Федотова // Вопросы философии. — 2007. — № 9.

Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. — М., 2010.

Философия техники: история и современность. — М., 1997.

Философия эпохи ранних буржуазных революций / ред. Т. И. Ойзерман, Э. Ю. Соловьев, Н. В. Мотрошилова. — М., 1983.

Флоренский П. А. Обратная перспектива / П. А. Флоренский // Труды по знаковым системам. — Тарту, 1967.

Флоренский П. Органопроекция / П. А. Флоренский // Декоративное искусство СССР. — 1969. — № 12.

Фрагменты Гераклита // Материалисты Древней Греции. — М., 1955.

Фрейд З. Тотем и табу / З. Фрейд. — М., 1997.

Фролов И. Т. О человеке и гуманизме / И. Т. Фролов. — М., 1989.

Фролов И. Т. Этика науки: проблемы и дискуссии / И. Т. Фролов, Б. Г. Юдин. — М., 1986.

Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм. — М., 1998.

- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. — М., 1999.
- Фуко М. Рождение клиники / М. Фуко. — М., 2010.
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. — М., 2005.
- Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма. — М., 2004.
- Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. — СПб., 2008.
- Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопросы философии. — 1992. — № 4.
- Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. — М., 2008.
- Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — М., 1997.
- Хайек Ф. Познание, конкуренция и свобода / Ф. Хайек. — СПб., 1999.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М., 2007.
- Хомский Н. Синтаксические структуры / Н. Хомский // Новое в лингвистике. — М., 1962. — Вып. 2.
- Чернавский Д. С. Синергетика и информация. Динамическая теория информации / Д. С. Чернавский. — М., 2001.
- Чешев В. В. Техническое знание как объект методологического анализа / В. В. Чешев. — Томск, 1981.
- Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия / М. И. Шахнович. — Л., 1961.
- Швейцер А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. — М., 1992.
- Щедровицкий Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. — М., 1995.
- Щедровицкий Г. П. О методе семиотического исследования знаковых систем / Г. П. Щедровицкий // Семиотика и восточные языки. — М., 1967.
- Шибутани Т. Социальная психология / Т. Шибутани. — М., 1969.
- Шмальгаузен И. И. Кибернетические вопросы биологии / И. И. Шмальгаузен. — Новосибирск, 1968.
- Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. — М., 1993. — Т. 1 ; М., 1998. — Т. 2.
- Эйнштейн А. Наука и цивилизация / А. Эйнштейн // Эйнштейн А. Собр. науч. тр. / А. Эйнштейн. — М., 1967. — Т. 4.
- Эйнштейн А. Физика, философия и научный прогресс / А. Эйнштейн // Эйнштейн А. Собр. науч. тр. / А. Эйнштейн. — М., 1967. Т. 4.

Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки. — М., 2008.

Этос науки. — М., 2008

Эфроимсон В. П. Родословная альтруизма / В. П. Эфроимсон // Новый мир. — 1971. — № 10.

Юдин Б. Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) / Б. Г. Юдин // Биоэтика и гуманитарная экспертиза: Проблемы геномики, психологии и виртуалистики. — М., 2008.

Юнг К. Г. Бог и бессознательное / К. Г. Юнг. — М., 1998.

Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М., 1991.

Bloor D. Knowledge and Social Imagery / D. Bloor. — Chicago, 1991.

Doods E. K. The Greeks and the irrational / E. K. Doods. — Berkley, 1951.

Hall E. T. The language of space / E. T. Hall // Journal of the American Institute of Architects. — 1961. — Febr.

Hiebert E. On Demarcations between Science in Context and the Context of Science / E. Hiebert // Trends in the Historiography of Sciences. — Dordrecht ; Boston ; L., 1994.

Hosle V. Philosophie der ökologischen Krise / V. Hosle. — München, 1991.

Hufbauer K. The formation of German chemical community (1720–1795) / K. Hufbauer. — Berkeley, 1982.

Jantsch E. The Self-Organizing Universe: science a human implications of the emerging paradigm of evolution / E. Jantsch. — Oxford, 1980.

Lenk H. Albert Schweitzer — Ethik als konkrete Humanität / H. Lenk. — Münster, 2000.

Parsons T. Action Theory and the Human Condition / T. Parsons. — N. Y., 1978.

Parsons T. Systems analysis; social systems / T. Parsons // International Encyclopedia of the Social Science. — N. Y., 1968.

Stepin V. New Models of Development and The Problem of Values / V. Stepin // Diogenes. — P., 2009. — № 222–223. — Vol. 56. — Iss. 2–3.

Stepin V. Theoretical Knowledge / V. Stepin // Synthese Library. — Dordrecht, 2005. — Vol. 326.

Stepin V. Types of Systems and Types of Scientific Rationality / V. Stepin // SATS — Nordic Journal of Philosophy. — 2008. — Vol. 9, № 1.

Urteil-Erkenntnis-Kultur / hg. H. Lenk, M. Skarica, A. Vigo. — Münster, 2003.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИКА В. С. СТЕПИНА

1. Современный позитивизм и частные науки. — Минск : Изд-во М-ва высш. и средн. спец. образования БССР, 1963.

2. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. — Минск : Наука и техника, 1970. — В соавт.

3. Проблема субъекта и объекта в опытной науке // Вопросы философии. — 1970. — № 1.

4. Генезис теоретических моделей науки // Философские науки. — 1971. — № 3.

5. К проблеме структуры и генезиса научной теории // Философия, методология, наука. — М. : Наука, 1972.

6. К эмпирическому обоснованию математических гипотез в физике // Философские науки. — 1973. — № 2.

7. Научное познание как «опережающее отражение» практики // Практика и познание. — М. : Наука, 1973.

8. Методология построения физической теории // Вопросы философии. — 1974. — № 12.

9. Методы научного познания. — Минск : Вышэйш. шк., 1974. — В соавт.

10. Взаимосвязь наблюдения, эксперимента и теории в познании Вселенной // Философские проблемы астрономии XX века. — М. : Наука, 1976.

11. Становление научной теории. — Минск : Изд-во Белгосуниверситета, 1976.

12. Научно-технические революции и организация научного труда // Наука, техника, производство. — Минск : Наука и техника, 1977.

13. Природа научного познания. — Минск : Изд-во Белгосуниверситета, 1979. — В соавт.

14. Nauka jako fenomen kultury // Czlowek i swiatopoglad. — Warchawa, 1979. — № 10.

15. Идеалы и нормы научного исследования. — Минск: Изд-во Белгосуниверситета, 1981. — В соавт.

16. О критериях различения специально-научного и обыденного познания // *Философская думка*. — Киев, 1982. — № 5.

17. Структура теоретического знания и историко-научные реконструкции // *Методологические проблемы историко-научных исследований*. — М.: Наука, 1982.

18. Картина мира и ее функции в научном исследовании // *Научная картина мира: логико-гносеологический анализ*. — Киев: Наукова думка, 1983.

19. Диалектика генезиса и функционирования научной теории // *Вопросы философии*. — 1984. — № 3.

20. Специфика научного познания и социокультурные предпосылки его генезиса // *Наука и культура*. — М.: Наука, 1984.

21. In legatura cu problema dezvoltarii cuncasterii tecretici // *Rev. de filosofie*. — Bucarest, 1984. — Т. 31, № 5.

22. Основания научного поиска и научные революции // *Вопросы философии*. — 1985. — № 7.

23. О прогностической природе философского знания: философия и наука // *Вопросы философии*. — 1986. — № 4.

24. Становление теории как процесс открытия // *Природа научного открытия*. — М.: Наука, 1986.

25. Научные революции в динамике культуры. — Минск: Изд-во «Университетское», 1987. — В соавт.

26. Die Wechselbeziehung von Entwicklung und Funktion Physikalischer Theorien // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Fridrich-Schiller-Universität*. — Jena, 1987. — № 5.

27. Intensives Wachstum des wissenschaftlichen Wissens and potentiell mogliche Linien der historischen Wissenchaftsentwicklung // *Deutsche Zeitschrift fur Philosophie*. — 1987. — № 8.

28. Идеалы и нормы науки в современном познании вселенной // *Вселенная, астрономия, философия*. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.

29. Социокультурная размерность нормативных структур науки // *Философские науки*. — 1989. — № 7.

30. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // *Вопросы философии*. — 1989. — № 10.

31. Философское познание в динамике культуры // *Человек в системе наук*. — М.: Наука, 1989.

32. Uber die Spezifik der Wissenschaft // *Spectrum. Ak. der Wissenschaft der DDR*. — 1989. — № 2.

33. Взаимоотношение философии и естествознания в истории советской науки // *Вопросы истории естествознания и техники*. — 1990. — № 2.

34. Научная рациональность в человеческом измерении // О человеческом в человеке. — М. : Политиздат, 1991.

35. Is Marxism Dead? // Soviet Studies in Philosophy. — N. Y., 1991. — Vol. 30, № 2.

36. The Systemic Principle and the Development of Theoretical Knowledge // The Opened Curtain. Westview Press Bulder. — San-Francisco ; Oxford, 1991.

37. Ненасилие как биологический и социокультурный феномен // Вопросы философии. — 1992. — № 8.

38. Перспективы цивилизации: от культа силы к диалогу и согласию // Этическая мысль. — М. : Изд-во «Политическая литература», 1992.

39. Сверхдальний прогноз или конкретный проект // Марксизм pro и contra. — М. : Республика, 1992.

40. Философская антропология и философия науки. М. : Высш. шк., 1992.

41. Ideals and Research as Aspects of Scientific Tradition // "World Futures" USA. — N. Y., 1992. — Vol. 34.

42. The Genesis of a Naturalscientific Theory // Historical Types of Rationality. — National Technical University of Athens, 1992.

43. Личность в технотронную эпоху // Наука в России. — 1993. — № 2.

44. The Fate of Marxism and the Future of Civilization // Studies in East-European Thought. — Dordrecht ; Boston ; L. : Kluwer Academic Publishers, 1993. — Vol. 45.

45. Динамика научного познания как процесс самоорганизации // Самоорганизация и наука : опыт философского осмысления. — М. : Аргс, 1994.

46. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. — М. : Изд-во ИФ РАН, 1994. — В соавт.

47. Философия и образы будущего // Вопросы философии. — 1994. — № 6.

48. Russia: Democratic Reforms and Future Politics Tasks // The Changing International Order and Political Reform: Comparative Analyses. The Korean Political Science Association. — Seul, 1994.

49. Social Environment, Foundations of Science, and the Possible Histories of Science // Trends in the Historiography of Science. BSPS. Dordrecht ; Boston ; L. : Kluwer Academic Publishers, 1994. — Vol. 151.

50. The Distinctive Feature of Technogenic Civilization // On the Eve of the 21st Century. — Rowman and Littlefield Publishers. Inc., 1994.

51. Культура и становление цивилизованного рынка в России // Вопросы экономики. — 1995. — № 7.

52. Системность теоретических моделей и операции их построения // *Философия науки*. — М. : Изд-во ИФ РАН, 1995. — Вып. 1.
53. *Die geistige Lage aus russischer Sicht // Deutschland und Russland am Wendepunkt*. — Bielgheim ; Baden : Verl. Gesellschaft für Kulturwissenschaft, 1995.
54. *Философия науки и техники*. М. : Гардарики, 1996. — В соавт.
55. *Эпоха перемен и сценарии будущего*. — М. : Изд-во ИФ РАН, 1996.
56. *Genetically-Constructive Ways of Theory Building // Philosophical Logic and Logical Philosophy*. — Dordrecht ; Boston ; L. : Kluwer Verl., 1996.
57. *Российская философия сегодня: предпосылки настоящего и оценки прошлого // Вопросы философии*. — 1997. — № 5.
58. *Der Ernstfall auch in Russland. Russische Philosophen diskutieren / Günter Rohrmoser [Hrsg.]* — Biltigheim ; Baden : Verl. Gesellschaft für Kulturwissenschaft, 1997.
59. *Парадигмальные образцы решения задач и их генезис // Философия науки*. — М. : Изд-во ИФ РАН, 1998. — Вып. 4.
60. *Философия в диалоге культур // Первый российский философский конгресс*. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. — Т. IX.
61. *Цивилизационный выбор России и сценарии мирового развития // Стратегия развития России в третьем тысячелетии*. — М. : Ноосфера, 1998.
62. *Zur Lage in Russland. Mitteilungen*. — Stuttgart : Gesellschaft für Kulturwissenschaft, 1998.
63. *Маркс и тенденции современного цивилизационного развития // Карл Маркс и современная философия*. — М. : Изд-во ИФ РАН, 1999.
64. *Наука, религия и современные проблемы диалога культур // Разум и экзистенция. Анализ научных и ненаучных форм мышления*. — СПб. : Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999.
65. *La Ciencia y la Cultura // La Fisica en el Sistema de la Cultura*. — Madrid : UNED, 1999.
66. *Наука и псевдонаука в культуре современной цивилизации // Судьбы естествознания. Современные дискуссии*. — М. : Изд-во ИФ РАН, 2000.
67. *Россия в контексте глобальных цивилизационных перемен // Россия — XXI век*. — М. : Изд-во Совета Федерации «АСПлюс», 2000.
68. *Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция*. — М. : Прогресс-Традиция, 2000; 2-е изд. — 2003. (Исп. — *El saber teórico*. — Madrid : UNED, 2004; англ. — *Theoretical Knowledge*. — Verl. Springer, 2005).

69. Knowledge as Cultural and Historical System // The Proceedings of the Twentieth World Congress of Philosophy. — Boston : Phil. Doc. Centre BGSU, 2000. — Vol. 5 : Epistemology.

70. Культура. Наука. Философия. Типы цивилизационного развития [и др.] : [статьи] // Новая философская энциклопедия. — М. : Мысль, 2001.

71. Мироззренческие универсалии как основания культуры // Универсалии восточных культур. — М. : Изд-во «Восточная литература», 2001.

72. Квантово-релятивистская физика как неклассический тип рациональности // 100 лет квантовой теории. История. Физика. Философия. — М. : Изд-во НИИ «Природа», 2002.

73. Проблемы цивилизационного развития и глобальные процессы // Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски. — М. : Вариант, 2002.

74. Civilization. Science. Culture. — Karlsruhe ; Moscow : IFRAN-Verl., 2002.

75. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. — 2003. — № 8.

76. De enfoque de un tema polemico: Es hoy dia necesaria la filosofía? "Endoxa: Series Filosóficas". — Madrid : UNED. — 2003. — № 17.

77. Evolutionism, the Antropik Principle, and New Rationality // Cansativity, Emergence, Self-Organisation. — М. : Nia-Priroda, 2003.

78. Modern Technologies and Perspectives of Civilization // Technology and Cultural Values. — University of Hawaii Press, 2003.

79. Wachstum des wissenschaftliches Wissen // Jahrbuch Deutsch-Russischen Kollegs, 2001–2002. — Aachen : Shaker-Verl., 2003.

80. Генезис социально-гуманитарных наук // Вопросы философии. — 2004. — № 3.

81. Democratic Reform in Russia: the Specific Social Transformation // Democracy and the Quest for Justice. — Amsterdam ; N. Y. : Verl. Rodari, 2004.

82. Science, Education and Transformation of Civilization in the Twenty-first Century // Education for Democracy. Paideia in Age of Uncertainty. — Lanham ; Boulder ; N. Y. ; Toronto ; Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, 2004.

83. Synergetics and the System Approach // Science of Self-Organization and Self-Organization of Science. — Kyiv : Verl. "Alris", 2004.

84. The Mission of Philosophy in the Epoch of Transition // Philosophy and Society in the 21st Century. — The Republik of Korea : Verl. Howon University, Gunsan, 2004.

85. *Über die Genesis der theoretischen Schemata in der Naturwissenschaft // Pragmatisches Philosophieren.* — Münster : Lit-Verl., 2005.

86. *Проблема будущего цивилизации // Будущее России в зеркале синергетики.* — М. : Изд-во «КомКнига», 2006.

87. *Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии.* — 2006. — № 2.

88. *Философия науки. Общие проблемы.* — М. : Гардарики, 2006.

89. *О философских основаниях синергетики // Синергетическая парадигма. Синергетика и образование.* — М. : Прогресс-Традиция, 2007.

90. *Теория относительности А. Эйнштейна как первый образец неклассической физики // Эйнштейн и перспективы развития науки.* — М. : Репроникс, 2007.

91. *Science and Their Socio-Cultural Determination. Filosofia, Scienza e Bioetica.* — Roma : Istituto Poligrafico e zecca dello stato, 2007.

92. *Российская ментальность и рыночные реформы // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние.* — М. : Институт экономических стратегий, 2008.

93. *Philosophy of Nature and Post-Nonclassical Rationality // Dialogue and Universalism.* — Warszawa, 2008. — Vol. XVIII, № 11–12.

94. *Types of Systems and Types of Scientific Rationality // SATS — Nordic Journal of Philosophy.* — Denmark, 2008. — Vol. 9, № 1.

95. *Конструктивизм и проблема научных онтологий // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке.* — М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009.

96. *Nanotechnology: Perspective for Future and Nanorisks // Silicon Versus Carbon. Fundamental Nanoprocesses, Nanobiotechnology and Risks Assessment.* — Dordrecht : Springer, 2009.

97. *New Models of Development and The Problem of Values // Diogenes.* — P., 2009. — Vol. 56, № 222–223.

98. *Scientific Knowledge and Values of Technogenic Civilisation // The Social Integration of Science.* — Berlin, 2009.

99. *Гегель и современная наука // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения.* — М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2010.

100. *История и философия науки.* — М., 2011.

Всего опубликовано около 500 научных работ, из них — 22 монографии.

ХРОНИКА ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА В. С. СТЕПИНА¹

1934, 19 августа — родился в поселке Навля Брянской области в семье учителей. Отец — Степин Семен Николаевич (1911–1998), мать — Степина (Григорьева) Антонина Петровна (1910–1987).

1941 — эвакуация из г. Москвы с матерью в г. Стерлитамак Башкирской АССР; отец с первых дней войны — в Красной армии.

1941 — поступил в первый класс начальной школы.

1946 — после демобилизации отца переехал с родителями в г. Минск (Белоруссия), где продолжил учебу в средней школе.

1951 — окончил 4-ю среднюю школу г. Минска и поступил на философское отделение исторического факультета Белорусского государственного университета.

1951–1956 — учеба в университете на философском отделении; одновременно изучал физику на физическом факультете БГУ.

1956–1959 — аспирантура Белгосуниверситета по специальности «философия».

1957 — женился, жена — Степина (Варганова) Татьяна Ивановна.

1959–1974 — ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры философии Белорусского политехнического института.

1965 — защита кандидатской диссертации «Критика методологии неопозитивизма».

1970 — первые публикации в журнале «Вопросы философии». Статьи: «Проблема субъекта и объекта в опытной науке» (№ 1); «Гносеологический аспект понятия времени» (№ 10).

1972–1974 — докторантура в Белорусском политехническом институте.

1975 — защита докторской диссертации «Проблема структуры и генезиса физической теории».

1974–1981 — доцент, профессор кафедры философии гуманитарных факультетов Белгосуниверситета.

1976 — выход этапной монографии «Становление научной теории» (Минск, 1976), которая определила признание развитой Степиным

¹ Печатается по: Российская философия продолжается: из XX века в XXI / под ред. Б. И. Пружинина. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. С. 90–93. (Философия России второй половины XX в.).

концепции структуры и динамики научной теории не только в нашей стране, но и за рубежом.

1981–1987 — заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Белгосуниверситета.

1982 — награжден Почетной грамотой Верховного Совета БССР за успехи в подготовке высококвалифицированных специалистов, развитии науки и культуры.

1983 — доклад на Конгрессе по логике, методологии и философии науки в Зальцбурге (Австрия). С тех пор принял участие в четырех международных философских конгрессах, трех международных конгрессах по логике, методологии и философии науки, международных конгрессах по истории науки, международном конгрессе по компаративистике. На трех из них был пленарным докладчиком и четырежды выступал с докладами на симпозиумах конгресса и панельных дискуссиях в качестве основного приглашенного докладчика.

1986 — награжден орденом Дружбы народов за успехи в научной и педагогической деятельности.

1987 — избран членом-корреспондентом АН СССР.

1987–1988 — директор Института истории естествознания и техники АН СССР.

1988–2006 — директор Института философии АН СССР (с 1992 г. — РАН).

С 1989 года по настоящее время — заведующий кафедрой философской антропологии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (по совместительству).

1992 — инициатор и один из организаторов проекта по созданию на базе академических институтов социально-гуманитарного профиля Российского центра (университета) гуманитарного образования (с 1994 г. он переименован в Государственный университет гуманитарных наук).

1992–1993 — инициатор и соруководитель проекта по созданию Российско-германского колледжа при Университете г. Карлсруэ (ФРГ). Колледж был создан и функционирует по настоящее время.

1994 — избран действительным членом Российской академии наук.

1998 — избран иностранным членом Национальной академии наук Белоруссии.

1999 — почетный доктор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

1999 — почетный доктор (honoris causa) Университета г. Карлсруэ (ФРГ).

1999 — награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

1999 — инициатор и руководитель проекта: «Новая философская энциклопедия» (в 4 томах). Проект был завершен в 2001 г.

- 2000** — иностранный член Национальной академии наук Украины.
- 2000** — опубликована книга «Теоретическое знание» (2-е изд. М.: Прогресс-Традиция, 2003). В ней представлена целостная концепция развития науки и изменения типов научной рациональности в динамике культуры.
- 2001** — избран действительным членом Международного института (академии) философии (Париж).
- 2002** — почетный доктор Ростовского государственного университета.
- 2002** — избран руководителем Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, координирующей работу шести академических институтов; зам. академика-секретаря Отделения общественных наук.
- 2004** — Государственная премия в области науки и техники.
- 2004** — опубликован испанский перевод книги «Теоретическое знание» (El saber teorico). UNED. Madrid, 2004.
- 2004** — благодарность Президента Российской Федерации за большой вклад в развитие науки и многолетнюю плодотворную деятельность.
- 2005** — почетный профессор Китайской академии общественных наук (Пекин).
- 2005** — опубликован в престижной серии Synthese Library английский перевод книги «Теоретическое знание» (Theoretical Knowledge) verl. Springer, Dordrecht, 2005.
- С 2006** — научный руководитель Института философии РАН.
- С 2008 года по настоящее время** — заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН.
- 2009** — почетный профессор Белорусского государственного университета (Минск).
- 2009** — избран действительным членом (академиком) Международной академии устойчивого развития и технологий (ФРТ).
- 2010** — избран действительным членом Международной академии философии науки (Италия).
- 2010, 27 декабря** — избран почетным доктором Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов.

СТЕПИН Вячеслав Семенович
ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА

Ответственный редактор *И. В. Петрова*
Дизайнер *В. Б. Клоков*
Дизайн серии *Л. И. Шенберга*
Технический редактор *Л. В. Климович*
Корректоры: *О. В. Афанасьева, Т. А. Кошелева*

ISBN 978-5-7621-0612-2

Подписано в печать с оригинал-макета 12.04.11
Формат 60х90/16. Гарнитура SchoolBookC
Усл.-печ. л. 25,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 3710

Санкт-Петербургский Гуманитарный
университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15
Отпечатано в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12